

Казимир Феликсович Валишевский

Иван Грозный

Аннотация

«Новая Россия во времена преобразований Петра Великого и Екатерины Великой уже была вооружена с ног до головы для всех завоеваний, моральных или материальных, приведенных в исполнение в то время или после.

Известно, что в своем творении Петр Великий имел предшественников и явился продолжателем.

Чьим? Непосредственные его предшественники – первые Романовы – правители государства, лишеного всякого сношения с Европой, закрытого для посторонних влияний и не имеющего возможности собственными силами достигнуть хотя бы первоначальной цивилизации. Восходя далее, к последним годам XVI века, мы встречаем «Смутное время», т. е. беспорядок и анархию, варварство и мрак. Между тем, рассматривая ближе, можно заметить, что внезапный свет цивилизации, озаривший Россию в 18 веке, не есть ее рассвет. Для восходящего солнца этот свет имеет слишком много блеска. Петр Великий не ошибся, и мрак, из которого явился его блестящий гений, был только лишь временным затмением...»

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	84
Глава третья	138
Глава четвертая	195
Вторая часть	241
Глава первая	241
Глава вторая	284
Глава третья	321
Глава четвертая	352
Глава пятая	381
Часть третья	435
Глава первая	435
Глава вторая	473
Глава третья	537
Часть четвертая	579
Глава первая	579
Глава вторая	629
Глава третья	669
Глава четвертая	682
Глава пятая	717

Казимир Валишевский Иван Грозный

Предисловие

Новая Россия во времена преобразований Петра Великого и Екатерины Великой уже была вооружена с ног до головы для всех завоеваний, моральных или материальных, приведенных в исполнение в то время или после.

Известно, что в своем творении Петр Великий имел предшественников и явился продолжателем.

Чьим? Непосредственные его предшественники – первые Романовы – правители государства, лишённого всякого сношения с Европой, закрытого для посторонних влияний и не имеющего возможности собственными силами достигнуть хотя бы первоначальной цивилизации. Восходя далее, к последним годам XVI века, мы встречаем «Смутное время», т. е. беспорядок и анархию, варварство и мрак. Между тем, рассматривая ближе, можно заметить, что внезапный свет цивилизации, озаривший Россию в 18 веке, не есть ее рассвет. Для восходящего солнца этот свет имеет слишком много блеска. Петр Великий не ошиб-

ся, и мрак, из которого явился его блестящий гений, был только лишь временным затмением.

Внешнее и внутреннее развитие великой Империи совершалось в таком порядке, какой имеет система снежных лавин.

После долгого промежуточного времени внезапное перемещение центра тяжести обозначает стремление вперед, с некоторыми остановками более или менее продолжительного характера.

Подобное явление повторялось уже несколько раз и, по-видимому, должно появиться еще. Причина его и объяснение очень естественны: совершая великую задачу, предназначенную судьбой, народ неизбежно должен был встречать препятствия и увеличить свои усилия.

В это время и в следующее двадцатилетие прогресс народа задерживается во внутренних делах, а во внешних останавливается на пути, по которому следовал прежде. Это оттого, что деятельность его была направлена в другую сторону: к завоеваниям новых владений, долженствующих еще расширить его границы до китайских морей с одной стороны и до Персидского залива с другой. Оставленные им задачи тем не менее зреют медленно, но верно, и берегитесь лавин!

Предшественник, последователем которого считал

себя Петр Великий, был современником последнего Валуа, и вот к этому-то времени надо обращаться, чтобы раскрыть политические и интеллектуальные начала реформатора. Трудная задача, но лишь таким путем можно придти к пониманию окончательных результатов. Вот почему я предоставляю читателям этот том. Без сомнения, меня упрекнут, почему я не с этого начал, но в истории, как и в анатомии, нельзя начинать сначала, с зародыша и клетки, так что в действительности я только следую научному методу.

Итак, с XVI до XVIII века Россия жила почти вне всякого общения с Европой и ее цивилизацией. Но прежде она уже делала усилия, чтобы выйти из этого замкнутого состояния, и то дело, которое вызвало сочувствие Вольтера, зародилось таким образом в то время, когда во Франции царствовали Карл IX и Генрих III. С этого времени огромная и варварская Московия начала входить в соприкосновение со своими западными соседями. Но дорога была заграждена Польшей и Швецией; понадобилось более века, чтобы устранить эти препятствия.

И если бы не было Батория, стрелка часов истории сделала бы свой оборот на сто лет ранее. Снаружи приобретение берегов Балтийского моря, уничтожение остатков власти татар, завоевание Сиби-

ри и открытие политических и коммерческих сношений со всеми государствами Европы; внутри – введение начал европейской культуры и реорганизация государства на тех началах, которые мы видим теперь, все, что Петр и Екатерина совершили, было задумано, начато и отчасти приведено в исполнение в это первое утро цивилизации, за которым слишком скоро нависли вечерние сумерки.

Кто же это совершил? – Человек, про которого Кюстин пишет, что он перешел все границы зла, дозволенные, так сказать, в той сфере Богом его созданию, преступник, лицо которого кошмар и имя Ужас; соперник Нерона и Калигулы – Грозный! Это самый любопытный пример аберрации в области не только легенды, но и исторической критики.

И прежде всего это имя – Грозный (ужасный), которое я вынужден написать на обложке моего тома, Ivan le Terrible, чтобы обозначить, о ком речь, – не точное имя. Русские нынешнего времени не подозревают об этой неточности, допущенной при переводах на иностранные языки. Немцы не могут решить, как лучше перевести слово «Грозный», – словом der Schreckliche или der Grausame. Обе версии не точны, но вторая – хуже. Никогда москвичи не называли так Ивана IV в его время. Для них он был «Грозный». Однако обратите внимание на следую-

щее: во время полемики Грозного с Баторием последний упрекнул своего соперника в том, что он окружает себя рындами, вооруженными секирой, во время приема послов. Грозный ему ответил: «Это чин государский, да и гроза», т. е. этого требует мой ранг и уважение, которое я должен внушать. Никогда «гроза» не имела другого смысла.

Обратитесь к «Домострою» – знаменитому домашнему уставу москвичей того времени, в главе, где говорится об обязанностях отца семьи, от него требуется быть «Грозным», т. е. внушающим уважение и уважаемым. Но что значат тогда убийства, эшафоты, уничтожение человеческих жизней, о чем говорят современники? Знаете ли вы в XVI веке какое-либо государство Европы, одна глава истории которого представляла бы идиллию? В Польше, быть может, где шляхта, с последними ягеллонами, начинала губительные опыты в духе *noli me tangere*?

Баторий привел в Польше все на некоторое время в порядок. Но в эти времена Московия и Польша были антиподами, и если одна имела успех, а другая нет, – это только потому, что не разбирали средств. Обратите ваши взоры на гигантскую равнину, где работал этот народ, между Уралом и Карпатами, между Черным и Белым морями, и вы увидите, что не лаской, нежностью и благостью можно было смешать, пере-

тереть и слить в нераздельное целое 20 различных рас, составляющих теперь Россию.

Возможно, что при этой работе Иван IV был более жесток, чем нравы его века. Мы об этом еще поговорим позже. Но в легендах и исторической критике эпитет «Грозный» стал синонимом жестокости без смысла и без оправдания, чисто варварского происхождения, доведенного до крайностей в своих проявлениях, и для того, кто знаком с могуществом слов, последствия не оставляют сомнения; слово наложило ложное понятие на вещи.

Конечно, представление об этом лице и его сподвижниках не может быть отделено от некоторых ужасных сцен, и вам надо приготовить ваши нервы к тяжелым испытаниям; но сквозь эти зловещие видения вы, тем не менее, заметите то, что я назвал восходом солнца.

В последнем из царствовавших Рюриковичей (не считая Федора, бывшего только тенью) один из вождей школы славянофилов, Кавелин, уже отметил центральную фигуру истории своей страны. С того времени попытки реабилитации этой фигуры множились и доходили до крайностей.

Постараюсь разобраться в этих противоположных позициях и занять сторону истины. Я не считаю возможным предпринять это изучение, не обзрев снача-

ла географических, политических и социальных условий, а также интеллектуального состояния и нравов страны, куда историк не может проникнуть иначе, как в роли исследователя. Первые четыре главы этого тома будут посвящены такому обзору. За растянутость и подробности прошу меня извинить: иначе я рисковал быть не понятым, и говорил бы загадками. Этот ключ необходим для большинства моих читателей.

Я мало пользовался неизданными документами. Те документы, которые оказались мне полезными, в большинстве случаев уже опубликованы, частью же совершенно недоступны. Что касается литературы по этому вопросу, то она очень обширна. И я не буду указывать на нее, чтобы излишне не увеличивать произведение. Я должен прибавить, что литературный источник представляет еще сырой необработанный материал. Историку нужно еще поработать, чтобы создать стройное целое.

Пусть мой друг И. Щукин, богатая библиотека и бесконечная любезность которого дали мне возможность выполнить мою задачу, примет выражение моей глубокой благодарности.

Часть первая Россия XVI века

Глава первая Страна и население

Древняя и новая Россия. Территория. Общественные классы. Аристократия. Политический и общественный строй. Происхождение абсолютизма. Крестьяне. Несвободное население. Городское население. Церковь.

I. Древняя и новая Россия

«Налетел на меня многокрылый орел с когтями льва и унес у меня три кедра ливанских: мою красоту, богатство, моих детей. Земля наша опустошена, город наш разрушен, рынки уничтожены. Наши братья увезены туда, где не бывали никогда ни наши отцы, ни деды, ни прародители»...

Так устами одного из своих летописцев свободный, с республиканским устройством город Псков, присо-

единенный в 1510 году к новой московской державе, оплакивал потерю своей независимости, уничтоженные привилегии и своих сыновей, приговоренных к изгнанию. Отец Ивана Грозного, Василий Иванович, побывав в Пскове, на обратном пути оттуда увез мощный колокол, в течение веков сзывавший жителей на вече; сотни семейств местных жителей переселил во внутренние области своих владений, а на их место переселил москвитян и провозгласил присоединение республики к своему государству.

Это было повторение исторического события, имевшего незадолго до того в Западной Европе. Точно так же Карл Смелый ниспроверг в Льеже знаменитый реггон, древнюю бронзовую колонну, у подножия которой в течение минувших веков народ собирался для принятия законов и исполнения разных других актов государственной жизни.

А по соседству с Карлом Смелым боролся Людовик XI с Бургундией, Бретанью, Гиенью, находившимися в вассальной зависимости от него, стараясь присоединить и удержать за собой эти жемчужины французской короны.

Это был решительный момент, когда слагались крупные государственные образования. Этот исторически процесс сопровождался болезненным кризисом. Но здесь, в этом отдаленном северо-востоке, за-

дача «собирателей русской земли», как их называют, была особенно трудна. Дело заключалось не в простом слиянии областей, соединенных уже и без того близким сходством, общностью традиций, очевидным единством интересов. Представьте себе, что Франция завоевана в XV веке англичанами и какой-нибудь князь бургундский пытается создать монархию, и даже не в Дижоне, а где-нибудь в Германии, Швейцарии или Италии, и это новое государство должно собрать обломки разорванного, разрозненного французского отечества. Таково приблизительно было положение, из которого, благодаря трудам и непрерывным усилиям «собирателей», в начале шестнадцатого века вышел новый мир: Русь Иванов и Василиев.

Какова же была эта Русь? Конечно, это была не та Русь, по которой вы несетесь теперь в спальном вагоне из Киева в Петербург или из Варшавы в Иркутск.

Киевской Руси в это время уже не было. Петербургская же еще не сложилась. Из того, что в десятом и одиннадцатом веке составляло владения Ярославов и Владимиров, государь Московский XVI века не сохранил за собой и пяди земли. Хотя московские государи и называют себя великим князем или царем «всея Руси», но право на этот титул у них было таким же, как и право их современников английских ко-

ролей, по которому они себе присваивали герб и корону Франции к своей отчизне. Киевская Русь в то время составляла часть польских владений, Могилевская область – литовских, Червоная, Белая и Малая Русь целиком принадлежали соседям. Москва была не что иное, как колония, основанная русскими в чужой, финской земле.

С XI по XIII в. Киевское княжество терзала братоубийственная борьба, происходившая между потомками Владимира Мономаха. В XIII столетии оно подверглось нашествию татар. В следующем XIV столетии после польско-литовских завоеваний от Киевского княжества не осталось ничего. В это бурное время один из наследников Мономаха, Юрий Долгорукий, стал во главе русских колонистов, искавших новых мест.

Он направился на северо-восток через лесные пространства, отделявшие бассейны Днепра и Волги, и на своем пути покорял встречавшиеся финские племена. В этой покоренной стране в 1147 году и была основана Москва. На первых порах этот новый город был лишь походным лагерем переселенцев.

Татарское нашествие застало Москву еще совершенно неустроенной. Она должна была подчиниться чужим законам и правам. Более двух веков после поражения русских на Калке (в 1224 г.) страну давила

тяжесть опустошительной азиатской стихии.

Лишь в конце XIV века, когда обнаружилось постепенное разложение монгольского царства, московские князья почувствовали достаточно сил для того, чтобы свергнуть с себя тяжелое иго. В то же время они начали стремиться присоединить к своим владениям другие соседние колонии и ближайшие, отпавшие от них части древней Руси. Так создали они себе новую державу, а для Руси – новый центр. С 1478 года находился под их властью Новгород, а в скором времени также Тверь, Ростов, Ярославль. Иван III, справедливо прозванный Великим, присоединил новые области, лежащие за пределами древней Руси, и раздвинул границы своего государства на север до Финляндии, Белого моря и Ледовитого океана, на восток до Урала. Его сын Василий прибавил к этому на юге Рязань и Новгород Северский.

Составляло ли все это *одно государство* в историческом смысле этого слова? На этот вопрос приходится ответить отрицательно – единства между составными частями слагавшегося государства еще не было.

II. Территория

При своем вступлении на престол в 1533 году Иван

IV наследует уже значительные владения, но даже в географическом отношении они были лишены единства. Повсюду замечается боевое настроение населения и выступают беспорядки насильственного присоединения земель.

Все эти присоединения представляются в виде какой-то беспорядочной кучи военной добычи. Вокруг нового центра, Москвы, группируются области, постепенно расширяющиеся. Большая часть из них не имеет установленных границ и даже приблизительных очертаний, так что при указании их приходится пользоваться только топографическими данными.

На северо-востоке находились земли нынешней Архангельской губернии, Вологодской и Олонецкой; на северо-западе – Новгородской и Псковской; на западе и юго-западе московскому государству принадлежала область Днепра с современной Смоленской губернией и западная часть теперешней Калужской губернии, часть Черниговской губернии и западные уезды Орловской и Курской губернии. На юге были степи совершенно без установленных южных границ и с северной границей, проходившей по 55(северного параллельного круга, т. е. совпадающей с северной границей теперешних губерний Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Наконец на востоке владения московского госу-

дарства составлял бассейн Камы с ее притоками – Вяткой, Чусовой и Белой.

Нужно отметить довольно характерную особенность: Новгород и Псков со своими областями составляют важную часть.

Здесь сосредоточивается промышленность и торговля страны. Экономически новое государство живет этими областями и даже зависит от них. Но промышленность была убога, более оживленно шла торговля, но и она ограничивалась скромными размерами. Живя рыбной ловлей, население этой болотистой, с обширными пустырями, страны мало занималось земледелием.

При таких условиях торговля привлекала значительную часть населения и служила для него главным источником существования.

Товары направлялись от берегов Балтийского моря внутрь страны; по тем же путям в обратном направлении шли местные продукты. На пространстве 282 127 квадратных верст во всей стране насчитывалось только 14 городов. Причем большая часть из них представляли собой небольшие укрепленные пункты-острожки. На обширной же территории в 171 119 квадратных верст Бежецкой и Олонецкой пятины вообще отсутствовала городская оседлость. Встречались лишь поселки с рынками, где производились торговые

операции.

Новгород со своими 5300 жилых домов до второй половины XVI века занимает первенствующее положение среди русских городов, за исключением Москвы. В одном Пскове, и только в пределах городских стен, не считая пригородов, по данным того времени насчитывалось 1300 лавок и контор. Но те же документы отмечают одно явление, резко выступающее в русской жизни XVI века: городской торговый класс населения быстро уничтожается, его вытесняют и заменяют военные элементы. В Гдове, где торгово-промышленный элемент более сохранился, чем в других городах, списки 1580–1585 г. отмечают только 14 душ представителей этой категории населения.

Исчезновение торгово-промышленного класса было следствием насильственного присоединения областей московскими князьями. Имущество населения покоренных областей массово конфисковалось, конфискованные предприятия часто передавались в другие руки. Это быстро изменило лицо страны до состава общественных элементов и отношений между ними включительно. Новые пришельцы были военными людьми, и в своем завоевательном движении и во внешнем росте Москва сохранила свой первоначальный характер – характер военной колонии в покоренной стране.

Иначе не могло и быть. Новое государство, как и все области его, представляет как бы сплошное поле битвы. Границы его с одной стороны недостаточно установлены, с другой – являются предметом постоянных споров. Из крепостей, защищающих его с северо-запада, Смоленск приобретен лишь в 1514 году, но все еще оставался номинальным центром литовско-польского воеводства. Что касается Великих Лук, то их скоро отнимет у Ивана Стефан Баторий. На северо-востоке колонизация продолжает распространяться вдоль берегов Белого моря, по реке Онеге и от северной Двины до Урала. Но и здесь, в так называемом *Поморье*, владения пришельцев ограничиваются морскими и речными берегами. С экономической точки зрения главная роль здесь принадлежит монастырям, являющимися не столько рассадниками благочестия, как центрами военной оккупации. Например, Соловецкий монастырь на Белом море имел соляные варницы и богатые рыбные ловли, содержал свою полицию и даже небольшое войско. Далее на восток от Двины заселение только начиналось. Население рассеяно по бедным рыбацким поселкам. Единственным центром с полугодовой ярмаркой здесь была Лампожня на Мезени. А по ту сторону Мезени тянулись уже совершенно пустынные места.

Следует отметить любопытную подробность.

Укрепленные пункты опоясывали государство, Москва же сохраняла свой прежний характер временной военной стоянки и не была достаточно прикрыта. Хотя *Кремль* был обнесен зубчатой стеной с башнями, но в нем находились только княжеские дворцы, жилища некоторых бояр, несколько церквей и монастырей, жизнь же столицы шла вне этих стен. Город с его деревянными домами, лавками, рынками, каменным *гостинным двором*, выстроенным по образцу Левантского базара, раскинулся далеко во все стороны от Кремля. Торговая деятельность шла в обширных пригородах, совершенно открытых или защищенных простым деревянным забором. Дома и лавки посадов, широко разбросанных вокруг и сливавшихся с окружающими полями, чередовались со вспаханными нивами и зелеными лугами.

Торговая жизнь продолжалась также и в обширных слободах, настоящих уже селах, окруженных полями, садами, рощами. По соседству виднелись белые стены оград и золоченые купола монастырских церквей. Этот пестрый полугородской, полудеревенский вид уходил далеко и терялся с глаз у черты горизонта. Эта была настоящая столица государства, которое только выступало на путь исторического развития.

Способ обозначения провинций нового государ-

ства, находившегося еще в состоянии образования, соответствовал их переходному характеру.

Тогда говорили: «*заокские, закамские города*», подразумевая под названием *город* всю территорию, прилегавшую к известному центральному пункту. Даже центральную область, ядро слагавшегося государства, называли «*замосковными городами*». Например, Нижний Новгород, недавно приобретенный московскими князьями от младшей линии Мономаховичей, то имел значение центрального пункта, то относился вместе с Арзамасом и Муромом к окраине.

Между тем для зарождавшейся на северо-востоке новой Руси он был как бы вторым Киевом. Здесь те же удобства и красота положения. Когда англичанин Дженкинс в 1558 году отправлялся отсюда с целой флотилией галер на Дальний Восток, казалось, старое время воскресло и киевские князья собираются пуститься по Днепру и совершить свой «*путь в Греки*». Но все окрестные области до соседнего бассейна Клязьмы были опустошены московским завоеванием.

Страну усеяли развалины. Только Владимир сохранил кое-какие остатки былого величия. Сельское население все же было привязано к земле и не покидало ее, но в городах никого не оставалось, кроме военных отрядов. Это общее явление в новом московском государстве. То же самое замечалось даже в соб-

ственно московских областях и обнаруживалось уже в каких-нибудь 100–150 верстах от Москвы. На указанном расстоянии к северу тянется широкий пояс, где военные занятия постоянно совмещаются с мирными. Города Тверь, Ржев, Зубцов, Старица являются здесь стратегическими пунктами. К югу на верховьях р. Москвы и на Оке расположены города Серпухов, Кашира, Коломна, защищавшие переход через эти две реки от угрожавших постоянно набегов степняков.

Далее же за этой чертой тянулось другое пустынное, незаселенное пространство, так называемое *дикое поле*, куда колонизационное движение направилось только лишь во второй половине XVI века.

Таково было владение, к которому в царствование Ивана IV были присоединены вместе с Казанью, Астраханью и их областями земли по нижнему, среднему течению Волги, по Каме, Вятке и по побережью Каспийского моря.

К этим приобретениям после была добавлена загадочная область Казатчины, расположенная между Волгой, Доном, северной частью Донца, низовьями Днепра, представлявшая собой как бы обширный резервуар, куда стекались постоянно из Польши и Московского государства элементы, не поладившие с законом и порядками своего отечества.

Как в том, так и в другом государстве одни и те же политические и социальные законы выбрасывали наружу элементы общественного распада, для которых слишком тесны были нормальные рамки существования благодаря трем вечным силам, как создающим, так и разрушающим общественный порядок. Это — дух мятежа, дух предприимчивости, дух свободы.

Что касается общей численности населения московского государства того времени, мы не имеем никаких данных, чтобы определить ее хотя приблизительно. Даже сведения, касающиеся одной только столицы, настолько расходятся, что нет возможности сделать точный вывод из них.

В 1520 году число домов в ней исчислялось 41 500, что дает возможность предположить, что население равнялось по меньшей мере 100 000 душ. Шестьдесят лет спустя после этого посланный папой в Москву легат Посевин считает более вероятным числом населения 30 000. Правда, в этот промежуток времени Москва подверглась нашествию татар, разрушивших ее до основания. Но такой участи подверглось большинство городов этого государства, где военные схватки все еще продолжали вспыхивать от времени до времени, неся с собой разрушение и изменяя лицо края.

С этнографической точки зрения девять десятых

страны имели только то русское население, которое оставила здесь прокатившаяся волна недавнего колониционного движения. Не было необходимости в то время «скресь» русского, чтобы найти татарина и особенно финна. Основой населения везде являлось финское племя.

Завоевания Грозного и его преемников произвели большие изменения в составе государства. Следы этих изменений мы можем видеть до сих пор на карте Кеппена. Но документальных данных, по которым можно было бы определить роль различных этнографических элементов в государственной жизни изучаемой нами эпохи, мы не имеем. Эта роль обозначается немного яснее лишь в интеллектуальной и моральной жизни страны, о чем речь будет впереди; в политическом же отношении она совершенно ничтожна. Московское господство сгладило всякие следы племенных трений путем удаления и поглощения чуждых элементов.

В социальном отношении разнообразие этнографического состава не проявляется по другим причинам. О московском государстве XVI века нельзя было сказать, что в нем два общества, или больше, живут в союзе или во вражде, так как тогда вовсе еще не существовало обособленных общественных групп.

III. Общественные классы. Аристократия

Среди особенностей, резко отличавших русское государство от Западной Европы, известная школа исторического и политического направления мысли отвечает и подчеркивает отсутствие классовых делений. Другие черты различия заключались в отсутствии в русском государстве феодализма с позднейшим его порождением – рыцарством и его пережитками. Церковь здесь не имеет той светской власти, какой она вооружена на Западе и пользуется ею для борьбы с государством.

Но все эти черты сводятся к одному, указанному уже началу – отсутствию классовых делений в русском обществе.

Подобное явление действительно существует, но оно слишком сложно и в своем проявлении и в причинах, обуславливающих его. Очевидно, что в этой стране, как и во всех других, были сначала богатые и бедные, потом земледельцы и торговцы, городские и сельские жители, – все это различные социальные элементы. Правда, элементы эти не успели еще сложиться в организованные группы. Я постараюсь это пояснить.

Жизнь Ивана IV прошла в борьбе с боярами, пред-

ставлявшими собой аристократию. Кроме бояр, были и другие аристократические группы. Рядом с боярами стояли потомки древних удельных князей. Одни из них происходили от Рюрика, первого русского князя, другие – от первого князя литовского Гедими-на. Занимая первенствующее положение в областном управлении, они добивались господствующего положения.

Некоторые из них происходили от старшей ветви той династии, из которой происходили и московские князья, но по младшей линии. Держась кое-где на остатках своих вотчин, они могли громко заявлять свои претензии и не упускали случая сделать это. Они пользовались некоторыми правами и привилегиями, вытекавшими из их прошлого положения независимых государей. Свои права и привилегии они ожесточенно защищали.

Однако прочтите Судебник 1497 года, изданный дедом Грозного Иваном III. В нем нет ни малейшего следа всех этих прав и привилегий. Все население, за исключением духовенства, разделяется на две категории, где нет ни малейших признаков социального деления и различия, созданного историческими условиями. Судебник знает только «служилых» и «неслужилых людей», – вот и все! Законодатель таким образом свел на нет историческое прошлое, деспотически

распоряжаясь покорной массой населения, он и разделил его на эти две категории, соответствовавшие потребностям государственного строя.

В войске не было ни князей, ни мужиков, ни торговцев, ни земледельцев: были солдаты, дядьки, офицеры. Военнопленных обозначают только номерами по порядку. Население московского государства было как бы в военном плену. *Служилые*— солдаты, помогающие государю «собирать русскую землю». *Неслужилые* — работники, несущие тяжелую повинность доставлять пропитание армии во время похода. Место, звание, занятие каждого были точно определены служебным листом.

Все в ряд: таков приказ.

Никаких исключений для аристократии.

В первой категории служилых находятся бояре, князья, старшие придворные чины и важнейшие должностные лица. Если они и различались между собой, то только по началу административной подчиненности.

И рядом с ними стоят низшие слуги военного и гражданского ведомства: кузнецы, пушкарки, столяры и простые воины. Купцы и земледельцы относятся к другой категории и также безразлично смешиваются и подчиняются одному порядку, возлагающему на них податное бремя. Служилые первого ранга пользуются

некоторыми преимуществами: они занимают важнейшие должности, владеют землей; на суде их свидетельству придается больше значения. В случае обиды виновный уплачивает тройную пеню в сравнении с той, какая полагалась, например, за обиду дьяка. Но тот же самый принцип расценки штрафов за преступления против чести распространяется и на все ранги, приспособляясь к степеням и служебному положению.

Остается выяснить, как удалось провести в жизнь эту искусственную группировку и деспотическую классификацию общественных элементов. Очевидно, общественные группы были слабо организованы, так как правительство без затруднения разрывало естественную связь между ними и втискивало их в произвольно созданные рамки. Отсутствие сплоченности у московской аристократии при этом выступает очень ясно. В московском государстве, как и на Западе, ядро аристократии составляли придворные элементы. Филологи до сих пор не пришли к соглашению относительно происхождения слова «боярин». Одни производят его от *бой*, другие – от *бол*, *болий*, *больший*. Сначала слово *боярин* обозначало название *дружинников*, которых можно сопоставить с франкскими *антрустионами*, англо-саксонскими *тенами* или *министериалами* феодальной

Германии. Но на Западе взаимоотношения между государем и его вассалами приобрели устойчивый характер, благодаря феодальному строю землевладения, различию общественно-политических функций; там все это закреплялось и освящалось законом, привычкой, обычаем.

Но в московском государстве те же взаимоотношения имели расплывчатый, неопределенный характер, в зависимости от общей неустойчивости среды.

Сам князь долгое время здесь был в некотором роде кочевником. Дружина же его могла или следовать за ним, или оставить его. Князь мог отослать от себя своих сподвижников и они могли его оставить. Никаких обязательств на этот счет не было. Например, в 1149 году волынский князь отправился походом против киевского князя. Дружина ему изменила, оставила его и он потерпел поражение. Принуждения на верную службу тогда не существовало. Когда русская земля раздробилась на множество княжеств, бояре свободно переходили от одного князя к другому, одни из-за личных интересов, другие – просто по капризу. При этом они не теряли никаких прав, так как подобные переходы не считались изменой. Переходившие сохраняли за собой земельные владения и часто отдавали их под покровительство нового князя.

Когда Москва выступила на историческую сцену,

она не замедлила воспользоваться этим обычаем. Она видела в нем превосходное орудие для своей политики объединения, средство вызвать ослабление соседних княжеств и усилиться за их счет. Ставши центром национального притяжения, не имея равных себе соперников среди соседних княжеств, она ничем не рисковала при такой политике: все стекались к ней и никто не думал уходить отсюда куда-нибудь в другое княжество. Мало-помалу солнце Москвы притянуло к себе и поглотило осколки мелких светил, которые его окружали.

Так из того, что было выброшено другими, в руках Московских князей образовался слишком мягкий, податливый материал, из которого можно было лепить *что угодно*.

Окружавшие теперь московского князя бояре не были больше его сотоварищами, разделявшими с ним вместе опасности и победы, они были побежденными, как бы пленниками, оторванными от родной почвы.

Вся аристократия новой северо-восточной Руси, не исключая и той части ее, которая по-прежнему сидела на родовых поместьях, не имела в себе достаточной прочности. Для образования наследственной давности прошло слишком мало времени, чтобы на нее могла опираться аристократия. В феодальных

государствах в создавшихся отношениях между сувереном и сеньором, сеньором и сельским населением была полная аналогия и можно сказать, что вассалитет и серваж взаимно друг друга дополняли. Московская же аристократия была в других условиях. Она терялась среди свободного населения, которое в лучшем случае соглашалось работать на крупных землевладельцев задельно, да и то вечно торговалось, вступало в споры.

Как бы то ни было, Москва распоряжалась по-своему этим зыбким материалом и даже придала ему известную устойчивость в военной организации.

IV. Политический и общественный строй. Происхождение абсолютизма

Относительно происхождения и характера московской государственной власти существует несколько различных взглядов. Историческая школа, о которой я уже упоминал выше, считает ее органическим явлением, обусловливаемым характером этой ветви славянской семьи, которую судьба перенесла с родной почвы на далекую чужбину. По взгляду этой школы, только этот строй, в котором проявлялся дух русской народности, соответствовал особенностям нации в области государственного устройства и обеспе-

чивал жизненность созданных ею политических учреждений. Другие славянские государства, организованные на иных началах, иногда были в блестящем состоянии, но оно было кратковременным, благодаря слабости центральной власти, которая не могла препятствовать быстрому росту и усилению аристократии.

Но откуда же явилось у славянской колонии северо-востока расположение к этому именно политическому строю и способность подчиняться ему?

Забелин объясняет развитие самодержавия в московском государстве влиянием Восточной церкви; в учении ее принцип неограниченной патриархальной власти получает полное развитие и освящение. Некоторые же другие историки указывают на влияние финского элемента. Но приведенные взгляды историков нельзя считать более или менее удачно разрешающими вопрос. Все они не выдерживают критики.

Влияние церкви было таким сильным и даже более энергичным в киевский период древней Руси, и между тем не видим здесь того сильного единоличного самодержавия, какое развивается в московском государстве к концу XV века. В византийских хронографах, в исторических данных Прокопия, императора Льва, Дитмара Мерзебургского мы встречаем указа-

ние, что у славян существовали народные собрания и обладали или полнотой власти, или хотя некоторыми ее прерогативами. Русские славяне не представляли собой исключения.

По свидетельству Нестора, они даже совсем обходились без княжеской власти.

Позднее, в одиннадцатом веке, мы находим те же самые демократические учреждения в Киеве, Новгороде, Смоленске и Полоцке. Вече (вече производное слово от глагола *вещати*) функционируют на всем пространстве русской земли, хотя компетенция их и не везде одинакова. В одних местах им принадлежит вся верховная власть; в других они пользуются только правом избрания князя. Более или менее широкое участие их в политических функциях власти существовало везде. Сохранение их прав обеспечивалось договорами – *рядами* с князьями и грамотами последних.

Самодержавие в своей первоначальной форме не было синонимом абсолютной власти. Московский *самодержец* – это двойник византийского autocrat'a, но власть византийского самодержавного императора разделялась между ним и духовенством. Московское духовенство также долго считало самодержавие символом независимости от иностранных государств. Если не народные, то по крайней мере права церк-

ви здесь оставались еще нетронутыми. Тем не менее название *самодержавный* могло повести к опасному смешению понятий, что и случилось сначала на северо-востоке страны, где князья Суздальские и Рязанские силой установили династическое наследование престола на основании первородства. Таким образом был нанесен удар народоправству (суверенитету народа), и нужно сказать, что еще до появления татар на Руси принцип народовластия сильно пострадал. Оно сохранилось только кое-где в виде исключения. В полной неприкосновенности оно осталось только в Новгороде и Пскове почти до конца XV века; в других же местах оно было или совсем уничтожено, или подверглось существенным ограничениям еще в начале XIII века.

Монгольское владычество оказало на усиление московского самодержавия не больше влияния, чем Византия. Правда, в отношениях между правителем и подданными оно внесло существенные изменения. Раньше положение князя зависело от народа, теперь оно обуславливалось капризом нового владыки-хана. Теперь путешествие на берега нижней Волги с богатыми подарками имело больше значения, чем народное избрание. Князь возвращался из путешествия с ярлыком, избавлявшим его от необходимости искать другой способ достижения власти. Фло-

рентийская уния и падение Константинополя оказали влияние в том же направлении. До конца XIV века церковь знала только одного царя. Это был император византийский. Московское духовенство поминало его в молитвах при богослужении «*императором русским*» и «*государем всего мира*». После указанных событий нужно было перенести этот титул на кого-нибудь, и естественно, московские князья получили его.

Все эти случайности играли, можно сказать, второстепенную роль и не имели решительного влияния на ход вещей. Что же касается влияния на организацию русской государственной власти финского элемента, то отсутствие его очевидно. Правда, бывают случаи, когда покоренные передают победителям свои порядки и нравы, но это возможно только лишь в том случае, когда побежденные стоят в культурном отношении выше своих победителей. Подобное предположение вполне допустимо. Но нужно принять во внимание, что русские колонисты тринадцатого и четырнадцатого века, хотя и были варварами, все-таки стояли выше в культурном отношении тех финских племен, с которыми им приходилось сталкиваться во вновь заселяемой стране. Не одной же ведь только численностью покоряли они их.

Ключ к разрешению загадки, на мой взгляд, заключается во взаимодействии двух отмеченных уже яв-

лений: отсутствию расчленения в русском обществе и его военному переустройству, которому оно подверглось, благодаря обстоятельствам, сопровождавшим его первоначальное образование и развитие в новом северо-восточном государстве. Русская колонизация долго продолжалась в чужой стране; переселенцы были окружены врагами. Князь был начальником войска и естественно пользовался своим выгодным положением, чтобы уменьшить и без того незначительную связь между общественными элементами. Последние своей слабостью сами помогали усилению его всемогущества.

Но подобные явления наблюдались и при образовании других государств. Особенностью процесса развития русского государства было то, что оно одновременно переходило и к формам высшей цивилизации. Это исключительная черта в развитии русского общества. Долго находилось оно вдали от европейской жизни. Затем ему пришлось быстро усваивать плоды культурных завоеваний, даже такие, которые находились в полном противоречии с его родным отсталым политическим и социальным строем. Все это совершалось внезапно, даже вопреки требованиям нормального прогресса. Просветительное движение, питавшееся чужими плодами, в некотором роде способствовало само по себе развитию абсолютизма, да-

вая единоличной власти такие средства, каких не сыскать в варварском обществе. Иван IV был человек просвещенный и поэтому он был опаснее Людовика XI. Иван будет воздействовать на души своих подданных, чтобы засадить их за железную решетку своей тюрьмы, где связанная Россия должна будет мучиться в продолжение целого века.

Легко проследить, как создалась эта темница. Москва старалась привлечь к себе как можно больше людей из соседних княжеств; когда же в ней оказалось значительное число послушных и исполнительных слуг из таких пришельцев, государи московские поспешили прекратить свободные переходы, которыми они прежде пользовались в своих интересах. С другой стороны, соседи их теперь им только помогли достигнуть намеченной цели. В своих интересах они уже успели сделать кое-какие ограничения в этом роде. Решительный шаг в этом направлении сделало мнимо либеральное, республиканское правительство. За республиками вообще немало числится подобных ошибок; я не касаюсь современности. В 1368 году Новгород запретил гражданам уходить с его территории под страхом лишения прав собственности на всякое имущество, какое может там остаться. Москве ничего не оставалось сделать, как только последовать этому примеру. Самый прин-

цип пока еще щадили. Но при Иване III начали сажать в тюрьму тех из его «слуг», кто казался недостаточно надежным. Чтобы вернуть себе свободу, подвергающейся подозрению мог и не отказываться от своего права, правительство делало вид, что само его охраняет, и он только давал обязательство, что впредь не воспользуется им; иногда же от него требовалось поручительство.

Я останавливаюсь на этих деталях, потому что иначе дальнейший ход истории нации может показаться совершенно непонятным. Иван IV широко пользовался разного рода прецедентами. Он даже установил для служилых людей нечто вроде круговой поруки в верности ему.

Князья и бояре были прикреплены таким образом к месту и ограничены тесными рамками, но тем не менее все еще сохраняли некоторую политическую и социальную автономию, основанную на знатности их происхождения и на владении старинными вотчинами или хотя бы остатками вотчин и удельных земель. Здесь они сохраняли еще некоторые верховные права и многие привилегии. Московское правительство пользовалось средством двух родов, чтобы уничтожить их.

Во главе новой иерархии не ставились потомки Рюрика и Гедимины, предпочтение отдавалось простым

«*слугам*» государя, помогавшим раньше собирать русскую землю. Незнатное происхождение, хотя бы от простого конюшего царского двора, не составляло препятствия к занятию высокого поста. В этой новой, только зарождавшейся служебной аристократии отсутствовал кастовый, корпоративный дух, что облегчало задачу правительства. Другое, более действенное средство, к которому прибегало правительство – это конфискация земельных владений. Эта система здесь, среди разлагавшихся древних княжеств, применялась слишком широко и энергично и способствовала накоплению в руках правительства огромной массы земель. Московское правительство начало раздавать эти земли, но с таким расчетом, чтобы новое *служилое* землевладение не имело ничего общего по своему характеру с древним. Это были и не уделы, и не вотчины, а простые поместья, как показывает само название земли, дававшееся в виде вознаграждения за службу соответственно занимаемому месту. Поместья были в пожизненном владении и по наследству передавались только лишь в том случае, когда наследник-помещик принимал на себя все служебные обязанности своего предшественника, Поместья, как и вотчины, были свободны от налогов, но зато на них лежала наиболее тяжелая повинность, именно – государственная служба. Это нечто аналогич-

ное с феодальными владениями Западной Европы, но с существенным отличием от него. Тогда как на Западе лен давался за добровольную службу, в московском государстве поместье давалось за службу и без того обязательную. В итоге здесь не создалось корпоративной аристократии. Платить жалованье натурой было выгодно для правительства и в том отношении, что постепенно сглаживалась разница между древним удельным или вотчинным владением и новым его типом – помещным. При таком порядке вещей вотчинник и помещик сливались в одну массу.

При временном, изменчивом характер помещного землевладения размеры его были довольно ограничены.

Иногда величина поместья не превышала тридцати десятин. Кроме того, часто наделение даже такими скромными поместьями отсрочивалось, затягивалось или же было чисто фиктивным. В 1570 году 168 душ «*детей боярских*», так назывались лица, которые не унаследовали от своих знатных предков почетного титула, связанного с определенным служебным местом, были записаны на службу в Путивль и Рыльск. 99 из них, за неимением свободных поместий, не получили ничего. В то же время и по той же причине одному из таких «*бумажных помещиков*» не хватило 74 десятин из пожалованных ему 80 и таким образом он

получил всего лишь 6.

Благодаря этому служилые люди по образу жизни, по домашней обстановке, одежде, пище очень мало отличались от простых крестьян; иногда материальные средства их были хуже, чем последних. Что касается высшей знати, то она занимает важнейшие должности и получает соответственное жалованье, живет она в деревянных, выстроенных по одному образцу, домах. Многочисленные пристройки, крылечки, теремки, затейливые крыши, службы придавали им внушительный вид. Внутри же эти покои разделялись на несколько изб, с деревянными полами, которые ежедневно выскрабливаются и выметаются. Снаружи при входе лежала куча сена для вытирания ног. В горнице на видном месте стояла посуда, чаще оловянная, чем серебряная. Ничто не говорило о блестящей роскоши.

Разница между боярами и простолюдинами заключалась в том, что первые считали нужным окружать себя большим числом слуг: поваров, пекарей, садовников, портных и разного рода других работников. Тут же встречаются и дворовые люди, положение которых как будто выше положения других слуг, но вместе с тем оно не завидно. Обязанности их заключались в том, что они должны были постоянно сопровождать своего хозяина пешком или на лошади, на-

ходиться при нем в дороге и дома во время деловых занятий и забав. Я чуть было не позабыл о приказчике, самом необходимым для помещика из всех его слуг. Хотя бы имение помещика состояло всего только из нескольких десятин, он не может обойтись без alter ego, тем более, что для него нет возможности самому заниматься обработкой земли, которая доставляет ему средства к жизни. Даже если бы он и захотел своими руками обрабатывать землю, это было невозможно для него, так как с раннего детства и до глубокой старости все время его было занято военной или гражданской службой своему государю. Служилый человек должен был быть мастером на все руки. Вот его призывают на войну. Он берет с собой мешочек пшена, несколько фунтов соленой свинины, немного соли, смешанной с перцем, если только его средства позволяюь ему приобрести эту, вообще высокоценимую и относящуюся уже к предмету роскоши, приправу. Вместе с провизией он берет с собой топорик, трут, медный котелок – и он вполне снаряжен. В походе он обойдется без своего приказчика. По возвращении на родину он найдет, быть может, свое имение опустошенным или, по крайней мере, обворованным его же приказчиком, и будет подбирать апельсиновые корки и объедки тыквы, выброшенные на дорогу из кареты каким-нибудь проезжим иностранцем,

как описывает Герберштейн, но он не выйдет из своего дома, хотя бы для того чтобы постучать в соседнюю дверь, без своей лошади и нескольких слуг.

Таково положение служилого человека. Нередко он желал бы расстаться с ним и слиться с другой категорией людей «неслужилых», которые не несут таких тяжелых повинностей, как он, и живут гораздо лучше его. Ничто бы его и не удержало, если бы не эта служба, с которой он связан неразрывной цепью. Понятия о корпоративной чести отсутствовали. В действительности демаркационная линия между служилыми людьми проводилась только лишь служебным списком. Кто-нибудь из «боярских детей» имеет братьев, которые по какому-либо случаю не попали в служебные списки, живут, как простые крестьяне и довольны своей судьбой. Случалось, что кто-нибудь из тех же «боярских детей» поступал к кому-нибудь из знати в качества простого портного.

Даже на вершине новой служебной иерархии замечается отсутствие чувства солидарности, завещанного аристократическими связями прошлого или выработанного общностью новых служебных обязанностей и положений. Оно постепенно изменяется и исчезает среди вечного произвола и постоянной перетасовки; люди перебрасываются с одного места на другое и из одного состояния переходят в другое, с низ-

шей ступени служебной лестницы на высшую, из последнего ранга в первый и наоборот.

Происхождению и служебным степеням значения не придавалось. Все смешивались, и сегодняшний псарь завтра мог оказаться равным с самым знатным боярином. Смешиваясь с этой толпой «слуг» низшего происхождения и не чувствуя ни кровных связей, ни общих традиций и интересов с ними, потомки Рюрика и Гедимины скоро сами утрачивают если не гордость и воспоминание о своем происхождении, то, по крайней мере, стремление защищать, возвышать и высоко ценить свою новую службу, разделяемую с такими товарищами.

Так совершающийся процесс развития повторяется и в других слоях этого общества, лишённого единства. Ход его еще яснее заметен в судьбе другого класса — крестьян.

V. Крестьяне

То, о чем я собираюсь говорить здесь, представляет собой печальное явление.

Ребенком я еще видел последние дни режима, исчезнувшего в России полвека тому назад. Акт освобождения крестьян в 1861 году казался тогда запоздавшим актом справедливости и политического бла-

горазумия. В действительности же он был преждевременным и поспешным, так как уничтожаемый им порядок вещей существовал всего лишь два с половиной века.

В противоположность тому, что совершалось во всех других государствах Европы, в России крепостное право явилось не пережитком варварских времен, а явлением, возникшим на почве новых отношений при переходе государства к европейской цивилизации. В некотором смысле оно парадоксальное следствие новой фазы национального развития русской жизни.

Парадокс этот – несомненный факт. К концу шестнадцатого века, когда во всех европейских государствах, не исключая и соседней России Польши, связи между крестьянами и владельцами земли рвались или, по крайней мере, ослабевали, когда под влиянием новых социально-экономических законов рушился феодальный мир, – в России в это время напротив выковывались цепи, которые здесь раньше вовсе и не существовали.

До этого времени главная масса крестьян занимала покоренные или колонизированные земли и была, по крайней мере, формально свободна. Можно сказать, что положение их даже несколько улучшилось по сравнению с прежним. Прежде их называ-

ли *смердами*, что служило обозначением презрения к ним и было позорным (*смердит* – неприятно пахнет). Теперь же они получили другое общее название, указывающее на рост их социального достоинства, а также свидетельствующее и об отсутствии корпоративного обособления, что является характерным признаком отношений того времени между общественными элементами этой страны. Живут ли они в деревне или в городе, обрабатывают землю или посвящают себя другим занятиям, их называют *крестьянами*, т. е. *христианами*.

Они образуют главную массу земледельческих и промышленных рабочих. Обрабатывал ли крестьянин землю собственную или же такую, которая принадлежит ему только частью, он лично и его труд оставались свободными. В первом случае он располагал землей совершенно свободно, лишь бы уплачивал причитающиеся с него налоги в пользу государства или общины, от которой он зависел. Во втором случае он являлся фермером или арендатором и уплачивал за пользование земельным участком владельцу известную сумму, согласно договору. Условия и арендная плата были не везде одинаковы и зависели от местных обычаев, качества и действительной стоимости земли, а также и от юридических свойств занимаемой земли.

Одни из земель назывались *белыми*, т. е. свободными от государственных налогов, другие *черными*. На последних лежало податное бремя. К первым принадлежали вотчины и поместья, ко вторым относились земли дворцовые и крестьянские. Земельные владения церкви относились то к одной, то к другой категории, в зависимости от условий, создаваемых для духовенства, и от того, к какому разряду относились приобретаемые им участки.

Арендные или оброчные договоры заключались на три года и на более продолжительное время, в зависимости от севооборота. Договоры такие были очень часты по всему северу и в центре края. Лица, приобретшие право пользоваться землей, в большинстве случаев пользовались значительной свободой действия. Другие же договоры создавали для землевладельца повинности, напоминающие обязательства английского *Sveman'a*. Он должен был рубить лес для помещика и перевозить в его усадьбу, иногда уплачивать при выдаче замуж дочерей некоторую сумму, по образцу французского *formariage'a*. Обычай требовал также, чтобы каждый из держателей земель делал некоторые подарки ее владельцу к Рождеству, Пасхе и другим праздникам.

Все эти специальные повинности носили название *барщины*, *изделья* или еще *боярщины*. В них можно

видеть зародыш будущих, увы, уже рабских отношений. Барщина и другие повинности имели в то время некоторое основание в том, что крестьянин часто получал от помещика ссуды деньгами, земледельческими орудиями и семенами. Все взятое он должен был возвратить вместе с процентами.

Цены на пользование землей были очень различны, и трудно установить их размеры. В центральных областях плата за *обжу* или *выть* (пятьдесят десятин) – достигала в середине шестнадцатого века 1–2-х рублей. Но часто денежная плата заменялась отработкой. Держатель, например, *обжи* должен был за нее обработать владельцу одну или полторы десятины. Остается установить относительную цену рубля в эту эпоху.

По сопоставлению цен на хлеб, он равнялся почти 100 современным нашим рублям. Но это определение слишком проблематично.

На *черных* землях, принадлежавших государству, плата за землю заменялась налогами и повинностями, вполне соответствовавшими ей, но вообще менее тяжелыми. На *белых* и *черных* землях, принадлежащих церкви и особенно монастырям, условия землепользования обыкновенно были более легкими.

Крестьянин, на чьей бы земле он ни сидел, мог свободно оставить ее, лишь бы только покончить расчет

с ее владельцем. Точно так же последний мог передать ее другому крестьянину по окончании контракта. Подобные явления встречались сплошь и рядом. Чрезвычайная подвижность населения издавна была характерной чертой русского государства; в это время она даже несколько усилилась. Но уже с XIV века эта обоюдная свобода, благодаря экономической необходимости, подверглась ограничению. Сначала установился обычай, что помещик не мог воспользоваться своим правом во время жатвы, когда у крестьянина также не могло явиться мысли воспользоваться своим. Иван III установил большую определенность в отношениях между владельцем и крестьянином. Время и двухнедельный срок для взаимных расчетов были приурочены к Юрьеву дню (17 ноября). С этого времени крестьяне при переходе начинают уплачивать владельцу земли так называемое *пожилое* в размере от 65 копеек и до рубля шести коп., в зависимости от ценности участка. Таков был закон. На практике он, конечно, часто нарушался. Рабочих рук было мало, и их разыскивали повсюду. Как князья переманивали друг от друга себе «слуг», так и помещики переманивали крестьян. Часто это производилось насильственным способом и называлось *свозом*. Нередко крестьянина удерживали на прежнем месте под предлогом неуплаты каких-нибудь повин-

ностей. Но, несмотря на эти стеснения и ограничения, свобода оставалась свободой.

Положение крестьянина, без сомнения, было тяжело. Он выполнял повинности перед помещиком и общиной, вносил подати на судопроизводство. Причем плата за пользование землей все увеличивалась. В своей книге о русском сельском хозяйстве в XVI веке Рожков рассчитал, что в северных областях около половины крестьянского урожая поступало в пользу помещика. Остальной же части едва хватало на полгода, чтобы прокормиться крестьянину со своей семьей. Разведение скота или какой-нибудь мелкий промысел помогали только кое-как сводить концы с концами. Крестьянин был очень беден, но он, как древний англосаксонский *seofl* или германский *Markgenosse*, в юридическом и административном отношении был равным до некоторой степени с боярином, купцом и духовенством. Судебные учреждения были общими как для него, так и для лиц других сословий. Причем в тяжбе с лицами иного сословия, подчинившимися особой юрисдикции, крестьянин, наравне с другими, мог требовать для себя того суда, которому он подлежал по закону. К тому же крестьянин пользовался некоторой долей самоуправления в среде сельской или городской общины, которая еще в недавнее время служила предметом испытания

проницательности историков. Я еще вернусь к этому вопросу при более основательном рассмотрении подробностей организации государства.

Как я уже упоминал, не все крестьяне занимались земледелием. В документах этого времени часто встречается разделение крестьян на *палатных* и *деревенских*. Что же представляли собой эти *деревенские* крестьяне? Документы относят к этой категории мельников, портных, сапожников. Здесь еще раз выступает отсутствие корпоративной организации, смешение социальных элементов; исключение составляет только церковь.

Итак, в деревнях есть крестьяне, не занимающиеся обработкой земли, а в городах встречаются крестьяне-земледельцы. В деревнях крестьяне из первой категории часто примыкают к загадочному разряду *бобылей*, хотя это некоторыми оспаривается.¹ Бобыли – это крестьяне без земли. Иногда они обрабатывают землю, но в качестве батраков. Большею же частью это ремесленники, но еще чаще просто бродяги, смешивающиеся с другими разного рода общественными отбросами – казаками, скоморохами, нищими и даже разбойниками. В несении налогового бремени бобы-

¹ См. по этому вопросу книгу Дьяконова «Очерки по истории сельского населения в России», 1889 г., стр. 209, и Сергеевича «Русские юридические древности», 1903 г., III т., 133 и след. стр.

ли принимали участие, и было бы крупной ошибкой считать, что в этом отношении они составляли исключение и отличались от *тяглых* (от слова тянуть, т. е. нести податные повинности).

Земли иногда еще освобождались от налогов особыми грамотами на время или навсегда, но это составляло исключение. *Тянуть* же *тягло* – было общим правилом данного времени. Платили везде и за все. С бобылей также взимались платежи и повинности с дома и с ремесла, которым они занимались. Не платили они налогов за землю, которую иногда обрабатывали, но это потому, что занимались этим делом в пользу других. Это единственное различие между бобылями и обыкновенными крестьянами-землевладельцами.

В бобыли можно было попасть или по несчастию, или по доброй воле. Но ничто не удерживало в этом незавидном положении, и с ним легко было расстаться, лишь бы нашлись средства, чтобы вернуться к тому положению, в каком находились остальные крестьяне. В XVI веке количество бобылей среди сельского населения колеблется от 2,4 % до 41,6 %. Цифры более низкие относятся к монастырским владениям. В следующем веке это отношение изменилось благодаря влиянию смуты, терзавшей наследие Грозного. Население сделалось еще более подвижным,

и одни только монастыри более или менее удерживают рабочие руки, привлекая из сел и деревень массу бобылей и других земледельческих элементов, так называемых *монастырских детенышей*. Они не платили податей, но все-таки были лично совершенно свободными.

Существовало ли тогда рабство в русском государстве, которое до половины XIX века являлось последним оплотом крепостного права в Европе? На этот вопрос приходится ответить утвердительно. Но в XVI веке несвободный элемент составлял едва заметную часть населения.

VI. Несвободное население

Даже в позднейшее время обращение военнопленного в рабство признавалось на Руси естественным правом победителя. Кроме того, рабство имело еще и другие источники, как-то: выход замуж за раба и рождение от такого брака, несостоятельность должника, выполнение некоторых обязанностей по домашней службе и добровольное согласие стать рабом. До XIV века должность *тиуна* (княжеского ключника) была связана неразрывно с лишением личной свободы. Несостоятельный должник до XVII века становился рабом своего кредитора до тех пор, пока не пога-

шался полностью долг. В XVI веке к этим источникам рабства присоединился еще один – нового происхождения, так называемая *кабала*. Это арабское слово обозначает такой договор, когда занимавший деньги, обязывался уплатить их с процентами посредством отработка. Сам по себе такой договор не влечет за собой потери свободы, так оно и было в Германии и южной Италии. *Кабальный* мог освободиться, расплатившись. Но в России кабальная зависимость влекла за собой потерю личной свободы, рабство. Вся история сложившегося здесь рабства полна примерами таких фактов.

Законы Ивана Грозного перечисляют четыре категории рабов: полные *холопы*, такие, которые обращены в безусловное рабство, распространяющееся и на их потомство; *холопы старые*, т. е. утеревшие свободу в силу давности по каким-либо условиям, *холопы кабальные* и, наконец, *докладные*, утратившие свободу по *докладу* – особой формы договору, свободно заключенному. Констатируя положение, созданное прошлым, законодатель старается смягчить это завещание варварских времен, стремится ограничить условия перехода во многих случаях. Вступив в общение с западным миром, Россия, казалось, склонна была вместе с другими плодами цивилизации усвоить и свободу. Мы не имеем документаль-

ных данных и не можем представить точных цифр, но, основываясь на косвенных указаниях, приходим к заключению, что вопрос об избавлении от рабской зависимости касался самой незначительной части трудового населения.

Эта была эпоха, за которой последовало всеобщее порабощение народа. Как же это случилось? Почему произошло такое странное извращение в ходе развития уже определившихся отношений?

До последнего времени вся тяжесть ответственности за введение на Руси крепостного права, по общему мнению, должна была пасть на правительство конца XVI века. По наиболее распространенному взгляду, оно одно по своему почину и собственными средствами произвело глубокий и печальный переворот в юридическом и социальном положении трудящихся масс. Теперь этот ошибочный взгляд оставлен. Крепостное право здесь, как и в других местах, явилось продуктом времени и особенного политического и экономического состояния государства. Нет надобности для объяснения этого факта прибегать к туманным построениям славянофильской доктрины.

По мнению Кавелина,² крепостное право есть естественное, логически неизбежное следствие всей организации русского государства, основанной на прин-

² Сочинения, I, 630.

ципе патриархальной власти. С этой точки зрения оно носит скорее характер благодеяния. Встречавшиеся иногда случаи жестокого обращения обуславливались всеобщей грубостью нравов, но никак не принципом.

Власть одного человека над другим представляла собой только вид опеки и основывалась не на силе господина, а на слабости опекаемого, нуждавшегося в опоре, защите и руководительстве. Но эта гипотеза не объясняет нам, почему именно в период государственного развития замечается увеличение массы социально обездоленных и ухудшения их тяжелого положения, когда, казалось бы, личная зависимость должна была если и не уничтожиться, то, по крайней мере, ослабеть. Между тем, в действительности, как рисуют ее исторические факты, мы видим другую картину. В истории русского населения XVI века замечаются два крупных явления: это быстрое исчезновение крестьян-собственников и внезапное обеднение всего вообще крестьянского населения.

И вот последствия: с одной стороны, масса трудящихся – земледельцев и других, – не находя больше средств к пропитанию, решаются отказаться от своей свободы, чтобы не умереть с голоду. С другой – огромное количество крестьян, сидящих на чужой земле, не в состоянии уже расплатиться с владельцами и та-

ким образом теряют существенное право, от которого зависит их свобода, право перехода к другому помещику по истечении договорного срока. Одни, утратив кормившую их землю, должны были или просить милостыню, или идти в холопы. Другие не в состоянии возвратить владельцу занимаемых ими участков земли полученную от него в той или иной форме ссуду. В большинстве случаев крестьянин при вступлении в пользование участком земли получал ссуду, равнявшуюся 3 рублям. По истечении 10 лет он обязывался возвратить вместо 3 руб. – 30 руб. и, кроме того, уплатить 56 коп. или 1 р. 06 коп. *пожилого*. Это составляло около 300 руб. на наши деньги.

В большинстве случаев сделать одновременно уплату такой крупной суммы не было никакой возможности. Так создавалось препятствие к переходу к другому владельцу. Непрерывно растущий долг, *серебро*, как его называли, обращался в обязательство, прикреплявшее крестьянина к земле. В конце концов эти *серебряники* сливались с простыми рабами – *холопами докладными и кабальными*. Точно такая же была история несостоятельных арендаторов, сидевших на римском *ager publicus*, как изображает в своих исследованиях Фюстель де Куланж.

Формально признавалась личная свобода большей части крестьян, но она на практике с половины XVI ве-

ка сделалась привилегией землевладельцев и все более и более уменьшающейся группы незадолженных крестьян, сидевших на чужой земле.

Что же послужило причиной этого общего обеднения земледельческого класса? Не трудно угадать. Военное положение обходилось слишком дорого. Я уже указывал, какую боевую организацию создало московское государство. Непрерывно увеличивая свои военные силы, оно должно было соответственно увеличивать и расходы.

Приходилось прежде всего платить вознаграждение «служилым людям», которые все в большем и большем количестве призывались под знамена. Затем, стремясь преобразовать свое военное устройство по образцу западноевропейских государств, правительство должно было делать расходы на новое иностранное вооружение, экипировку и уплату жалованья иностранцам, набравшимся в русские войска из разных европейских стран. Откуда же было брать средства для этого?

Единственным источником обложения, единственным доступным для пользования богатством края была земля. На нее-то и легли все эти новые тяготы. Что бы наделить *служилых* поместьями, правительство уменьшало владения крестьян; чтобы наградить иностранных мастеров, оно облагало податями поме-

щиков, которые старались выжимать побольше с крестьян, сидевших на их земле. Земля отвечала за все, покрывала все расходы. Она стала как бы государственной монетой, на которую разменивались труд, служба военная и гражданская и всякого рода повинности. И земля не сопротивлялась. Никогда, даже находясь в руках вотчинников, она здесь не считалась предметом полной, неприкосновенной собственности. Очень рано установился взгляд, что земля является в сущности достоянием государства. Переход ее в частные руки допускался в известных пределах, но верховное право на нее сохранялось за государственной властью. Сами землевладельцы оказывались в полной зависимости от государя. При отсутствии корпоративной организованности, что я уже раньше отмечал, они не в состоянии были оказывать ему серьезное сопротивление и защищать свои интересы.

Так своей слабостью или покорностью они способствовали развитию системы, от которой сами же страдали. Более же строптивым оставалось одно средство – бегство за пределы досягаемости. Это характерная черта русского человека – скрыться, уйти прочь, только не бороться с невыносимыми условиями. Мы еще увидим, как проявилась в истории эта черта. Крестьяне прибегали к вышеуказанному спо-

собу защиты в количестве еще более значительном, чем помещики. Для них бежать было и легче. За помещиками и вотчинниками более следили. Отправляясь в соседнюю Польшу искать себе счастья, они подвергались большим случайностям и серьезному риску. Крестьянину стоило только перейти юго-восточную, слабо охраняемую, границу, а там за нею тянулись бесконечные пространства, где его гостеприимно встречала свободная от всяких налогов и повинностей девственная земля.

В XVI веке, с самого начала его, земледельческое население русского государства бежит, оставляя землю необработанной. Явление это становится общим и принимает размеры настоящего национально-го бедствия. Государство чувствует, что это подрывает его основы и считает нужным вмешаться. Оно обращается сначала к более угнетенным. Определенных планов пока еще не замечается, но уже с половины XVI века проведен ряд мер, если и не в законодательном, то в административном порядке и путем целого ряда судебных решений. Меры эти имели целью сделать неподвижным налог и таким образом удержать население на *черных* дворцовых землях. Сидевшие на чужой земле были еще свободны оставить свой участок, но с тем условием, чтобы в другом месте, куда они перейдут, несли такое же, как и прежде,

или высшее *тягло*. Затем очередь дошла до *белых* земель, находившихся во владении служилых людей. Крестьяне убегали и разоряли помещика, а разоренный помещик оставлял государство в убытке.

Правительство, не прибегая пока к общим мерам, старалось упрочить положение помещиков и обеспечить себе регулярность их службы путем частных местных распоряжений. Помещику, например, в виде исключения предоставлялось право задерживать поселившихся на его землях крестьян, а также разыскивать и возвращать их к себе в случае бегства.

Такова вообще была политика Москвы: сначала ставить только вежи будущей решительной, коренной реформы.

Две грамоты, данные братьям Строгановым в половине XVI века, ознаменовали собой решительный шаг правительства на этом пути. В грамотах было сказано, что Строгановы обязаны ловить и возвращать на место беглых крестьян, если они оказались в обширных областях, отданных им для колонизации. Сюда, в отдаленные, дикие степи направлялось из центра население, разрушая таким образом экономическое благосостояние государства и его военную силу. Некоторые полагали, что с половины XVI века общим мероприятием был запрещен свободный переход только для известной категории крестьян –

так называемых *старожильцев*, т. е. земледельцев, уже давно сидевших на занимаемых ими участках.

Однако, вопреки мнению Дьяконова и других историков, Сергеевич решительно опроверг эту гипотезу.³ Вопрос о рабочих руках и о поземельном обложении сыграл здесь решающую роль. Он породил то чудо-вище, которое носило имя *крепостного права*. Одно рабство имело следствием другое: служилый человек, запертый в железной клетке, втолкнул в нее крестьянина, за которым в свою очередь туда последовали купец и духовенство. Мы уже видели, что городское население ничем не отличалось от сельского. В этом заключалась целая пропасть, отделявшая Россию XVI века от других европейских государств.

VII. Городское население

На западе успехи торговли и промышленности привели к организации городского населения в корпорации, вооруженные для борьбы с феодализмом. В среде этих групп, благодаря солидарности их членов между собой, выработался тот дух свободы, который царил над всем устройством самоуправляющихся общин; развилась материальная и умственная де-

³ «Русские юридические древности», III, 460 стр. и дальше.

тельность, откуда вышли высшие формы экономической жизни: накопление капитала, учреждение кредита и высшие формы умственной жизни: наука, искусство, общественность.

Россия не знала ничего подобного и, быть может, именно отсутствие этих центров жизни и общественной позиции способствовало образованию и укреплению введенного в государстве деспотического строя.

Торговля оставалась ограниченной, промышленность едва существовала, и город здесь не являлся естественным следствием их развития. Долгое время город, как показывает само название (*город*, огороженное, укрепленное место), имел совершенно иное назначение. В самом деле, как мы видели, в Москве промышленная и торговая жизнь кипела вне городских стен, в *посадах* и *слободах*, населенных множеством ремесленников. Последние и по своему положению, и по правам сливались с жившими здесь же с ними и не уступавшими им по численности земледельцами. Только в XVI веке государство решило установить различие чисто фискальное, сводившееся не к различию между двумя категориями населения, а между двумя местами жительства: горожане должны были платить больше, чем поселяне. Реформа, очевидно, не имела своей целью установить между плательщиками какую-либо органическую

связь. Единственной задачей правительства здесь, как и в других местах, было создать высший оклад налогов и сделать его неподвижным. Политико-экономические идеи правительства были слабы и ошибочно далеки от того, чтобы способствовать увеличению этого источника доходов; оно его, напротив, парализовало, повышая налоги. Оно ставило на каждом перекрестке таможенного надсмотрщика и на каждом углу улицы сборщика, монополизировало для выгоды лучшей эксплуатации все отрасли промышленности и торговли, начиная с продажи ржи, овса, вообще зерновых продуктов, приготовления пива, кваса и других напитков.

И нигде никто здесь не защищается, не замечается ни малейшего следа борьбы против этого постепенного захвата. Случай со Псковом и Новгородом чисто политического характера. Между тем элементы оппозиции были. С самых отдаленных времен торговля была в чести в стране и считалась благородным занятием. Предприятия варягов, как и древних славянских князей, имели одновременно военный и торговый характер. Герои национальных былин – Садко, Соловей Будимирович, Чурила Пленкович, Васька Буслаев – воплотили этот двойственный тип торгового дельца и отважного авантюриста. Оппозиционные элементы были, но недоставало корпоративного духа. *Купец*, роз-

ничный торговец, и *гость*, оптовый, оба занимаются коммерцией, но однако они также склонны и к другим занятиям и часто предаются им.

С другой стороны, профессиональная специальность, которой они обязаны своим именем, не ограничивается только ими. Торговлей с увлечением занимаются все: крестьяне, монахи, военные, важные сановники – занимаются до того времени, когда государство, под давлением одной и той же заботы, не разделит функции, чтобы лучше разложить и закрепить повинности. Это будет делом XVII века. Но и тогда будет еще только одним полком больше в великой армии, больше узников в великой темнице, а корпорации все-таки не будет; они создадутся позже указами Петра Великого и Екатерины II. До них история не создаст этого. Таким образом разобщенные социальные элементы после падения Пскова и Новгорода, поглощенных великой военной державой, лишились единственных центров, где могли достигнуть более или менее значительного сплочения. Эти элементы подверглись общей участи закрепощения, так как были бессильны выполнить ту роль, какую городские общины Запада блестяще выполнили в высшем культурном движении.

Оставалась церковь. Я сейчас покажу, почему и она, под действием тех же причин не могла идти

по следам своей западной соперницы.

VIII. Церковь

Благодаря обаянию, вытекающему из деятельности церкви в стране сильной веры, и тому, что она была единственной хранительницей и рассадницей знания и, кроме того, обладала большими материальными средствами, ей удалось достигнуть значительного могущества. Заклучая в себе в начале XVI века десять епархий: Московскую, Новгородскую, Ростовскую, Вологодскую, Суздальскую, Рязанскую, Смоленскую, Коломенскую, Зарайскую и Пермскую, она пользовалась в своем ведомстве обширной юрисдикцией. Агентами ее в данной сфере деятельности являлись церковные должностные лица, а также и уполномоченные светские – бояре, епископские дьяки, наместники, судьи. Отправление суда в то время было связано с обложением тяжущихся сторон известными пошлинами: по образцу светского суда и церковный эксплуатировал население. Порядок этот основывался на частнопроводимом взгляде на государство. Он давал церкви возможность усилить свои средства, но не увеличивал ее морального авторитета. Правда, порядок этот должна была затронуть реформа, создававшая в XVI веке разные адми-

нистративные центры из самоуправляющихся общин. По примеру того, что совершалось в области управления гражданского, были введены выборные и присяжные старосты также и во всех областях церковного ведомства; в то же время церковное судопроизводство оставалось отделенным от гражданского. Но это начинание имело кратковременный характер. Государство испробовало его совершенно случайно, подчинившись либеральным веяниям, шедшим с Запада. Но оно, как мы увидим, скоро вернулось на путь своего деспотизма, и церковь, подчинявшаяся одному порядку, последовала за правительством и при другом. Она постепенно сливалась с соперничавшей властью государства, пока не произошло почти полного совпадения их органов, функций и ведомств. Между тем церковь не лишена была средств, чтобы отстоять и сохранить свою независимость. Вплоть до управления имуществом, ее прерогативы были равны царским. Церковные земли, с точки зрения административной и судебной, были совершенно независимы от правительственной власти. Исключение составляли только некоторые уголовные дела – воровство, убийство, разбой. А земли ее были слишком обширны. Неравномерно распределенные, но постепенно возраставшие богатства духовенства белого и черного, последнего в особенности, превосходили богат-

ства всех других классов. Рассеянные в пятнадцати епархиях митрополичьи владения приносили в конце XVI века до 3000 рублей дохода.

Епископ Новгородский был еще богаче: ежегодный доход его равнялся 10–12 тысячам рублей. Другие епископства были также щедро и всегда более чем достаточно наделены. Приходское духовенство находилось в менее выгодных условиях. Оно пользовалось скромными земельными наделами, которые иногда не превышали 3 десятин и редко достигали 30 десятин. Кроме того, получало денежные поддержки – *руш* от 12 копеек до 19 рублей. Рассчитывать на щедрость верующих не приходилось, так как жертвования направлялись преимущественно в монастыри. По меньшей мере, раза четыре в год священник обходил свой приход с крестом и святой водой. Но даже с дохода, который добывался таким нищенским способом, епископ удерживал себе десятую часть.

Большая часть общественного богатства находилась в руках черного духовенства. Оно владело громадными пространствами земли. К доходам присоединилась еще дань национального благочестия, часто чрезвычайно огромная. От одного Ивана IV Троицкий монастырь за 30 лет получил не менее 25000 рублей, что по минимальному расчету должно составлять около миллиона рублей на наши деньги. Нахо-

дившийся в менее благоприятных условиях Кирилло-Белоозерский монастырь получил в течение того же времени 18 493 рубля, не считая даров натурой. Например, в 1570 году ему было пожертвовано 100 пудов меду, в следующем – 10 лошадей и от времени до времени другие предметы – иконы, ценная церковная утварь. Одно присланное священное облачение было оценено в 6000 рублей.

Обширные монастырские владения в большинстве случаев освобождались от налогов и повинностей. Духовенство пользовалось свободой взимать такие в свою пользу. Оно привлекало и удерживало у себя множество рабочих рук. К доходам с земли, которая обрабатывалась лучше, чем где бы то ни было, и к богатствам колонизированных мест, увеличивавших владения, монахи присоединяли различные промыслы. У них скоплялись деньги страны. Выгодно помещая их, они становились крупными капиталистами, почти единственными коммерсантами, а как землевладельцы они не имели конкурентов. Обладая лучшими землями в 25 уездах, Троицкая Лавра имела 106 600 крестьян, и доход ее равнялся 60 000 рублей в год; на наши деньги около 2 400 000 рублей. В своих исследованиях Иконников устанавливает величину дохода всех великорусских монастырских общин в 824 593 рубля. Доход этот получался с 3 858 396

десятин земли, обрабатывавшейся 660 185 крестьянами. К этой цифре нужно прибавить еще доход с земель, обрабатывавшихся непосредственно самими монастырями.

Вычисления эти только приблизительны. Однако все документы, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о громадных и несоответствующих общему состоянию страны богатствах монастырей.

Было бы однако большой несправедливостью утверждать, как это делали в то время, что духовенство, белое и черное, употребляет свои материальные средства и моральное влияние только для своих выгод. Очень долгое время здесь, как и в других местах, нравственное сознание народа находило себе поддержку только в среде этой национальной церкви и свое выражение — в ее учении. По крайней мере до половины шестнадцатого века духовная власть представителей церкви и особенно митрополита служила благодетельным противовесом всемогуществу государства. Из прав, присвоенных высшему духовенству, заступничество за жертв произвола и насилия должно быть вписано золотыми буквами в историю страны. Кроме того, церковь и белое духовенство были деятельными сотрудниками и, с некоторой точки зрения, главными работниками в великом деле национального объединения, к которому стремилась

Москва. Это требует пояснения. У первых «собирателей земли русской» идея единства была еще полусознательной.

В своем завещании сын Калиты Симеон Гордый (1341–1353) настойчиво рекомендует своему сыну идти по намеченному им пути, «чтобы память о наших отцах и о нас не изгладилась и чтобы не потух светильник»... Однако не гордая мечта переустройства великой родины, а другие заботы вызывали вековые усилия этих темных князей. Они прикупают деревню к деревне, прибавляют владение к владению, накаплиют в своих сундуках золото, серебро, драгоценные камни, жемчуга, обсчитывают своего господина, татарского хана, при уплате ему дани, разоряют и убивают своих братьев-князей. Если же кому-нибудь из них придется высказать свою затаенную мысль, объясняющую причину этой упорной работы, он просто скажет, что это все делается ради того момента, «когда нас Бог избавит от Орды»... То, чего они желали, была прежде всего свобода, возможность не гнуть больше спины под сапогом иноземного завоевателя и не слизывать с шеи коня капель кумыса, который прольет хан из кубка, поданного ему ими же. Им еще приходится это испытывать. И они хотят выйти из этой зависимости. И когда это случится, они снова примутся накапливать новые богатства, будут совершать но-

вые насилия и грабежи с единственной целью приобрести несколько десятин и наполнить сокровищами несколько лишних сундуков.

Однако идея национального единства мало-помалу проникает в упрямые головы этих фанатических скопидомов. Она родилась и выросла рядом с ними. Гораздо раньше, чем какой-либо московский князь подумал сделаться политическим представителем объединенной Руси, митрополит московский стал ее религиозным представителем. Такова была сила вещей.

Славянский Восток составлял как бы одну епархию, зависевшую от константинопольского патриарха. Таким образом он имел главный центр объединения, общий очаг. Этот центр долгое время был кочующим, как и все другие. Но уже современник Калиты (1325–1341) митрополит Петр решился принять титул *митрополита всея Руси*, и тогда же князья, отстаивавшие друг перед другом первенство Москвы, Рязани, Суздаля, Твери, заспорили из-за того, чья столица будет местом пребывания митрополита и с ним приобретет видимый знак превосходства. Михаил Ярославич Тверской сначала взял верх и начал называть себя *князем всея Руси*. Но Калита скоро победил, и обладание Москвой было утверждено за полтора века до Ивана Великого. Полтора века спустя религи-

озное единство распалось, благодаря образованию по соседству в польско-литовском государстве нового духовного центра. Флорентийская уния завершила разобщение между этими двумя центрами. Но уже в то время политическое единство, выросшее и окрепшее в Москве, приобрело шансы стать прочным и продолжительным. Монастыри со своей стороны внесли часть дани в дело колонизации, которому новая Русь также в некоторой степени была обязана своим возникновением.

Движение монастырской колонизации шло главным образом в противоположном направлении тому, которое совершали обыкновенные колонисты, побуждаемые исключительно практическими соображениями. Тогда как последние направлялись в богатые южные земли, монахи, воодушевляемые высшими идеалами, направлялись на северо-восток, в пустынные места и непроходимые леса. Без них сюда долго бы еще не проникли и предприимчивые миряне. Там они входили в соприкосновение с финским населением, еще поклонявшимся идолам, и выполняли двоякую задачу: разрабатывали девственные земли и просвещали души язычников. Они все подвигались и подвигались вперед. Таков Трифон, современник Ивана Грозного. Он со своим товарищем Феодонитом на берегу реки Печенги научил искусству обрабаты-

вать землю и просветил истиной веры лапландские племена, которые встретили сначала враждебно благочестивых отшельников, а потом стали послушны им.

На востоке, со стороны татарской границы, религиозная проповедь также опередила завоевания. Возникшие здесь монастырские учреждения задолго до взятия Казани, еще в четырнадцатом веке, перешли за р. Суру, а потом продолжались и дальше, помогая, а иногда и защищая прогресс национального движения. Располагая большими средствами, часто хорошо укрепленные, монастыри были поддержкой для армии во время военных кампаний. Монастырь Святого Кирилла со своими валами, снабженными артиллерией и 38 массивными башнями, в стратегическом отношении превосходил Новгород.

Наконец, если стечение верующих в эти излюбленные места паломничества давали повод к непростительному торгашеству на ярмарках, совпадавших с приходскими праздниками, если обыкновение давать частным лицам займы деньги и брать с них не менее 10 %, если все это вызывало ожесточенные споры, то все же существовала до XVIII века традиция, требовавшая, чтобы эти богатства, собранные в одних руках, являлись в некотором роде запасом, к которому государство могло бы прибегнуть в минуту испытаний. Подобно сокровищам, накоплен-

ным египетскими жрецами в знаменитом Лабиринте, не были оберегаемы так строго, чтобы в них не видели в некотором роде общего достояния. Обычай также требовал, чтобы монастыри никому не отказывали ни в пище, ни во временном пристанище. Князья и бояре сами пользовались этим, заезжая по пути в Господни обители и, подкрепившись в них, брали еще с собой запасы в дорогу. Что же касается бедняков, то они смотрели на обители как на нечто принадлежащее им. И монастыри оправдывали подобные претензии. В Волоколамском монастыре в один неурожайный год однажды роздали хлеба 7000 человек и в течение месяца кормили 4–5 тысяч голодавших. Это было при Василии Ивановиче, отце Грозного. Игумен Иосиф в этот год продал скот и даже монастырские облачения. Монахи отказались даже от кваса и ограничивались самой необходимой суровой пищей. С этого же времени стали основываться при монастырях гостеприимницы и больницы.

Чего же недоставало этим подвижникам, чтобы еще больше возвысить их значение, чтобы, как на Западе, основать в своих обителях и при церквях очаги высшей культуры и элементарного образования, чтобы стать не только религиозными просветителями, но и воспитателями, насадителями цивилизации среди своего народа? Чего не было у этих, часто героиче-

ских, священников, из которых одни ходят от дверей к дверям, собирая подаяния для тысяч обездоленных, другие выдерживают борьбу со стихиями в суровом северном крае или идут к трону смягчать страшный царский гнев? История давно ответила: им не доставало образования.

Из 23 митрополитов, бывших на Руси до монгольского нашествия, 17 было греков, и еще долго после этого греческий и болгарский элемент преобладал в составе духовенства как белого, так и черного. Даже после того как русские митрополиты перестали быть поставляемы в Константинополе, т. е. сразу же после Флорентийской унии, они все еще продолжали искать там утверждения в своем сане.

Частые появления на Руси восточных монахов за сбором милостыни и частые путешествия русских паломников к обителям Афонской горы и другим соседним святыням – все это поддерживало непрерывные сношения между обеими церквями. Религиозная жизнь страны, таким образом, постоянно обращалась к своему первоисточнику. История доказала, что это был источник, из которого и Западная Европа некогда утоляла свою духовную жажду. Я покажу далее, что Русь XVI века могла приобретать оттуда, какие элементы культурного и нравственного развития могла черпать там. Здесь я остановлюсь только на одном

факте.

С 1420 по 1500 год в стране возникло 150 новых монастырей и с 1500 по 1588 г. еще 65. Хотя английский путешественник Флетчер и преувеличил, называя Россию шестнадцатого века «страной монастырей», но несомненно, что этого рода учреждения достигли в эту эпоху сравнительно больших размеров. Крайняя свобода, которая царила там, одна в достаточной степени может объяснить это.

Первый пришедший отшельник, имевший средства выстроить какую-нибудь маленькую церковку или молельню из дерева, мог по желанию сделаться игуменом, начальником общины. Он обращался к государю, боярам или просто богатым людям, чтобы получить от них земли, а благочестие верующих и значение, какое вообще придавалось молитвам иноков, делало остальное. Но все эти учреждения принимали неизменно устав Василия Великого, как Западные общины долгое время придерживались устава святого Бенедикта. Это положение сохранилось до наших дней. Не есть ли это доказательство ничтожной интенсивности в религиозной жизни, застывшей в одной форме?

Жизнь есть движение. С другой же стороны, мотивы, удерживающие в такой косности эти общины, не имеют ничего общего с заботами о благочестивом

созидании или о возвышенном духовном усовершенствовании. Показав само явление, я должен подойти к его обратной стороне. Те факты, о которых я буду говорить, общеизвестны. Они возбудили почти общее порицание даже в среде самой церкви и вызвали реакцию, происхождение и характер которой я выясню, хотя она и оказалась бессильной и почти бесплодной.

Аскеты-идеалисты того времени, такие, как Максим Грек, Вассион Косой или Нил Сорский, закончили свою жизнь в заточении, преданные анафеме, исключенные из числа членов религиозной общины. Тот самый Феодонит, о высоких подвигах которого я уже упоминал, должен был умереть в темнице. Вина его заключалась в том, что он давал своим современникам слишком высокий пример для подражания. Большинство его собратий в клобуках было далеко от этой возвышенности.

Если они и не ограничивались тем, что в праздности, а иногда и в невоздержности, ели плоды своих занятий, если они, как мы видели, порой и уделяли часть своих средств бедным, все же их кругозор не выходил из сферы узкопонимаемой набожности, ограничивающейся внешней обрядностью. Очень много архимандритов и игуменов шли по еще более наклонному пути. Они отдавали монастырские богатства в рост и приспособляли устав к своим сибаритским привыч-

кам. Общая жизнь в монастырях стала редким явлением. Общим столом пользовались только некоторые из братьев. Пища их была остатками пышных трапез настоятелей, завладевших общим достоянием и широко живших на них со своими застольниками, родными, друзьями, богатыми вельможами, избравшими себе местом жительства эти роскошные Фиваиды. Там весело проводили жизнь. Много пили. С XVI по XVII век, как показал Прыжов в своей «Истории кабаков»,⁴ монастыри были крупными производителями и хранилищами разного рода напитков. В них собирались многочисленные веселые компании. Женщины часто посещали кельи. Иногда там встречались также мальчики. В некоторых монастырях монахи и монахини жили рядом.

Преобразовательное течение шестнадцатого века должно было коснуться этого мира, зараженного испорченностью нравов, как и западные монастырские общины той же эпохи. Но здесь не было достаточно жизненного элемента, чтобы произвести реформу и дать ей восторжествовать. Начинания в этой области скоро остановились и нравственный авторитет церкви был навсегда поколеблен. Общественная роль церкви в это время уменьшилась и значение ее сильно ослабело, благодаря действию других

⁴ 1868 г., стр. 53.

причин. До татарского нашествия разделение русской земли на маленькие княжества и сохранение постоянной связи церкви с Константинополем были гарантией независимого положения ее владык. Но в это время они решили стать под защиту новой власти. Митрополит Кирилл стал жить при дворе самого хана. Милостивая грамота Мангу Тимура и щедро раздававшиеся его преемниками ярлыки были наградой за это положение. Но полученные таким образом милости влекли полнейшее отречение от былой независимости, и когда Москва получила наследие азиатских деспотов, привычка духовных владык к повиновению уже прочно укрепилась. Указы заменили собой ярлыки и требовали того же подчинения.

С другой стороны, как мной указано выше, церковь, поработав над созданием национального единства, способствовала разрушению уделов. Разделение страны действительно мешало проявлению ее власти. Но когда одно политическое предприятие преследуется двумя союзниками, они непременно сливаются, и слабая сторона должна подчиниться более сильной. Всемогущество, достигнутое Москвой, освятило этот результат. В то же время разрыв с Константинополем лишал постепенно покоряемую церковь того интернационального характера и той внешней точки опоры, которые определили судьбу католи-

цизма и служили лучшей гарантией против светского деспотизма. В XVI веке право раздавать духовные места и церковные доходы было в руках государя. Такое положение вещей не было следствием какого-нибудь *конкордата*. Это было естественное следствие строя, соединявшего и смешавшего до нераздельности два разряда интересов и прав. Как высший покровитель православия с конца пятнадцатого века, государь созывает здесь *Соборы*. На этих соборах наряду с вопросами веры и обрядностей обсуждаются также и дела государственные. С другой стороны, и высшие духовные лица приглашаются часто в светский совет государя – *Думу* и принимают участие в совещаниях. Отсюда уже оставался только один шаг до того, чтобы вместе со всеми другими попасть в число служилых людей, подчиненных общему закону.

Черное духовенство также не избежало этого. После того как некоторые игумены и архимандриты начали участвовать на соборах и в Думе, монахи стали часто обращаться к государю, прося у него защиты против произвола епископов, подобно тому как их братья на Западе обращались к папе. Государь охотно отзывался на это до той поры, пока не почувствовал себя достаточно сильным, чтобы упростить эти отношения: он сосредоточил соответствующую юрисдикцию в одном из своих гражданских приказов.

Из того унижения, в какое судьба ввергла как белое, так и черное духовенство, оно бы могло подняться добродетелью своего служения. Но для этого нужно было, чтобы интеллектуальная ценность и нравственное достоинство, хотя бы высшего духовенства, отвечали их высокому служебному назначению, и чтобы огонь и свет пламени священного призвания зажегся и горел на алтарях этой автокефальной церкви так же ярко, как на Западе, где такие папы, как Лев X и Пий V, придали ей всемирный блеск. Но Кириллы и Ионы, увы, не могли найти божественной искры под пеплом Византии.

Во время Ивана III высшее белое духовенство еще боролось. Когда разгорелся спор между великим князем и митрополитом по вопросам, касавшимся богослужения, последний покинул свой престол, оставил храмы без освящения и заставил таким образом государя «бить челом» в покаянии. Но уже при преемниках этого государя, еще недостаточно укрепленных в своей роли всемогущих владык, для борьбы с торжествующим деспотизмом потребовалось нечто большее сознания оскорбленного достоинства. Святой Филипп, о мученичестве которого я еще буду говорить, был убит и своей кровью запечатлел верность попорченным традициям и стремление к независимости. Его голос остался без отклика. Его пример не на-

шел последователей. Как и вся страна, церковь погрузилась во мрак и безмолвие. Громадная машина сокрушала умы и характеры своими тяжелыми колесами.

Глава вторая

Политическая и социальная жизнь

Центральная власть. Организация областного управления. Местничество. Община. Организация суда и законодательства. Экономический строй. Финансы.

I. Центральная власть

Машина была собрана и пущена в ход не сразу. При вступлении на престол Грозного она уже представляла сложный механизм с многочисленными колесами, который, согласно мнению Ключевского,⁵ являлись следами в некотором роде древнего патриархального устройства, приспособленного к скромному быту удельных князей. Сергеевич же⁶ видит в них определенные политические органы. Я не буду здесь вступать в спор. Это были *приказы*, или, правильнее, департаменты. Число их все возрастало: ведомства их были распределены очень неправильно. Это было следствием того, что образование

⁵ Боярская Дума, 1883, 2 изд., стр. 119 и дальше.

⁶ Русск. юрид. древности, II, 434.

и расширение их деятельности соответствовало росту завоеваний и колонизации. Одни из приказов, более древнего происхождения, ведали только некоторыми определенными делами многочисленных провинций. Таков был *разрядный приказ*, ведавший дела военные. В других же, напротив, сосредоточивались все дела какой-нибудь одной недавно приобретенной области. Таков был, например, *Казанский дворец*, учрежденный после взятия города. *Посольский приказ*, ведавший иностранные дела, был, конечно, один для всего государства. Наконец, некоторые, так называемые областные приказы – Московский, Владимирский, Дмитриевский, Рязанский – ограничивались ведением некоторых дел в соответствующих провинциях, соединяя, таким образом, черты первых двух категорий этих учреждений.

Беспорядок царил везде. Чтобы приводить в движение и управлять всеми этими колесами, нужен был центральный рычаг. Где же был он? В руках государя? По-видимому, нет. Во главе приказов стояла *Боярская Дума*, нечто весьма сходное с *Советом* первых капетингов или с *sigia regia* нормандских королей в Англии. Здесь, как и там, это был исторический продукт, творение национального объединения, происходившего в XV веке в области Оки и верхней Волги, и следствием военного устройства государства.

Глава войска, московский князь, как и все предводители, должен был выслушивать мнения своих помощников в важных делах. Боярская Дума по своему происхождению и была ничем иным, как военным советом, преобразованным впоследствии, благодаря сложности дел, разбиравшихся в ней. Глава вотчины, князь, должен был считаться с потомками своих древних сподвижников, разместившихся теперь, как и он, в своих наследственных владениях и пользовавшихся там известной долей власти. Военный совет принял в свое ведение дела политического характера и по своему составу был аристократическим.

В шестнадцатом веке семьдесят фамилий, из которых 40 были княжескими, по-видимому, пользовались правом участия в Боярской Думе. Но было ли то право? Нет, это была скорее возможность, осуществление которой скорее зависело от воли государя. В этом уже проявлялось ничтожество этого учреждения, которое, казалось, могло бы ограничить абсолютную власть. Отсутствие корпоративной организации не позволяло Думе достигнуть значительной прочности. Большое количество бояр и князей обыкновенно присутствовало в Думе, но рядом с ними принимает участие в заседаниях еще более многочисленная толпа чиновников – не бояр и не князей: *окольничие* (от слова *около*, находящееся около кня-

зя), *дворяне*, лица состояние при дворе и, наконец, простые *дьяки*.

В действительности не нужно было происходить из знатного рода, чтобы быть призванным в *Думу*. В списке 1527 г. мы не находим ни Голицына, ни Куракина, ни Воротынского, ни Пронского, ни Хованского, ни Прозоровского, ни Репнина, ни Салтыкова. А перечисленные мною фамилии были из числа знаменитейших того времени. Побывать несколько дней в *Думе* еще не значило, что это так будет продолжаться и дальше. Для одного дела из занесенных в список 100 или более членов призывалось 20 человек, для другого такого же – только восемь. Никакого правила, никакого даже порядка, способного заменить его. Как чин, так и деятельность думских советников зависели от князя. Между деятельностью и чином никакой зависимости не было. В этом уже можно видеть зародыш будущей организации чиновничества.

Компетенция Боярской *Думы* была обширна и даже в некотором смысле не ограничена. Дума тем не довольствовалась, что осведомляла князя. Вместе с ним она осуществляла полноту власти: законодательной, судебной и административной. Она управляла в самом широком смысле этого слова и не только коллективно, но и индивидуально. После обсуждения какого-нибудь вопроса внешней политики *дум-*

ный дворянин мог быть послан наместником в Вятку, вслед за тем получить назначение командовать войском в Севск, а между двумя подобного рода службами он мог получить приказ «идти за крестом», вместо князя, в какой-нибудь торжественной церковной процессии или же идти к какому-нибудь знатному лицу с блюдом, которое царь пошлет ему милостиво от своего стола. Возвратившись после этого снова в Думу, он мог иметь случай принимать участие в судебном разбирательстве какого-нибудь процесса, поступившего туда в апелляционном порядке. По крайней мере одна статья «Судебника» 1497 года упоминает о судебных делах подобного рода, как о подведомственных *Думе*.

Для всех этих дел *Думе*, пожалуй, недостаточно было бы двух заседаний в день, о которых упоминают летописи: первое летом с 7 ч. утра до часу-двух по полудни. Второе начиналось после обедни, которую они должны были обязательно выслушать вместе с князем, обеда и отдыха после захода солнца, и продолжалось до довольно позднего ночного времени. Но этот обременительный труд выпадал на долю только нескольких думских советников, да и то через большие промежутки времени. Большею же частью учреждение бездействовало. Да и была ли Боярская Дума учреждением? Это скорее фикция разделения

власти, а с XVI века она становится действительно только тенью. Работала ли Дума отдельно от государя или совместно с ним, все еще сохранялась фикция нераздельности их действий во всех актах. Если князя не было в Думе, признавалось, что он всегда присутствует в среде собрания. Если же он действовал один, считалось, что это делается совместно с *Думой*. Мне кажется, Сергеевич был не прав, не признавая идеи этого мистического единства. Она пережила Боярскую Думу и снова проявилась в отношениях Петра Великого с его сенатом. Но это была только идея. Несомненным фактом, особенно с XVI века, была личная абсолютная власть, осуществляемая государем с помощью другого совещательного учреждения, состав которого определялся еще более произвольно и был более ограничен. Это давало еще большую свободу абсолютизму. Мы говорим о Совете, собиравшемся обыкновенно в государевой опочивальне и состоявшем из двух-трех бояр или доверенных людей, без различия происхождения. Совет этот соответствовал *commune consilio*, существовавшем рядом с *magnam consilio* во всех западноевропейских монархиях. Но здесь он был более изменчив и подвижен и всецело зависел от воли и каприза государя.

С другой стороны, в областях власть князя осуществлялась даже без какого бы то ни было признака

разделения. В некоторых местах, как мы сейчас увидим, судебная власть находится в руках его прямых агентов. Порядок этот представляет либо полную привилегию государя, либо льготу, дарованную населению специальными грамотами (*тарханскими*).

Рядом с этим за князем сохранилось рассмотрение направляемых по старому обычаю на его имя просьб. Наплыв их вызвал в XVI веке учреждение специального, так называемого *челобитного приказа* – этого зерна будущей «*Тайной канцелярии*».

Таким образом, государь является настоящим и притом единственным правителем, и его советники, так же как и его служилые люди, – только солдаты, которыми он командует, пешки, передвигаемые им по шахматной доске без всякого с их стороны сопротивления и без чьего бы то ни было контроля. В армии приобретает значение военный совет, он даже заставляет слушаться и считаться с его решениями во время неудачных походов. Но пусть едва победа и возвратится к вождю сознание своего значения – прощай генеральный штаб!

Планов Наполеона не обсуждают! Москва победила. Она продолжает торжествовать. Наследники Калиты, несомые на крыльях счастья, не желают отвечать за прошлое, не желают ни с кем считаться и в будущем.

Таково было положение в центре. Тот же тип военной организации установился и на окраинах.

II. Организация областного управления

Организация областного управления покоилась на владении землей. Владение землей создавало для собственников обязанности двух родов: крестьяне платили подати, вотчинники и помещики несли службу. Это «служилые люди». Они, кроме отправления гражданских обязанностей, которые могут быть на них возложены, составляют войско государя. Оно расквартировывалось в мирное время на тех же землях и подлежало немедленной мобилизации в случае войны. Служба начиналась с 15 лет. С этого возраста сын помещика получал часть отцовского имения, а если у отца семья велика, то новый надел. Со смертью помещика имение его разделялось между сыновьями. Дочери получали пожизненно известную часть и лишались ее при выходе замуж. В случае недостаточности применялась раздача добавочных участков. Разрешался обмен поместий, но с условием, что государство не страдает от этого: оно не желало терять ни одного человека. В раздел *вотчин* между наследниками государство формально не вмешивалось, но наблюдало, чтобы каждая до-

ля досталась человеку послушному, которым оно могло бы вполне располагать.

Систему эту, очевидно, легче было применять к *помещикам*. Хозяин имущества, великий князь, крепко держит в своих руках помещиков. Политика Москвы неизменно стремилась к тому, чтобы заменить вотчины поместьями, наследственные владения обратить в пожизненные.

На землях, присоединенных к государству силою оружия, эта замена была более легкой и совершилась быстрее. Военный закон способствует этому, разрешая массовые конфискации земель и раздачу их. 20 лет спустя после присоединения Новгорода документы, помеченные 1500 годом, указывают нам, что в двух уездах – Ладожском и Орешковском – было 106 помещиков, владевших здесь половиной всей пахотной земли. Они были большею частью низкого происхождения – ремесленники, слуги. Но они тем более послушны. Юридическим предком обыкновенного типа земледельческого собственника шестнадцатого века в этой местности был княжеский псарь, награжденный землею еще в XIV столетии. Послушание было у него в крови.

С другой стороны, там, где дело объединения совершалось мирным путем, вотчинники преобладают. Они менее податливы, и на них-то будет направлен

свирепый натиск, которыми Грозный заслужил свою кровавую славу.

Восторжествовавший после кризиса поместный порядок заключал другое неудобство: вследствие недостатка наделов созданся настоящий земледельческий пролетариат. Один из помещиков, призванный в армию, жалуется, что не имеет средств приобрести себе лошадь. Другой – в ожидании надела исполняет обязанности дьячка и не имеет на что приобрести самое необходимое даже для службы в пехоте. Но они оба идут в счет, и государь имеет армию, которая ему ничего не стоит.

Ему нужна и администрация. Расходы по содержанию администрации ложились на управляемых. Управлять в то время значило выполнять судебные и полицейские обязанности – и этим питаться. Такая система была введена везде. На большинстве вотчинных земель в силу старинных привилегий, а на других в силу особых грамот, собственники – военные и даже духовные лица – пользовались правом суда и получали в свою пользу доход с тяжб, оплачивавшихся разного рода пошлинами. В их же распоряжении поступали и те штрафы, какие должны были уплатить в пользу судьи лица, осужденные за уголовные преступления, или же общины, если виновник не разыскивался. На землях, не пользовавшихся

ся судебной привилегией, эти доходы делились между чиновниками, непосредственными агентами правительства, и «служилыми людьми» – наместниками, волостелями, которым правительство передает свои права и доходы. Управлять городом или областью значило жить на их счет, взимая судебные издержки. Это называлось *кормлением*; большею частью кормленщики и были правителями. Позднее, когда развитие экономической жизни потребует настоящих административных агентов, никто и не думает искать их между прежними кормленщиками. Новые потребности создадут новые органы, старые же пока останутся на своих местах только лишь для того, чтобы кормиться.

Отлично согласуемое с земельным правом вотчинников, являясь скорее пожалованием, чем судебной обязанностью, *кормление* относилось скорее к частному, чем к публичному праву. Добиваться его могла вдова какого-нибудь боярина или, за ее отсутствием, наследники, вся семья умершего должностного лица. Кроме того, рядом с наместником, жившим на счет области, был волостель. Но он не зависел и не подчинялся наместнику, а был скорее конкурентом его в своем судебном округе. Волостелям, каждому в отдельности, подлежали определенные разряды дел и лиц. Один, например, производил суд на *черных*

землях, его сосед только на *белых*.

Легко представить, какие злоупотребления вызывала эта система. Формально судебные издержки были строго определены и доходы были ограничены некоторыми пределами. Но были еще побочные доходы, неизбежные подношения за некоторые темные сделки. При организации, лишенной действительного контроля, это было настоящей язвой всего строя.

Никакого правила еще не существовало для набора лиц администрации. Государь был совершенно свободен в выборе, но на практике он встречался с затруднением найти подходящих людей вне известного общественного круга. Политика Москвы стремилась расширить рамки и ввести в них новые элементы из всех слоев общества, до самых низов его. Но эти демократические стремления парализовались недостатком умственного развития. Хорошо выдрессированных псарей, которые могли бы прилично фигурировать в роли наместника, было очень мало. Таким образом социальный элемент, принцип наследственности и аристократический дух сочетались здесь с элементом политическим и принципом кооптации. В результатах этого получилось явление, подобия которого мы не находим ни в одном западноевропейском государстве. Это *местничество*, самое название которого почти не известно за пределами Рос-

сии. Я постараюсь объяснить его.

III. Местничество

Теоретически это право не было закреплено никаким законом, применялось в силу привычки и обычая. Заключалось оно в том, что каждый *служилый*, назначенный нести службу с другим, соглашался знать *место* не ниже того, какое он или кто-нибудь из его предков занимал по отношению к сослуживцу или его предкам. Например, двум субъектам поручено командование частями одного и того же полка. Оба они сыновья бояр. Но дед одного из них, будучи воеводой, имел под своей командой отца или деда другого. Внук воеводы имеет право отказаться от службы с данным ему товарищем – это и есть *местничество*.

Ничто не помешало бы князю назначить его конюхом, да и сам бы он не стал противиться, если бы только, убирая конюшню от навоза, ему не пришлось встретиться в той же конюшне за такими же занятиями другого конюха, отец которого был только поваренком, тогда как его – поваром. Но ничто не заставило бы его стать воеводой наряду с сыном поваренка.

Представьте теперь, что расчеты первенства идут по восходящей линии, по всем ее степеням и ветвям; вы можете вообразить, какие сложные случаи

могли встречаться и сколько они вызывали споров. Политическая жизнь Московского государства полна ими, и всемогущество главы государства встречало в *местничестве* серьезное противодействие.

Погодин искал происхождение местничества в отношениях между удельными князьями. Теория эта имеет очень мало сторонников. В первых известных нам местнических спорах, совпадающих с появлением первых *родословных книг*, с очевидной ясностью выступает более общее родовое начало.

В своих собственных интересах московское правительство уважало и способствовало развитию этого принципа, служившего династическим основанием. Оно старалось соединить его с противоположной ему системой служебной иерархии и в результате создало *местничество*. Правительство сначала торжествовало. Возникая всегда из-за мест, раздававшихся государем, споры разрушали начала корпоративного единства. Они исключали понятие чистой аристократии и укрепляли идею *службы*. Впрочем, споры сначала заключались в тесном кругу частных отношений и ограничивались пустяками. Бояре спорили из-за места за столом у своего общего друга. Жены высших чиновников ссорились из-за места в церкви. Духовенство также считалось *местами*: епископ отказывался есть с одного блюда с менее знатным духов-

ным лицом. Во время крестных ходов монахи ссорились из того, кому какое место занимать в процессии. Купцы следовали общему примеру, и великий драматург Островский отметил уже в наше время пережитки укрепившихся таким образом обычаев среди этого класса населения.

Но пришло время, когда в день сражения два предводителя затеяли местнический спор в виду неприятеля. Это было в Орше в 1514 г., и битва была проиграна.

Тогда уж нужно было принять меры. Начали запрещать в некоторых случаях споры из-за мест, например, во время войны, и виновных в неправильных домогательствах подвергали суровым наказаниям. Но уничтожить самый порядок, хотя и не установленный писанными законами, но тем ожесточеннее защищаемый, правительство не решалось. Аристократия употребляла все средства на сохранение его. Она выпустила последние заряды и потеряла последнее свое достоинство и гордость. Пока она занималась своей родовой арифметикой, власть ускользнула из ее рук. Действительно, аристократия долго занимала первые места, так как государству нечем было заменить ее. Но когда нашлись другие кандидаты, *местничество* было уже бессильным помешать делу демократической нивелировки. Число мест, раздавав-

шихся государем по его усмотрению, увеличивалось, и их занимали новые кандидаты. Таким образом подрывался в корне принцип сословности и корпоративности родовой знати. Правительство вместо нее создавало себе другую коллективную организацию, более послушную, более гибкую и без которой Россия 16–18 века не была бы, быть может, в состоянии выполнить свою гигантскую задачу; но это не был класс, а просто какая-то армия чиновников из разнородных элементов, не связанных никакими общими интересами.

Противопоставляя знатности происхождения личные заслуги, новая система выдвинула плодотворный принцип – принцип индивидуальных качеств. Таким образом было бы ошибочно полагать, как это делает Валуев и другие историки, что местничество есть только лишь образец китайской косности. Сама по себе система не была неподвижной, застывшей в определенной форме. Она изменялась и развивалась с течением времени. Она выдержала и сама производила разного рода давления. Своим пассивным сопротивлением местничество могло бы создать для абсолютизма серьезные затруднения, но оно не сумело противопоставить ему никакой социальной или политической силы, которая, парализуя его действия, могла бы заступить его место, направить в желательную

сторону и подчинить своему контролю.

Другая сила была, по крайней мере в зародыше, в общинной организации, о которой я уже упоминал.

IV. Община

Исследования барона Гакстгаузена о русской земельной общине в ее настоящем виде, с самоуправлением и коллективной собственностью, появились в 1847 г. и были даже для самой России неожиданным и приятным открытием. Казалось, был открыт новый мир, подтверждавший оригинальность и превосходство первобытного устройства, которым страна могла гордиться перед лицом удивленной Европы. Но позднейшие исследования разрушили создавшуюся таким образом иллюзию. Они показали, что подобные учреждения существовали еще раньше во всех европейских и вне европейских странах от Ирландии до Явы и от Египта до Индии. В Европе различие между Россией и ее западными соседями свелось к вопросу возраста и цивилизации.

Но исследования и разочарования на этом не остановились. Думали сначала, что русская община, сходная с другими формами первобытного устройства, уцелела здесь в своем примитивном виде, благодаря медленному развитию социально-экономической

жизни. Оказалось же, что она более позднего происхождения, вела свое начало не от доисторического патриархального коммунизма, а явилась результатом круговой поруки, чуждой свободным крестьянам до шестнадцатого века, и навязанной потом сельским общинам крепостным правом для правильного поступления от них налогов. Это был продукт политического режима, который восторжествовал на Руси в эпоху Ивана Грозного. Является ли русская община проявлением национального духа? Вовсе нет. Это создание государственного порядка.

Таким образом, согласно взгляду Чичерина⁷ и Милюкова⁸ мы имеем здесь поразительный пример обратного хода истории! Пример этот в некотором отношении представляет особенность экономического и социального развития страны.

Но хорошо ли выбран пример?

В первой половине шестнадцатого века, как мы видели, крепостная зависимость встречалась на Руси только в виде исключения. Однако там встречаются общины, объединяющие свободных крестьян. Каждый крестьянин даже должен был принадлежать к какой-нибудь из этих общин. Вне их находились только бродяги. Эти общины представляют собой

⁷ Опыты по истории русского права, 1858, стр. 4 и след.

⁸ Очерки по истории русской культуры, I, 136 и дальше.

самоуправляющиеся единицы, основанные на демократических и коммунистических началах. Собрание, где обсуждаются общие дела, состоит из представителей всех домов, старших членов семейств. Несколько общин составляли *волость*. Волость того времени нисколько не походила на то учреждение, которое теперь носит это имя. Занимая среднее место между кантоном и коммунной во Франции, приближаясь к американскому township, древняя волость обладала большей компетенцией.

Волостной сход имел право издавать обязательные для своих членов постановления, выбирал голов и общинных старост. Он распределял прямые подати, наложенные правительством на землю и промыслы, избирал лиц, которые должны были присутствовать на суде и играть там роль средневековых немецких Sch(ften или древнешведских Nemd; наконец, через свободно избираемых должностных лиц выполняет полицейские обязанности и защищает пред правительством общинные интересы.

Таково положение вещей можно восстановить по следам сохранившихся на принадлежавших свободным крестьянам черных землях.

Нельзя сказать, существовал ли он на других землях, где осуществляли свою власть кормленщики. С другой стороны, удалось установить, что на тех же

землях в XV и XVI веке существовала в зачаточной форме коллективная собственность или такого же рода владение.

В памятниках той эпохи встречаются упоминания о *соседях, складниках* (от *складать*) и *сябрах*, в которых нетрудно угадать крестьян, соединившихся для обработки определенного участка земли. Истолковывая иначе названия и образ жизни этих землевладельцев, соединенных будто бы только общностью повинностей, Сергеевич⁹ допускает другие формы общинного землевладения. На землях высшего духовенства и монастырей, история которых нам более известна, пользование некоторыми участками было общим для их держателей.

Надел каждой семьи, *выть* или *соха* (соотв. англ. *virgate*), не представлял собой определенного, установленной меры участка; это скорее было право занимать и обрабатывать несколько, например, 5, десятин в каждом из трех полей. В одном из владений Троицкого монастыря¹⁰ встречается, как единственное исключение, общая обработка участков, которыми наделены крестьяне.

Наконец, на землях, конфискованных дедом Ивана Грозного после присоединения Новгорода, т. е.

⁹ Русск. юрид. древности, 1903, III, стр. 61 и след., 119 и дальше.

¹⁰ Сергеевич, *ibid.*, стр. 440.

на землях, отнятых у бояр и переданных оброчным крестьянам, замечается зарождение и даже некоторое развитие общинного пользования лугами, озерами, лесами. Но все это было явлением местным, рудиментарным и совершенно новым и далеким от полной и общей формы коллективизма современного русского *мира*, с периодическими переделами, схожего с *tin-tin* в Англии или Ирландии. *Мир* тогда находился только лишь в зачаточном состоянии; происхождение и характер развития этого зародыша не может быть указан с точностью и до настоящего времени.

Развитие его началось в XV веке и продолжалось в XVI. В это время русская община не была остатком патриархальной организации первых времен, разрушенной нормандским завоеванием или даже гораздо раньше, как полагают некоторые историки, благодаря смешению славянской расы с чуждым ей финским элементом. Но были ли финны в древней южной Руси – это неизвестно. Является ли эта реставрированная община возрождением древнего коммунального строя, обусловленным постоянством некоторых социальных привычек, или же она представляет совершенно новый продукт самостоятельного процесса, в котором славянофилы видят выражение особой склонности русского национального характера

к жизни обществом, ассоциацией – это темные вопросы, и требования национального самолюбия едва ли могут внести в них ясность. Упомянутая склонность не может быть отрицаема. О ней свидетельствуют *артели*. Но в Германии и в особенности в Англии социальный дух проявил бесконечно больше энергии в среде общинных группировок, сопротивления которых не могла преодолеть даже современная централизация. Я склонен полагать, что здесь смешиваются два начала – исторический атавизм и природные наклонности, сочетающиеся в жизни населения, долго находившегося в неорганизованном состоянии. На пороге новой эпохи они сообщают особую форму этому рудиментарному общественному организму. Русская община XV века не имела ничего *родового*. Она открыта для каждого. Всякий крестьянин может войти в нее, приняв на себя часть общих повинностей. Русская община представляет чистый тип общины *договорного* характера и этим отличается от старинных форм, сохранившихся в своем первоначальном виде среди других славянских племен. Но некоторая административная автономия приближает ее к этому прототипу. Однако характер и пределы этой автономии служат еще предметом спора. Принимала ли община XV века участие в судопроизводстве и в какой мере? Вопрос остается открытым. Но тем не менее из-

вестно, что судебная организация того времени, когда применялась указанная выше мной система кормления, не оставляла места другой какой бы то ни было подобной себе власти. Владение принадлежало «*служилым людям*». Охота запрещена. Подсудное население на самом деле было дичью.

Но в следующем веке картина меняется. Общинная автономия быстро расширяется. Она стремится захватить всю область местного управления со всеми ее правами. Что же случилось? Оказалось, что служилые люди стояли не на высоте своей задачи. Эксплуатируя области, они их разорили. Своей бездеятельностью и беспорядочностью они не только принесли тяжелый ущерб частным интересам, о которых само государство не заботилось, но и испортили то, что лежало на их попечении: они уничтожили или истошили источники государственных доходов. Тогда, колеблясь еще между двумя полюсами собственного развивающегося политического строя – между абсолютизмом и либеральным течением, – правительство решило уничтожить установленные им самим привилегии, которые не оправдали его ожиданий. Оно передает другим те обязанности, которые, к его сожалению, были так неудачно доверены, и обращается к тем самым элементам общинного устройства, которые долго были в пренебрежении и даже подвер-

гались нападкам. Грамоты, раздаваемые все охотнее, облачают старост и присяжных властью, которая сначала ограничивает, а потом и совсем вытесняет власть государевых наместников и волостелей. Но государство не отступает ради этого от своей основной программы. Оно не вполне отказывается от своего деспотизма. Оно ищет компромисса между этим принципом и духом учреждений, вызванных к новой роли. И оно его находит – дает власть и отнимает этим независимость. Выборные лица, полномочия которых расширены, все же будут еще чиновниками, его людьми, а община, выросшая, возвысившаяся, будет государственным учреждением. Мы проследим эту фазу до следующей ступени развития, когда, под влиянием крепостного права, община примет еще новую форму: это уже будет самоуправление каторги, коллективизм цепи, сковывающий людей попарно.

Чтобы понять эти постепенные превращения, необходимо изучить ближе, хотя бы в общих чертах, действие отдельных колес машины, испытавшей на себе влияние противодействий.

V. Организация суда и законодательство

До половины XVI века на отправление судебных обязанностей смотрели как на пожалование, на до-

ходную статью. Фискальные агенты и уполномоченные правительства на землях *черных*, владельцы на землях *белых* кормятся и кормят других из этого источника. Судебные приговоры являются предлогом для взыскания установленных пошлин. Преследование преступлений есть главным образом финансовая операция. Если же ведение некоторых случаев преступлений – убийства, разбой – сохранилось за государством, то причиной является доходность этих дел, они приносят больше выгоды, и правительство сохраняет себе лучшие куски.

Со времени «Русской Правды», первая редакция которой относится к 955 или 962 г., законодательство оставалось неподвижным. В «Судебнике» 1497 г. уголовные законы занимают первое место. В вопросах гражданского права законодатель ссылается большей частью на обычаи. Он едва касается отношений семейственных и договорных; другие же юридические отношения совершенно обходит молчанием. Что касается политических прав, то он говорит о них очень мало или почти ничего. Государство проявляет заботу о простом народе. Но опека его ограничивается запрещением лишать человека свободы без согласия государя. Законодатель занимался особенно организацией судебных функций. Организация же эта для него сводится к расчету и распределению судеб-

ных пошлин и штрафов. Судебник 1497 года представляет собой не что иное, как уголовный устав, устав и приходную книгу.

В изобилии и строгости наказаний за уголовные преступления ясно чувствуется влияние татар, так как Русская Правда была значительно мягче. Она была либеральна в некотором отношении и представляла во многих случаях виновному право выкупа. Новый устав не знает этой привилегии. Выражения «*бити кнуты*», «*бити батоги*» встречаются чуть ли не в каждом параграфе. В применении наказаний и во всем законодательстве проведена идея равенства, соответствующая демократическим тенденциям, но над нею господствует противоположный принцип обычного права, с византийским отпечатком, наложенным на него церковью. Судебная практика пользовалась также источниками греческого гражданского законодательства: законами Константина Великого, Юстиниана, Льва Философа, эклогами Льва Исавра и Константина Копронима. Хотя суды были одни и те же как для крестьянина, так и для всех других, однако крестьянина вешали, а боярина за такое же преступление только заключали в тюрьму или секли. Обвиняемого обыкновенно подвергали пытке, чтобы получить признание в преступлении. Жгли медленным огнем, ломали ребра, вонзали в тело гвозди. Это бы-

ло в шестнадцатом веке.

Но до XVII века, отставая от Европы, это самое законодательство удержало применение судебного поединка, также заимствованного из обычая. В Новгороде допускался поединок даже между женщинами, обвиняемыми в чем-либо друг друга; в Пскове же этот обычай принял более утонченную форму, и женщины, наравне со стариками, слабыми и монахами, могли выставляться вместо себя заместителей. В этом же смысле и судебник Ивана IV занимался уравнением сил спорящих. Но в это время судебный поединок изменил уже свой характер. Долго он был здесь чисто житейским средством, ему не придавали большего значения и ставили на третье место в ряде доказательств правоты. В знак недоверия и осуждения поединка к нему прибавляли в качестве вспомогательного средства присягу и вынуждение жребия. Прежде чем вступить в сражение, приносили присягу. Присяга же давалась по жребию. Идея божеского вмешательства существовала здесь в скрытом виде.

Теперь она выдвинулась на первое место. Поединок стал Божьим судом.

В этом захотят увидеть новый пример движения назад по пути прогресса, но пусть вспомнят, что, хотя ордалия и была запрещена во Франции в 829 году эдиктом Людовика Кроткого, парламенту пришлось

возобновить запрещение в 1400 году. Ордалия опиралась главным образом на идею небесного вмешательства, которая на Руси только позднее присоединилась к принципу простой борьбы – наследия минувшего варварства, когда каждый защищал сам себя и решения всех споров зависели от личной силы противников. Вот почему церковь не поддерживала применения поединка, как это она делала с другими формами суда Божия. Напротив, она боролась с этим обычаем и старалась придать ему религиозную окраску. Она способствовала также выделению из него второстепенных моментов – присяги и жребия. В конце концов они сделались самостоятельными средствами доказательства правоты. В церковных делах жребий и присяга скоро вошли во всеобщее употребление. Приговор вынимали, как лотерейный билет. В общих гражданских судах также прибегали к этим средствам до конца XVI века. Английский коммерческий агент Генри Лен оставил любопытную заметку по поводу одного процесса, в котором он был заинтересованным лицом в 1560 году.

Дело шло о 600 руб., которые требовал с Лена один костромской купец. Спор должен был решиться поединком. Лен подыскал для себя сильного бойца, своего соотечественника, также состоявшего на службе у английской торговой фирмы, основан-

ной в России. Второй англичанин назывался Романом Бестом. Он был родоначальником знатного русского рода Бестужевых. Но костромич отвел опасного для него противника. Тогда прибегли к жребию. В присутствии двух важных чиновников, игравших роль посредников, и многочисленного собрания обеим сторонам было предложено помириться. Никто не отказался от своих претензий. Тогда судьи засучили рукава, скатали из воска два шарика. Один из судей позвал из толпы присутствующих зрителей: «Эй ты, в такой-то одежде и шапке, подойди сюда!» Человек подошел и протянул свою шапку, куда были опущены оба шарика. Выбранный таким же способом другой человек вынул их из шапки один за другим. Вынутый первым был выигрывающим. Англичанин оказался прав. Собрание разразилось восторженными криками, убедившись таким способом в правоте его дела и в честности английских купцов вообще.

Легко понять причину того, что государство не верило этого рода доказательствам в тех делах, в которых оно само было заинтересовано. Оно изобрело другие, из которых *повальный обыск*, род свидетельской анкеты, был в большом употреблении, особенно при Иване Грозном. Считалось неопровержимым положением: глас народа – глас Божий, и поэтому требовалось большое количество показаний. Лже-

свидетели строго наказывались, их били беспощадно кнутом. Но для дел частных лиц этот способ не применялся. Что же касается письменных доказательств, то они появляются только лишь в конце XVI века.

Приведение в исполнение приговора по гражданским делам имело странную форму. Несостоятельный должник выдавался кредитору *головой*. Это значило, что он становился вещью, рабом последнего до уплаты ему долга. Самостоятельный, но отказывавшийся платить, подвергался *правежу*. Он заключался в том, что упорствующего приводили к месту суда и заставляли бить его по ногам с утра до вечера. Суровость и сила наказания были различны и зависели от подарков, которые предлагали обе стороны палачам. Поэтому некоторые возвращались с *правежа* без особого вреда, других же увечили. Продолжительность *правежа*, сначала неопределенная, была установлена между 1555 и 1628 г. в один месяц для суммы в 100 рублей. По истечении этого срока дебитор выдавался *головой* кредитору. Знатные люди пользовались привилегией избавиться от *правежа*. Они или выставляли вместо себя кого-нибудь другого, или же и вовсе не являлись.

Чрезвычайная продажность судей служила серьезным препятствием для осуществления судебного равенства. Ко взяточничеству тогда относились с боль-

шой терпимостью, хотя формально взятки были строго воспрещены. Но обычай требовал, чтобы являвшиеся на суд клали перед образами пожертвования «на свечи». К Пасхе же все должностные лица имели право принимать «красные яички», обыкновенно с несколькими монетами в придачу. Василий, отец Ивана Грозного, узнал, что один судья, получив от одной из тяжущихся сторон больше денег, а от другой меньше, решил дело в пользу первой, более щедрой. На допросе судья сознался и в оправдание себе сказал: «Я больше верю богатому, чем бедному, у него меньше интереса обманывать меня». Василий улыбнулся и помиловал его.

Будем же и мы в свою очередь снисходительны к обществу, где борьба за существование была доведена до крайности в среде всех классов, благодаря условиям того времени. Постараемся ознакомиться с тем экономическим строем, в котором возник и существовал правеж.

VI. Экономический строй

За исключением уже указанных торговых и промышленных центров, Россия шестнадцатого века была, как и теперь, страной земледелия. Но обработка земли оставалась в первой фазе развития и соверша-

лась примитивными способами. Более продуктивными с этой точки зрения областями считались к северу от Москвы Ярославская земля, а к югу-востоку – берега Оки от Рязани до Нижнего Новгорода. Если верить Герберштейну, земли по берегам Оки давали урожай от сам-двадцать до сам-тридцать. Кроме того, берега Северной Двины, утучняемые весенними разливами, представляли очень плодородные земли, несмотря на суровость климата. Однако пшеницы сеяли мало. Распространенными хлебами были рожь, овес, гречиха. Они служили главным образом для внутреннего потребления. Некоторая же часть направлялась на Запад через Нарвский порт, а позже через Архангельск и сухим путем через Польшу. Но торговля эта не могла быть обширной. У Европы тогда не было современных потребностей. Правительство парализовало эту отрасль, монополизировав ее, как и другие. Наконец, вывоз хлеба в большом количестве считался вредным, могущим разорить страну. С другой стороны, цены были очень непостоянны. В зависимости от урожая, удаленности места производства, от войн и других кризисов, постигавших страну, они то возрастали, то уменьшались раз в десять. Этим затруднялся сбыт русского зерна на рынке Запада. Но цены обыкновенно были очень низкие.

Я здесь должен сделать отступление, чтобы объяс-

нить русскую денежную систему. Единицей, как и теперь, был *рубль* (от *рубить*), содержащий в себе 100 копеек. Он номинально равнялся по весу 16 золотникам серебра, т. е. содержал благородного металла в семь раз больше, чем теперь, и английскими купцами считался равным 16 шиллингам и 8 пенсам. Но уже с начала XVI века цена рубля стала постепенно падать, благодаря московской политике. Тогда уже было положено начало системы, следствия которой мы видели теперь, когда цена той же единицы стала равной 2 шиллингам и нескольким пенсам. Копейки первоначально назывались *деньгами* (от татарского *динг* – серебро). Современное название было принято только в XVI веке, когда на этой мелкой монете появилось изображение воина, вооруженного копьем. Еще при отце Ивана Грозного рубль считали равным 250 деньгам, а во время малолетства Ивана под давлением финансовых нужд – даже 300. Рубли тогда были двух видов – новгородские и московские. Первые сохранили свой старинный вес и стоили в два раза дороже московских. Отсюда происходило большое затруднение при определении действительных цен предметов потребления того времени.

Мелкими монетами были серебряные: *алтыны* (от татарского слова *алт* – шесть) – монета в 6 копеек, *гривны* (20 коп.), *полтины* или пол-рубля, медные

полуденьги или *пули*, *полушки* (пол-копейки). Серебряная *деньга*, монета неправильной, слегка овальной формы, была заимствована у татар, как и ее имя. Величина ее была очень незначительна, и она легко терялась. Купцы, производя свои расчеты, обыкновенно набирали их в рот до пятидесяти штук. По свидетельству иностранных путешественников – Герберштейна и Флетчера, летописей того времени, и согласно вычислениям Рожкова, цена четверти (четверть по весу тогда была в два раза меньше современной) ржи в начале XVI века изменялась от 10 до 69 коп. Цены других продуктов подвергались таким же колебаниям. Отношение средних цен того времени к современным ценам на одни и те же продукты равняется 93,9. Следовательно, покупательная сила рубля в то время была почти в 94 раза больше, чем теперь, и, следовательно, он стоил почти в 94 раза больше, чем современный рубль. Но к концу XVI века это отношение падает до 20–24 и не может быть установлено с точностью.

Цена на труд зависела от цены на хлеб. И мы встречаем такие факты: в 1598 г. крестьяне берут подряд срубить лес, обтесать и доставить его на место для постройки моста за полторы деньги. *Обжа*, т. е. пространство земли, которое один человек мог обработать с помощью одной лошади, продавалась

в 1573 г. за 8–10 рублей. Дом стоил 3 рубля. За 4 рубля и 16 алтын можно было купить 4 коровы и 20 штук овец, лошадь – за 3 рубля. В обработке земли применялась трехпольная система: рожь, овес и пар. Владея обжей, крестьянин сеял от 21/2 до 31/2 четвертей ржи и столько же овса. При хорошем урожае он получал дохода до 3 рублей в год. На эти средства он должен был прокормиться и одеться. Одежда ему стоила полтина, не считая пояса и рукавиц, необходимых в большие холода. Он должен был платить налоги от 75 коп. до рубля, согласно исчислению установленному на 1565 год.

Это относится к *черным* землям, населенным свободными крестьянами. На *белых* землях ссуды, выдававшиеся владельцами крестьянам на расходы по первому обзаведению хозяйством, помощь во время голода или падежа скота, делали условия для земледельцев более сносными, но это лишало их свободы. На общинных землях при поселении крестьяне обыкновенно освобождались от уплаты налогов на срок от 4 до 8 лет, но ни на что другое они рассчитывать больше не могли. Монастырские владения слыли раем, и я уже указал почему. Однако если монахи, сами не очень обремененные, могли быть также и менее требовательны, слово *страда* (от страдать), применяемое обыкновенно к работе на этих собственни-

ков, показывает, что это за рай был.

Я уже указывал на причину, затруднявшую развитие промышленности. Знаменитый «Домострой», составленный попом Сильвестром в царствование Ивана Грозного, дает любопытное освещение этого вопроса. Промышленная деятельность по «Домострою» носит характер патриархальный. Под крышей боярина того времени мы видим целую группу мастерских, снабжающих дом всеми необходимыми предметами внутреннего потребления. Для развития самостоятельного мастерства не было места.

Плотничье и столярное ремесло, судостроение, выделка мелкой домашней утвари и разных других предметов из дерева – занятие так сильно развившееся в наше время в особой, так называемой *кустарной*, промышленности, было однако известно и распространено в стране с древних времен. В Козмодемьяновске, близ Нижнего Новгорода, возникло известное производство сундуков. Холмогоры славились изделиями из красной и тюленей кожи. Вяземские сани и калужские деревянные ложки пользовались большой известностью. Но все это были предметы малоценные. Холмогорские сундуки служили для перевозки товаров, направлявшихся в Москву, и затем продавались по дешевой цене. Сотня калужских ложек стоила 20 алтын, а вяземские сани прода-

вались за полтину.

Торговля, сравнительно более развитая, не имела для себя достаточно пищи. Предметы вывоза ограничивались почти исключительно сырьем и едва обработанными материалами. Первое место занимали меха: их продавали в Европу и Азию почти на 500 000 рублей в год. Лучшие соболи шли из Обдорской земли (теперешняя Тобольская губ.), меха белых медведей – с берегов Печоры, бобры – с Кольского полуострова. Красивый мех соболя стоил до 30 золотых флоринов. Опушка боярской шапки из черной лисицы стоила 15. Но горностаевые шкурки были тогда дешевы: по 3–4 деньги за штуку. Воск занимал второе место среди предметов внешней торговли. Его вывозили до 50 000 пудов в год. Затем шло сало из земель Смоленской, Ярославской, Угличской, Новгородской, Вологодской и Тверской. Производилось его громадное количество от 30 до 40 тысяч пудов в год. Внутреннее потребление этого продукта было довольно незначительно, потому что богатые пользовались для освещения восковыми свечами, а простой народ – лучиной из смолистого дерева. Мед, в изобилии доставлявшийся землями Рязанской и Муромской, позже Казанской, служил главным образом для приготовления любимого национального напитка. Но все-таки часть его шла и за границу. Псков и Новго-

род вывозили его до 10 000 пудов ежегодно. Лосиные кожи, которые хвалит Флетчер, покупались также иностранцами. Самые крупные лоси водились в лесах близ Ростова, Вычегды, Новгорода, Мурома и Перми. Быки, слишком мелкие, были малоценным товаром. Окрестности Архангельска доставляли для внешнего потребления тюлений жир. Рыбные промыслы, устроенные в Ярославле, на Белоозере, в Нижнем Новгороде, в Астрахани после ее завоевания, – доставляли в изобилии рыбу и икру. Уже тогда эти продукты охотно закупались голландскими, французскими и английскими купцами и шли даже в Италию и Испанию. Матвей Меховский в своем трактате о Сарматах, появившемся в 1521 году, говорит о ловле китов на Белом море. Однако было бы ошибочно думать, что эта отрасль промышленности достигла тогда значительных размеров. Даже гораздо позже попытки развить ее не увенчались успехом. Дело, вероятно, ограничилось, как предполагает Замысловский, использованием нескольких китов, выброшенных морем. Некоторые виды птиц служили предметом постоянного спроса на заграничные рынки. Псковский лен и конопля из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы находили сбыт за границей, равно как и соль, добывавшаяся в Старой Руссе, а также деготь из Смоленска и Двинска.

Персия покупала моржовые клыки для промышлен-

ных целей, а также для изготовления известного тогда противоядия.

Добытая в большом количестве на берегах Двины и в Карелии слюда заменяла стекло в стране и вывозилась наравне с другими минеральными продуктами: селитрой, приготовлявшейся в Угличе, Ярославле и Устюге, серой из самарских озер, железом из рудников Карелии и окрестностей Каргополя и Уст-гожны. Приготовлявшиеся большею частью для внутреннего потребления некоторые предметы находили и внешний сбыт, у татар. Они покупали седла, уздечки, полотна, сукна, одежду и взамен присылали азиатских лошадей. Европейские купцы привозили серебро в слитках, золото для шитья, медь, сукна, зеркала, кружева, ножи, иголки, кошельки, вина и фрукты. Азиатские же купцы продавали шелковые материи, парчу, ковры, жемчуга и драгоценные камни. Как те, так и другие должны были сначала везти свои товары в Москву, где государь выбирал, что ему нужно, а остальное уже разрешал продавать кому угодно. Дочь Петра Великого еще пользовалась этой привилегией по отношению к торговцам модными французскими товарами.

Купцы съезжались при слиянии Мологи и Волги. Там некогда возник маленький город – *Холопий городок*, от которого осталась только церковь. По пре-

данию, он был основан новгородскими невольниками, убежавшими сюда от гнева своих господ, тяжело ими оскорбленных во время отсутствия, показавшегося слишком долгим для добродетели их жен, оставшихся дома. В этом городке собиралась знаменитейшая в то время на Руси ярмарка. Она продолжалась 4 месяца. В обширном лимане Мологи скопилось столько судов, что можно было по ним перейти с одного берега на другой. Немецкие, польские, литовские, греческие, итальянские, персидские купцы толпились на берегу, размещая свои товары на обширном лугу, окруженном временными постоянными дворами и кабаками. Их насчитывали здесь иногда до семидесяти. Обмен был настолько значителен, что государю поступало ежегодно до 180 пудов серебра. Однако обмен совершался почти исключительно натурой, без употребления денег. Деньги – вообще в то время очень редкая вещь – скоплялись в руках не менее редких капиталистов и главным образом в руках князя.

Только ярмарка в Лампожне, о которой я уже упоминал, могла равняться с рынком Холопьяго городка по оживленности и обороту по торговле мехами с самоедами. За железный топор эти дикари давали столько собольих шкурок, сколько их можно было связанными вместе протянуть через отверстие, куда

вставляется ручка топора.

Литовские купцы собирались еще на берегу Днепра, близ монастыря св. Троицы, в Смоленской земле. Торговля с иностранцами оказывалась в общем итоге убыточной для русских, так как местные продукты шли по очень низкой цене, а иностранные напротив покупались по очень высокой. Аршин бархата, атласу стоил рубль. Кусок тонкого английского сукна – 30 рублей, бочка французского вина – 4 рубля. Золотая монета служила также предметом ввоза и облагалась пошлинами, как и все другие товары. Своя чеканка не удовлетворяла потребностям страны. Ловкие и предприимчивые русские купцы того времени пользовались дурной репутацией. Иностранцы отмечают их лукавство и недобросовестность.

Исключение составляют псковские и новгородские купцы, но и они уже не пользуются былой славой честных дельцов. Местная поговорка «показывать товар лицом» получила очень широкое применение, точно так же как и привычка запрашивать за вещи чуть ли не в десять раз больше против их действительной стоимости, если покупатель был богат или наивен. Оптовые торговцы часто брали с собой опытных людей, но последние обыкновенно старались появиться с обеих сторон. Иностранцы замечали, что чем больше божится купец, тем больше шансов быть обворо-

ванным им. Обмануть качеством и мерой товара, продать подделку, подменить при покупке один предмет другим было обычным делом в русской торговой практике того времени.

Иностранные коммерсанты пользовались большими успехами. С XV века некоторые английские, фламандские, голландские торговые дома, основавшиеся в России для ввоза и вывоза, приобрели некоторые привилегии и пользовались ими до тех пор, когда возникла настоящая монополия английских купцов. Это объясняется до некоторой степени вкоренившимися в русской торговле пороками, хотя нельзя сказать, чтобы и иностранцы были вполне свободны от них. Герберштейн сознается, что нередко продавались ими те предметы, которые стоили 1–2 червонца, за 12.

Русские были невежественны и подвергалась так же часто обману, как и сами являлись обманщиками; эксплуатируемые, но, защищаемые государством, они смотрели на торговлю как на войну, где всякие средства законны и даже необходимы. Иностранцы, считавшие их поступки нечестными, сами им подражали. Налоги, взваленные на промышленность жадностью правительства, и разные препятствия, создаваемые его неумением, все увеличивались. Государство было поделено на небольшие торговые об-

ласти, простиравшиеся на 10–20 верст от какого-нибудь центра-города или деревни. В каждой из таких областей торговля должна была происходить в центральном пункте, чтобы легче было собирать пошлины. Бесчисленные высокие пошлины увеличивались еще системой внутренних преград, дававшей простор злоупотреблениям и вымогательствам. Прежде чем достигнуть рынка, товар должен был пройти ряд фискальных преград: дорожные заставы, таможни при въезде в каждый город и при переправе через реки. Кроме того, если город стоял на берегу реки, нужно было платить пошлины при нагрузке и разгрузке товаров. Если на городской площади был *истинный двор*, купец должен был останавливаться там и платить за въезд и за выезд. Платили при помещении товаров в склады, и за каждый проданный оттуда предмет. Если продавалась лошадь, то уплачивали пошлину за тавро и за запись, если пуд соли – пошлину за вес.

Представьте, что крестьянин прибыл на рынок с произведениями своего убогого хозяйства. Чтобы выручить 1 рубль, ему нужно продать лошадь или две коровы, или 20 штук гусей, или 10 штук овец, или несколько десятков четвертей ржи, или четверо саней. Он уже по дороге истратил от 8 до 10 денег, что составляет больше его дневного заработка. Ес-

ли же он продает лошадь, ему придется еще истратить 15 денег. Впрочем, система эта не представляла особенности русского государства. Она была общим явлением той эпохи, когда во Франции еще сохранились следы феодальной фискальной системы, не менее требовательной и стеснительной, когда древний *telonium* обратившийся в *tonlieu* и древний *vinagrum* ставил *vientrage*, обирал купцов при проезде через каждую землю. В 1567 году насчитывали от 100 до 150 таможенных застав по течению одной только Луары. С ящика каких-нибудь галантерейных товаров, отправлявшихся из Парижа в Руан, с уплаченным ярмарочным сбором, взимали пошлины в Севре, в Нейли, в Сен-Дени, в Шату, в Пеке, в Мезоне, в Конфлане, в Пуаси, в Триеле, в Мёлане, в Манто, в Рош-Гюйоне, в Ворроне, в Андели, в Пон-де-Ларин, на Руанском мосту и, если товар предназначался в Англии, то взимали в том же Руане еще так называемые «Droits de vieomt», «Droits de r(ve)» и «haut passage». К этому нужно еще прибавить расходы за разрешение нагружать, фрахт, плату лоцману.

Однако во Франции уже Людовик XI старался уменьшить число этих поборов, бывших во время анархии Столетней войны. Сама-то система пошлин во Франции была в некотором смысле плодом анархии. В России же она явилась следствием развивав-

шегося здесь особого строя и осложнялась с увеличением нужд государства. Кроме того, торговля была обременена здесь дополнительными правилами, вытекавшими из первобытных экономических взглядов. Какой-нибудь литовский купец, обменяв в Москве сукно на воск и несколько серебряных безделушек в придачу к нему, мог обнаружить свой товар конфискованным, так как торговля драгоценностями запрещалась.

Кроме того, торговля страдала еще от общего несчастья всех городских поселений того времени. Городские строения и мостовая, если она где встречалась, – все было из дерева и, по меньшей мере раз в 10 лет подвергалось полному опустошению от пожара. После пожара в Новгороде, уничтожившего в 1541 году весь славянский конец, 908 домов, в 1554 г. жертвой его сделались 1500 домов. Одна из летописей этого города, вторая, представляет собой простой перечень этих периодических несчастий. Никаких мер против этого бедствия не предпринималось. Только в 1560 году догадались поместить недалеко от печей кадки, наполненные водой, и большие крючья, какие можно заметить и до сих пор в русских деревнях у изб, находящихся в постоянной опасности от огня. В 1570 г. к этим мерам прибавилось запрещение летом топить бани и разрешалось печь хлеб не иначе, как в печах, помещающихся вне дома. При-

бавьте к этому плохое состояние дорог в стране, которая и теперь за неимением подходящего материала вынуждена обходиться без шоссе. Из Порта Святого Николая на Белом море, куда впервые пристали англичане, и до Вологды, где они основали первую свою контору, было 14 суток езды водным путем, а сухим 8 суток в зимнее время. Летом же к сухопутному сообщению долгое время не прибегали. От Вологды до Ярослава считали два дня пути и 30 от Ярослава до Астрахани по воде. Из Новгорода в Нарву важный по внешней торговле путь представлял собой проселочные дороги, проходившие через леса и болота. Гостиниц не было. Деревни попадались редко. Между Новгородом и Москвой тянулось пустынное пространство и из Москвы в Вильну летом можно было добраться с большим трудом. Единственной дорогой, более или менее проходимой во все времена года и сравнительно удобной, была дорога, проходившая по довольно населенным местам между Псковом и Ригой на западной границе. Поэтому большие транспорты совершались летом по водным путям, а зимой по санным. В то время не редкостью было встретить 700 или 800 саней, наполненных зерном или рыбой. Отправлялись тогда в дорогу обыкновенно большими партиями, боясь вооруженных нападений, что нередко случалось.

Опасность встречалась везде: татары на востоке делали постоянные набеги, убивали и грабили путников, казаки на юге, а бродяги везде. На Волге шайки разбойников были настолько многочисленны, что из года в год приходилось высылать против них военные отряды для укрощения их дерзости.

Иностранные путешественники отметили одно явление, ярко выделяющееся из ряда того, о чем я только что рассказывал, – это превосходная организация почты. Из Новгорода в Москву, когда была хорошая дорога, т. е., зимой, 542 версты делали в трое суток, уплачивая по 6 коп. за расстояние в 20 верст. На станциях можно было всегда найти сколько угодно лошадей. В дороге загнанную лошадь быстро заменяли другой. Ее бросали, а брали новую в первой попавшейся деревне или у первого встречного. Царская служба! Достаточно было иметь подорожную, выданную надлежащей властью, чтобы пользоваться подобными услугами. Летом, правда, картина изменялась. Лошади были или на пастбище или заняты полевыми работами. Часы проходили, пока можно было добиться нужной запряжки. Но тогда пользовались преимущественно водными путями, где были лодки и гребцы на той же службе.

Это было наследием татарского завоевания, поразительные успехи которого обуславливались чрезвы-

чайной быстротой и совершенством средств передвижения. Не нужно забывать, что во Франции организация почты относится только к 1464 г., когда они были учреждены эдиктом Людовика XI, и то пока еще только с исключительной политической целью – для королевских курьеров. Россия всегда была страной поразительных неожиданностей.

Но это единственное преимущество не искупало других недостатков, парализовавших в XVI веке развитие экономической жизни. В 1553 г. в Пскове на кладбище было похоронено 25000 трупов, не считая тех, которые в большом количестве сгнили в полях за городом. Народ гиб здесь от чумы – такого же периодического бича, как и пожары. В 1565 г. весной чума была в Луках и Торопце, а осенью в Смоленске и Полоцке. На следующий год она опустошает Новгород, Старую Руссу, еще раз Псков, Можайск и даже Москву. Перед чумой или одновременно с ней, как было в 1570 году, бывал голод. И средства мнимой борьбы с этими несчастьями были так же жестоки, как и они сами. В 1551 г. из Новгорода выгоняли псковских купцов, которых считали зараженными, и тех из них, кто сопротивлялся, сжигали. Сжигали также и священников, решавшихся посещать больных.

В действительности голод был здесь нормальным

явлением. Англичанин Джекинс, ловкий коммерсант и вместе с тем пронизательный наблюдатель, говорит о двадцати четырех человеках, умерших на его глазах в небольшой промежуток времени от недостатка пищи. Питались они хлебом из высушенной и смолотой мякины. Такой хлеб составлял в зимнее время пищу огромного большинства населения, привыкшего летом есть траву, коренья, древесную кору. Иностранец отмечает при этом бесчеловечность людей в этом крае. Они оставались равнодушными при виде себе подобных, падавших и умиравших на улице от истощения. Эта черта замечается везде, где нищета, сделавшись обычным явлением, притупляет чувство и ожесточает сердца.

В XVI веке богатство или даже простое довольство в этой стране явление исключительное. Наряду с монастырями только Строгановы обладали значительным состоянием. Флетчер определяет его в 300 000 рублей деньгами, не считая огромных земельных владений. Обработанные поля простирались от Вычегды до границ Сибири. В промышленных предприятиях насчитывалось до 10 000 рабочих по найму и 5000 крепостных. Строгановы платили в государственную казну 23000 рублей налогов. Но правительство чуть не разоряет их, требуя все больше. Эта именно система и разоряла многих

и в результате таким образом сделала то, из чего Строгановы составляли исключение.

Правительство и церковь, двуликий Ваал. Они пожирают все, сосут национальное богатство, истощая источники дохода: правительство своими чрезмерными поборами, церковь высокими ростовщическими процентами по ссудам. Все в долгу у монастырей и более бедные уплачивают проценты своим трудом, который таким образом является потерянным для общей экономики и для накопления национального богатства. Формула, по которой муж и жена, а иногда и вся семья с детьми обязываются «*за рост служити в двое по вся дни*», делается общеупотребительной в долговых обязательствах, число которых все возрастало. Выше уже отмеченная редкость монеты служит показателем общей бедности.

По свидетельству Гуаньино, беличьи шкурки служили эквивалентом обмена до конца века, да и Петр Великий еще уплачивал жалованье своим чиновникам таким же способом. Однако в XVI веке чеканка монеты оставалась еще свободной и государство следило только за весом и пробой. Некоторые чеканщики получили даже право класть свое имя на монетах. Очень распространенными также были серебряные слитки и примитивные новгородские монеты, снимки которых дает нам Шадруа в своем труде «*Apereu*

sur monnaies russes», 1836. Они были ни чем иным, как слитками. Привычка смотреть на золото и серебро как на товар надолго укрепилось в умах. Но благородных металлов было недостаточно. Хотя можно сказать, в противоположность утверждению Павла Иовуса, рудники в России были. Уже Иван III в 1482 г. просил венгерского короля Матвея Коровина прислать ему несколько инженеров для эксплуатации рудников. В 1391 г. серебряные россыпи были открыты на берегах Цыльми, притока Печоры. Однако добыча серебра оставалась незначительной и Россия в этом отношении чувствовала себя в зависимости от иностранцев. Что касается золота, то в обращении были только иностранные монеты – венгерские, голландские, польские, флорентийские червонцы, английские *shitts-nobles* и *roses-nobles*. Из серебряных – обращались в большом количестве голландские флорины, немецкие талеры, называемые здесь обыкновенно *ефимками*, и английские шиллинги. Количество золотой монеты, находившейся в обращении, было так ничтожно, что всякое событие, повышавшее на нее спрос, как, например, свадьбы или крестины в царской семье, отправка послов за границу, – увеличивало цену ее вдвое. По существовавшему обычаю государь по случаю свадьбы и крестин получал в подарок от бояр и сословных представителей червонцы. По-

слы нуждались в золоте даже для представительства в Польше.

Государь всегда имел много денег в своих подвалах. Он был очень богатым владыкой весьма бедной страны и поражал всех, даже запад, своим богатством, но размеры и способ приобретения его нельзя точно определить. Поэтому я ограничусь только краткими указаниями на этот счет.

VII. Финансы

Мы не имеем никаких точных данных относительно бюджета Московского государства до конца XVI века. При сыне Ивана IV, в конце века, Флетчер определяет доход государства в 1 400 000 рублей – 600 000 прямых налогов и 800 000 косвенных. Судя по документам, относящимся к царствованию Алексея, эти цифры кажутся близкими к действительности и указывают, что приход при Иване Грозном в среднем равнялся 1 200 000 руб. В то время в Англии прямых налогов не существовало. Налоги же на предметы потребления приносили 140 000 крон, и весь доход Генриха VII не превосходил миллиона крон. Рубль тогда считался равным 16 шиллингам и 8 пенсам. Таким образом Иван IV взимал со своего народа больше того, что взимал со своего Генрих VIII, в 4 раза.

На самом же деле Иван получал гораздо больше. Важным источником дохода московского государя была земля, раздававшаяся «служилым людям». Ею оплачивались самые существенные потребности государства – армия и администрация. Таким образом, государь этот копил денежные средства. Хотя военные припасы и жалование некоторым отрядам, уже тогда составлявшим ядро регулярной армии, требовали значительных расходов. По некоторым сведениям, на это уходило три четверти дохода. Но оставшаяся четверть все-таки могла быть отложенной. В самом деле, для содержания своего двора великий князь, как и все другие европейские государи, мог пользоваться доходами со своей личной вотчины. Ему принадлежали 36 городов с селами и деревнями, прилегавшими к ним. Отсюда доставляли ему, кроме денег, хлеб, скот, рыбу, мед, сено. Все это не могло быть потреблено двором, как бы велик он ни был, и служило предметом довольно значительной торговли. Иван IV из этого источника побочных доходов получал 60 000 руб., а его преемник, более экономный, до 230 000 руб.

Указанный порядок в общих чертах сохранился до наших дней. Он составлял неотъемную часть строя, выдержавшего вековое испытание. Стране, достаточно покорной для того, чтобы приспособить-

ся к нему, он доставил если и не благосостояние, то по крайней мере величие и материальное могущество, громадную силу концентрации и роста. Остается выяснить причину этой покорности. Это нам, быть может, удастся, если мы проникнем в духовную жизнь народа, успевшего совершить столько великого с такими средствами.

Глава третья

Умственная жизнь

Причины слабости. Умственные течения. Литература. Искусство. Преобразовательное движение.

I. Причины слабости

Монголов, наводнивших Русь в XIII веке, обыкновенно обвиняют в преступлении против цивилизации. Они будто бы явились причиной разрыва сношений этого государства с Западом и произвели быструю остановку в культурном его развитии. Я также долго разделял общее заблуждение и без смущения сознаюсь: все говорит в пользу этого взгляда, а история нашествия так темна! Свидетельство противоположного характера меня сначала поразило. Но тем не менее оно достаточно убедительно, так как исходит от одного из высших представителей национальной церкви. А ведь известно, что до XVIII века умственная жизнь страны концентрировалась в этом очаге просвещения.

«Судя по состоянию и успехам развития просвещения в течение двух с половиной веков, предше-

ствовавших татарскому завоеванию», пишет архиепископ Макарий в своей «Истории Русской церкви»,¹¹ «мы не думаем, чтобы эти успехи были более быстрыми и в следующие два века, если бы даже монголы и не посетили нас... Эти азиаты нисколько не мешали духовенству, особенно в монастырях, заниматься наукой. Но русские сами в то время, кажется, не имели никакого влечения к высшим духовным потребностям. Следуя примеру своих предков, они ограничивались умением свободно читать и понимать священное писание»...

Новейшие исследования разрушили иллюзию, что с татарским нашествием нахлынула на европейскую культуру волна варварства. Соратники Батыя и его полководца Суботая вовсе не были такими страшными варварами, как их представляют. Это превосходно показал Каен в своей книге, являющейся в некотором роде настоящим открытием.¹² Татары были перворазрядными полководцами и чудесными организаторами, достойными представителями той цивилизации, которая через какое-нибудь столетие в г. Самарканде привела в восхищение послов Генриха Кастильского (1405) и распространила по всей Европе употребительные астрономические таблицы, со-

¹¹ V т., 258.

¹² Introduction a l'histoire de l'Asie, 1896, стр. 343 и след.

ставленные Улугбеком.

Разрушителями татары были только в случаях военной необходимости и притеснителями являлись только там, где дело шло об их фискальных интересах. По своей численности они не могли наводнить страну. Легенда о нахлынувшем потоке – не что иное, как мелодраматическая выдумка: Суботай везде побеждал с небольшим, но хорошо вооруженным, очень подвижным, под превосходной командой, войском.

Вероятнее всего, что они повсюду находили развалины, разлагающееся государство и страну, уже отделившуюся от Европы и жившую в политическом и умственном отношении почти в полной изолированности. Ярослав (1019–1054) выдал замуж свою сестру за польского короля Казимира, одну из своих дочерей за короля венгерского, другую за норвежского и третью за Генриха I французского, – браки такого рода не были продолжены в традиции великого киевского княжения среди его наследников, споривших из-за уделов. И уже в 1169 году Киев был разрушен другими варварами, которые пришли не из Азии. Удельные князья старались овладеть огнем и мечом древней столицей Киевом. Расчлененная и опустошенная своими же детьми, Русь была еще в духовном общении с Византией, была привязана к трупу; она была связана с греческой наукой, но осуждение античной куль-

туры, закрытие древних школ, введение восточных идей лишали ее свободы исследования, существенного условия прогресса. Современники Фотия († 891) приписывали знания патриарха колдовству одного пажа еврея, точно так же как науку архиепископа Феодора Лев Грамматик смешивал с вызыванием теней умерших. Историография ограничивалась собиранием легенд. Преподавание философии было запрещено. Вся умственная жизнь сводилась к религиозной полемике, находившейся в фазе упадка. С XII века восточные монастыри не в силах уже использовать научные материалы, которыми они располагают.

Умственное одиночество Православной Руси было прямым следствием ее родства с этой византийской *Alma mater*. Из двух сот сорока русских писателей, появившихся до конца XVII века, не считая юго-западных католиков, сто девяносто были монахи, двадцать из числа белого духовенства и тридцать других были авторами трудов, посвященных главным образом религиозным вопросам. Литература и наука были таким образом почти исключительно церковными. Уже в XIII веке церковь представляет закрытый, непроницаемый мир. Православие запрещало всякое общение с иноверцами. Обычай требовал от русских государей мыть руки после аудиенции, данной иностранным послам, что так оскорбило папского ле-

гата Поссевина при дворе Грозного. Присоединение к флорентийской унии митрополита Исидора, ставленника Византии, и взятие турками Константинополя еще более увеличили это духовное одиночество Руси. Теперь сам Восток вызывал подозрения, а торжество ислама казалось заслуженным наказанием. В эту эпоху возникает и распространяется предание о пребывании на Руси ап. Андрея, что свидетельствовало в пользу древности и независимости местного православия. Возникла идея национальной веры, соответствующей самобытным чертам славянского духа.

Однако национальная церковь не только не сияла новым блеском, но напротив, все больше и больше погружалась во мрак. К концу XV века не осталось и следа школ, существование которых при древних монастырях подтверждается многими источниками.

В начале следующего века архиепископ Новгородский, святой Геннадий, с грустью отмечает, что лица, рукоположенные им во священники, не умеют ни читать, ни писать. Устное поучение также отсутствовало, кафедры безмолвствовали и, по свидетельству иностранных путешественников, с трудом можно было найти одного между десятью жителями, кто бы знал наизусть «отче наш». Веком позже, в 1620 г., один ученый швед Ботвид серьезно обсуждал вопрос

о том, христиане ли русские.

Монастыри продолжают собирать книги. Некоторые имели даже библиотекарей. Но чтение стало специальным занятием маленькой группы избранников. Оно само уже становится наукой и мало-помалу вся ученость заключалась в нем. Читать как можно больше и даже заучивать наизусть прочитанное – разве это не все, что только можно сделать? Ученый – это *книжник*, человек, знающий много книг. Но каких книг? В монастырских библиотеках почетное место занимали апокрифические сочинения, такие, как «Завещание Моисея», «Видение Исаака». И эти сочинения пользуются уважением наравне с каноническими. Максим Грек, призванный с Востока в начале XVI века для исправления церковных книг, первый восстал против убеждения, что солнце не заходило в продолжение целой недели после воскресения Христа, и против поверья, что на берегу Иордана ехидна сторожит завещание Адама. Мы имеем каталог библиотеки Троице-Сергиевой лавры в XVII веке. Древняя литература состоит из 411 рукописей. Это почти столько же, сколько было в Glastonbury в XIII веке. Но какая разница в составе! В Glastonbury на первом месте стоят классики, историки и поэты. В Троицкой библиотеке мы насчитываем 101 библию, 46 книг богослужебных, 58 сборников поучений Отцов Церк-

ви, 17 книг по церковному праву и только один философский труд. Остальная же, большая, часть состоит из аскетических произведений. До семнадцатого века древние греческие и латинские писатели оставались неизвестными для русских читателей. Из числа светских произведений любимыми для чтения были хроники. И какие еще хроники! Малалы, с цитатами из стихов Орфея, и еще более распространенная хроника Георгия Амартолы с подробным описанием одежды некоего иудейского священника, шедшего навстречу Александру Великому. В области географии и космографии авторитетами были Георгий Писид и Козьма Индикоплов. Его заключения о размерах земли, выведенные из формы Моисеевой скинии, не встречали никакого недоверия. Поучения, пересыпанные цитатами из апокрифических произведений, идеи Птолемея и Аристотеля, бредни манихейцев и гностиков – все у него смешивается и распространяются самые нелепые понятия. В философии русские держались Иоанна Дамаскина и его теории науки, сведенной к одной любви к Богу. Но до XVIII века с произведениями умозрительными Василия Великого, Дионисия Ареопагита самое видное место занимает «Пчела», представляющая собой несвязную компиляцию из текстов священного писания, извлечений из Отцов церкви, отдельных мыслей, заимство-

ванных у Аристотеля, Сократа, Эпикура, Диодора, Катона.

Под влиянием таким образом приобретенных познаний предсказание затмений луны считается колдовством. Книги *математические* – под этим названием подразумевались арифметика, астрономия, география, музыка, – были запрещены, как неблагочестивые. Горизонт *книжника* был слишком узок. К нему не проникал свет европейской науки. Он топчется на одном месте, вдали от движения, уносящего вперед Запад.

Правда, в XVI веке луч солнца и дыхание жизни проникают в эту темницу вместе с албанским монахом, учившимся в Греции и Италии, бывшим уже в некотором роде европейцем. Хотя он и ограничил свою литературную и научную деятельность вопросами веры и морали, но он все же принес на подошвах своих башмаков немного пыли из Милана, Флоренции, Венеции, Феррары и особенно из Падуи. Происходившая тогда там борьба между сторонниками Платона и последователями Аристотеля, течение, ведущее образованный круг людей к подражанию языческим нравам и к нападкам на средневековую теологию, не могла не затронуть и Максима Грека. Он был знаком в Венеции со знаменитым типографом Альдом Мануцием, а во Флоренции прикасался к еще го-

рячему пеплу от костра Савонаролы. Он имел ясное представление о важном научном значении Парижа. Но все это не мешает ему быть лишенным того критического смысла, который является главным двигателем интеллектуальной жизни Запада. Он был проникнут абсолютным недоверием к светской науке и осуждает появившийся в то время русский перевод «Луцидария», знаменитого произведения XII века, приписываемого св. Ансельму Кентерберийскому или Гонорию Отенскому. В этом произведении трактовались сравнительно разумно некоторые вопросы из области космографии и физики. Он не хочет допустить эту книгу в библиотеку, откуда изгнаны греческие и латинские классики. Образовалась легенда вокруг этих классиков. Они будто бы вместе с большим количеством других светских произведений и несколькими еврейскими рукописями хранились с XV века в самом Московском Кремле. На существование этой библиотеки русскому обществу указали исследования двух иностранных ученых Клоссиуса (1834) и Тремера (1891). Вопрос об этой библиотеке еще недавно (1894) вызывал в печати споры. Были даже произведены раскопки на месте старого дворца. Они дали отрицательные результаты. Ниенштедт, ливонский летописец, был первым автором рассказа, где есть упоминание об этой библиотеке. Затем профессор Дерптского

университета Добелов составил в 1820 г. каталог этой библиотеки. Каталог бесследно исчез. Были ли они мистификаторами, или же введенными в обман, ясно, что легенда не имеет реального основания. Впрочем, еще гораздо раньше подобная басня приписывала московским государям обладание значительным количеством византийских рукописей, которые император Иоанн поместил в безопасное место пред взятием Константинополя турками. Кардинал Сан-Джорджио поручил в 1600 г. греку Петру Аркудиусу, прикомандировав его к польскому посольству, проверить этот слух, и оказалось, что он был ложным. Правда, Иван IV и его предшественники владели несколькими книгами и рукописями, но до конца XV века в числе их известна только одна книга на иностранном языке — это немецкий гербарий, и она совершенно терялась среди книг богослужебных, кормчих, хроник и трактатов по астрологии.

Под двойственным влиянием самобытного византизма и материализма, присущего каждому обществу, переживающему первые фазы своего развития, умственная жизнь здесь разделялась между двумя противоположными течениями, которые иногда сочетались самым причудливым образом. И вот мы видим то аскетизм без всякого идеала, то грубый сенсуализм, одним словом, двойной путь в бездну небытия.

II. Умственные течения

Из первобытной и бесплодной независимости дикарей русские сразу попали под иго суровой и по-своему не менее дикой морали, преследовавшей свободу знания, свободу творчества и даже свободу существования. Все живые силы, которым человечество обязано было своей облагороженностью, были осуждены и прокляты этим учением. Предавался проклятию мир свободной науки, как очаг ереси и неверия. Проклинался мир свободного творчества, как элемент развращенности. Проклиналась даже сама жизнь свободная, с ее радостями, счастьем, мирскими удовольствиями, как нечто позорное. И вот замолкли баяны при дворах князей. В летописях воодушевленный тон и поэтически обороты, свойственные писателям XI и XII века, уступили место сухому дидактическому повествованию, изгонявшему эпический элемент даже из тех документов, которыми оно пользовалось. Даже простая беседа, если она отклонялась от религиозных рассуждений, подвергалась анафеме. Воздержание во всех видах стало главным правилом жизни. В некоторых семьях приучают детей с раннего возраста обходиться без молока. В два года они уже должны соблюдать все посты. Употребление

в пищу мяса разрешалось только три раза в неделю. Сношения между супругами запрещались в три дня каждой недели и во все праздничные дни и в течение всех постов. Русским компиляторам византийских писателей хорошо известны слова Катона:

«Мы управляем миром, а женщины нами».

«Пчела» ставить это изречение на видное место, как и слова Демокрита, мужа крошечной женщины: «Я взял наименьшее зло!» Проникаясь тем же принципом, церковь считает женщину главным орудием дьявола в его деморализационной работе. Она проклинает женщину, а вместе с ней и все искусства, так как вдохновительницей их всегда и всюду была женщина.

В религиозной жизни эта тенденция заканчивалась бессмысленным формализмом тех церковных учителей, которые видели вечные истины, непоколебимые, догматы, даже в манере одеваться и носить бороду.

После Флорентийской унии и признания национальной церкви единственной хранительницей священных преданий форма стала скинией, ковчегом, где хранилась вера. Вне его один только латинский рационализм, безразлично, католический или протестантский; как в том, так и в другом случае источник безбожия и ереси. Умствования запрещались. Изгоняя этот существенный фактор прогресса, Москва

в интеллектуальном отношении становится ниже Византии, где догматические споры всегда сохраняли за собой право существования. На Руси с XII века подвергаются обсуждению только вопросы такого содержания: «Может ли священник, не спавший ночью после еды, совершать утром литургию?» «Может ли служить, если в его облачении где-нибудь вставлен женский платок?» Даже проповеди, насколько они сохранились, касаются только вопросов обрядности: «Следует ли ходить во время богослужения против солнца или посолонь?» «Креститься двумя или тремя перстами?» Первый церковный собор, созванный Иваном IV, занимался этим вопросом и предал отлучению тех, кто крестится двумя перстами.

Вера, отождествляемая с обрядностью, сводит благочестие к исполнению внешних форм, к соблюдению постов, к долгому стоянию в церкви. Исповедание, как внутренний религиозный акт, отступает на второе место. Наиболее набожные говеют только один раз в год. Самые точные и исполнительные считают, что признаться на исповеди можно только в части своих грехов. Церемонии заменили все. Они становятся все пышнее и приобретают все более и более театральный характер: такова процессия в Вербное воскресенье, когда митрополит садился на осла, объезжал церкви, благословляя народ, расстилавший

свои одежды под копыта символического животного. Таково было изображение трех еврейских отроков, брошенных в огненную печь. Амвон заменялся большой печью и в нее вводили со сложными обрядами трех юношей, одетых в белое. Не доходило только лишь до того, чтобы их сжечь на самом деле.

Религиозное чувство оставалось очень интенсивным, но оно блуждало по ложным путям, утопало в непроходимых дебрях. В то время как «Домострой» советовал 600 раз в день прочитывать такую-то молитву, чтобы через три года в молящегося вселилась святая Троица, спорили о том, можно ли без греха переступить порог дома, где находится роженица, и считать ли нечистым молоко только что отелившейся коровы. Так чувственность ловила благочестивые души на неверных путях. Суеверие расставляло для них другие сети. В этой бесконечно растянутой сфере церемоний чувствовался еще полуязыческий финский элемент. На севере удерживались почти до XVIII века верования и привычки древнего культа, так как население там было менее податливо для подчинения славянам и в умственном отношении мало доступно христианскому влиянию. Успехи того и другого долго здесь обозначались рассеянными на громадных расстояниях друг от друга островками колоний. Еще недавно карта Кеппена обнаружила в доб-

рой половине населения преобладание черт, характерных для чуди. Это племя чрезвычайно суеверно. Природа здесь всегда угнетала человека. Непроходимые леса, громадные скалы или непрерывные озера и болота: такой пейзаж внушает ужас. Слух наполнен шумом низвергающихся вод или вечным ревом свирепого ветра. *Северное сияние* бросает в глаза свет страшных пожаров. Блуждающие огни над стоячими водами поражают воображение; кровожадные и ядовитые животные – медведи и змеи – грозят смертью на каждом шагу. Изо всего этого финны создали себе религию, которая является воплощением ужаса. Их боги скорее дети Аримана, чем Ормузда. В каждом камне, в каждом дереве живет злой дух, и нет против этих духов другого средства, кроме заклинания.

Молитва и колдовство, священник и заклинатель – одно и то же. Искусственное подражание шуму природы успокаивает вечно озлобленных духов: в этом суть веры, распространенной на огромном континенте от Урала до Японских и Китайских морей и от мрачных берегов Ледовитого океана до угрюмых вершин Гималайских гор. Богослужение здесь состоит в подражании движению и шуму бешеных стихий.

Барабаны, гончие, колокольчики производят какое-то неистовство. Жрец-колдун, *шаман*, у остяков, прыгает вокруг огня, ударяя в барабан. Присутствующим

щие стараются криками покрыть шум, производимый им. Это продолжается до тех пор, когда жрец закружится и придет в исступление. Тогда его схватывают два человека, набрасывают ему на шею веревку и едва не удушают его. Оглушительный шум, вид пламени, конвульсии тела и сожимание глотки довершают состояние экстаза, во время которого снисходит дух на этого галлюцинирующего пророка.

Эти обрядности несомненно выражали бессознательное стремление человеческого духа к победе над природой и утверждению своего превосходства над нею. Но развитие в этой области оставалось здесь в своей первой фазе. И северная Русь долго не шла дальше азбуки духовной эмансипации, дальше первобытных религиозных обрядов. Еще в XV веке финские племена Водской Пядины (современная Петербургская губерния) поклонялись деревьям и камням и приносили им жертвы. Мир казался им населенным фантастическими существами, как, например, гадюка с крыльями, птичьей головой и хоботом, могущим распространить гибель на всю землю, десятиголовый дракон, растение, похожее на овцу и приносящее ягнят. Русские того времени показывали иностранцам даже шапки, отделанные мехом этих чудовищ!

Православное духовенство иногда боролось с эти-

ми суевериями, иногда же и само покровительствова-
ло им. Некоторые члены его писали колдовские книги,
удачно вводили их в церковную литературу, извлекая
таким путем большую выгоду для себя. Вызыватели
духов встречались даже в монастырях. В конце века
в свите Грозного находятся колдуны.

В самых набожных семьях языческие божества
еще сохраняют свое место у очага, между прочим *род*
и *рожаницы*, от которых зависело рождение и смерть
человека. Им приносились жертвы. И из этих жертво-
приношений *кутья*, блюдо, изготовляемое для поми-
нок, была заимствована церковью.

Под влиянием тех же суеверий малейшие житей-
ские события приобретали мистический и пророчес-
кий смысл: треск в стенах, шум в ушах, чешутся
пальцы – это предвещает дорогу; крик уток, дрожа-
ние век – к близкому пожару. Под общим названи-
ем *рафли* подразумевалась целая литература, содер-
жавшая объяснение этих примет, а также и толкова-
ние снов, которым придавалось большое значение.
Беременные женщины давали хлеба медведям, ко-
торых во множестве водили так называемые *скомо-
рохи*, и по ворчанью этих зверей определяли, како-
го пола будет у них ребенок. Скоморохи были кол-
дунами и снотолкователями, жрецами полухристиан-
ского, полужазыческого культа, между которыми дели-

лась вера населения. Они пользовались таким почетом и уважением народа, что церковь была бессильна сокрушить их престиж. Они избавляли человека от гнева высшего существа тем, что давали ему носить под левой мышкой правый глаз орла, завернутый в платок. Они брали немного земли из-под ноги человека, от которого нужно было избавиться, и этот человек был уже обречен на гибель: стоило бросить землю в огонь, и он с того же момента начинал сохнуть. Не забывались при этом и ангелы, призывавшиеся в начале всякой работы, св. Никита, изгонявший демонов из дома, когда к нему обращались с просьбой о помощи. Язычество и христианство, религия и суеверие переплетались, смешивались и сливались друг с другом. В ночных собраниях, которыми сопровождались некоторые праздники, – как, например, канун Иванова дня. Рождества, Крещения, Нового года – Богу и дьяволу воздавался одинаковый почет. В субботу накануне Троицы плясали с жалобным воением на кладбищах. В великий четверг сжигали солому, чтобы вызвать мертвых, и брали из-за церковного престола щепотку соли, как верное средство против некоторых болезней.

В XVI веке суеверие было распространено по всей Европе, даже при самых изысканных дворах и в самом Ватикане. Не говорим о совещаниях по важ-

ным вопросам Павла III с астрологами, считавшимися за представителей науки. Но разве падение совы не возвестило близкого конца Александру VI? Но на Руси это время совпало с полным расцветом таких же верований, составлявших основание умственной жизни, лишенной существенной пищи. Литература ими жила долго, до самого начала нового времени, и жажда читателей почти ничем другим не утолялась.

III. Литература

Писатели XIV и XV века ограничивались большею частью механическими компиляциями. Мертворожденные произведения! Ни одной свежей бытовой черты, даже в житиях местных святых. Летописи по стилю приближались к официальному протоколу. Самый замечательный из этих сборников «Степенная книга» митрополита Макария. Этот труд возвышается над общим уровнем благодаря тому, что автор пытается в нем установить связь между фактами действительности и родословной государей. Степенная книга – произведение с политической тенденцией, но этим самым она отличается от общей банальности. Вот откуда Грозный почерпнет идею происхождения от кесаря Августа! Степенная книга – труд религиозный, старающийся доказать божественное вмеща-

тельство во все земные события. Впрочем, написавшее ее лицо было, как мы сейчас увидим, тоже только компилятором, но более высокого пошиба.

Как по форме, так и по содержанию, литература этого периода стоит гораздо ниже литературы киевского периода. Вместе с поэзией, естественностью и простотой исчезли свежесть и прелесть ее. Нет ничего самобытного! Расчет заменил вдохновение; стремление к красоте проявляется редко и неспособно подняться до искусства, превращаясь в искусственность. Ни одной строчки, где бы трепетало волнение и глубина чувства искупляла поверхностность мысли. Ни одной поэмы. И это в эпоху Чосера и Виллона, Петрарки и Боккаччо. Ни одного научного или философского очерка – и это в эпоху пред появлением в Италии Галилея, в Англии Бекона, во Франции Монтеня, пред началом века Шекспира, Сервантеса, Джордано Бруно, Декарта, Роберта Этьена и Дюканжа. Даже в соседней Польше, стремившейся уже по наклонной плоскости к упадку, XVI век имеет целую плеяду мыслителей и художников, свою необыкновенно богатую политическую литературу, гениального писателя Режа. Язык здесь уже сформирован. Стиль доходит до совершенства в проповедях Скарги. Скоро Баторий будет возить с собой типографии даже в походах, которые заведут его в са-

мое сердце Московии. В Московии же в это время типографское искусство, как и все другие, еще только нарождалось. Печатают или скоро будут печатать, но печатники находятся в Кракове, Венеции, Тюбингене, Праге, Вильне. Когда они появятся в Москве, их будут преследовать и захотят убить, а дома их сожгут. С другой стороны, что они будут печатать? Часословы, псалтири, Библию! До конца XVI века этот репертуар почти не изменился. Единственными произведениями, где проявится кое-какая самостоятельность и независимость мысли, будут: «Правила истинной веры» (Тюбинген, 1562), «Краткие поучения на воскресные и праздничные дни» (ibid, 1562), «Оправдание человека пред Господом» (Несвеж в Литве, 1562).

Народная поэзия существует, но за исключением исторических песен, где скоро отразится могучая личность Грозного, давшего народному творчеству новый толчок; она питается наследием древней Киевской Руси.

Вся литературная деятельность после падения древней Руси, выразилась в первой половине XVI века в двух основных произведениях, заключавших в себе сумму приобретенных знаний, ходячих идей, всего умственного достояния народа. Один из этих трудов окончен в 1552 г., но начат он еще в 1529 г. – это целая энциклопедия; другой, восходящий по своему содер-

жанию и понятиям к далекому прошлому, имел форму руководства для домашнего обихода. Это знаменитый «Домострой». *Четьи-Минеи* митрополита Макария являются противоположностью ему. *Четьи-Минеи* или *Месячное чтение* представляют собой сборники житий святых, род произведений, очень распространенных уже в XV веке.

Целью обыкновенных миней было предложить на каждый день месяца поучительное чтение, относящееся к жизни святого, указанного в календаре. Макарий же задумал соединить в 12 громадных томах всю литературу страны. Книги свящ. Писания с комментариями, жития русских святых (*патерики*) и греческих (*синаксары*), творения Отцов церкви, энциклопедические сборники более ранней эпохи, вроде «Пчелы», описание путешествий – все было сведено вместе. Из книг священного писания, по ошибке ли переписчика или же благодаря намеренному пропуску, некоторых нет на лицо в этом собрании. Второе предположение кажется правдоподобным по отношению к *Песни Песней*. Как бы то ни было, это произведение является для умственной истории эпохи незаменимым документом. Та часть, где содержится жизнеописание местных святых, дает любопытное указание на постоянную работу рационального сознания. Святые древних миней были местными героями и чудотворцами.

В Москве не знали новгородских святых, а в Новгороде московских. Макарий соединяет их для прославления и общего почитания всей страны. Политическая работа Москвы укрепляется и торжествует на этом христианском Олимпе, завладевшем церквями Кремля и приобщившемся в пышности объединенной монархии.

Митрополит, по-видимому, только редактировал свой сборник. Работу производили выбранные им сотрудники. Он был первым основателем литературной коллегии, какая известна на Руси. Он создал вокруг себя движение, надолго пережившее его. Придавая большое значение стилю, он ввел и укрепил в литературном языке преобладание своего церковно-славянского языка, вытеснившего народный разговорный язык даже из житий святых, первоначально написанных на нем. Но, как и в произведениях Максима Грека, у Макария нечего искать критического смысла.

Он вовсе не проверял подлинности текстов нагроможденных в его энциклопедии материалов и ввел в нее, наряду с самыми нелепыми выдумками, безусловно фантастические жития святых, между прочим 40 мучеников, канонизированных сразу на соборах в 1547 и 1549 г. Но и здесь политика Москвы давала свой тон: ей нужны были небеса, сияющие новым

блеском над простором только что объединенных вокруг главного центра областей.

Макарий, впрочем, был многосторонним писателем. Кроме «Степенной книги», о которой я уже упоминал, и многих посланий и поучений, ему еще приписывают «Кормчую книгу», русский номоканон, собрание всех канонических правил; книга монастырских уставов – это тоже компиляция.

Но этот писатель был также и оратором. Он нарушил молчание, долго сковывавшее уста национальной церкви. Две или три из сохранившихся его проповедей хорошо составлены, написаны просто, выделяются этим из всей предшествовавшей литературы. Они кажутся импровизациями и являются событием, возвещающим наступление новой эры в области литературы. Третья проповедь, произнесенная пред Иваном Грозным после взятия Казани, написана с наибольшим старанием, но менее удачно: он возвращается к худшим образцам прошлого. Общий недостаток художественного воспитания отнимал у этого, без сомнения богато одаренного, человека способность эстетического понимания. Очевидно, желая на этот раз подняться на высоту прославляемого им исторического события, он падает тяжело и неловко, не достигнув цели.

«Домострой» приравнивался к разным подобным

ему произведениям итальянским, французским и даже индийским. Я бы скорее сказал, что его сравнивать нельзя ни с чем. Это в своем роде единственное произведение. Книга имеет ту особенность, что она не относится ни к какой эпохе и даже ни к одной определенной среде. Это, как я уже указывал, труд компилятивный и ретроспективный. Поэтому в нем так много отразилось бытовых черт.

Основа его, вероятно, заимствована попом Сильвестром из более ранней новгородской литературы, так как книга очень точно отражает нравы этой области. Домашняя жизнь, которую Сильвестр изображает, это жизнь местной аристократии, маленького мира бояр – наполовину земельных собственников, наполовину коммерсантов. Но к этой мирской части присоединяется однако добавление, посвященное религии и морали. Здесь среди заимствований как из церковной литературы, так и специально-нравоучительной, бывшей в большом почете в монастырях, мы встречаем меню на постные дни. Весь этот собранный материал проникает и царит над ним московский дух. Только одна последняя глава, в виде поучения священника церкви Покрова Пресвятой Богородицы к сыну Анфиму, может быть приписана перу Сильвестра. Однако и здесь автор резюмирует поучения, вытекающие из предыдущих глав. Эти правила касаются

отношений к Богу, к ближнему, к государю и слугам. Между ними встречаются довольно странные, как, например, о задерживании дыхания во время прикладывания к иконам, и другие, где роль женщины в хозяйстве получает особое освещение: она может присутствовать при богослужении только лишь тогда, когда ей позволяют домашние хлопоты и обязанности, возложенные на нее. А они мало оставляли ей досуга. Глава семьи призывается быть более усердным. Изображение его роли неприятно напоминает законодательство того времени. Это как бы другой уголовный устав. Супругу, отцу, господину рекомендуется в меру применять наказания, не допуская однако никаких послаблений. Нужно избегать бить виновных по голове и под сердце, наносить удары ногами и тупым орудием. Впрочем, в этих наставлениях встречаются противоречия. Так, в одном месте употребление палки запрещается, в другом же сказано: «Если ты его (непослушного сына) ударишь жезлом, он от этого не умрет». Это неудобство всех компиляций. Как бы то ни было, семейные отношения между наказывающим и наказуемым почти ограничиваются распределением ударов, которые нужно дать или получить. Для супруги делается некоторого рода исключение. Муж должен увести ее подальше от нескромных взглядов и там, сняв с нее рубашку (на этом пунк-

те «Домострой» настаивает, и он действительно важен в книге, где идея порядка и бережливости занимает важное место) и без гнева, взяв вежливо жену за руку, но с необходимой строгостью, погладить ей плечи своей плеткой. После же наказания муж должен быть обходительным и ласковым с женой, чтобы не пострадали супружеские отношения.

Эти средства поучений, вероятно, применялись очень часто. Действительно, обязанности наказывающего сводятся почти исключительно только к подробным расправам. Обязанности же наказуемой, т. е. жены, многочисленны и довольно тягостны. Она первая в доме встает. Помолившись, раздает работу всем слугам. Давая им хороший пример, она должна быть постоянно занята работой. От нее требовалось хорошее знание всех рукоделий: шить, стирать, стряпать. Муж и гости не застанут ее никогда без работы. Она должна воздерживаться от шуток и смеха с окружающими ее женщинами, не вести с ними пустых разговоров, также не отворять дверей соседним кумушкам, гадалкам и даже торговкам.

Очевидно, это только идеальное правило, как бы опрокинутое изображение. Его надо перевернуть, чтобы получить точное изображение действительности. Такое замечание относится не к одной странице книги. Оно применимо, например, к параграфу,

где женщинам рекомендуется пить только лишь квас, также и к тому, где говорится, что со слугами нужно обращаться кротко и человечно, хорошо одевать их и кормить. Но в то же время перед нами показывается, как в кинематографе, силуэт слуги, посланного с поручением. Подойдя к двери дома, куда его послали, он оботрет ноги, высморкается, вероятно в руку, прокашляется, плюнет и тогда уже произнесет: «Благословенно буди имя Господне». Если ему на это не ответят: «Аминь!» – он повторит это трижды, повышая голос, и затем тихонько постучит в дверь. Когда его допустят в дом, он передаст, что ему велено, стараясь теперь уже не сморкаться, не плевать и не совать пальцев в нос. Исполнив все, он поспешит домой...

Характерной чертой этих картин, как и комментариев, которыми они сопровождаются, является материализм, которым проникнута домашняя и общественная жизнь. Воспитание детей сведено к внушению страха Божия и к обучению ремеслам. Чрезвычайная важность, придаваемая подробностям хозяйства – шитью одежды, употреблению обрезков материи, расположению копен сена, – подчеркивает еще определеннее этот характер. В главе, касающейся общественных отношений, заметно то же самое. Если пригласят на свадьбу, не надо пить лишнего и не за-

сживаться за столом. Вот в чем вся суть.

Книга немного возвышеннее в конце, в той части, на которую Сильвестр наложил свой личный отпечаток.

Но и здесь обнаруживается скоро основная двойственность произведения: с одной стороны аскетизм, с другой – чувственность. Мирянин ли тот сын, которому автор предлагает образец христианской жизни? Сначала можно в этом усомниться. Не спать в часы заутрени и не забывать времени обедни. Петь ежедневно утреню, всенощную и часы и не напиваться пред тем, как идти к вечерне – все это требовалось обыкновенно от монаха шестнадцатого века. Но нет! Человек, от которого этого требуют, имеет свой дом, куда ему рекомендуется почаще приглашать священника для совершения молебнов. Он ходит на рынок, где должен давать щедрую милостыню, не забывая при этом и своих интересов. Смешение божественного с мирским, правил высокой добродетели, доведенной до крайней суровости, и уроков практической мудрости, граничащей с цинизмом, пронизывает всю книгу с начала до конца. Искренно любить всех, никого не осуждать, не делать другим того, чего себе не желаешь, держать двери своего дома широко открытыми для бедных, страждущих, для всех несчастных, прощать обиды, переносить без жалоб дурное обра-

щение, приходиться на помощь даже своим врагам, наконец, сохранять чистоту своей плоти, если нужно, умерщвлять ее, и вместе с этим, в случае спора, обвинять своих слуг, даже если они и правы, и даже бить их, чтобы избежать ссоры, стараться угождать всем и в пост не забывать готовить хорошие постные блюда.

Ясно, что написавший все это усвоил только форму, не поняв духа христианства. Он увидел в нем только руководство оппортунистической философии. Будучи усердным читателем Библии, он в некоторых отношениях дальше Ветхого Завета не пошел. Он скорее фарисей, чем ученик Христа, так как ставит свою собственную жизнь образцом христианской. И он дает это понять. Он говорит, что отпустил на волю всех своих холопов, воспитал много сирот, что его любят и уважают слуги за то, что он их бил, когда следовало. Эту главу автор мог бы назвать «Подражание Сильвестру». Мы увидим, что автору, однако, не всегда удалось всем угодить.

Во всей книге христианский идеал – любовь и смирение – сочетается с библейским, где семейная власть является движущей силой в частной и общественной жизни. В этом смысле «Домострой» дает нам точное понятие общества, где семья является не только центром, но и единственным очагом об-

щественной жизни. Глава дома представляет в своем лице всю семью. Он не только господин, которому все должны повиноваться, он является существом, в котором все сосредоточено и от него все зависит. И это действительно было так даже еще в XVI веке, и не только в Новгороде, но и в Москве. Будучи картиной нравов в некоторых своих частях, «Домострой» в то же время и кодекс. Власть главы семейства он делает непоколебимым правилом, но оно было неустойчиво и хрупко, и самодержавный дух Москвы без труда справился с ним.

Вопреки своему новгородскому происхождению, «Домострой» является чисто московским произведением. Сходные черты можно найти в *Поучении* Владимира Мономаха (XII в.), в «*Dottrine dello schiavo di Bari*» (XIII в.), трактате, составленном для Филиппа Красивого Эгидио Колонном, в «*Regimento delle donne*» Франческо Барберини (XIV в.), в парижском «*M(nagier)*» (около 1393 г.), в некоторых чешских произведениях XIV и XV века и даже в «*Indiche Hausregeln*», изданных Фр. Штенглером. Человечество некоторым образом повторяет само себя в течение времени на различных ступенях развития и под различными широтами. Но мы здесь в совершенно особом мире. Напрасно мы будем искать в нем нежных и сентиментальных отношений между

супругами, изображаемых итальянскими писателями, или роскоши стола, тщательно описанной парижским повествователем.

Хронологически наиболее близкий к «Домострою» «*Cortegiano*» Бальтазаро Кастилио вводит нас в общество, где даже у ремесленников жизнь принимает изящную форму. Целая пропасть отделяет одну бытовую картину от другой. Как правильно заметил Пыпин,¹³ есть только одна нить, связующая московское произведение с литературными памятниками других стран – это влияние греческой литературы, наложившей свой отпечаток на всю русскую умственную жизнь той эпохи, она дала материал или вдохновляющую идею большинству современных Сильвестру писателей.

Любопытно то, какое впечатление произвела эта давно забытая и воскресшая в 1849 г. книга на одного из вождей славянофилов. Иван Аксаков сначала возмутился. Как могла быть задумана и написана в русской земле книга, столь противоречащая национальному духу! «Я прогнал бы на край света наставника, который стал бы мне давать подобные уроки!» Но поразмыслив, он вспомнил нравы, которые ему приходилось наблюдать среди московского купечества. И что же? Они жили еще по «Домострою».

¹³ История русской литературы, II, 211.

И это открытие тотчас же приводит к другому. Аксаков вспоминает некоторые главы сочинения Татищева о сельском управлении (1742) и о том, как он возмущался, думая, что видит в них доказательство немецкого влияния на нравы страны. «Как глубоко проникло оно в нашу жизнь», думал он. И вот «Домострой» открыл ему глаза: черты, так оскорбившие его, были уже отмечены в этом произведении. Я ничего не сказал о стиле Сильвестровой книги. О нем нечего и сказать. Автор вовсе не был художником. Да и существовало ли тогда художество на Руси?

IV. Искусство

Светскую литературу XVI века представляет только переписка Ивана IV с Курбским. Литература, как и искусство, сохраняла до этой эпохи чисто религиозный характер.

Главными памятниками его были церкви, украшения книг и иконы. Какую ценность имели эти произведения и в какой мере они отражали национальный дух?

Нельзя отрицать художественных дарований русского народа. С тех пор он уже успел доказать их. Я не придаю ни народному эпосу, ни кустарной промышленности того значения, какое за ними призна-

ют русские и некоторые иностранные писатели, видя в этом признак особого призвания. Пусть это так. Но, если взглядеться хорошенько, то характерной чертой и этой народной поэзии, и орнамента, которые считаются оригинальными, окажется подражательность. Скучность, если не полное отсутствие содержания, заимствованного из жизни и окружающей природы. Платок, вышитый простой женщиной в окрестностях Твери, отличается изяществом рисунка. Но этот рисунок персидского происхождения. Деревянная чаша имеет грациозную форму, но в глубине ее видна Индия. Несмотря на все опровержения, Стасов, мне кажется, неопровержимо доказал экзотерическое происхождение русских былин. Впрочем, искусство имеет много степеней, и это подражание есть уже шаг вперед. Теперь в стране Сильвестра можно открыть признаки вполне самобытного вдохновения, но можно ли было их найти в XVI веке и раньше?

В русской архитектуре XI–XVI в. ясно различаются два стиля. И тот, и другой византийского происхождения. Но один, на юге, остается преобладающим, почти без изменений. Другой же, на севере – в Новгороде, Владимире, Суздале – подвергается изменению под влиянием германского и ломбардского начала. Кроме того, везде к этим основным элементам, определяющим общую форму, план и конструкцию зданий,

присоединяются еще в деталях черты, заимствованные со всех сторон азиатского и европейского горизонта. До XV века преобладает здесь Персия и Индия, позже – итальянский ренессанс.

Очень трудно прийти к соглашению относительно происхождения, способа распространения и значительности размеров этих заимствований. Гипотеза о прямом перенесении восточных и центрально-азиатских типов встречает ярых противников. С национальной ли или религиозной точки зрения, теория влияния славянского, именно, сербо-болгарского искусства показалась им более приемлемой. Немецкие писатели, и между прочим Шнаазе в своей «Истории искусств»,¹⁴ поддерживали теорию азиатского происхождения русского искусства и они видели в этом нечто унижительное, даже постыдное.

Французский же писатель Виоле ле Дюк, напротив, считает это похвальным. Без сомнения, уже недалеко то время, когда можно будет обсуждать эту проблему, не внося в нее излишнего чувства. Хотя я сомневаюсь в ее разрешимости. Россия была одной из тех лабораторий, где самые разнообразные художественные течения встречались и смешивались, чтобы создать среднюю форму между восточным и западным миром.

¹⁴ III, 351.

Впрочем, все цивилизации были продуктом подобного слияния. Художественное развитие России совершалось в более благоприятных условиях, чем умственное. Ее обособленность в этом отношении не могла быть такой полной. Первыми строителями ее церкви были большею частью в XI–XIII веке греки. Но позднее, несмотря на презрение и ненависть, питаемые к Западу, не могли обойтись без его помощи. Уже в 1150 году внук Мономаха Андрей призывает ломбардских архитекторов для постройки храма Успения во Владимире, тогда как сын его Юрий, женатый на грузинской княжне, имел в Суздале армянских мастеров. В других местах стиль некоторых орнаментов указывает на влияние персидских художников. В XV веке на сцену выступает итальянское искусство с миланцем Петром Соларио, флорентинцем Аристотелем Фиораванти, Марио, Алевизио и многими другими.

Как и в каком отношении комбинировались эти элементы, вероятно, трудно будет сказать с точностью как теперь, так и в любое другое время. В области архитектуры Византия, несмотря на свое первенство, должна была уступить место монгольскому, скандинавскому, романскому или туранскому влиянию. Византийское искусство было само чуждо оригинальности, заимствовало свои мотивы с крайне-

го Востока, из Персии, Малой Азии и даже из Рима. Оно стремилось приблизить своих русских подражателей к этим источникам вдохновения. Наиболее древние южно-русские храмы имеют стройную форму, изящные размеры, что отличает их от чисто византийских построек. Если сравнить их с архитектурными типами той эпохи во Франции, Англии, Италии, Германии, то они отличаются и от них. В этих русских сооружениях чувствуется влияние каких-то других образцов, в них есть, быть может, даже доля самобытности. Кто знает? Ведь посол Людовика святого нашел же при дворе хана русского архитектора вместе с французским ювелиром?

В XIII веке ясно ощущается влияние индо-татарского искусства. Появляются выгибы, словно взятые с тибетских монументов, колонны с выпуклостями, с тяжелыми капителями.

Первоначальный план церквей в основных чертах остался без перемены, но к главному куполу, введенному издавна, прибавляются другие, возвышающиеся в виде башен с луковицеобразными куполами затейливой работы, вызолоченной или выкрашенной металлической обшивкой. Они напоминают Эллорский храм. Внутри храмов широкие византийские своды изламываются под острым углом; затем к куполам присоединяются пирамиды с выступами, так несвой-

ственные византийской архитектуре и развитые в индийской. Военные сооружения этой эпохи следуют по тому же пути. Кремлевские башни имеют четырехугольное основание. На нем возвышается куртина, увенчанная узкой вышкой. Они заметно отличаются от более ранних образцов. Но Азия ли торжествует в этих метаморфозах? И ей ли обязаны своим происхождением, как думает Виоле-ле-Дюк, врата храма св. Исидора в Ростове (XIV в.), со своими нишами, свод которых образуют дуги круга и вершины прямого угла, с полем, сплошь усеянным орнаментами? Не усложнил ли этих архитектурных форм романский стиль, как утверждает О. Мартынов? Не служила ли Византия посредницей между Азией и Россией, как юго-западные славянские государства между Европой и ближайшими русскими областями. Рядом с листом русского орнамента, близкого, по мнению Виоле-ле-Дюк, к индусскому типу, Дарселю удалось указать и на византийский тип орнамента, средний между этими двумя образцами. Но передача идей и форм могла принять другое направление и сделать поворот еще в другую сторону. Один литературный памятник дает поучительный пример в этом отношении. «Бова Королевич», очень популярная на Руси сказка, без сомнения индусского происхождения. Она принадлежит к циклу Сомадевы – «Океан сказа-

ний». И однако Бова не герой Сомачевы; это рыцарь *Beuves d'Antone*, герой каролингского цикла. Индии, таким образом, пришлось пройти через Западную Европу, чтобы попасть в Россию. Западному вдохновению удалось случайно проникнуть в эту область совершенно иной национальной жизни, как ни была она изолирована и охраняема от иностранного влияния.

Следует обратить внимание и на другие области искусства, хотя они и были представлены здесь более слабо. Иконопись, вдохновляемая одной из греко-восточных школ, очень многочисленных в XII в. в Византии, Италии и в юго-западных славянских землях — Сербии и Болгарии, была довольно развита в XIII—XV веке в Суздале и особенно в Новгороде. Суздальские образа исчезли бесследно. Что же касается новгородских, то они дают довольно ясное представление о той самостоятельности, которой достигли художники той эпохи. Совершенно основательно указывалось на изображение некоторых типов, неизвестных византийской иконописи, как, например, Покров Пр. Богородицы, св. Николай, свв. Кирилл и Мефодий, Борис и Глеб. Кроме того, в русских произведениях этого рода замечается совершенно особая передача некоторых религиозных сюжетов и смягчение выражения некоторых типов. Все это, без сомнения, имеет кое-какое значение. Со стороны формы эти изоб-

ражения также отличаются от своих восточных образцов, но лишь так, как плохая копия от оригинала. В значительно упрощенном рисунке некоторые русские критики желали видеть стремление приблизиться к природе... Я же нахожу в этом признаки неумения. Природа не нуждается в подобной передаче, напоминающей мазню школьников в их тетрадах.

Та же упрощенность замечается и в украшениях церковных рукописей до XIII века; в них отсутствуют золотые фоны, что обуславливается, вероятно, бедностью монастырей. Но в XIV веке значительно отклонение в сторону, отдалившее русскую школу в этой области от византийских традиций и от ее освященных обычаем форм.

Бесконечное разнообразие человеческой и животной жизни врывается в нее со всем богатством своих мотивов, которые напоминают то нарисованные завитки, то вырезанные по дереву древние скандинавские переплеты или еще более ранние произведения: пряжки поясов и резные фибулы эпохи Меровингов. Порой они приближаются к иранским типам, не чуждым, впрочем, стилю романскому и даже византийскому первой эпохи. Это как бы возвращение к первоисточнику, так как фантастические изображения зверей, насекомых, людей и птиц были известны во времена Геродота между народами, населявшими

русскую землю. Но кажется, что даже по отношению к Ирану это возрождение имело своей истолковательницей все ту же Европу, так как рукописная литература Новгорода, где оно обнаружилось особенно сильно, почти совсем не подверглась татарскому влиянию, а напротив очень сильному влиянию европейских течений, шедших через Ригу и ганзейские города.

В XV веке чудовищные фантазии более раннего искусства уступают место комбинациям одних линий, симметрические сплетения которых переходят в продолговатые листья. Еще и другое течение коснулось национального искусства. На этот раз ему невозможно приписать восточное, азиатское происхождение. В XV веке наблюдается целый переворот.

Под влиянием религиозного чувства, возбужденного борьбой реформации с папством, резче выступают византийские традиции. Однако в то же время проникновение немецкого протестантского духа обнаруживается в длинном, глубоко вырезанном листе, взятом у одного вида дикой смоковницы. Он то развертывается, то коробится, черный и холодный, среди богатых красок восточной палитры.

Бесспорно, все это русское. Но дало ли оно искусству форму, вполне соответствующую национальному духу, т. е. если оно и не способно было внушить преклонение и вызвать подражание ему других на-

родов, как, например, искусство греческое или даже французское и итальянское в известную эпоху, то создало ли оно хотя зародыш, способный к самостоятельному развитию? Можно было ответить утвердительно, если бы русские подражатели, вдохновляясь иноземными образцами, прибавили что-нибудь иное творческое к этой слабости исполнения, более или менее существенных искажений и почти всегда плохо придуманных комбинаций. Можно было согласиться с этим, если бы они ввели в творчество что-нибудь свое: флору и фауну их страны, отблеск своего неба; если бы с ассимиляцией экзотических типов, они сумели вступить в непосредственное общение с природой и таким образом выполнить первое и необходимое условие всякого самостоятельного искусства. Но они только копировали, списывали и искажали. Посмотрите на резное крыльцо избы, вы увидите грубые, почти неузнаваемые изображения львов, пантер, пальм и смоковниц. И только в более поздних произведениях искусства обнаруживаются стремление выйти на собственную дорогу, и в робких попытках некоторых модернистов художников вы заметите силуэты хвойного дерева или белый мех зверя, рожденного под северным небом. Мы не знаем, при каких условиях, по каким планам и какими мастерами были построены те несколько русских церквей XIII и XIV ве-

ка, стиль которых заслуживает внимания.

Что касается построек светских и церковных XV и XVI века – Успенский Собор в Москве, Никольские ворота в Можайске, знаменитая Грановитая палата, то по отношению к ним мы стоим на прочной исторической почве: на них лежит печать итальянского архитектурного искусства. Построенный в 1553–1559 г., волнующий и смущающий храм Василия Блаженного до последнего времени слыл за произведение итальянской архитектуры. Карамзин видел в нем «шедевр готической архитектуры», Мартынов «подобие Эрехтейона в афинском акрополе», Теофиль Готье – «громادного присевшего дракона», Куглер – «огромную кучу грибов», Кюстин – «коробку с вареньем». Заблуждение относительно архитекторов этого храма недавно обнаружено. Найдены строительные счета и по ним установлены имена двух русских – Бармы и Постникова. Надо отдать должное России XVI века и избавить философию искусства от одной из мудреннейших загадок. Надо также признать вопреки долго державшемуся убеждению, что это удивительное сооружение не было в то время единственным явлением, «памятником, выпущенным в одном экземпляре». Оно связано с целой системой архитектуры, принцип которой надо искать в деревянных постройках, так распространенных в этой стране. Тип их встреча-

ется в разных пунктах государства: в Новомосковске, в нынешней Екатеринославской губернии, в Дьяково, близ самой Москвы.

Парализуя развитие архитектуры, как и ваяния, отсутствие других материалов или, по крайней мере, трудность получить камень, обусловили этот вид постройки, для которой некоторые указания могли быть получены из Индии и отличительной чертой которой является соединение и сплетение нескольких неравных по величине корпусов. Новомосковская церковь состоит из трех скрепленных зданий, делящихся на девять самостоятельных частей. Строители *Василия Блаженного* еще дальше пошли в этом отношении. Они удачно соединяли стили византийский, персидский, индусский, итальянский во множестве куполов, пирамид, колоколен...

Было бы, быть может, безрассудно подходить к этому произведению с теми понятиями об искусстве, которые получили вековое освящение на Западе; они не могут служить общим критерием. Готическая архитектура в свое время вызывала такую же резкую критику, с какой наша современная эстетика готова наброситься на шедевр Бармы и Постникова. Но можно констатировать, что созданный таким образом тип в художественном отношении не получил распространения. У обоих строителей по окончании работы гла-

за были вырваны, как гласить предание, чтобы они не могли больше создать никакого подобия. Это повторение легенды того же века о создателе знаменитых страсбургских часов.

Ничего нового в этом роде действительно создано не было, и эта легенда, как и многие другие, приобрела известный смысл. Предоставленное самому себе вдохновение двух русских мастеров привело лишь к единственной архитектурной фантазии, и после них никто не сделал подобного странного и бесплодного усилия; после первого впечатления клише было заброшено.

Мне очень неприятно огорчать моих русских друзей, но они, право, слишком взыскательны. В половине прошлого столетия, по признанию авторитетнейших истолкователей, таких как Чаадаев, Герцен, у них ничего не было; ни национального искусства, ни литературы, ни науки. Теперь же они хотят все иметь сразу и иметь с XII века! Проезжая по деревням Владимирской губ., ученые историки искусства Толстой и Кондаков, почувствовали, что находятся точно в какой-то ломбардской области. Это благочестивое заблуждение. Природа и история воспротивились быстрому развитию на Руси искусства; они лишили художника необходимого материала и главным источником его вдохновения сделали стоячие воды Византии. Ос-

новная черта русского духа – терпение. Современные апологеты русского национального искусства забывают об этом. Это искусство начинает уже черпать из других источников. Скоро, без сомнения, в нем ключом забьет живая вода, но великая река еще только зарождается, мы стоим у ее истоков.

В лоне православной церкви, где до последнего времени формы умственной деятельности стеснялись, национальное искусство выдерживало действие двух течений – аскетического и чувственного. Мрачные нагромождения монастырских келий дали цветок бесстыдного сладострастия: это и есть церковь Василия Блаженного – воплощение национального духа XVI века.

V. Преобразовательное движение

Россия XV и XVI века также имела свою реформацию. Хотя эта страна была обособлена и закрыта для иностранных влияний, однако она не могла оставаться совершенно нечувствительной к ним и переживала, правда, совершенно по-своему и в узком масштабе революционные порывы и потрясения. Было ли преобразовательное движение обязано своим происхождением развитию мысли в стране или постороннему влиянию, оно уже проявляется с XIV ве-

ка, главным образом в Новгороде – в этой колыбели и последнем оплоте свободы. Начало его можно отнести к 1376 г. В это время здесь в республиканском городе были замучены и сброшены с моста три еретика, основатели секты *стригольников*, получившей такое название потому, что один из их вожаков, по имени Карп, занимался стрижкой овец. Секта отвергала всякую церковную иерархию, как основанную на симонии. Церковь, распространявшая в Новгороде свою власть даже на сферу экономических интересов, легко справилась с этим возмущением. Но стригольники вновь напомнили о себе во второй половине XV века. Их учение нашло себе новую пищу в церковной литературе, увеличившейся новыми произведениями, правда, все еще византийского происхождения, но уже проникнутыми более независимым духом. В них указывалось на некоторые недостатки религиозной жизни: на излишества аскетических подвигов, способных лишить веру и благочестие их духовной сущности, а также на порчу нравов среди монашествующих. В то же время в страну проникли учения некоторых византийских ересиархов, павликиан, богомилов, примыкавших к гностикам, манихейцам и мессалийцам. На этом основании выросла масса местных ересей, слившихся скоро под общим названием *жидовствующих*. Такое название было да-

но сектантам благодаря некоторому внешнему сходству их учения с учением евреев антиталмудистов, или караимов, нашедших себе пристанище в Новгороде в 1471 году. Некоторые из еретиков склонны были признать еврейскую пасху, еврейский календарь и обрезание по закону Моисееву. Но общим направлением всех сект был рационализм, выразившийся в отрицании Троицы, божественности Христа, будущей жизни и всех внешних обрядностей христианства. Появление сект оказало православной церкви большую услугу. Оно принудило ее к некоторой работе для борьбы с этими ее противниками, затем заставило ее обратить внимание на самое себя и предпринять внутренние реформы. Одно религиозное движение вызвало другое. Последнее приняло два различных направления. Исправление церковных книг, порученное Максиму Греку, указывает на заботу церкви устранить нападки, касающиеся догматов ее. Но монастырская жизнь вызывала еще более справедливые нарекания. Двойственность в религиозном мире, которую я старался осветить, была зарисована Грозным огненными штрихами в его знаменитых письмах. Вот отрывок известного его послания, написанного в 1575 г., в Кириллов монастырь:

«Воспитанные с детства в воздержании, вы умираете от лишений. Любя Бога, вы уходите от людей, уда-

ляетесь от мирских наслаждений, умерщвляете вашу плоть при помощи жесткой власяницы, опоясываете ваши чресла поясом, сжимающим ваши члены; вы изгнали с вашего стола питательные блюда; вы довели себя до того, что только кожа покрывает ваши тощие кости. Вы отказались ото всех мирских забот, лишением питания вы иссушили ваш мозг, изнурили желудки. Проводя ночи в молитвах, вы смачиваете ваши бороды слезами».

И вот рядом с этим ироническим изображением, изнанка картины, обрисованная на соборе 1551 г.:

«Монахи и инокини постригаются в монастыри не для того, чтобы спасти свою душу, но чтобы доставлять себе приятные удовольствия, шляться постоянно по миру из одного города в другой... Во всех монастырях монахи и игумены пьянствуют... В Москве и во всех других городах они живут и расточают средства вместе с мирянами – мужчинами и женщинами... Архимандриты и игумены избегают братских трапез, а предаются пиршествам в своих покоях вместе с гостями... Женщины и девушки проникают туда беспрепятственно. Монахи и отшельники ходят по всей стране и не стыдятся иметь при себе мальчиков».

Зло не ограничивалось только черным духовенством. На том же самом соборе в 1551 г. говорилось

о священниках, совершавших богослужение один раз в 5–6 лет. В церковь они приходили в пьяном виде, ссорились между собою и молитвы произносили на выворот. Лазициус упоминает о попах, которые валялись мертвецки пьяные на площадях, а Герберштейн видел, как их за это били всенародно кнутами. Оскорбляемая таким образом своими служителями, церковь становилась местом не для молитв, а для свиданий, обращалась в клуб, в базар. Мужчины входили туда, не снимая шапок, смеялись, громко говорили, устраивали свои дела и прерывали церковное пение неприличными словами. Эти черты можно сблизать с теми явлениями, какие обличались Брантомом, Рабле, Кальвином и Лютером, Но на Западе были и примеры другого рода. Жизнь и подвиги св. Франциска и бенедиктинцев Сен-Мора служили приятным исключением. На Руси же до начала XVI в. таких исключений в жизни духовенства не было.

И вот в это самое время пред лучшими умами самих монастырских общин встала идея о необходимости реформы. Но в вопросе о путях и средствах мнения разделились. Основатель монастыря в Волоколамске в 1479 г. Иван Санин, внук литовского выходца, в монашестве Иосиф, названный Волоцким, видел спасение в соблюдении строгих монастырских уставов. По своему образованию он принадлежал к ти-

пу старинных русских книжников, с полным отсутствием критической мысли и глубоким уважением к тому, «*что было раньше*». Но это не могло уже удовлетворить всех. Из глубины уединенных отшельнических убежищ, об основании на пустынных пространствах севера и постепенном умножении которых я уже говорил, потянуло другим ветром. Представителем нового течения явился один из членов старинного боярского рода Майковых Нил Сорский, родившийся в 1433 г. В течение нескольких лет он прожил в афонском монастыре, потом основал обитель близ Белоозера, по соседству с монастырем св. Кирилла, на реке Сорке, от которой и получил свое прозвание. Его путешествия и обильное чтение удачно выбранных произведений до некоторой степени превратили его из книжника в богослова. Он стал утверждать, что не все то свято, что написано. Он отважился оспаривать авторитет написанного вопреки обычаю большинства его современников. Он старался установить происхождение и ценность документов. Наконец, в писании он искал, кроме текста, еще нечто другое – вдохновение. Следуя по этому пути, даже независимо от нового на Руси, а иногда и глубокого взгляда на религиозную жизнь, он должен был выработать новый идеал монастырской жизни. Идеал заключался не в точном исполнении внешних обрядов, а во внутреннем духов-

ном перерождении. Отсюда стремление к отшельническому образу жизни, принятому здесь уже многими братьями, но особенно развившемуся под влиянием Нила.

Нил Сорский скоро сгруппировал вокруг себя несколько сот последователей. Их называли общим именем *заволжских старцев*. Их учение и пример монастырской жизни сыграли значительную роль в религиозном движении XVI века. Почти полное отсутствие устава; полная личная независимость; подчинение чисто морального характера. Свободный выбор материальных условий и средств к жизни; единственный определенный в этом отношении принцип – бедность. Это и было причиной разрыва между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким с его школой; это именно и вызвало продолжительный спор, шум которого наполнял первые годы царствования Грозного и продолжался еще и после его смерти.

Проблема монастырской собственности стояла между двумя лагерями. Можно догадаться, какое решение дал ей Нил Сорский. И так, друг перед другом стали *нестяжатели* и *любостяжатели*, т. е. противники и сторонники собственности. Нил был осужден на соборе в 1503 г., впрочем он только должен был вернуться в свою пустынь. Но вопрос продолжал волновать умы и обсуждался в литературе. Идеи от-

шельника были восприняты и блестяще поддержаны другим монахом, хотя, казалось бы, и менее подходящим для их защиты. Происходя от Гедимины, будучи в родстве с царствующим домом, Вассиан Косой, в мире князь Василий Иванович Патрикеев-Косой, оставался даже под клобуком светским человеком. Государственный деятель и дипломат, он надел рясу в 1499 г. по принуждению, впад в царскую немилость после блестящей карьеры. Прежние отношения связывали его с миром свободных мыслителей, чуть ли не еретиков, а вынужденное пребывание его на Белоозере сблизило его с Нилом Сорским. Призванный снова в Москву на собор 1503 г., он смело стал на сторону нестяжателей и проявил в служении их делу ловкость и энергию, чего не доставало волоцкому отшельнику. Литературный талант, обнаруженный им, поставил его в первые ряды малочисленных в то время публицистов на Руси, хотя он был только лишь истолкователем чужих идей. По смерти Нила Сорского Вассиан нашел сподвижника в лице Максима Грека, который был приведен своей работой по исправлению книг к установлению других причин нравственной порчи. В пылу полемических споров с местными или иноземными еретиками он дошел в этом частном вопросе о собственности до того, что стал как бы эхом гусситов. Иосиф Волоцкий уже последо-

вал за Нилом Сорским в могилу (1515), но его сторонники, *иосифляне*, как их называли, прочно держались. На соборе в 1525 г. Максим Грек в свою очередь подвергся осуждению. Этому способствовали некоторые ошибки в его переводах. Метод его был недостаточно научным, русский язык он знал плохо и легко мог допустить неточности в своей работе. В Волоцком монастыре он встретился с Вассианом Косым, также осужденным и сосланным сюда (1531 г.) Остаток своих дней Максим Грек провел в монастырском заточении. «Лобызаем ваши цепи, но ничего не можем сделать для вас», писал ему митрополит Макарий, лучший дипломат, чем Вассиан, и достаточно ловкий для того, чтобы выдержать двусмысленную роль между двумя лагерями.

Но борьба продолжалась и росла. Между осужденными в 1531 г. находился и Троицкий игумен Артемий. В учении *иосифлян* он отвергал требование смерти для еретиков и таким образом приближался к *заволжским старцам*. «Мы не должны судить этих несчастных, а только молиться за них», писал один из этих отшельников. Либеральное веяние неожиданно обнаружилось даже в этой среде. Впрочем, Артемий и его ученики соприкасались с протестантским движением, быстро распространявшимся в Польше. Другие же противники официальной церкви, скоро

узнавшие всю силу ее преследования, Матвей Башкин и Федор Косой, склонялись в сторону современного им рационализма, перенимая однако некоторые черты учения волоцкого отшельника.

Таким образом, эта русская реформация шла в различных направлениях. *Заволжские старцы*, как и «иосифляне», видели единственное средство только лишь в религиозной перестройке. Сектанты же, вроде Артемия, стремились совершить революционное, разрушительное дело. К чисто религиозным спорам примешивался и политический элемент. Иосиф Волоцкий был консерватором даже в вопросе об отношении Церкви к государству. По его мнению, государство должно было служить интересам Церкви, требуя от нее за это абсолютного подчинения. Основывая свое материальное благосостояние на привилегированном владении землей, монастыри получали характер государственного учреждения, и они становились центром и питомником духовной аристократии. Московское самодержавие, вероятно, до некоторой степени было обязано своим утверждением этой доктрине, поддержанной им. Заволжские старцы придерживались по этому вопросу других мнений. Что касается лично Нила Сорского, то он им вовсе не интересовался. Ему этот вопрос был совершенно чуждым, он даже для него не существовал с его чисто

христианской точки зрения. Его моральные принципы мирились со всякой формой политической жизни. Но у Вассиана Патрикеева была другая забота. Он не мог забыть своего происхождения и родовой чести; подчинение политической безграничной и бесконтрольной власти возмущало его аристократическую душу. Он употреблял все свои личные средства и престиж, приобретенный им в своей партии, на подкрепление оппозиции, с которой самодержавие боролось до тех пор, пока объединенная Москва не сломила ее железной рукой Грозного.

Все только что указанные мной элементы приняли участие в борьбе, почему я и старался определить их характер. Победа официальной церкви и абсолютизма втоптала в землю и потопила в крови благородные зародыши, существование которых в темных глубинах национальной истории обнаруживается в мрачной и скорбной судьбе некоторых малоизвестных героев. Зародыши эти еще под землю и едва показываются. Жатва еще далеко. Но в египетских усыпальницах хлебные зерна хранились тысячи лет и не погибли. Как хорошо знать и как утешительно думать, что в глубине, под пылью веков, заложены прошлым плодотворные семена, ожидающие своего часа...

Чтобы выяснить условия, среди которых разыгрывалась драма, на которую я намекал, и которая со-

ставляет главный предмет этой книги, мне остается указать читателю на одну сторону национальной жизни, уже не раз затронутую мной на предыдущих страницах, но требующую более подробного описания.

Глава четвертая

Нравы

Внешний вид и моральная сторона. Женщина. Семья. Общество.

I. Внешний вид и моральная сторона

Завоеватели XIII века не мешали культурному развитию Руси. Напротив, они сами, до некоторой степени, передали ей свою цивилизацию. Взгляните на москвича XVI века: он, кажется, с ног до головы одет по-самаркандски. *Башмак, азам, армяк, зипун, чебыги, кафтан, очкур, шлык, башлык, колпак, клобук, тафья, темляк* – таковы татарские названия различных предметов его одеяния. Если, поссорившись с товарищем, он станет ругаться, в его репертуаре неизменно будет фигурировать *дурак*, а если придется драться, в дело пойдет *кулак*. Будучи судьей, он наденет на подсудимого *кандалы* и позовет *ката* дать осужденному *кнута*. Будучи правителем, он собирает налоги в *казну*, охраняемую *караулом* и устраивает по дорогам станции, называемые *ямами*, которые обслуживаются *ямщиками*. Наконец, встав из почтовых

саней, он заходит в *кабак*, заменивший собой древнюю русскую *корчму*.

И все эти слова азиатского происхождения. В этом без сомнения есть знаменательное указание, хотя и относится только к внешней форме. Но гораздо важнее то, что известная примесь монгольской крови способствовала такой быстрой и покорной ассимиляции. В какой именно мере? Определить трудно. Русских документов, касающихся этого вопроса, нет, а показания иностранных путешественников противоречивы.

«Настоящие московские уроженцы», пишет Вижнер, «обыкновенно небольшого роста, но хорошо сложены, крепки и сильны, с очень белым лицом, зелеными глазами и длинной бородой, короткими ногами и порядочным брюшком». За исключением последней черты, отмеченной большинством свидетелей, этот портрет очень напоминает описание рыжей служанки постоялого двора. Пеер Персон, или Петреус, напротив, имел случай встречать в той же стране мужчин ростом в шесть футов и женщин, приводивших его в восхищение своими *черными* глазами, стройной талией, тонкой шеей и узкими руками с длинными пальцами. Эти глаза цвета агата были примечены также и Джекинсом. Что касается вопроса о цвете лица, то он оказывается спорным. Петреус считает его белым от природы, но очень испорченным косметиче-

скими средствами, которыми прекрасные москвички пользовались без всякого стеснения, употребляя их не только для лица и шеи, но и для глаз и зубов, Флетчер же приписывает употребление этих средств несовершенству естественной окраски.

Чтобы оправдать и тех и других наблюдателей, нужно добавить, что они плохо пригляделись, так как предметы их наблюдений не давали себя хорошо рассмотреть, женщины за стенами своих теремов, а мужчины, по крайней мере, из высшего класса, во множестве облекавших их одежд. Флетчер их насчитывает поразительное множество. Мужская одежда состояла из следующих предметов: прежде всего *тафья*, маленькая шапочка, покрывавшая совершенно выбритую голову. Волосы отращивались только в знак траура или немилости. Тафья у вельмож была из парчи, украшена жемчугом и драгоценными камнями. Поверх нее надевалась большая шапка, в виде тиары, в персидском вкусе. Шапка отделялась дорогим мехом чернобурой лисицы. Рубашка без воротника оставляла шею открытой, но ее украшало широкое, пальца в три-четыре, дорогой работы кольцо. Рубашка делалась из красивой материи и покрывалась вышивкой. Летом она служила домашней одеждой. Зимой же поверх нее надевали легкую обыкновенно шелковую, застегивавшуюся спереди и спускавшуюся

ся до колен одежду. Затем надевался *кафтан*, длинная узкая одежда, спускавшаяся до щиколотки. Делался он иногда из парчи. Кафтан перетягивался поясом, на котором висели кинжал и ложка.

Потом надевалась вышитая спереди, широкая и еще длиннее кафтана *однорядка*, шелковой материи, с меховой опушкой. Наконец, для выходов еще *охабень*...

Я избавлю читателя от описания других разновидностей костюма – *ферязи*, *кунтуша*, дополнением к которым служили высокие сафьяновые сапоги, также вышитые жемчугом и драгоценными камнями.

Нечего и говорить, что женский гардероб был еще сложнее. Общей чертой являлась роскошь и обилие одежд. Черная или красная шелковая сетка на волосах летом прикрывалась тонким батистовым, вышитым жемчугом платком, завязывавшемся под подбородком, зимой шапкой из золотой парчи, усеянной жемчугом и дорогими камнями, с опушкой из красивого меха. Широкое платье – *опашня*, обыкновенно пурпурового цвета, с длинными до земли рукавами. Затем невероятное множество одежд, надевавшихся одна на другую – тут были и широкие, и узкие, из парчи и из шелку. Одни усеяны камнями, другие подбиты мехом. Потом еще целый ларец браслетов, ожерелий, разного рода украшений. Обутая в башмаки из белой,

желтой или голубой кожи, также вышитые жемчугом, знатная москвичка с трудом могла держаться на ногах под этой грудой соковищ.

Таков был гардероб знати. Одежда же народа была гораздо проще. У мужчин рубашка и пара сапог летом; женщины же из скромности надевали две рубашки. Зимой одежда из белого или синего сукна, спускавшаяся ниже колен, и овчинный полушубок. К этому еще прибавьте крест на шее у женщин и в ушах серьги в виде колец из какого-нибудь металла, вот и все.

Благодаря влиянию аскетических идей, религия и скромность играли важную роль в установлении деталей женского туалета. Даже излишнее употребление косметики можно объяснить стремлением лучше спрятать то, чего не следует показывать. Хотя все делалось для Бога, но и дьявол не лишался вполне своих прав. Не один только «Домострой» давал наставления выбирать головные уборы и драгоценные камни – рубины, изумруды, – чтобы усилить выражение и блеск лица.

Была ли в самом деле эта одежда с татарскими названиями заимствована от татар? Любопытно, что Флетчер этого даже не подозревал, он полагал, что современные ему русские носили одежду греческого происхождения. Одежда московских государей, конечно, была скорее византийской, чем самарканд-

ской. Все европейские государи в более древние времена одевались так. Без сомнения, румяна и белила, пользовавшиеся таким почетом у московских щеголих, были византийского происхождения. Это дар Ольги, жены Игоря. Отправляясь в Константинополь в 955 г., княгиня взяла с собой многочисленную женскую свиту, которая не теряла даром времени на берегах Босфора. Для Европы средних веков Константинополь заменял современный нам Париж, был столицей изящной роскоши. Покрывая зубы черным лаком и придавая каким-то неизвестным нам способом черную окраску даже белку глаза, русские женщины занимались скорее какой-то примитивной татуировкой, нежели подражали в этом деле тонкому искусству греко-римских щеголих. Но и в этом надо видеть, без сомнения, следствие того грубого искажения, которому искусство во всех своих формах подвергалось в этой стране. Кокетство здесь как бы стремилось проявить идеал красоты, изображенной в народной поэзии:

«Лицо бело, как снег, глаза с поволокой»...

С берегов Босфора спутницы Ольги привезли на Русь если не *кику*, то, по крайней мере, ту разновидность этого головного убора, которую потом носили московские государыни вместе с *вясями*, длинными жемчужными нитями, спадавшими с обеих сто-

рон на плечи. Этот головной убор встречался в древних греческих колониях на берегу Черного моря, и на евангелии X века, хранящемся в библиотеке Гота, императрица германская Теофания и сын ее Оттон III изображены в костюмах, напоминающих одежду московских бояр и боярынь XVI века.

Итак, названия здесь не вполне соответствуют сущности вещей. Это свойство всех завоеваний: они создают часто иллюзорные явления, захват их остается эфемерным и поверхностным. Что касается русской женщины изучаемой нами эпохи, то объяснение ее сущности и внешнего вида нужно искать в Византии. Византийский аскетизм господствует над русской женщиной и охватывает ее всю. До тех пор, пока она еще растет, он оставляет некоторую свободу развиваться ее телу и расцветать ее красотой, но как только она выйдет замуж, она должна навсегда скрыть от чужих глаз свою красоту, принадлежащую теперь всецело одному только мужу. Волосы замужней женщины должны быть покрыты и фигура ее закутана множеством пышных и широких платьев. Пояс может она надевать только на *сорочку*, домашнее платье, в котором она не должна показываться пред посторонними. Но по странному противоречию, обычно в подобного рода понятиях, пояс считается обязательным при сорочке, и отсутствие его считается

в высшей степени неприличным. Очень часто светские приличия смешивались с религиозными условностями. Пышность одежды соответствовала телосложению. Праздность и отсутствие движения, общие как для мужчин, так и для женщин высшего класса, способствовали тому, что мужчины становились толстыми, пузатыми, а женщины прежде времени запыливали жиром. Черта эта, ассоциируемая с представлением о роскошной жизни, в свою очередь становится элементом красоты, ценимой до сих пор еще среди петербургских кучеров и московских купцов. Но не относитесь с презрением к женским прелестям, пленявшим современников Ивана Грозного. Несмотря на свою чрезмерную полноту и на неграциозное нагромождение одежды, москвичка XVI в. занимает почетное место в «*Gynaecium*, или *Theatrum mulierum*» Июста Аммана (1586 г.): «*Qualem vix similem Gallia culta dabit!*». С другой стороны, любовь к украшениям, культ личной красоты и забота о ней были в ту эпоху проявлением эстетического чувства у варварского еще народа и стремления к высшим формам культурной жизни. Не забывайте, что эти богато одетые люди жили в лачугах. Не скрою от вас, что ложка, которую они носили на поясе, служила им при еде горячей жидкой пищи, для остального же они пользовались собственными пальцами. Несмотря на свою блестя-

щую наружность, они оставались и физически и морально грубыми. Но таков обычный ход цивилизации – исходя от простого я, культивируемого и облагораживаемого, человек постепенно приближается к более полному общему совершенству.

Перейдем к моральной стороне. Отзывы на этот счет более согласны. Они не могут быть названы похвальными, но иного мы не могли и ожидать. Фикция существования высокой нравственности на низкой ступени культурного развития историей опровергается. Но в упомянутых свидетельствах нужно считаться, с одной стороны, с их иностранным происхождением, а с другой – с вероятным нерасположением авторов. Черты, которые они главным образом отмечают – заносчивость, плутовство, недоверчивость и недобросовестность. Наивные москвичи считают себя выше всех других людей. Они щедро раздают обещания, которых вовсе и не думают выполнять. Между ними самими абсолютное отсутствие доверия. Отец остерегается сына, сын не доверяет матери, и без залога никто не даст в займы ни одной копейки. Это отмечают немцы Бухау и Ульфельд, швед Персон и литвин Михалон. Беда в том, что их слова подтверждаются англичанами Флетчером и Дэлекинсом: «Можно сказать по справедливости... что от мала до велика, за крайне редкими исключениями, рус-

ские не верят тому, что им говорят, и сами не заслуживают ни малейшего доверия». Можно считать эти отзывы наиболее справедливыми, так как они высказаны представителями нации, пользовавшейся в то время наибольшими привилегиями на Руси. Но они идут еще дальше и отмечают черту, на которую я уже указывал – это жестокость. Флетчер, правда, извиняет ее, поясняя: «Народ, с которым обращаются сурово и жестоко, правители и высшие классы, становится сам жестоким с равными себе и особенно с более слабыми»... Это явление, наблюдаемое в истории среди всех варваров, но в этом крае в более сильной степени. Здесь даже климат мало располагает людей к мягкости. Напрасно национальные историки в данном случае старались свалить всю вину на монгольское нашествие, которое будто бы испортило нравы, развратило народ, приучило его к насилию и лукавству. Еще за два века до нашествия татар старая киевская Русь была уже в огне и крови, благодаря местной борьбе, продолжавшейся здесь до зари нового времени. Она-то и была орудием растления нравов. Война была жестока по существу. Ее собственные законы противоречат всем кодексам и евангелиям. Ей чужда какая бы то ни была честность. Лукавство становится заслугой, а насилие добродетелью. Не татары внесли в эту страну вековую анархию,

а соответствующий западноевропейскому рыцарству, хотя и не равноценный с ним, разбой, опоэтизированный легендами, воспетый национальными баянами, воплощенный в народных героях. В одной из *былин*, выводящих на сцену Ивана IV, мы находим наряду с рассказом о разбойниках образец идей, сложившихся под влиянием предшествовавших особых исторических условий. Перед судом юноша; ему грозит *правежь*. Мимо проходит государь и спрашивает, в чем дело. Обвиняемый похитил чью-то казну. Юноша объясняет. Казна находилась в руках шайки разбойников. Смельчак напал на них и отбил ее, а потом пропил ее по кабакам с бродягами всего края. Государь не колеблется: герой такого приключения заслуживает не наказания, а награды за храбрость и щедрость. Отдается правителям приказ наградить его щедро, и народ в восторге. Душевное свойство, проявляющееся здесь, не есть специфический признак какой-нибудь азиатской или европейской нации, а прямое следствие ненормального развития народа, находящегося на переходной ступени.

В шестнадцатом веке на русские нравы, покрывшиеся, как мы видели, легким монгольским налетом, налагает свой отпечаток ближайший Восток – Византия. Но в это время ее влияние вызывает энергичную реакцию. Под непомерно тяжелым и стеснительным гне-

том аскетизма физическая и моральная природа восстает и возмущается. Она напрягается и рвется наружу, сбрасывая путы в вихре разнузданных инстинктов. Создаются крайности другого характера – отвратительные пороки, разврат. Женщины забывают всякий стыд, вырвавшись из своих теремов. Подобные явления выделяются на фоне семейной и общественной жизни. Они привлекают внимание наблюдателей и подвергаются общему строгому осуждению, которое следует проверить. Русская женщина подверглась ему в особенности. Она, по свидетельству иностранных моралистов, чудовище. Следует взглянуть на нее поближе.

II. Женщина

В образовании условий, созданных законодательством и обычаем и выпавших на долю подруги мужчины, влияние расы не имело никакого значения.

Терем, как теперь известно, не азиатского происхождения. Под татарским названием легко узнать греко-римский гинекей, переделанный по византийскому образцу. Славянский мир вообще не может быть обвиняем в стремлении поработить женщину, напротив, он готов был упрочить за ней привилегированное положение. В этом пункте большинство славян-

ских законов не согласуется с римскими, германскими или скандинавскими: в них не отводится места опеке над женщиной родственника-мужчины, она не низводится на степень вещи, которой можно распоряжаться. На Руси, по закону Ярослава, штраф за убийство, *головничество*, был больше, когда убитой оказывалась женщина. Женщина, как и мужчина, пользуется равными юридическими правами до Судебника Ивана IV. В 1557 году Иван Грозный решил посягнуть на этот принцип и объявил недействительным правило, по которому женщина могла завещать мужу управление своим состоянием. «Что муж прикажет, то жена и напишет», говорят сторонники нового закона. Но и здесь мы имеем дело с простым признанием факта, и с предосторожностью, сделанной скорее в интересах женщины, чем для лишения ее прав.

Славянская Ева даже на русской почве до некоторой степени торжествовала. Было ли это, как думает ученый историк славянских законодательств Мацевский, связано с ее участием в жертвоприношении в первоначальных славянских общинах, или случилось по другим причинам, факт остается фактом. Византия наложила на это русское явление печать своих собственных понятий, заимствованных главным образом из языческих учений. Константинопольские компиляторы хорошо усвоили афоризм, приписыва-

емый Солону: «Мудрец ежедневно благодарит богов за то, что они создали его греком, а не варваром, человеком, а не животным, мужчиной, а не женщиной». Они приняли к сведению мысль Аристотеля, что гражданам предоставляется полная власть над детьми, рабами и женщиной. Они искусно перемешали эти мнения с христианскими понятиями о происхождении греха и проклятия.

«Что такое женщина – читаем мы в одном древнем поучении, попавшем на Русь с Востока, – „это сеть для мужей. Своим светлым лицом и глазами она производит чары... Что такое женщина? – Гнездо ехидны“. Ева византийского мира – существо „двенадцать раз нечистое“ и всегда опасное. В некоторые дни нужно избегать сидеть вместе с ней за одним столом, и даже мясо убитого ею тогда животного бывает ядовито. Поэтому в деревнях московского государства можно было видеть в XVI в. хозяек, ищущих кого-нибудь, кто бы согласился зарезать предназначенную в суп курицу. Чем женщина моложе и красивее, тем она опаснее и больше заслуживает проклятия. Поэтому для изготовления просфор берут только старых женщин.

Чтобы уменьшить зло, чтобы удалить опасность, женщину держат взаперти. «Сидит она за двадцатью семью замками, заперта на двадцать семь ключей,

чтобы ветер не веял на нее, чтобы солнце не жгло ее белого лица, чтобы лихой молодец не увидел ее»... Что касается женщин высшего класса, то перечисленные в народной песне предосторожности применяются к ним буквально. Помещение боярыни находится в глубине дома. В него ведет особый вход, ключ от которого находится у боярина. Это своего рода тюрьма. Сюда не может проникнуть никакой мужчина, хотя бы он был самым близким родственником. Окна женского помещения выходят во двор, обнесенный высоким забором и защищенный таким образом от нескромных взглядов. Обыкновенно там имелась часовня или молельня, где женщина молилась. В церковь она ходила только в большие праздники, и при этом ее окружают большими предосторожностями. Она выезжает в закрытом экипаже, напоминающем монастырскую карету. Окна дверец в нем вместо окон затянуты пузырем, через который путешественница видит изнутри все, сама же остается невидимой. Ее обыкновенно сопровождает маленький отряд слуг – полупажей, полушпионов. Большинство из них никогда в жизни не увидят лица своей так усердно оберегаемой госпожи. Это и самим друзьям их хозяина удается очень редко. По правилу, жена не должна была показываться пред гостями мужа. Но делалось исключение, когда хотели оказать особое почтение избранным го-

стям. Среди пира происходила церемония, на которой как бы отразились рыцарские понятия Запада. По знаку хозяина боярыня спускалась по лестнице из своего терема, одетая в лучшие свои наряды, с золотым кубком в руке. Коснувшись его своими губами, она потом подавала его каждому гостю. Затем становилась на почетное место и принимала от них поцелуи.

Все это было в обычае, конечно, только в высшем аристократическом обществе. Вне этого класса терем для женщины не казался таким необходимым, опасность не представлялась такой сильной. Простая женщина была рабочим животным. Ей можно было безо всяких предосторожностей и опасений предоставить хлопоты по хозяйству, мыть белье на реке и работать в поле. В среднем классе терем сохранял еще до некоторой степени свой характер. Но жены мелких дворян, купцов и крестьян в большие праздники толпились на улицах у качелей и вертящихся колес, доставлявших им большое удовольствие. Дамы высшего класса имели их у себя во внутреннем дворе. После качелей женщины собирались на каком-нибудь лугу для танцев.

Хореография того времени была, кажется, мало развита и отличалась монотонностью. Плясуньи кружились на одном месте, притопывали ногами, поводили плечами, шевелили бедрами, качали головой, под-

мигивая бровями, помахивали платочками. Все это сопровождалось песнями и резкой музыкой какого-нибудь скомороха. Персон усматривал в этих забавах кое-какие не совсем невинные подробности. Он слышал также песни на довольно неприличные темы.

Здесь также проявляется неизбежное следствие слишком строгого религиозного закона. Церковь запрещала самые невинные пляски и разного рода увеселения и удовольствия. Таким путем старались закрыть дверь перед дьяволом, но он влезал в окно. Общие бани давали место большим бесчинствам. Кажалось, оба пола были там совершенно разобщены. Но, выйдя из парового отделения, голые мужчины и женщины, покрытые потом и разгоряченные высокой температурой и вениками, встречались у выхода; здесь они без стеснения вступали в дружелюбные разговоры между собою, бросались вместе в реку или валялись по снегу. Раздавались крики, шутки и прибаутки, характер которых не трудно угадать. Аскетический режим находил здесь свой грязный сток.

Только вдова, имевшая сыновей, почти всецело избавлялась от этого режима. В семейной, общественной и даже государственной жизни она пользовалась полной независимостью и равными с мужчиной правами. Напротив, если не имела мужского потомства, она попадала в разряд сирот и убо-

гих, опекаемых церковью и совершенно заброшенных обществом. Таким образом исключение подтверждало правило. Женщина была существом проклятым во имя аскетического идеала, но она могла возвыситься до него путем добродетелей, становясь святой. Но этот путь, очевидно, был для нее чрезвычайно труден, так как *Четьи-Минеи* Макария содержат описание жизни только двух женщин. Русские авторы житий святых чуть ли не питали презрения к этим редким избранницам, признанным даже Церковью. Слава святой Ольги и Евфросинии, живших в X и XII веке, нашла своих историков только лишь в XV веке. А ведь они были княгинями!

У тех, кто не мог достигнуть подобных вершин, был еще один исход: мир сверхъестественных сил, которым народное воображение приписывает такую важную роль в человеческой жизни. Стоящая вне общества и презираемая как жена и мать, женщина, словно колдунья и ворожея, вызывала страх и уважение к себе. Она стала царицей в волшебном мире суеверий. Поэтому в расколе, где суеверию отведено много места, женское начало проявляется снова, приобретает свои привилегии и выступает на первый план.

III. Семья

В высших классах воспитание детей обыкновенно не предоставлялось матери. Церковь налагала свое запрещение как на материнскую, так и на сыновнюю любовь. Оставался брак. Но выйти замуж не значило, что девушка выберет юношу, который был бы ей по сердцу и которому бы она нравилась. За исключением повторного брака, свадьба была делом родителей, обыкновенно вовсе не заботившихся о согласии детей, тем более, что в брак вступали часто слишком рано. Достаточным возрастом считалось 12 лет для девушки и 14 для юноши. До венца, до порога спальни супруги могли, или скорее даже должны были, оставаться совершенно неизвестными друг другу. Муж в особенности не должен был видеть жену до последней минуты. Чтобы избежать слишком неприятных неожиданностей, родственница жениха брала роль *смотрительницы*. Ее вводили в горницу, убранную соответственно этому случаю. Невеста помещалась за пологом, который на время раздвигался. Случалось часто, что невесту подменивали. В таких случаях обманутый муж мог принести жалобу в суд, требовать расследования дела и расторжения брака. Но обыкновенно это достигалось другим

путем: муж заставлял жену дурным обращением по-стригаться в монахини. В исключительном случае, когда сватовство считалось лестным для невесты, жениху разрешалось самому лично производить *смотрины*; но если он после этого отступал, то этим наносил сильное оскорбление и должен был за него платить значительную сумму.

После *смотрин* производилась другая церемония – *сговор*, во время которого велись споры и заключались условия. Иногда при этом требовалось, чтобы приданное, уплачивавшееся до XVI века женихом, было выдано немедленно, откуда и поговорка пошла: «Деньги на стол, невеста за стол». Но невеста все еще не показывалась. Родные от ее имени после сговора подносили жениху кое-какие мелкие подарки.

Свадьба сопровождалась сложными обрядами, символически изображавшими вступление в новую жизнь. Они напоминали обряды, совершавшиеся при вступлении князя на престол. Два лица руководили ими. Они назывались *тысяцким* и *ясельником*. Тысяцкие во времена удельной системы и вече несли важные обязанности, на свадьбе же они распоряжались толпой парней и девушек. *Ясельник* должен был предохранять участников свадебной церемонии от колдовства, так как этот случай считался особенно удобным для деятельности злых духов и колдунов.

Еще накануне все собирались в дом жениха. Он принимал поздравления, устраивал пир и в свою очередь посылал все еще отсутствующей невесте более или менее великолепные подарки: ларчик с кольцами, румяна, лакомства и – символическую плетку. В то же время сваха приготавливала брачную постель. Она прежде всего обходила весь дом с веткой рябины в руках, чтобы отвести порчу. Спальня новобрачных устраивалась в светлице, находящейся повыше над землей, чтобы не напоминала о могиле. Ее убрали коврами и мехами куниц. Это считалось признаком богатства и комфорта. По углам комнаты ставили оловянные сосуды, наполненные жидким медом. Наконец в нее вносились с необыкновенной торжественностью все необходимые предметы, впереди несли образа Спасителя и Божьей Матери. Постель обыкновенно устраивалась на деревянных лавках. На них прежде всего ржаные снопы, количество которых было различно, соответствовало званию молодых и носило символический характер. Затем поверх снопов стлали ковры, а на них клали одну на другую перины. В ногах и головах ставили кадки с пшеницей, рожью, ячменем и овсом. На другой день пир у жениха продолжался; для него изготовлялся *каравай*. На этот раз для невесты приготавливалось место рядом с женихом в почетном углу за столом. Перед нею стлали

одну на другую три скатерти, ставили на них солонку, клали белый *калач* и сыр. Жених в сопровождении большего кортежа отправлялся за невестой. За ним несли *каравай* и свечи. Один из *дружек* нес *осыпало*, большое блюдо, наполненное хмелем – знак богатства и веселья, – куньими мехами, шитыми золотом платками и деньгами, предназначенными для раздачи присутствующим. Подобная же процессия совершалась и у невесты, которая оставалась невидимой под густым покрывалом. Две подружки несли два блюда, на которых лежал головной убор невесты, платки для подарков гостям и стоял наполненный смесью кубок меда и вина, употребление которого сейчас будет объяснено.

Оба кортежа направлялись к дому молодых, и пир начинался молитвами, которые долго читались попом. Обычай требовал, чтобы гости только для виду прикоснулись к первому блюду, пока сваха не подыметя со своего места и не попросит у родителей разрешения покрыть невесте голову убором, который носили только замужние женщины. Зажигались свечи, между женихом и невестой протягивался кусок тафты, на обоих концах которой было вышито по большому кресту. Сваха снимала с невесты свадебное покрывало, погружала в символический кубок гребень и проводила им по ее волосам; потом покрывала го-

лову невесты сеткой и *кикой*. В этот момент и в то время, когда подружки обвевают куньими мехами молодых, они по обычаю, державшемуся в среднем классе, должны были прикасаться щеками к разделявшей их тафте. Перед ними помещалось зеркало, и только теперь они могли разглядеть черты лица друг у друга. В это время один из гостей подходил к ним в вывернутом шерстью наверх тулупе и желал им столько детей, сколько волосков в его шубе.

Затем следовала раздача платков и других предметов, бывших на *осыпале*, происходил обмен колец в присутствии попа и вручение жениху отцом невесты эмблемы родительской власти. Это, конечно, была плетка. «Надеюсь, что мне она и не понадобится», галантно говорил жених, но все же затыкал ее за пояс. На этом пир прерывался. Отправлялись в церковь. Дорогой пели, плясали, несмотря на присутствие попа, и перед его гневными глазами скоморохи потешали кортеж. После венчания иногда молодая кланялась своему мужу в ноги и касалась лбом его сапога в знак покорности; он покровительственным жестом покрывал свою избранную подругу полрой своей одежды. Иногда поп давал новобрачным чашу, они три раза касались ее губами, после чего бросали ее на землю, и каждый из них старался первым наступить на нее. Если женщине удавалось скорее на-

ступить, то это служило предзнаменованием, что она будет верховодить в доме. При выходе из церкви происходили другие символические церемонии, например, показывали вид, что хотят разъединить молодых, державшихся вместе. Затем возвращались к пиру. Новобрачной полагалось много плакать, к чему ее располагали подруги жалобными песнями. Молодые не должны были прикасаться ни к одному блюду до тех пор, пока перед гостями не появлялся лебедь, а перед ними жареная курица.

Это было знаком идти в опочивальню. И здесь еще больше, чем во всех предшествующих подробностях, обнаруживается дух местного мистицизма и грубо-чувственные, наивно-циничные элементы. Первой отправляли в спальню новобрачных символическую курицу, в сопровождении несших свечи, каравай и всех присутствующих на пиру. Свечи втыкали в кадки, наполненные зерном; молодых проводили в их светлицу с новыми церемониями и возвращались опять за стол. Сваха в это время помогала молодым раздеться. Во время этой процедуры жена должна была снять мужу сапог в знак подчинения. В одном из сапогов находилась монета. Если этот сапог удавалось снять первым, это служило хорошим признаком. Вступая в отправление своих обязанностей, муж вынимал из-за пояса символическую плетку и пускал ее в ход

с принятой в этом случае предосторожностью. Наконец, супруги остаются одни, под охраной *ясельника*, который ходит пешком или объезжает на лошади вокруг дома. Пир продолжается в течение часа. Затем одна из подружек идет спрашивать новобрачных. Если муж через дверь скажет, что он здоров, то это значить, что все совершенно ими хорошо. Гости тотчас шли в светлицу молодых, чтобы накормить их.

Курица была главным блюдом в этой ритуальной еде, но к ней прибавлялись и другие кушанья. Тут проносили тосты, поздравления, потом укладывали молодых и возвращались снова пировать.

На другой день церемония продолжалась, совершалось обязательное посещение бани, после чего молодая жена вручала своей свекрови доказательство своей невинности – брачную рубашку, которая должна была потом свято сохраняться. При царских свадьбах придворные впервые могли видеть лицо своей государыни, при этом конец ее покрывала подымал стрелой один из знатных бояр. Теперь наступала очередь родных невесты устраивать свадебный пир. Случалось, что они при этом подвергались несмываемому позору. Отец мужа подавал им кубок с отверстием в донышке, закрытом пальцем. Когда ему его наполняли вином или водкой, он отнимал палец и жидкость разливалась. Это показывало, что мо-

лодая оказалась не такой, какой должна быть.

В продолжение всех этих свадебных торжеств, но-вобрачная произносила только те слова, какие тре-бовались от нее по обычаю, она все время храни-ла молчание, что служило признаком хорошего вос-питания. Напротив, ее подруги в таких случаях поль-зовались исключительной свободой, доходили неред-ко до безумств, и самые скромные и чистые из них доходили до крайней распущенности. Проходили сва-дебные дни. Двери терема захлопывались и скрыва-ли за собой судьбу молодой супруги.

Какова была ее судьба, легко себе представить. «Домострой» преувеличил суровость домашней об-становки, но она все же напоминает монастырь. В чуть зажиточных домах *крестовая комната*, уве-шанная вся от пола до потолка иконами, несколько раз в день служила сборным пунктом их обитателей. Большие или маленькие события заставляли обра-щаться к образам, почитавшимися наравне с моща-ми и другими священными предметами, как, напри-мер, свечи, зажженные небесным огнем в Иерусали-ме, частица камня, на котором стояла нога Христа. Но и по выходе из *крестовой* в руках оставались чет-ки. В руках затворниц терема это орудие молитвен-ного настроения, обыкновенно художественной рабо-ты, освященное в каком-нибудь особо чтимом месте

поклонения, вроде Троицы, Соловков, Белоозера, – приобретало характер прообраза их существования, протекавшего пусто и однообразно среди чтения *Отче наш...*

По утрам все подымались рано, как простой народ, так и представители высших классов: летом с восходом солнца, зимой за несколько часов до наступления дня. Еще в XVI в. часы считали по восточному: 12 часов дневных и 12 ночных. За норму принимали время равноденствия. Первому часу соответствовал наш седьмой час дня. Церковь распределяла свои службы по этому времени, к ней применялись и все занятия, которые для людей высшего класса и состояли почти только в посещении богослужений вплоть до обеда. После обеда полагался обязательный отдых. Даже купцы в этот час прекращали свою работу и запирали лавки. Только на одной московской площади, носившей название *«вшивой площади»*, в это время работали цирюльники, расправляясь с пышными шевелюрами. Этот отдых имеет серьезное основание: ели много, желудки переполняли большим количеством большею частью неудобоваримой пищи. Лжедмитрий выдал свое происхождение тем, что не следовал этому национальному обычаю.

Молиться, есть, спать – в этом состояла вся жизнь богатой боярыни. У других были заботы по хозяй-

ству и они напоминают барщину, каторгу. Обреченная на праздность и расслабленная ею боярыня разве соберется от скуки вышить что-нибудь для церкви. Но скука не была самым опасным гостем у семейного очага, устроенного по известному нам образцу. Сколько было неудачных союзов! Как велик был страх пред могущими возникнуть осложнениями! Разве сам закон не изобрел наказания для жены, отравившей мужа, и какого ужасного наказания! Виновную живой закапывали в землю, оставляя только голову наружи, чтобы продлить мученья. Некоторым удавалось избежать этого наказания, приняв пострижение. Но в монастыре их заковывали в цепи и помещали в изолированные кельи.

Но за такие брачные союзы, в которых женщина редко находила любовь, поруганная, оскорбленная, брошенная, она большею частью мстила любовью же. Как внимательно ни присматривали за ней, а все же ей удавалось «посадить мужа под лавку», как выражались тогда. Отвращение, какое питали к *нехристям*, как называли иностранцев, не было препятствием к прелюбодеянию. Если принять во внимание свидетельство иностранных путешественников, то понятной будет и глава «Домостроя», запрещающая вход в терем некоторым подозрительным кумушкам. Вызвано это запрещение, вероятно, слишком ча-

стым нарушением строгого закона. Подобных лиц, исполнявших роль посредниц, можно было встретить везде в местах, часто посещаемых простолюдинками – у рек и прудов, где производилась мойка белья, на рынках, у колодцев. Они проникали и в наиболее уважаемые дома, где успевали снискать ласку хозяйина. Последнему, к слову сказать, обычай не запрещал иметь любовниц, и ему незачем было их скрывать, он мог брать их к себе в услужение даже силой, не возбуждая нареканий.

В народе испорченность нравов в этом отношении доходило до крайности. Ни малейшей воздержанности, отсутствие стыда. Выходя совершенно голыми в бане, женщины и на улицах задевали прохожих. В следующем веке Олеарий описывает сценку, свидетелем которой он был в Новгороде. Среди большого стечения народа, скопившегося по случаю какого-то религиозного торжества, появилась из кабака пьяная баба. Она свалилась на площади в непристойной позе. Какой-то пьяный крестьянин бросается на это голое тело, как похотливое животное. Толпа мужчин, женщин, детей теснится со смехом вокруг этой отвратительной пары...

Даже материнство не избавляло женщину от печальной судьбы. Ее заботы ограничивались первоначальным попечением о детях, самый же существен-

ный элемент – любовь – отсутствовал. Любовь к родителям считалась залогом долгой и счастливой жизни. О тех, кто нехорошо отзывался о своих родителях, говорили: «Его вороны заклюют, орлы растерзают»... «Отцовское проклятие засушит, а материнское погубит», говорит другая пословица. Но семейный закон, дававший отцу безграничную власть: «почитай батюшку, как Бога, а матушку, как самого себя», – основывался на страхе. Отец, которого дети должны были не любить, а почитать, был *грозный* носитель плетки. Здесь тоже крепостное право, лишённое нравственной силы; это спутник государственного строя.

Под семейным кровом, прикрывавшим часто настоящей ад, только смерть была окружена ореолом искренней и высокой нравственности. Религиозный закон, слишком требовательный и потому часто нарушаемый, получал полное удовлетворение. Умереть среди своего семейства и в полном сознании считалось благословением неба. Благодаря силе веры, этот момент не казался страшным. К смерти готовились задолго, обдумывали свое завещание, стараясь внести в него побольше добрых дел: раздачу милостыни, освобождение крестьян, прощение долгов. Исполнение своих обязательств считалось особой заслугой. Все это носило выразительное назва-

ние *строить душу*. Часто случалось, что умирающий принимал пострижение в монахи. Также обыкновенно поступали и цари. Если наступало выздоровление по принятии схимы, уход в монастырь считался обязательным. Но и у самого порога вечности, несмотря на христианские верования, языческие традиции все еще предъявляли свои права и выступали на сцену проникнутыми грубым материализмом. Устраивались поминки, на окно ставилось блюдо, приготовленное из муки, или *каша*. Это была, быть может, уже известная нам *кутья*. Раздавались такого рода причитания: «Милый ты мой!» – начинала вдова, «зачем ты меня покинул?.. Или я тебе не угождала?.. Не наряжалась ли я для тебя по твоему вкусу??» А присутствующие подхватывали: «Зачем ты умер? Или у тебя нечего было есть-пить?.. Или не было у тебя красивой жены?..»

Семья не была моральной единицей, она являлась скорее ассоциацией интересов. Поэтому она являлась очень растяжимой и могла включать в себя разнородные группы, Такое явление мы, впрочем, видим и в Исландии, Сербии, даже в Америке на низших ступенях культурного развития. Сербская *задруга* представляет более совершенный тип такого элементарного сожителства в 10–50 человек, живущих под одной крышей, собирающихся ежедневно за од-

ним столом и подчиняющихся власти одного главы, независимо от родственных связей. О таком сожигательстве на Руси упоминает Нестор и «Русская Правда» Ярослава. Оно встречается до семнадцатого века включительно в областях на северо-западе от Пскова и на юго-западе по соседству с Литвой.

Защитники этого рода ассоциаций видели в них средство облегчить экономическую борьбу. Но в них парализовался дух индивидуальной предприимчивости, и они вряд ли были способны внести чистоту и мягкость в семейные и половые отношения.

Несмотря на отрицательные отзывы всех современных наблюдателей, нельзя утверждать, чтобы собственно семейная жизнь, как она понималась русскими шестнадцатого века, не способствовала развитию некоторых семейных добродетелей. Наблюдатели останавливали свое внимание на явлениях, бросающихся в глаза. Добродетель же расцветала в тени. Характерной чертой в этом отношении был дух солидарности, особенно сильно развившийся среди слуг и челяди, окружавшей хозяина дома. Холопы и вольные слуги образовывали нечто вроде двора, *дворню*, среди которой хозяин разыгрывал роль государя, подражая в церемониях и распределении домашних должностей порядком, заведенным при великокняжеских палатах. Разница была только в том,

что *спальники* в опочивальнях заменялись *постельницами*. Всю эту дворню обыкновенно плохо кормили, так как ключник известную долю провизии, отпускавшейся им, утаивал. Богатая одежда для слуг употреблялась здесь, как и в великокняжеских дворах, только в торжественных случаях. Поэтому *дворня* часто старалась поживиться на стороне. Шляясь по улицам, она брательась с бродягами и нищими, попрошайничала вместе с ними и обирала ночью прохожих. Наказываемые и награждаемые без толку слуги не имели о справедливости другого представления, кроме того, которое выражалось в фразе: «Если хозяин захочет поколотить, то вину всегда найдет». Но они готовы были умереть за своего господина. Когда бояре заводили споры между собой, их челядь принимала живейшее участие, видела в этом дело чести, что совершенно сходно с отношением служилых людей и государей. Если боярина обкрадывали и даже продавали его собственные слуги, то и он часто злоупотреблял своей властью и нарушал их интересы. Боярин, в свою очередь, не прочь был поживиться за счет своего государя, порой обманывал его и готов был изменить ему при случае, что все-таки не мешало ему проявлять безграничную преданность. Грозный всю жизнь свою преследовал и карал коварство своих слуг, всегда при этом находя усердных исполнителей

для своих предприятий. У этих людей была особая мораль, в которой чувство добра и зла не имело места, совесть не играла никакой роли, в ней царил один всепроникающий принцип – принцип службы. Этот категорически императив, положенный в основу общественной и политической организации и пропитавший сознание покорного, сильного и терпеливого народа, и является секретом торжества и славы его. Все величие России построено на этом фундаменте.

Мы видели боярина в семейной обстановке, теперь посмотрим на него вне ее.

IV. Общество

Мы уже знаем, что со двора отправлялись только в карете или верхом на лошади. Лошадь так же богато убрана, как и ее хозяин. Седло покрыто сафьяном или шитым золотом бархатом, попона из дорогой материи, уздечка отделана серебром, цепочки, бубенчики, колокольчики чуть ли не до самых копыт. Вся лошадь – звон и блеск. Шум издали возвещает о приближении важного лица и повелевает прохожим посторониться. Экипаж обыкновенно представлял собой сани, даже летом не любили ездить на колесах: в санях было больше важности. Длинные и узкие, эти сани обыкновенно предназначались толь-

ко для одной персоны. Однако у ног господина при-
страивались кое-как еще двое слуг, и зимой вместе
с ним утопали и почти совершенно скрывались в ме-
хах. Кучер садился верхом на запряженную лошадь.
Он был украшен перьями или лисьими хвостами. Бо-
ярин едет в гости. При приближении к дому, который
хочет он почтить своим посещением, возникает во-
прос этикета, где должен он оставить свою лошадь
или выйти из саней. Если дом принадлежит человеку
более знатному, чем гость, то последний должен оста-
вить лошадь у ворот. В Кремль могли въезжать только
некоторые особенно знатные лица, но и они не сме-
ли проехать через весь его двор под страхом нака-
зания кнутом. Когда посещали равных себе, подъез-
жали к самому крыльцу, где гостя встречал сам хозя-
ин или кто-нибудь из его слуг, в зависимости от об-
стоятельств и правил церемониала, строго выполняв-
шегося. Войдя в дом, молились на иконы, осеняя се-
бя крестным знаменем, кланялись, касаясь земли
пальцами правой руки. Затем гость подходил к хозя-
ину и обменивался с ним приветствиями, которые из-
менялись от простого пожатия руки до коленопрекло-
нения, сообразно различию положения. Все опреде-
лено было правилами до мельчайших подробностей.
Даже первые слова были стереотипны, церемонны
и искусственно смиренны: «Бью челом моему благо-

детелю... Прости мое скудоумие...» Обращаясь к духовному лицу, не нужно было забывать назвать себя великим и окаянным грешником, а его величать учителем православия и блюстителем света истинного. С такими же ломаньями принимали угощения, полагавшиеся по обычаю во всякий час дня; прощаясь, начинали откланиваться, прежде всего иконам, как и при входе.

Встречи в общественных местах требовали меньше этикета и церемоний, но они были очень редки. Знатные люди не ходили в публичные бани, хотя принято было во всех классах мыться ежедневно или, по крайней мере, несколько раз в неделю. Но даже самые бедные дворяне имели собственную баню. Если русский человек чувствовал себя нездоровым, он выпивал рюмку водки, настоянной на перце, и отправлялся в баню. Это было универсальное средство против всех болезней. Только некоторые вельможи обращались к помощи медицины, да и то в редких случаях, так как в то время врачей было очень мало на Руси и все они были иностранного происхождения. Первый врач, приехавший в Россию с Софьей Палеолог, женой Ивана III, был казнен за неудавшееся лечение. Этот случай был плохим поощрением для других. Все же при Иване IV составила группа врачебного персонала. С немцем Елисеем Бомелиусом соперни-

чали четыре англичанина: Стендиш, Эльмс, Робертс и аптекарь Фринсгем. Но они все вместе не смогли бы заставить русского проглотить пилюлю или поставить себе клистир.

Кроме бань, общественная жизнь сосредоточивалась на пирах, которые устраивались очень часто и были двух родов: частные и коллективные, устраивавшиеся группами, сообща. Последние носили название *братчины*. Родня и друзья пировали в большие праздники или же по случаю семейных событий – свадеб, крестин, похорон. При дворе пиршества устраивались при венчании на царство, при поставлении нового митрополита, приеме иностранных послов. Вопрос о местах здесь приобретал огромную важность и вызывал споры, нередко оканчивавшиеся кровавыми схватками. Впрочем, считалось признаком хорошего тона заставлять просить занять подобающее высшее место за столом. Ели обыкновенно вдвоем с одного блюда, куски пищи брали пальцами, кости складывали на тарелки, которые только для этого и служили и не сменялись в продолжении всей трапезы. Хозяин раздавал хлеб и соль и посылал более знатным гостям лучшие куски. Количество блюд было невообразимо. Пир продолжался очень долго. Запах чеснока, лука, служивших приправой ко многим кушаньям, гнилой рыбы и спиртных напитков, –

скоро пропитывал атмосферу. Все это, в сочетании с непристойностями многих гостей, делало подобные торжества невыносимыми для иностранцев. Случалось, что даже женщин, пировавших отдельно, развозили по домам в бесчувственном состоянии. Если на другой день хозяйка посылала спросить гостью о здоровье, было принято отвечать с намеком на широкое гостеприимство: «Вчера я так весела была, что и не помню, как домой воротилась».

У набожных людей религиозные обряды странным образом примешивались к пирушкам: духовные лица, будучи приглашены и посажены на почетное место, платили за угощение молитвами и разными церемониями – благословением пищи и напитков, каждением ладана по всему дому. Иногда, как, например, в монастырях, на стол ставили ковчежец с «просфорой Богородицы». Во время пира пели церковные песни. В прихожей кормили нищих. Некоторых из них сажали за стол вместе с гостями. В других домах, напротив, пир переходил в оргию. Правила терема нарушались. Представители обоих полов собирались вместе. Музыканты и скоморохи забавляли публику. Звучали непристойные песни.

У крестьян пирушки носили особое название «пиво», потому что при этом испрашивалось разрешение готовить крепкие напитки: пиво, настойки,

мед, составлявшие предмет правительственной монополии. Разрешение получали на три дня, а иногда, по случаю больших праздников, даже на целую неделю. По истечении этого срока фискальные агенты опечатывали напитки до следующего праздника.

Братчины назывались также *сыпными*. Вероятно, раньше взносы делались зерном, сыпавшимся в кучу. Эти временные собрания для коллективных попок, происходивших под председательством выборного старосты, пользовались некоторой юридической автономией, сохранявшейся за ними до XVII в. Споры между участниками их не подлежали общему судопроизводству. Пословица: «С ним пива не сваришь» указывает на характер действий союза. Здесь крестьяне и вельможи встречались на равных. На этих собраниях еще чаще, чем на частных пирах, происходили беспорядки, драки и даже убийства. Поэтому благочестивые люди в них обыкновенно не принимали участие. Пили там без меры. Уже Владимир сказал: «*Руси веселие есть пити, не может без того быти*». Радость, любовь, симпатия – целая гамма чувств находила свое выражение в вине. Напивались до полусмерти, чтобы засвидетельствовать свою дружбу гостю или любезному сотоварищу. Ели также до отвала, поглощая щучьи головы с чесноком, рыбные похлебки с шафраном, заячьи

почки в молоке и с имбирем. Все это было приготовлено со множеством пряностей, жгло небо и требовало обильных возлияний. В большом употреблении были вина венгерские и рейнские, но названия их так искажались, что иногда трудно узнать. Например, под названием «Петерсемена» было известно Peters Simons Wein, рейнское вино, ввозившееся в Россию голландским купцом Петром Симоном. Из французских вин были известны бургундские, между которыми фигурировала *романея*. Теперь под этим названием известна в русских кабаках красная настойка водки на ягодах. Знали также мальвазию, аликанте и другие сорта испанских вин. Для церковных треб шли только французские вина. Привозили из заграницы водку и уксус в большом количестве. Обычным напитком народа был *квас*. Итальянец Тетальди говорит однако о другом распространенном напитке, в состав которого входила мука сушеного овса. Напиток этот он называет *толокном*. Но в русских источниках о нем упоминается только как о пищевом продукте.

Свидетельства о том, была ли привычка к неумеренности очень распространена среди населения, также разноречивы, как и во всем остальном. По словам Дженкина, на Руси царило бы пьянство, если бы даже сам Иван IV ничего не пил. В записках, изданных в 1567 г. в Любеке по поводу предполагавшейся от-

правки послов к русскому двору, мы находим указания совершенно противоположного характера. В ней рекомендовалось послам воздерживаться от неумеренности в питье, так как пьянство считается в Московии величайшим пороком. Автор записок негоциант, долго живший в Москве.¹⁵ Литовец Михалон, которого можно считать вполне беспристрастным, говорит то же самое, добавляя впрочем, что на Руси кабаки были неизвестны, что не соответствует действительности. По словам Тетальди, в конце царствования Ивана Грозного продажа спиртных напитков была разрешена в Москве только в одном пригороде. О нем, также упоминают Герберштейн, Гуаньино и Олеарий. Название его было *Наливки*. Посад этот входит теперь в состав города; о нем до сих пор напоминает церковь — *церковь Преображения на Наливках*. Торговля крепкими напитками, по всей вероятности, сосредотачивалась в этом месте в определенный момент. Между тем другие города пользовались полной свободой открывать кабаки, число которых в интересах фиска все увеличивалось. В этом, как и во многих других проявлениях жизни, обнаруживается борьба мирских интересов со стеснительными правилами морали. В результат происходили компромиссы, вводившие наблюдателей в заблуждение.

¹⁵ Форетен. Балтийский вопрос, I, 475.

Церковь, конечно, боролась с кабаками. Но, судя по ее собственным признаниям, ее поучения и проклятия имели слабое действие. Собор 1551 года оставил нам картину нравов, отличавшихся распущенностью, в особенности среди низших классов. Некоторые ночные игрища, устраивавшиеся в честь христианских праздников, сливались с традициями языческого культа. Например, Иванов день или праздник Ярилы – славянского Приапа. Устраивавшееся по поводу этих праздников пьянство влекло за собою другие бесчинства. Мужчины и женщины, парни и девушки проводили ночь в каком-нибудь отдаленном месте. Они плясали, пели и предавались разным излишествам. В протоколах Собора мы читаем об этих сборищах – «... с зарей они бегут, как сумасшедшие, к реке и с криком бросаются все вместе в воду, а когда раздастся звон к заутрени, они возвращаются домой и падают на постель в изнеможении, как мертвые». Заслуживает внимания указание членов Собора и духовных писателей того времени о существовании содомии.

Но Церковь, как мы уже знаем, была слишком требовательна. Она, со своей стороны, грешила чрезмерной строгостью и осуждала все формы общественной жизни. Как удовольствия, так и светское искусство подпадали под ее запрещение. Она пресле-

довала и скоморохов. По народной легенде, имеющей религиозную основу, дьявол принял вид скоморохов и бродячих фигляров, чтобы ввести бедный мир в погибель. Но и без вмешательства дьявола скоморохи часто производили мошеннические проделки. Они были в пренебрежении, стояли вне закона и вели себя соответствующим образом. Для своей безопасности они кочевали группами человек в 80–50 и тогда заставляли остерегаться их. Будучи своего рода артистами, они дали начало развлечениям, составляющим неотъемлемую часть жизни цивилизованного народа. Они разыгрывали комедии, и народный театр получил свое начало от их смешных и грубых представлений. Кроме них, были еще другие комедианты, также упорно преследовавшиеся Церковью, – это были водчики медведей.

Медведь занимал важное место в московской жизни того времени. Своего рода артист, он не только был выучен разным проделкам, но и фигурировал как главное действующее лицо в разных ролях комического репертуара, очень нравившегося толпе. Он изображал то судью, постановляющего нелепые приговоры и желающего, чтобы ему подмазали лапу, то обманутого и избитого мужа, русского Полишинеля Сганареля. Иногда ему случалось выступать и в трагической роли. Тогда любили физические упражне-

ния и разного рода состязания, как то: бег в запуски, стрельбу из лука, турниры всадников, подхватывающих кольца на копье, кулачный бой и бой дубинами. Но предпочтение отдавали травле медведя собаками, борьбу его с другими животными и в особенности с человеком. Вооруженный рогатиной, человек старался ударить ею своего опасного противника в грудь в тот момент, когда тот подымался на задние лапы. Стоило промахнуться, и медведь растерзал бы своего соперника на куски, что часто и случалось. Бойцы обыкновенно выбирались среди царских псарей, но в списке самых знаменитых из них мы находим и аристократические имена. Князь Гундоров был награжден в 1628 г. куском голубой камки за убитого им в единоборстве медведя. Боярский сын Федор Сытин был растерзан в 1632 г. во время менее удачливой борьбы.

Дела чести решались также посредством кулачной или палочной драки; пускать в ход мечи в таких случаях было не в обычае. Этого достаточно, чтобы понять, как прост и дик еще был народ в этой стране и как далеко еще было только начинавшее формироваться общество от сложившихся уже на Западе форм жизни. Ничто не напоминало здесь дворцов Франции и Италии, где после игры и танцев непринужденно беседовали, где любили гостей, умевших приятно рассказывать анекдоты и пускать остроумные

словечки; где любовались изящными вещами, хотя еще и не пользовались комфортом; где любили поэтично и ненавидели с умом и где после ссоры убивали друг друга у порога дома так же благородно, как умели и жить. Там в расцветании нового искусства выработался образец красоты и грации. На Руси же сложился совершенно противоположный тип, воплощенный в странниках, так называемых *юродивых* или *блаженных*, пользовавшихся любовью народа и снисходительностью духовенства. Это были ясновидцы и чудотворцы самого грубого вида. Они пользовались народной доверчивостью. Принимая вид чрезвычайной, сумасбродной суровости, они удачно скрывали свои плутни. Их можно было встретить в самые сильные холода не одетыми с развевающимися волосами. Они показывали вид, что не нуждаются ни в пище, ни в одежде, а между тем заходили в лавки и даром брали там все, что им было нужно. Быть обобраным кем-нибудь из таких *Божьих людей* считалось счастьем, в некотором роде благословением неба. Они слыли за святых и пользовались правом говорить правду в глаза даже самим государям. Грозный однажды, вступив в спор с одним из юродивых, спасовал пред его смелой речью. Церковь терпела их и даже отводила им место в раю. На торжественных похоронах *блаженного* Василия, того самого, во имя кото-

рого вырос шедевр Бармы и Постникова на Кремлевской площади, Иван нес на своих плечах гроб святого.

Я сказал достаточно, чтобы читатель мог измерить пропасть, отделявшую этот уголок Европы от Запада в тот момент, когда он готовился вступить в соприкосновение с соседними культурами. Мой дальнейший рассказ о развитии русского общества после этого будет более понятным.

Вторая часть Юность Ивана

Глава первая Первый русский царь

Рождение Грозного. Правление бояр. Женидьба и венчание на царство. Сильвестр и Адашев. Первый собор. Русский парламентаризм.

I. Рождение Грозного

В день рождения Ивана IV, 25 августа 1530 г., во всей стране слышались раскаты грома, сверкали молнии. Уже тогда, когда он ребенком впервые зашевелился в материнской утробе, московские войска, сражавшиеся под Казанью, почувствовали в себе необыкновенное мужество в отвагу. Более действительными и достоверными, чем те чудеса, которыми народное предание окружило появление на свет своего государя, были удары, нанесенные в это время всей цивилизованной Европе. В то время там появи-

лись Виклеф и Гус, Лютер и Кальвин. По всему христианскому миру запада, на полях братоубийственных войн, на площадях, загроможденных эшафотами, в опустевших храмах, при возмущившихся дворах католики и протестанты, священники и солдаты, князья и крестьяне старались заглушить военным кличем голос свободы, раздавшийся с высоты Вартбурга. Церковь, потрясенная в самых основаниях, вооружила всех от нищего монаха до папы на защиту своих привилегий. Но в Риме, захваченном немецкими войсками, Священная Империя и Франция оспаривали друг у друга светскую власть. На севере реформа послужила первой ступенью для новых династий, утвердившихся на тронах Швеции и Норвегии.

В своем вековом одиночестве Московия оставалась чуждой этому движению. Она его вовсе не знала и только изредка испытывала слабые отзвуки борьбы. Однако время начинало создавать некоторые узы между Русью и Западом. Неведомая и презируемая русскими Европа начинала интересоваться своей таинственной соседкой. С XV века, когда уже замечалось в Европе опасное брожение, разрушавшее ее единство и внутреннее согласие, она увидела на горизонте новую опасность: шуму поднявшейся против папства бури отвечал извне, как эхо, грозный голос ислама, готовившегося к наступлению на христиан-

ский мир. В страхе пред этой двойной опасностью Рим и Вена, Венеция и Женева искали себе помощи и открыли Москву. Итальянские дипломаты и левантские придворные с этого времени стараются перекинуть мост через пропасть. Женитьбой на дочери Палеологов дед Ивана IV вступил, под благословением наместника св. Петра, в семью европейских государей. В 1473 г. Венецианский сенат напомнил московскому государю о его правах на наследие византийского титула. В 1480 и 1490 г. настоящий наследник, Андрей Палеолог, пытался в Москве продать свои права на владение. Получив отказ, он вступил в переговоры с Карлом VIII французским. Но ключ от этого сокровища был в руках Рима; думали, что с помощью его добудут московское войско для борьбы с турками. В 1484 г. Сикст IV должен был успокаивать польского короля Казимира, опасавшегося за права своего старшинства в семье славянских государств.

Забываясь более о реальных правах, чем о гипотетических титулах, Иван III отвечал пренебрежительным отказом. Однако проект великого славянского государства, хотя бы и под римским руководством, связывался с вопросом о русских областях, служивших предметом спора между Московией и Польшей. В этой сфере враждебных влияний и притязаний возникали новые дипломатические комбинации. В них

укреплялась и принимала определенную форму идея панруссизма. В то время, когда Андрей Палеолог со своим предложением отправился к другим покупателям, фон Турну, послу императора, великий князь оказал гораздо лучший прием. Он изъявил свое согласие вступить в союз с Максимилианом, чтобы сообща действовать против ислама. Но сперва он желал свести общие исторические счета с Польшей. Не дожидаясь папской буллы, он позволил своим подданным именовать его *царем*. По понятиям православных, этот титул соответствовал императорскому достоинству и был равносителен заявлению требований на византийское наследие. Затем в 1493 году собственной властью Иван III присвоил себе титул государя всея Руси, что было равносительно заявлению своих прав на Киев и Вильну.

Это самостоятельное решение великой восточной проблемы подготовлялось еще гораздо раньше. Первыми додумались до этого юго-западные славяне. В XIV в. Душан сербский и Александр болгарский выступили с такими же притязаниями. Они мечтали о завоевании Константинополя и начали с провозглашения себя царями. В манускриптах того времени мы находим упоминание о новом Царьграде, каким должен был явиться город Тырново. Однако Милюков справедливо замечает, что для осуществления про-

граммы национального величия, Россия XVI в. ожидала побуждения извне, со стороны Западной Европы, как и Россия XVIII в. нуждалась во внешнем толчке, чтобы воспринять реформу Петра Великого.

Умирая (1505), Иван III оставил пять сыновей; между ними он и разделил свои владения, но, вопреки установившемуся, обычаю старшему из них Василию он оставил не одну, а две трети: всего 66 городов и областей со столицей во главе. Женатый первый раз на боярской дочери Соломониде Юрьевне Сабуровой, Василий не имел от нее детей, что его очень печалило. «Счастливы птицы», говорил он часто, глядя на птичье гнездо. Волшебство, к которому прибегала его неплодная супруга, оказалось бессильным. В 1525 г. боярская дума предложила ему другое средство, которое без сомнения соответствовало его личным видам: «Смоковница, не приносящая плода, должна быть выброшена из сада». Только один из членов боярской думы осмелился возвысить голос в защиту священных уз брака. Это был обладатель фамилии, которой предстояло занять блестящее место в рядах боярской оппозиции – Симеон Курбский. Его поддержали из среды духовенства сторонники реформы Вассиан Патрикеев и Максим Грек. Но это не помешало развязке. Соломонида была заточена в монастырь, а Василий повел к алтарю дочь литов-

ского выходца Елену Глинскую. Он был очень увлечен ею. Вероятно, и бесплодие Соломонида было только предлогом для развода. После того, как московские князья перестали брать себе жен из владетельных европейских домов, установился обычай устраивать нечто вроде конкурса местных красавиц, среди которых они и выбирали со всех концов государства. Характерно, что при втором браке Василия не прибегали к этому обряду.

Красивая, сравнительно заботливо воспитанная, благодаря своему нерусскому происхождению, Елена соединяла в себе такие чары, каких Василий не мог бы найти ни у одной русской. Елена рано осталась сиротой после смерти своего отца Василия Львовича. Выросла она под опекой своего дяди Михаила, старого соратника Альберта Саксонского и императора Максимилиана. Этот Михаил был странствующим рыцарем, в поисках приключений он попал в Италию и даже умудрился принять там католичество. После женитьбы Василия на Елене в московский кремль проникают западноевропейские идеи. По свидетельству Герберштейна, Василий даже сбрил бороду в угоду своей супруге, что было, можно сказать, настоящей революцией.

«Заволжские старцы» объявили этот брак блудодеянием. Казалось, что и небу не угодно было сде-

лать этот союз более счастливым, чем первый. Стали ходить слухи, что Соломонида родила сына в своем монастыре. Наконец молитвы монаха Пафнутия Боровского, впоследствии признанного в благодарность за услуги, оказанные царскому дому, святым, были услышаны. Елена произвела на свет желанного наследника. Спустя 3 года, 15 окт. 1533 г., она родила второго сына Юрия и вскоре овдовела. Иван III изменил старый порядок престолонаследия, по которому после смерти князя власть переходила к его братьям. Теперь им принадлежало лишь регентство. Нет оснований полагать, что Василий сделал иное распоряжение. Но Елена недаром происходила из рода авантюристов. Энергичная, честолюбивая, она сумела создать сильную партию и воспользовалась ею, чтобы захватить и удержать в своих руках власть.

Но Елена допустила двойную ошибку. Она, во-первых, не поделила власти со своим дядей, который, без сомнения, был ловким политиком. С другой стороны, большую часть правительственных полномочий она передала своему фавориту князю Телепневу-Оболенскому, который был лишь смутьяном. Скоро обнаружилось в государстве брожение. Елена заточила в тюрьму своего дядю, а также и Василиева брата Юрия, которые пытались завладеть государственной властью. После этого ей пришлось еще бо-

роться с другим своим деверем, Андреем, не желавшим довольствоваться своим Старицким уделом. Государству грозила междоусобная война. Елена предупредила ее хитростью, поймав в ловушку Андрея. Он также попал в московскую темницу, откуда люди редко выходили. Голод и тяжесть оков ускорили его кончину. Что касается его сторонников, то они, в количестве 30 душ, качались на виселицах, расставленных по дороге из Москвы в Новгород. Новгород как бы поддерживал Андрея в борьбе с Еленой.

Елена держалась еще несколько лет, в то же время давая отпор внешним врагам, полякам и татарам, соединившимся против нее с целью воспользоваться слабостью ее правления. В 1538 г., как полагают, внутренние враги отравили Елену. Иван осиротел. Власть перешла к боярам, и олигархия сменилась анархией.

II. Правление бояр

Фаворит Елены, князь Телепнев-Оболенский, сразу потерял среди смуты почву под ногами. Враги, которых правительница умела сдерживать, теперь принялись мстить. Над развалинами партии Елены подымали голову Шуйские. Будучи связаны с престолом узами родства, они не удовлетворялись временным господством. Как Василий и Иван, они происходили

от Александра Невского, притом происхождение свое вели от старшей линии, между тем как царствующая династия была младшей ветвью. Легко понять, как далеко простирались их честолюбивые замыслы. В каких-нибудь восемь дней после смерти Елены они расправились с фаворитом, он, как и многие другие, исчез в подземный темнице. В его лице Иван лишился своего опекуна и даже своей кормилицы Аграфены. Она была сестрой Оболенского и должна была разделить участь брата. Василий Васильевич Шуйский и двоюродный брат его Андрей, только что освободившийся от заключения, столкнулись с другим претендентом. Из открывшихся темниц вышли целые батальоны соискателей власти. Между ними был и князь Иван Бельский, который не намерен был уступать никому в своих притязаниях. В противовес Рюриковичам, он опирался на свое происхождение от Гедими-на. Отец Бельского Федор женат был на племяннице Ивана III, княжне рязанской. Спасаясь от преследований Елены, брат его Семен бежал на чужбину. В Польше, в Крыму, даже в Константинополе он искал не столько убежища, сколько политического союза с целью вернуть себе свои наследственные владения – Бельск и Рязань, насильственно присоединенные к Московской державе.

Делу младших Рюриковичей, таким образом, угро-

жала опасность в борьбе, которая с 1538 по 1543 г. сделала Москву местом насилий и кровопролития. Только антагонизм между соперничавшими родами Шуйских и Бельских и их жестокое взаимоистребление спасли самого Ивана и сохранили в целостности его владения. Однако ему в детстве пришлось пережить ужасные испытания. Опьяненные торжеством победы, Шуйские забывали всякую меру. Они расхищали сокровища царя, разыгрывая роль полновластных хозяев. После смерти Василия Васильевича во главе Шуйских стал Иван. Он забывал уважение к государю. «Бывало, в моем присутствии кладет обутые в сапоги ноги на постель моего отца», писал впоследствии Грозный, вспоминая также, что Шуйский раньше ходил в ветхой шубенке, а теперь ест на золоте. «Ясно, что он этого не получил в наследство от своего отца... А мы какой нужды не натерпелись, лишаясь даже пищи и одежды!» Даже привязанностей молодого государя не щадили. Вслед за кормилицей от него удалили в 1543 г. любимца его, Федора Воронцова. Преследуя его, Шуйские ворвались в одно из помещений кремлевского дворца. Они били его по лицу и угрожали лютой смертью. Только благодаря заступничеству митрополита он остался жив, но был сослан в Кострому. Впрочем, даже митрополичья власть была поколеблена. При каждом новом перевороте восторже-

ствовавшая сторона старалась сменить митрополита. В 1539 году на место Даниила Бельские посадили Иоасафа. В 1542 г. Шуйские снова взяли верх; Иван Бельский был сослан на Белоозеро; его участь должен был разделить и митрополит. Положение областей было лучше. Правление Шуйских в особенности отличалось варварством и беспорядками. Наместники Шуйских вели себя везде, по свидетельству летописцев, «как лютые звери». Исключение представлял только Новгород, где были сторонники Шуйских. Города пустели. Кто мог, спасался бегством. Вызванный еще Василием и поселившийся в России итальянский архитектор Фрязини бежал за границу и как раз в то время, когда должен был заняться устройством укреплений в Себеже. Дерптскому епископу он объяснял свой поступок тем, что бояре делают жизнь в Московской земле совершенно невыносимой. Бельские показали себя более гуманными и разумными правителями. Во время их непродолжительного господства были сделаны некоторые мероприятия, подготовлявшие будущее самоуправление общин. Но как Шуйские, так и Бельские пользовались властью не иначе, как только злоупотребляя ею.

В то время как государство изнывало под невыносимым гнетом боярской тирании, будущий государь получал печальный урок от окружавших его. Благода-

ря деяниям бояр, дух насилия в разных формах овладевал воображением и чувствами юноши, проникал в его плоть и кровь. В атмосфере борьбы за власть созревал будущий деспот – мстительный, чрезвычайно нервный, вспыльчивый и жестокий. Уже в играх и забавах с товарищами, которых, к слову сказать, ему выбирали другие, Иван проявлял бесчеловечность, царившую, впрочем, в той среде, которая его окружала. На его глазах мучили людей; он пока еще не мог делать этого и ограничивался животными. Большим удовольствием для него было бросать из высоких теремов дворца собак и смотреть на их предсмертные судороги. Ему не только не мешали предаваться подобным забавам, но еще даже поощряли. Скоро очередь должна была наступить и для людей.

При таком положении вещей было безумием со стороны Шуйских или Бельских надеяться надолго сохранить власть при юном государе. Иван был уже в том возрасте, когда мог вполне сознательно относиться к своему положению. Он видел вокруг себя людей, которые осмеливались постоянно оскорблять его; расхищали его сокровища и ссорились из-за них между собою. Но во время разных официальных церемоний, устраивавшихся по случаю придворных торжеств или приема иностранных послов, те же самые

люди рабски пресмыкались пред ним, падая ниц пред его троном.

Иван должен был скоро из всего этого сделать свой вывод. В сентябре 1543 года он позволил еще сослать Воронцова, но уже в декабре приказал своим псарям схватить самого Андрея Шуйского. Слуги повиновались и даже переусердствовали – они задушили боярина вместо того, чтобы отправить его в темницу. Иван решил, что это было сделано хорошо. Все поняли, что на Руси произошла перемена. Если не изменилось правление, то изменился государь.

Бояре продолжали по-своему вершить государственные дела, но они уже не смели противоречить государю, который раньше Людовика XIV мог сказать: «Государство – это я». Теперь он скакал по улицам, избивал народ, насиловал попадавшихся по пути женщин. Эти дикие поступки вызывали аплодисменты со стороны окружавших его. Вызванный из ссылки Федор Воронцов также был в его свите, но милости государя обращались на менее знатных и даровитых слуг, которые были и послушнее, и легче подчинялись всем его капризам. Среди аристократии Иван со страхом угадывал новых Шуйских и отдавал предпочтение псарям. В мае 1546 года, когда царь охотился близ Коломны, ему внезапно преградил путь вооруженный отряд. Это были новгородские пищальники, явившие-

ся к нему с жалобой на наместника. Не понимая ничего в этих делах, Иван приказал прогнать новгородцев. Произошла свалка, раздалось даже несколько выстрелов. Юный царь остался невредим, но очень перепугался. У Ивана всегда замечался недостаток физической храбрости. Возможно, что эта черта была у него наследственной. Но, кроме того, он был напуган в детстве: с того времени, вероятно, и развилась в нем нервная впечатлительность, благодаря которой он дрожал и терял присутствие духа при малейшей опасности. Иван спасся, но вообразил, что это заговор и приказал произвести расследование. Простой дьяк Василий Захаров, желая попасть в царские любимицы, обратил на себя внимание тем, что к делу примешал Воронцова с его родственниками, которые и без того уже были в подозрении и даже в немилости. Ученик сразу превзошел своих воспитателей. Грозный выступил на сцену. Началась непрекращавшаяся потом работа палача. Ф. Воронцов и один из его двоюродных братьев сложили головы на плахе. Другие соучастники мнимого заговора подверглись ссылке.

Захаров, быть может, не был единственным виновником этой расправы. Среди приближенных Ивана, в кругу самых близких ему людей, фигурировал уже человек, характер и деятельность, которого были превознесены известной исторической школой. Его имя

связывалось с самым блестящим периодом нового царствования, его влиянию приписывали сокращение казней, ряд благородных попыток и славных дел Ивана. Как и Захаров, Алексей Адашев был низкого происхождения. С 1543 г. он принадлежал к числу царских слуг, был «постельником». Далее я постараюсь подробно выяснить характер и деятельность этого лица.

В конце того же 1646 г. Иван собрался более решительным способом укрепить свою независимость. 17 декабря по Москве разнеслось известие, что великий князь решил вступить в брак с одной из русских девиц.

III. Женитьба и венчание на царство

Без сомнения, это решение не было так неожиданно, как обыкновенно его представляют. Уже в 1543 г. было отправлено посольство в Польшу. Федору Ивановичу Сукину и Истому Стоянову было поручено намекнуть при польском дворе, что князь находится в таком возрасте, когда являются своевременными заботы о подыскании ему жены. Делались и другие попытки подобного рода, но они не увенчались успехом, и честолюбивый Иван после этого отказался от решения вернуться к традициям Ярослава. Но он решил,

по крайней мере, вознаградить себя за эти неудачи. На другой день после объявления его решения в Успенском соборе было совершено молеbstво, после которого Иван объявил боярам, что он намерен венчаться на царство не как великий князь, а как царь. Он, таким образом, желал принять титул *царя*, который до него не был официально признан.

Царь и император у русских того времени были синонимами. Правда, титул царя в то время немного уже утратил свое величие благодаря тому, что многие татарские князья, бывшие уже большей частью данниками московского князя или простыми правителями его областей, также именовали себя царями. Но этот титул носили и византийские императоры, а они ведь были государями той великой Восточной империи, которую думали снова восстановить в новой столице православного мира. Церковная литература оказывала большое содействие укреплению этого намерения. В книгах на славянском языке безразлично называли царями вместе с иудейскими царями государей ассирийских, египетских, вавилонских, а также римских и византийских императоров.

При помощи намеков и хитроумных выдумок читателю навязывалась идея об исторической преемственности, соединяющей московских государей со всеми этими предшественниками. Это представ-

ление постепенно проникало в национальное сознание. Не московская ли держава и есть именно то шестое царство, о котором упоминается в апокалипсисе? И разве еще до брака Ивана III на Софии Палеолог дом Рюрика не приобрел через Владимира Мономаха все права на наследие Порфирородных, Константина Великого и даже самых кесарей римских? Как мы видели, идея третьего Рима жила в продолжение целых веков в славянском мире.

Эта историческая греза искала случая воплотиться в действительности. После падения сербского и болгарского царства, она естественно должна была перебраться на север. Посланный из Константинополя в Москву (1382), болгарин Киприан, заняв престол митрополита, перенес туда и фразеологию, выработанную в Тырнове знаменитым Ефимом. В Москве она была легко усвоена. После падения Константинополя угнетенные южные славяне устремили свои взоры в сторону Москвы, ожидая от нее своего спасения. Серб Пахомий влагает в уста даже самому Иоанну торжественное признание царского титула за московскими государями. Другие писатели находили опору для той же самой идеи в священных преданиях. Прежде все пророчества переносились на Александра болгарского. Теперь на его место нужно было поставить другого государя, для чего не требова-

лось работы мысли. По греческим преданиям, Измаила должен покорить *светловолосый род*. Этот светловолосый род, называвшийся *русым*, легко превратился в *русских*. Среди легенд византийского происхождения, распространившихся в славянском мире, были и такие, которые проникали и на запад, то в немецкой поэме об Аполонии Тирском, то в старых французских романах об Обероне и Гуоне Бордосском. Одна из распространенных легенд повествовала о том, что Порфирородные получили знаки своего царского достоинства из Вавилона, куда за ними посылал император Лев; другая говорит о приобретении их Владимиром Мономахом или Владимиром святым. В «Степенной книге» Макарий старается доказать, что Владимир, умирая, завещал эту святыню шестому своему сыну Юрию, чтобы он и его потомки хранили ее до того времени, когда на Руси найдется князь, способный ею воспользоваться. С XI–XII в. славянские генеалогисты выводили дом болгарских Асений от одной знатной римской фамилии. В XIV веке они точно так же старались породнить Неманичей сербских с императором Константином и даже Августом. Макарию оставалось только следовать их примеру, и он это сделал: в житии святой Ольги он говорит о каком то Пруссе, брате Августа. От этого Прусса происходил Рюрик.

Иван Васильевич и старался теперь присвоить себе этот титул, окруженный столькими мифами, символами, славными воспоминаниями и честолюбивыми мечтами, и вместе с тем доступный, осязательный, осуществимый в действительной жизни.

Венчание на царство происходило 16 января 1547 года. Было сделано все, чтобы придать ему как можно больше блеска и торжественности. При огромном стечении народа, при торжественном звоне колоколов, церковь и трон как бы сочетались во едином этом торжестве: епископы, священники, монахи возносили к Богу молитвы и просили его, чтобы он укрепил нового царя духом справедливости и истины, а бояре в это время осыпали трон дождем золотых монет, что являлось эмблемой изобилия тех благ, которых ему желали. Однако этот наследник греческих и римских императоров не решился осведомить иностранные державы о своих притязаниях. Он помнил, как неудачны были попытки такого рода его отца и деда. В 1514 г. Василий попробовал было именовать себя, с согласия посла Снитцпаннера, в договоре с Максимилианом *кесарем*. Но в Вене отказались подписывать этот договор. На согласие Польши, как и раньше, нельзя было рассчитывать и теперь. Вместе с некоторыми мелкими германскими княжествами большую сговорчивость проявили

только константинопольские патриархи, возлагавшие вместе со всей восточной православной церковью свои единственные и последние надежды на Москву. Но Иван пока и здесь не выступал с заявлением о своем титуле и правах и только в 1561 г. после шумных успехов он решил попытаться счастья с этой стороны. Просьба к патриарху подкреплялась значительными дарами. Патриарх Иоасаф признал Ивана царем и потомком царевны Анны. Он даже предложил московскому государю еще раз совершить торжественное коронование при участии особо назначенного для этого случая митрополита. На это оказалось излишним. Но из 37 подписей, скреплявших грамоту, присланную из Константинополя в Москву, 35 оказались впоследствии подложными. Православная церковь уклонялась от решительного ответа, хотя патриархи александрийский и антиохийский спешили признать совершившийся факт, а иерусалимский пошел даже еще дальше и провозгласил нового царя главою христианства. Но масса восточного духовенства отказывалась следовать их примеру. И таким образом в церковную общину, где государю как бы принадлежало верховенство, его царская власть проникала с трудом, так сказать, нагнувшись и даже оступившись на пороге. Но русскому народу эти подробности были неведомы. Поэзия былин свободно смеши-

вала события и эпохи. Национальная гордость и народное воображение набрасывали чудесный покров на это несколько унижительное начало русского *царства* и на его неудачи. Носитель знаков царского достоинства видел восточную империю в развалинах, а православную церковь в опасности от мусульман, угрожавших ей от Босфора до Волги, и он направился к стенам Казани, чтобы стать защитником Церкви и победителем ислама. Московские художники, украшавшие символический царский трон, до настоящего времени хранящийся в Успенском соборе, прибавили новые, аналогичные прежним, вымыслы. Таким образом Иван оказался, по крайней мере в пределах собственной обширной державы, в ореоле славы и величия, какого не знал ни один из его предшественников.

В браке Ивану суждено было насладиться счастьем, не выпадавшим на долю его предков. Выбор невесты производился по общему правилу. Богородные девицы всего государства, происходившие из семей служилых людей, были собраны в Москву. Для приема их были отведены огромные палаты с многочисленными комнатами; в каждой из них было по 12 кроватей. К первому браку Василия, по словам Франциска да-Колло, было собрано 500 красавиц, а по свидетельству Герберштейна 1500. Эти цифры, по всей вероятности, показывают только число

тех девиц, которые попали в Москву уже после первых выборов в провинциях. Такой порядок существовал и в Византии. Там правителям областей давались поэтому поводу подробные инструкции, с указанием роста и других качеств девиц. Когда в серале собирались кандидатки, туда являлся сам государь в сопровождении одного из старейших вельмож. Проходя по покоям, он дарил каждой из красавиц по платку, вышитому золотом, с дорогими камнями. Он набрасывал платки девицам на шею. После того, как выбор был сделан, девицы отпускались с подарками по домам. Так в 1547 г. Иван выбрал себе Анастасию, дочь покойного Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, происходившего из старого боярского рода. Среди гибели княжеских родов он сумел, однако, сохранить близость к царскому трону и не принимал участия в ожесточенной борьбе за власть в дни детства Ивана. Возможно, что в данном случае выбор невесты был только простой формальностью. Захарьины-Кошкины были баловнями фортуны. Один из братьев Анастасии явился основателем дома Романовых, призванных на царство. Вместе с Шереметевыми, Колычевыми и Кобылиными Захарьины-Кошкины слыли за потомков некоего Андрея Кобылы, прусского выходца, как говорят летописи. Однако со временем национальное самолюбие заменило Пруссию Новго-

родом, что было легко сделать, так как в Новгороде была часть, жители которой назывались пруссами. Впрочем, едва ли можно оспаривать славянское происхождение Кобылы. Это ясно видно из самой фамилии. Кроме того, известно, что современная германская столица лежит на земле, которую ранее занимали славяне.

Мы не имеем подробных сведений о браке Ивана, но то, что я сказал в предыдущей главе, применимо и к данному случаю. Молодой царь любил свою жену, как и Василий Елену. Спустя много лет Иван с сожалением вспоминал о радостях и счастье, которые ему доставил союз с Анастасией. Однако его медовый месяц был вскоре жестоко нарушен. Брак состоялся 3-го февраля 1547 г. Не прошло и трех месяцев после этого, как вспыхнул пожар, уничтожившей целую часть столицы. Иван был выведен из сладкого покоя, в котором окружающее склонны были видеть залог лучшего будущего. Красивая и ласковая Анастасия казалась ангелом-хранителем, который удержит государя от вспышек гнева и даст покой подданным. Но это был самообман. Влияние Анастасии было преувеличено, как и все преувеличивалось в этой легендарной стране. В сущности в характере Ивана не произошло никакой перемены. Он на время смягчился, но потом нрав его проявился решительно и бурно.

30 июня 1547 года к царю явились псковичи с жалобой на своего наместника. Иван обошелся с ними еще хуже, чем с новгородцами. Он вспомнил жестокие потехи детства, велел несчастных псковичей облить спиртом и жечь их, затем велел раздеть. Они уже ожидали конца, но неожиданная случайность отвлекла внимание Ивана в другую сторону. Все это происходило в деревне Островке близ Москвы. Как раз в это время прибыл гонец из столицы с известием, что в Кремле упал большой колокол. Это по местным понятиям того времени было дурное предзнаменование; за ним должны были последовать несчастные события. На этот раз примета оказалась верной. Произошли события, выдвинувшие новых людей и придавшие царствованию Ивана новое лицо. Иван тотчас забыл о своих жертвах, потребовал коня и поскакал на место происшествия.

IV. Сильвестр и Адашев

21-го июня Москву охватил пожар таких размеров, какого еще здесь не бывало. Запылал Кремль. Купол Успенского собора, палаты царя и митрополита, казна, арсенал, два монастыря и множество церквей со всеми их богатствами стали жертвами огня. Митрополит Макарий едва не задохся: спасаясь от огня,

он упал и сильно расшибся. Насчитывали до 1700 мужчин, женщин и детей, сгоревших живыми. В торговой части были уничтожены магазины. Ивану негде было жить. Он переехал в село Воробьево, на ту самую гору, с которой Наполеон впервые смотрел на Москву – могилу своей славы. Царь устроил совещание. Его духовник Федор Бармин заговорил о колдовстве, как о причине случившегося грандиозного несчастья. По поводу этого случая уже успели возникнуть и распространиться слухи, что чародеи вынимали у мертвых людей сердца, мочили их в воде и той водой кропили город. От этого и произошел пожар. Несколько бояр поддержали это обвинение. Начали разыскивать виновных. Несколько дней спустя, в воскресенье, толпа народа собралась у пострадавшего от огня Успенского собора и начала называть имена виновников. Правление Елены оставило недобрую память. Мать и братья правительницы стали подвергаться непримиримой ненависти. Появились и свидетели, утверждавшие, что они видели, как улицы и стены домов кропились колдовской водой. Князь Михаил Васильевич Глинский, дядя царя, жил в это время со своей матерью далеко, во Ржеве. Но брат его Юрий был в Москве. Он думал было найти убежище в том самом храме, который пострадал от пожара, будто бы им вызванного. Но толпа ворвалась туда,

убила его, а труп выволокла и бросила на то место, где казнили преступников, затем устремилась к его двору и начала избивать слуг. Спустя три дня чернь появилась в Воробьеве и начала требовать выдачи других мнимых виновников пожара. Шуйские, отправленные в ссылку после казни Андрея, теперь были возвращены оттуда и вошли в милость царя. Они находились в свите царя и советовали ему казнить лиц, на которых указывала толпа.

Но Иван решил показать себя. Момент был трагический и решительный. Если бы Иван последовал совету Шуйских, он оставил бы в истории кровавую память. Но следовать указаниям других было не в натуре Ивана. Он был часто несправедливым и жестоким судьей, но судил самостоятельно. Иван был суеверен, как и все его современники, и возможно, что и он разделял общий взгляд на причину пожара и считал обвинение основательным, но обвинители являлись еще большими на его взгляд виновниками: они хотели и старались посягнуть на его права, навязывали ему свое решение, свой приговор. Тиран, которого уже знали, превратился в государя, которого должны были узнать. Михаил Глинский бежал в Литву, но по дороге был схвачен Петром Шуйским. Иван велел освободить Михаила, а также и его мать Анну. Много было работы для палача, но расправа производилась с за-

чинщиками беспорядков, с теми, кто старался пожить на пепелище Москвы или свести счеты со своими врагами.

Первый биограф Ивана, Курбский, в изображение этих событий ввел один эпизод, который дал повод к ошибочным заключениям позднейших исследователей. В тот момент, когда Ивану угрожала толпа, к нему явился неизвестный священник. Он имел такой вид, какой местные иконописцы придавали изображению пророков, с поднятой к небу рукой, с воодушевленным и суровым лицом. Он заговорил с царем властным голосом, как посланник неба, обличал его словами Священного Писания; в происходивших событиях он видел знак гнева Верховного Судьи. Наконец, он свою речь подкрепил знамениями и чудесами. Эта последняя черта показывает, какую оценку должны мы давать рассказу. Впрочем, мы имеем другие указания, позволяющие выяснить историческую истину. Уже несколько лет до указанного времени Сильвестр, автор «Домостроя», был настоятелем церкви Благовещения и состоял духовником государя. Поэтому священник, которому Курбский приписывает такую необыкновенную роль, не мог быть неизвестным Ивану. Сильвестр был в дружбе с Владимиром Андреевичем, одним из дядей Ивана, и за него он ходатайствовал с успехом перед царем еще в 1541 г. Таким об-

разом ему еще гораздо раньше приходилось оказывать на царя влияние, которое, правда, ограничивалось узкой сферой. Его невысокое положение простого священнослужителя, а также и невысокий интеллектуальный уровень не давали ему возможности широко распространять свое влияние. Курбский, вероятно, вспомнил явление Ионафана к Давиду. Но язык «Домостроя» не имел ничего пророческого. Наступал просто-напросто момент, когда при государе должны были выдвинуться новые люди без какого бы то ни было чуда. Иван понимал необходимость изменения старых приемов управления. Новое направление требовало и новых деятелей. Бессознательно он последовал примеру Людовика XI: «не без основания не доверял он образованным и честным людям; он искал себе сотрудников в безвестной толпе; выбирал людей, которые ничему не учились и в своих успехах руководились лишь инстинктом». Как и другой Грозный, французский король, Иван предпочитал людей, которых сам выводил из ничтожества. Наступление этого момента было, несомненно, ускорено катастрофой 1547 года, и вполне естественно, что Сильвестр выдвинулся во время беспорядков. Ничто не указывает на то, что он с этого момента приобрел над духом молодого царя ту власть, о которой говорит Курбский, а вслед за ним и другие историки.

С другой стороны, был ли Сильвестр настолько крупной личностью, чтобы играть видную роль при таком человеке, как Иван? «Домострой» не обнаруживает в нем ни дальновидного политика с широкими планами, ни высокого моралиста. Кроме «Домостроя», до нас дошли еще три послания Сильвестра, но и в них нет ничего, кроме чистойшей чепухи. Одно из них адресовано Ивану. Подлинность его сомнительна, но глупость несомненна. Наставления его сводятся к проповеди воздержания от содомского греха.

Иван имел другого наставника нравственности – митрополита Макария. Сильвестр далеко уступал ему в знаниях. Он не мог равняться по нравственной возвышенности и с избранной группой, державшейся около Максима Грека. Одним словом, Сильвестр не имел ничего, что могло бы оказывать на других сильное влияние и увлекать их за собой. После 1547 г. ему приписывают еще другую роль. Возможно, что он в это время мог оказать влияние на молодого государя. После пожара покои великокняжеского дворца решено было заново разукрасить. Во всех странах и во все времена стенная живопись являлась точным отражением идей и понятий века. В XVI в. на Руси не было различия между картинами, украшавшими стены церквей и дома мирян. Стиль и сюжеты

были одни и те же. Мотивы заимствовались главным образом из Библии и священных преданий. Сильвестру был поручен надзор за работой художников. Появились картины, сохранившиеся до конца XVII века. Забелин дает точное описание их в своем труде: «Домашний быт русских царей».¹⁶ И в порученной Сильвестру работе он обнаружил только способности придворного льстеца, черта, проглядывающая уже и в «Домострое». Картины, за исключением той, которая изображала кающегося грешника, представляли то побежденного воина, вроде Иисуса Навина, берущего город, то мудрого и благодетельного царя Соломона в роли судьи. И все это представляло Ивана и символизировало его славные деяния. Быть может, Иван находил в этих изображениях кое-что назидательное для себя, но они главным образом льстили его честолюбию. Нечего и говорить о сценах истребления «всякой души живой» во взятом Иерихоне. Едва ли могли быть исправлены подобными примерами жестокие инстинкты Ивана.

Защитники Сильвестра указывают, что он ввел в эту странную живопись некоторое новшество, о котором свидетельствовала картина неизвестного художника, изображавшая традиционную фигуру Христа и рядом с ним женщину в такой позе, точно она плясала. Кар-

¹⁶ Стр. 149.

тина эта вызвала скандал и церковное следствие. Но сам Макарий выступил на защиту искусства, указывая на то, что художником не допущено никакого кощунства: на картине изображен порок, посрамленный словами Божественного учителя. Правда, в эту эпоху в русское пластическое искусство проникают вместе с влиянием Запада новые веяния. Но для Сильвестра они были совершенно чуждыми. Тогда же для Благовещенской церкви были написаны псковскими художниками две иконы. Ровинский видит в них подражание итальянцам Чимабуэ и Перуджино.

Период преобразований в управлении открывается Иваном созывом собора. До настоящего времени не удалось установить ни времени созыва, ни характера его совещаний. Можно только сказать, что он был созван несколько лет спустя после катастрофы 1547 г. В этот момент на сцену выступает и Алексей Адашев и вступает в тесный союз с Сильвестром. Но главная роль на этом соборе принадлежала Макарию. Только неправильное толкование документальных данных могло присвоить ему и Адашеву руководящую роль, для которой не был создан ни тот, ни другой. Личность Адашева окружена легендами, и его фигура в глазах некоторых историков совершенно заслоняет Ивана Грозного. Многие из них были введены в заблуждение как пристрастными показаниями поли-

тического союзника Адашева – Курбского, так и свидетельством самого царя. Это именно и дало повод думать, что этот простой слуга стал на место государя, думал и действовал за него. По представлению некоторых историков, Адашев с Сильвестром образовали дуумвират, более десяти лет правили государством и обеспечивали благосостояние страны.

Я постараюсь дальше изобразить положение вещей в настоящем виде и поставлю этих людей на надлежащее место. Свидетельство Курбского, как и Грозного, относится уже к тому времени, когда обоих любимцев постигла царская немилость. Курбский в это время был добровольным изгнанником, и он старался смягчить удар, нанесенный его честолюбию, придумывая более или менее удачные оправдания. Иван же всегда отличался замечательным умением в измышлении фактов, помогавших перенести вину с себя на своих врагов. Как известно, политика волекла Ивана в ожесточенную борьбу, не прекращающуюся в продолжение всего его продолжительного и бурного царствования. Трудно определить, к какой партии примыкали в этой борьбе или, по крайней мере, какой стороны держались Сильвестр с Адашевым. И тот и другой были выскочками, и многие склонны были видеть в них тех новых людей, которых Иван выдвинул в борьбе с боярским самовластием. Но Курб-

ский всецело принадлежал к этому старому боярству и в то же время он был другом и единомышленником Сильвестра и Адашева. Нет другого способа примирить эти безвыходные противоречия, как только признать обоих царских любимцев тем, чем они были в действительности. Иван пользовался ими в борьбе с боярством. Но сами они предпочитали служить боярам, которые по своему усмотрению двигали эти пешки. Заметив это, Иван удалил от себя Сильвестра и Адашева и на их место призвал других. Возвратимся к фактам.

V. Первый собор. Русский парламентаризм

В 1547 г. Иван расправился с чернью и с подстрекателями, толкавшими его самого на путь преступлений. Он произвел свой суд и кое-кого лишил головы. Но правление по-прежнему оставалось в руках бояр и беспорядки, вспыхнувшие в Москве, были ничто по сравнению с другими, от которых страдало и рушилось все государство. Иван дал пройти еще двум-трем годам, чтобы убедиться в необходимости покончить с этим положением и положить конец злоупотреблениям. В 1549 или 1550 г. (последний год более вероятен) был созван, по словам летописей, собор в Москве. В нем участвовали предста-

вители всех сословий и областей. Собрание происходило под открытым небом на Красной площади, возле Кремля. Царь обратился к собравшимся с речью и начал с обличения бояр. Он перечислял их злодеяния и обещал положить им конец, чтобы дать место торжеству справедливости и любви. Заканчивая свою речь, он обратился к митрополиту: «Молю тебя, святой владыко, будь моим помощником и опорой в этом деле любви. Ты сам знаешь, что я остался после смерти моего отца 4 лет. Родственники не заботились обо мне. Сильные бояре только знали злоупотреблять властью... И в то время, как они расхищали мои сокровища, я был точно нем и глух, благодаря своей молодости. Они правили самовластно моим именем. Лихоимцы и хищники и судьи неправедные, какой дадите вы теперь нам ответ за те слезы и кровь, которые пролились благодаря вашим деяниям! Я чист от крови. Но вы ждите заслуженного вами воздаяния!» Затем царь поклонился на все четыре стороны и просил народ забыть те вражды и тягости, которые были причинены боярами, просил обождать, так как сразу исправить все нельзя, и обещал быть впредь судьей и заступником.

В тот же день Адашев был пожалован в окольничие и ему было поручено принимать челобитные. Причем Иван приказал ему с особым вниманием относиться

к просьбам простых людей и не бояться сильных, притесняющих бедных и слабых.

Этот рассказ нуждается в пояснении. Иван всегда любил театральность, хотя, быть может, на соборе он и не предавался тем лирическим излияниям, которые в его уста вложены летописцами, но все-таки возможно, что он нечто подобное высказал на Красной площади при этой благоприятной для любителя красного словца обстановке. Но какой смысл имели эти речи? В появлении юного царя пред собранием своего народа славянофилы видели поразительный пример идеальных отношений, основанных на взаимной любви между подданными и их государем. Славянофилы склонны были видеть в этом характерную особенность славянской расы, которая одна способна воспринять и сохранить подобные основы государственного устройства. Другие историки в соборе видели средства обращения государя к народу с призывом поддержать его в борьбе с боярами. Но все это плод чистейших измышлений.

Мы не имеем никаких достоверных сведений о составе собора 1550 г. Но мы можем судить о нем по составу соборов позднейшего времени. Народные массы вряд ли были на нем представлены. Даже нет указаний на то, что при созыве собора проводился принцип представительства. В этом смысле некото-

рые старались истолковать одно место так называемой *Хрущевской* летописи. Она известного происхождения и хранится в московском архиве Министерства Иностранных Дел. Как и сборник Макария, «Степенная книга», это довольно распространенный в то время род компиляции. Но Платонов доказал, что истолковывшееся место *Хрущевской* летописи представляет вставку позднейшего времени. Сделана она, вероятно, во второй половине XVII в. под влиянием некоторых идей, распространившихся в эту эпоху. Приходится видеть в этой вставке как бы отражение практики позднейших соборов, созывавшихся преемниками Ивана уже совершенно при других условиях.

По вопросу о соборе 1550 года сам Иван оставил нам сведения совершенно иного характера. Произнося речь уже на другом соборе, созванном годом позже, он вспоминал то, что говорилось на Красной площади. Под пышным покровом и цветами обманчивой риторики можно немного разглядеть интересующую нас истину. Нужно заметить, что в Москве никогда на слова не скупились и часто расплачивались этой монетой в тех случаях, когда приходилось улаживать неприятные счета. Нет другого народа, который питал бы такое пристрастие к выдумке и изворотливости в речи. На этот раз Иван остался верен себе и выразился неясно. Он только сказал, что им

повелено боярам, правителям и наместникам *примириться со всеми христианами державы*. Сопоставляя и сближая тексты, можно прийти к следующему вероятному заключению: собор 1550 г. был не более, как простое совещание должностных лиц, эпизодом административной жизни той организации, черты которой мною отмечены были выше. Иван, быть может, никогда и не думал изменять характер этого строя.

Апеллировать к народу против бояр значило возбуждать его против должностных лиц. Иван на это никогда бы не решился. Порицая бояр, он главным образом к ним же самим и обращался. Его речь на Красной площади была обращена *ad homines*, в третьем лице. Как бы понял и принял сразу народ эту речь? Я имею в виду тех представителей, которые хотя что-нибудь смыслили в делах государственного порядка. И много ли можно было найти среди этого народа людей, способных исправить зло, сделанное другими?

В таком случае, каковы же были намерения Ивана? Очевидно, таковы: Грозный вовсе не хотел касаться системы *службы и служилых людей*, которые в течение многих лет производили ужасные злоупотребления. Он надеялся улучшить работу административной машины, принять управление некоторых колес ее в свои руки, а управление второстепенных поручив новым лицам по своему выбору. Этим объясняет-

ся и его обещание быть главным судьей для народа и призвание на службу Адашева; это делалось для будущего. Что касается прошлого, которого «нельзя было исправить», то Иван старался ликвидировать с ним счеты. Тысячи жалоб оставались без рассмотрения. Груды бумаг ожидали своего движения. Разобрать все это в обычном порядке не было возможности, так как производство дел совершалось с невероятной сложностью и медлительностью. «Торжество добра и любви», как и «примирение со всеми христианами державы», по фразеологии того времени, означало просто-напросто, что нужно устроить все дела любовно. Для этого, по-видимому, был установлен довольно короткий срок: так уже в 1551 году Иван мог объявить об успешном разрешении всех дел, накопившихся от прошлого времени.

Созыв народного собора не согласовался с той системой правления, которую Иван наследовал от своих предшественников. Он не имел намерения разрушать эту систему, но хотел несколько усовершенствовать и приспособить ее к новым государственным потребностям. Никакому представительному учреждению здесь не было места; Иван был далек от мысли вводить его, что видно из того, что даже такой представитель олигархической аристократии, как Курбский, никогда не высказывался против периодических

собраний по образцу 1550 года, считая их орудием административного судебного управления. Некоторые, как, например, автор известного политического памфлета «Беседа валаамских чудотворцев», предлагали ввести в обычное правило подобные совещания.

Однако новую попытку совещания с собором мы видим только в 1566 г. Как и раньше, собору была постановлена определенная цель: он должен был разобрать запутавшиеся отношения с Польшей. До нас дошел официальный список членов этого собора, Он состоял из 32 представителей высшего духовенства, 258 бояр и боярских детей, высших и низших должностных лиц, 9 земельных собственников, 53 московских купцов, 22 смоленских купцов или имеющих занятия в этом городе. Никаких следов участия других элементов населения мы не находим в этом списке. Это совещание «служилых людей» при участии некоторых компетентных специалистов. Польские отношения интересовали торговые круги и особенно пограничных купцов. Никаких намерений вернуться к вечевым порядкам или усвоить начала западноевропейского представительства не было. Мы знаем, что на Руси существовали *освященные соборы* – совещания иерархов, созывавшиеся периодически еще в глубокой древности для обсуждения тех или иных вопросов, касавшихся как церковных, так и государ-

ственных дел. Быть может, эти освященные соборы и подали мысль о созыве аналогичных совещаний, получивших впоследствии название земских соборов.

Старое вече отошло в область преданий. В политической и социальной организации московской державы не было основания для развития представительных начал, имевших место у других славянских и германских народов. Для перехода от вече к народному представительству здесь не было таких промежуточных форм, как съезды дворянства, *magna consilia*, *Herrentage*. Подобно боярской думе, земский собор явился видоизмененным старым русским обычаем. Русские князья совещались некогда со своей дружиной, на место которых впоследствии стали служилые люди. С расширением административной деятельности явилась необходимость в служебном представительстве. Всех служилых людей ведь нельзя было собрать в Москве. Правительство и прибегло к выборному началу для распределения служебных функций. С другой стороны, эти избранные представители служилого сословия оказались как бы его депутатами. Так и установился обычай созывать в столице совещания избранных должностных лиц. Задачей их было обсуждение очередных вопросов администрации или совместное решение каких-нибудь общих дел. Доступ на собрания определялся особой системой.

Какова же была эта система? Производились ли выборы и в какой форме? Мы об этом ничего не знаем. Во всяком случае можно полагать, что должностные лица являлись на соборы только как представители администрации, и забота о социальных нуждах их не касалась. Они возвышали свой голос не как защитники каких-нибудь корпоративных групп, но как органа правления. Центральная власть призывала их, чтобы получить от них сведения и вручить им свои инструкции. Это все. Никакого действительного обсуждения вопросов не было. Даже в тех случаях, когда правительство делало вид, что спрашивает совета у собрания, оно в сущности только давало ему свои приказания.

О каких-либо политических правах этих мнимых представителей и их избирателей никогда не возникло существенного вопроса. Московское правительство иногда как бы заигрывало с соборами, пользуясь неопределенностью их положения. Ни одно из этих совещаний не оставило после себя следов законодательной работы и даже никакого самостоятельного решения. Переход князей с одного места на другое и связанный с этим неустойчивый характер русских учреждений мешал развитию корпоративных начал и образованию классов. Группировка разрозненных общественных сил поэтому сделалась задачей

центральной власти, которая, естественно, не думала о правах народа, а заботилась главным образом о том, чтобы положить на него разного рода обязанности. Впоследствии в своем основании новый строй свелся к принципу повинности, *тяглу*. Введение выборного начала в эту систему нисколько не поколебало ее основания. В обществе мало были развиты социальные интересы, его элементы, можно сказать, недостаточно понимали свои нужды. Благодаря этому выборы и депутатские полномочия были просто новой повинностью, присоединявшейся к общему тяглу. Выборная основа соборов, как мы видели, не доказана, но если даже мы допустим ее существование, то все-таки она будет представляться не завоеванием стремящегося к свободе народа, а правительственным заданием, вызванным нуждами государства. Земские соборы были продуктом административного творчества, а не плодом продолжительной национальной работы. Их можно назвать надстройкой, механически добавленной к старому неуклюжему зданию, но никак нельзя считать следствием внутреннего развития. Это эпизод эфемерного свойства в истории русского государства. С 1550 по 1653 г. было создано 16 соборов, и после закрытия последнего из них не осталось ни живой памяти, ни сожалений о них. Соборы были вызваны к жизни произвольным решением пра-

вительственной власти и произвольно той же властью были уничтожены. Ни существование, ни исчезновение их не оставило никакого следа в судьбе русского народа. Пусть даже не правы те историки, которые утверждают, что эта ветвь славянства не способна к свободным формам политической жизни, пусть кажется клеветой их положение, что русская нация обречена на вечное рабство абсолютизму, все-таки в XVI в. не было никакой серьезной попытки в стенах Кремля ввести парламентарный строй.

Историческое значение собора 1550 г. обуславливалось важностью забот, заставивших правительство прибегнуть к этому средству. За созывом собора последовали важные государственные мероприятия. Царь доказал, что он знает, какие язвы разъедают государственный организм. Он смелой рукой сорвал с них покров. Теперь ему оставалось для врачевания его применить лучшие средства, чем те, которыми пользовались до той поры. Уже следующий год открывает собой эру преобразований.

Глава вторая

Первые преобразования

Преобразовательные течения. Новый закон. Реорганизация службы. Религиозная реформа.

I. Преобразовательные течения

Из среды образованного класса, в количественном отношении еще ничтожного при Иване IV, а в умственном мало развитого, но уже заинтересованного некоторыми политическими и социальными вопросами; из среды людей мыслящих, спорящих, пишущих, исходило два преобразовательных течения. Отправные их положения резко отличались друг от друга, но в конечных целях они сходились весьма близко. И то и другое направление выдвигало новые понятия и планы. Оба они были связаны с великим вопросом современности, с вопросом, касавшимся прав владения землей. Читатели уже знают, какую позицию в этом остром вопросе заняли последователи Нила Сорского и Вассиана Патрикеева. Новый толчок к развитию идей *нестяжателей* сообщил упомянутый выше памфлет «Беседа Валаамских чудотвор-

цев». Отличаясь причудливой формой, порой совершенно затемняющей мысль автора, этот памфлет производил большое впечатление благодаря силе и выразительности языка. В этом произведении выводятся фантастические старцы, валаамские чудотворцы – Сергей и Герман. Личность автора остается неизвестной. Некоторые приписывали это произведение перу Патрикеева, но оно написано слишком запальчиво и дерзко. Едва ли какой-либо монах решился бы с такой смелостью восстать против накопления богатств в руках черного духовенства. Правда, политические воззрения автора могут напомнить какого-нибудь монаха своей странной наивностью. Так, по его мнению, главной заботой правительства должно быть наблюдение за точным исполнением постов. Автор требует, чтобы советниками царя были только миряне, а не духовенство, неправильно присваивающее себе подобное положение. Жить в бедности и молиться – это удел духовенства. Трудно допустить, чтобы подобные взгляды высказывались Патрикеевым. Его честолюбие вряд ли бы примирилось с этим.

В такой постановке земельный вопрос расширялся, затрагивал другие интересы и вызывал целый ряд новых требований. Если скопление земель в руках монастырей есть зло, то не будет ли таким же злом и раздача земель служилым людям, постепенный захват

ее этими привилегированными элементами, неправды которых сам Иван недавно так изобличал? Ответом на этот вопрос явился новый памфлет, в форме послания царю. Автором его был Ивашко Пересветов, – собственное ли это имя или псевдоним, неизвестно.

Произведение Пересветова явилось настоящим обвинительным актом против служилого класса землевладельцев. По его словам, они волшебством и интригами приворожили сердце царя и заставляют его выполнять их волю. Они чрезвычайно разбогатели, обирая безжалостно разоренных крестьян. Они проводят жизнь в лени и разврате. Трусость их также велика, как и жадность. Когда они идут на войну, то губят царскую армию, а в мирное время они присваивают себе громадную часть собирающихся с народа в царскую казну податей. Они повинны во всех бедствиях государства.

Что же из этого вытекало? Секуляризация церковных имуществ давно уже занимала московское правительство. Иван III занимался этим вопросом. При нем делались некоторые попытки в этом направлении. Теперь возникал вопрос о служилом землевладении. Как же Ивашко Пересветов разрешал эту проблему? Он предлагал радикальную меру – уничтожить систему кормления, отобрать земли, розданные служилым

людям; взамен земель он рекомендовал платить годовое жалованье за службу. Таким образом в руках государя окажутся послушные исполнители. Земля освободится и вернется к своим законным владельцам, и это освободит народные массы от невыносимой тирании.

Оба эти произведения с литературной точки имели большое родство между собою. В одном из них выступали вымышленные старцы; в другом они были заменены каким-то волошским воеводой, у которого будто бы автор имел свое пребывание. Стиль произведения Ивашки Пересветова также причудлив. Несмотря на загадочную форму этих произведений, разные okolичности, неясные и прямо темные места, столь характерные для всей фразеологии того времени, в них рекомендовались такие революционные планы реформ, каких мы нигде в других источниках не встречаем. Ни в одной стране не было таких решительных сторонников теоретического радикализма, как в России. Новейший русский нигилизм имеет свои корни в отдаленном прошлом. Но между теорией и практикой тогда, как и теперь, была большая дистанция. В обоих произведениях речь шла не более, не менее, как о полной перестройке политического и социального здания. Обе программы реформаторов касались двух категорий земельной собственности. Оба проек-

та дополняли друг друга, между ними нет противоречия. Оба они представляют собой революционные и демократические решения одной и той же задачи.

Что думал об этом Иван? Как относился он к этому двойному течению? Что касается вопроса о церковных имуществвах, то в нем он являлся последователем своего деда. При всех своих изменениях и колебаниях московская политика оставалась в этом вопросе устойчивой. Преемство ее сохранялось в продолжение многих царствований. Однако как деду, так и внуку приходилось считаться с известными препятствиями, которые могли быть ослаблены и устранены только лишь продолжительным временем. Реформа светского землевладения должна была считаться с большими затруднениями. Кем бы ни был Ивашко Пересветов и откуда бы ни заимствовал свои идеи, он должен был чувствовать за собой могущественную поддержку, чтобы говорить так смело. Некоторые места этого памфлета звучат, как эхо речи, произнесенной молодым царем на Красной площади. Некоторые склонны были видеть в нем официозного писателя, быть может предположение это было близким к истине. Хотя и недостойны были служилые люди, против которых сам царь обещал действовать со всею строгостью, но проект Пересветова предлагал прямо экспроприировать их земли, втиснуть их

в узкие рамки. Эти меры рекомендовались по отношению к армии и чиновникам – этим двум столбам государственного устройства. Иван очень много думал о замене их. Но для этого раньше нужно было найти тысячи Адашевых, а жить ведь нужно было. И для того, чтобы продолжать существование, нужно было не только отказаться от мысли изменить существующий порядок в ущерб служилым людям, но напротив, скорее упрочить их положение. Еще никакая реформа не коснулась положения служилых людей, когда их привилегиям грозил сильный удар. На владельцев раздавались сильные нарекания, но они, со своей стороны, могли выставить веские оправдания. Они угнетали сверх меры крестьян, но те ведь разоряли помещиков, покидая их земли. Раньше правительство благосклонно относилось к крестьянским переходам и даже им содействовало, видя в них могущественное средство колонизации окраин. Теперь же сама власть почувствовала в этих переходах большую опасность, чем злоупотребления *кормленщиков*. Палач всегда может усмирить строптивых. Но что делать, если для войска и администрации не хватить сил? Что делать, если помещики, и без того плохо наделенные землей, останутся без куска хлеба? Государство окажется в безвыходном положении.

В своих обличениях и планах Ивашко Пересветов

рекомендовал применить одни и те же меры и к крупным, и к мелким собственникам. Он не находил разницы между временными владельцами небольших участков и собственниками обширных вотчин. Пренебрегая достижимыми целями, он уходил слишком далеко от реальных условий. Земля в московском государстве была единственным фондом, которым располагало правительство. Естественно, что, за неимением других средств, оно пользовалось ею для вознаграждения лиц, состоявших на государственной службе. Нахождение земли в руках помещиков не представляло ни общественного зла, ни политической опасности. Действительно привилегированный и опасный элемент представляли владельцы старых вотчин. Они одни сохраняли свое богатство и даже часто увеличивали свое состояние, пользуясь кризисами и разорением мелких землевладельцев. В их распоряжении всегда находились в достаточном количестве рабочие руки, которые или привлекались ими лучшей оплатой труда, или же силой переводились на их земли. Вотчины росли. Крестьянское население в них увеличивалось, а вместе с этим увеличивалась и независимость их хозяев. Они также служили государству, но по своему желанию, и они составляли недисциплинированную, строптивую массу, непривыкшую повиноваться и почти недоступную ка-

рам.

Правительство постоянно заботилось о государственных интересах. Оно не могло обойтись без помещиков и без вотчинников. Поэтому оно не могло думать о немедленном уничтожении их интересов. Для него было более удобным противопоставить друг другу обе эти стороны и, ослабляя более сильную и опасную, тем самым укрепить слабую, менее угрожающую. Достигнув этой цели, надо было скорее устранить враждебные элементы. И, таким образом, сохраняя неприкосновенным здание государственного строя, удержать на месте полезные колонны и удалить ненужные. Это приводило к завершению исторического процесса, длившегося уже более века: медленно, но неуклонно вытеснялись удельные князья и вотчины, и укреплялись самодержавный царь и *поместная* система. Иван должен был остановиться именно на этой программе. Только она одна соответствовала традициям и насущным потребностям его державы.

До последнего времени этого не понимали; между тем здесь вся история опричнины.

Иван, конечно, к этому пришел не сразу. В тот момент, к которому мы теперь подошли, он, быть может, сам блуждал между двумя течениями идей, новизна и смелость которых могли увлечь его пытли-

вый и предприимчивый дух. Он внимательно прислушивался к *нестяжателям* и, вероятно, поддерживал Ивашку Пересветова. Он искал своей дороги, вступал на нее осторожно, пробуя почву и, когда нужно, отступая назад. Такова история 1550–1551 годов с событиями, относящимися к этому времени. Как, например, редакция нового закона, созыв церковного собора. Благодаря тому, что на этот собор был введен светский элемент и на нем обсуждались государственные вопросы, этот собор создал целую эпоху и в политической жизни страны.

II. Новый закон

Людовик XI перед смертью мечтал собрать и объединить обычаи Франции. Эта мысль была осуществлена только при Генрихе III. Но здесь еще не было кодификации. Русским законодателям 1550–1551 г. пришлось переработать существовавший уже раньше *кодекс – Судебник* 1497 г. В этом кодексе обнаруживалось стремление к установлению в государственной жизни единообразия и попытка ввести общий для всех порядок судопроизводства. Русские законодатели по сравнению с западноевропейскими как будто имели первенство на своей стороне. Но это только кажущееся преимущество 1497 г. в сущности по-

что не изменило юридических понятий и формы *Русской Правды* XI в. Только в отдельных случаях оно попыталось приспособить их к условиям своего времени. За исключением отдела о судопроизводстве и судоустройстве, *Судебник* представлял копию древнего русского юридического памятника. Судебник Ивана III проникнут духом политической централизации. В законодательной деятельности Ивана IV проявилось два как будто противоречащие друг другу направления. Судебник 1550 г. в некотором смысле делает шаг назад: он передает судебные функции старым местным организациям. Но в то же время с чисто юридической точки зрения он представляет собой хотя и робкое, но несомненное движение вперед.

Из этих двух сторон нового кодекса первая имеет несравненно большее значение. Задача тогдашней администрации целиком сводилась к отправлению судебных обязанностей. Поэтому новый кодекс проводил общую коренную реформу управления, правда, в очень смутных и неопределенных положениях. Но от литературных произведений того времени вообще нельзя ожидать большей определенности.

Реформа не явилась произвольным измышлением самого Ивана или его советников. Программа Ивана III была проникнута духом централизации, однако он уже допускал население к некоторому участию в су-

де. Население принимало участие в нем через своих выборных представителей – *старост, сотских, добрых людей*. Подобная уступка со стороны правительства была вызвана, очевидно, живучестью некоторых местных традиций. Однако роль этих выборных от народа лиц ограничивалась простым контролем судопроизводства и оставалась факультативной. Это были как бы обложки уничтоженных древних учреждений, а потому и рамки деятельности их были слишком сужены. Старосты, сотские, добрые люди были не везде, государство не заботилось ввести их повсеместно. Новый кодекс провозглашал намерение провести выборное начало и сделать его обязательным. Выборные люди должны были быть во всех судебных округах. Даже больше того. Во время малолетства Ивана центральное управление создавало большие беспорядки в областях: должностные лица часто пренебрегали своими обязанностями; силой вещей создались новые судебные власти. Кому-нибудь нужно же было задерживать и судить наполнявших в то время страну бродяг и разбойников. Сельские и городские общины разных областей ходатайствовали пред правительством о разрешении им выполнять судебные функции через выборных лиц. Правительство предоставляло населению эти судебные права особыми грамотами. А выборные органы это-

го нового типа учреждений стали именоваться *губными старостами*. *Губой* назывались части областей, т. е. округа. Так, на губы разделялись Псковская и Новгородская области. Сначала эти новые местные суды не касались уголовных дел. Но с течением времени и дела последнего рода наравне с другими перешли в их ведение, и судебник 1550 года дает только формальную санкцию совершившемуся факту. Одним росчерком пера уголовная юрисдикция была возложена на местные общины. И это был только первый шаг. Наступившие вскоре войны мобилизовали служилых людей, и за отсутствием их казалось естественным и удобным административные обязанности возложить на новые общинные выборные органы. Целым рядом грамот, изданных после 1555 г., правительство преобразовало свою финансовую организацию: теперь как распределение, так и сбор налогов передавались общинам.

Это было ни более, ни менее как частичное осуществление программы Ивашки Пересветова. *Кормление* уничтожалось устранением самих *кормленщиков*. После 1552 г. Иван и не скрывал своих намерений реорганизовать систему администрации на этих началах. Служилые люди при этом должны были утратить существенную основу своих прав на землю. Характерно, что служилые люди и не протестовали про-

тив этого плана, с их стороны не слышится никаких жалоб. Они, очевидно, охотно соглашались отказаться от своих привилегий на землю даже при скромной денежной компенсации, но более верной, чем непостоянный доход с их приходивших в разорение поместий. Казалось, реформа даст общинам полную автономию и произведет коренную перемену в хозяйственном, социальном и политическом строе государства. Но она приостановилась. Как и следовало ожидать, люди оказались ниже идеала. Население во многих местах оказалось не подготовленным к выполнению возложенных на него обязанностей и не могло воспользоваться благами оказавшегося ему не по плечу самоуправления. С правом собственного суда была связана тяжелая ответственность. Некоторые области были очень редко населены, общинная организация поэтому встречалась с непреодолимыми препятствиями, даже самые подготовленные к общественной работе элементы не могли проявлять свою деятельность из-за разбросанности на огромных пространствах. Кроме того, население боялось ответственности и уклонялось от осуществления предоставленных ему прав самоуправления. Да и само правительство смотрело на общинную автономию как на привилегию, а по старым традициям всякая привилегия должна быть оплачена. Поэтому

грамоты, устанавливавшие общинное самоуправление, сделались предметом торговли. Общины должны были покупать судебные права, которых лишались прежние должностные лица. Одни не решались на подобные денежные жертвы, другие не могли их произвести по бедности. В этом отношении население края разделилось на две части. На севере по среднему и нижнему течению Оки население было промышленным, более сплоченным. Оно воспользовалось реформой. На юге недостаток материальных средств и низкий культурный уровень населения мешал ее проведению. С течением времени, с ростом населения и развитием его благосостояния, самоуправление могло распространиться повсеместно. Однако развитие общин скоро приостановилось: петля крепостного права все туже затягивалась и душила их. С другой стороны, укоренялся бюрократический режим и в центре, и в некоторых провинциях. Правительство накладывало свою руку на новые учреждения и искажало их. В конце XVI века губные старосты обратились в простых чиновников, назначавшихся правительством и зависевших от Москвы.

Неудачная попытка Ивана IV очень напоминает реформу, проводившуюся во Франции в XII–XIII в. Филиппом-Августом и Людовиком Святым. Этой реформой были созданы городские общины. Еще больш-

шую близость мы замечаем между преобразовательными попытками Грозного и мероприятиями X–XI в. во Франции, где путем грамот, даровавшихся крестьянам отдельных феодалов, было положено начало образованию сельских общин. Но между этими двумя явлениями есть существенная разница. Во Франции реформа была направлена на освобождение крестьян, в России же, напротив, она способствовала их закреплению. Русские крестьяне были уже более несвободны в то время, когда Иван Грозный хотел воспользоваться их стремлением к независимости для своей государственной реформы, и они остались безучастными к намерениям царя.

Иван также следовал примеру Эдуарда I, английского короля, возложившего на *gentry* полицейские и судебные обязанности. Но в Англии в теории и на практике повинность неразрывно связана была с привилегией. На Руси же между тем и другим не было связи. Среди крестьян не было подходящих кандидатов на должности по самоуправлению или же правительство не хотело их найти. Так эта выборная должность стала привилегией служилых людей в том смысле, что крестьяне должны были выбирать кандидатов на должности из этого класса людей. На их же долю оставались только тяжелые обязанности. Однако и сами служилые люди скоро почувствовали,

что и их положение незавидно. Им недоставало самого существенного – независимости. Здесь перед нами вскрывается самая характерная черта московской политики; мы видим если не единственный, то, по крайней мере, главный мотив преобразований Ивана IV. Целью их меньше всего было усиление централизации. Без сомнения, эти попытки реформы имели совершенно противоположную тенденцию.

Здесь рельефно выступают роль и фикции внешних приемов московской политики. Реформа имела только один прочный результат: она способствовала разложению тех независимых элементов, которые еще существовали в московском государстве. Политическая программа Ивана ставила своей задачей централизацию власти. Но осуществление ее встречало препятствие в лице владельцев наследственных вотчин. Они еще пользовались широкими правами и полнотой власти на своих землях. Молодой царь решил покончить с этими остатками прошлого времени. Средством для этого и явилась новая правительственная система, объединявшая разнородные элементы. Ее действия он сам направлял полновластной рукой хозяина. На Западе централизация опиралась на освобождавшиеся зависимые классы. Старые феодальные формы разрушались и уничтожался местный партикуляризм. На Руси классовых де-

лений не существовало; город, монастырь, деревня со своим владельцем, уезд, населенный свободными крестьянами, представляли ряд не связанных друг с другом общими интересами мирков. Государственная власть делала попытку искусственно создать отсутствующие элементы. Оно образовало местные общины, между которыми распределяло повинности. Но указы бессильны создать подлинную жизнь. Задуманная реформа оказалась мертворожденной. Впрочем, она имела значение в том смысле, что она уничтожила следы старого и подготовила торжество нового порядка, при котором совершилось всеобщее порабощение.

Судебник 1550 г. с большой осторожностью касается вопроса о праве собственности на землю. Во всяком случае законодатель становился в оппозицию к передовым течениям того времени. Консервативные элементы могли быть удовлетворены его мероприятиями. Обычай, закреплявший право собственности на землю, приобретал теперь силу закона и получал некоторую устойчивость. Он признавал право выкупа наследственных владений, т. е. продавец, или, за его отсутствием, родственники могли во всякое время вернуть себе отчужденную недвижимость, возвратив купившему стоимость его. Правда, действие этого закона было ограничено сорокалетним сроком

со времени его издания, и воспользоваться правом выкупа могли лишь только ближайшие родственники; но все же законодатель укреплял один из самых ненавистных пережитков, препятствовавших свободе обмена и экономическому развитию.

В другом пункте, затронутом законодательством Ивана Грозного, сталкивались два противоположных принципа и два враждовавших между собой общественных элемента. И здесь Ивану пришлось совершить отступление. Мы знаем, какие источники рабства на Руси устанавливал обычай и судебник 1497 г. В судебнике 1550 г. число их было несколько ограничено тем, что признавались свободными дети, рожденные до перехода родителей их в холопы, родителям запрещалось продавать в рабство детей, рожденных ими в свободном состоянии. Договоры о переходе в холопы должны были представляться на рассмотрение высшим должностным лицам и притом только в таких городах, как Москва, Новгород, Псков. Но вместе с тем мы встречаем в том же новом судебнике постановления иного характера. Так, разрешалось крестьянину оставить занимаемый им земельный участок во всякое время года в том случае, если он желал отказаться от свободы и продавал себя в холопы. С другой стороны, увеличивалась плата за *пожилое*. Таким образом, новый закон сильнее затягивал

на шею крестьян петлю, и без того душившую уже их.

В этом последнем мероприятии личные склонности государя, без сомнения, не играли никакой роли. Целый ряд предложений, приготовленных от его имени для собора, свидетельствуют о ином настроении царя. Но тот, кто впоследствии издевался над Батрием, терпевшим ограничение своей власти, не решился на этот раз воспользоваться своим всемогуществом. Он был еще слишком молод и мало уверен в своих идеях и намерениях.

В области гражданского права новый судебник оставил неприкосновенным порядок наследования. Только в 1562 г. было сделано значительное изменение, упрочившее торжество политической программы, о характере которой я уже говорил раньше: за отсутствием наследников мужского поколения, княжеские и боярские наследственные вотчины переходили к государству, если о них не было сделано завещательного распоряжения. Спустя 10 лет право наследования было сохранено только по отношению к жалованным вотчинам, о которых в жалованной грамоте было сказано, что они даются во владение получившему лицу и его роду. Притом право наследования могли осуществлять только прямые потомки, а боковые – лишь до второй степени родства.

Судебник 1550 г., как и 1497 г., главным образом ка-

сался вопросов судопроизводства. Но он выгодно отличался от прежнего кодекса. В нем заключаются меры упорядочения судебного разбирательства, полагаются строгие наказания недобросовестным судьям, преследуется ябедничество, подчиняются известным правилам применение пыток и судебных поединков. В нем ничего не оставлено без внимания. В этой специальной области было сделано все, чтобы исправить глубоко вкоренившиеся недостатки судопроизводства. Кроме того, в этом судебнике были затронуты факты другого порядка, и это было важным нововведением: в нем устанавливалось наказание за бесчестие, различались и степени его. Но в целом судебник проникнут духом консерватизма. Иван стоял лицом к лицу с торжествовавшей армией своих непокорных бояр. Они все еще сохраняли все свои преимущества, все права, привилегии и по-прежнему злоупотребляли ими.

Однако Ивашка Пересветов говорил не попусту. В том же 1550 г. Иван сделал решительный шаг по тому единственному пути, который он мог выбрать. Он начал борьбу, в которой шансы на победу были на его стороне. Он попытался примирить необходимую реформу со старой правительственной системой, которую нельзя было уничтожить. 10 октября был издан указ, реорганизовавший высший класс

служилых людей.

III. Реорганизация службы

Запомните это заглавие: в нем зародыш *опричнины* и всей внутренней истории царствования Ивана Грозного.

Было отдано приказание собрать 1000 детей боярских из лучших людей и дать им поместья в московском и в соседних с ним уездах. Эта 1000 отборных людей должны были составить высшую столичную знать и главный контингент послушных лиц для несения разного рода службы, преимущественно военной. К этому разряду были причислены также аристократические фамилии, еще раньше разместившиеся близ Москвы, а также и высшие чиновники. Последние получали земельные участки, если еще не имели их. Вся эта аристократия разделялась на три класса – «*статьи*». Не решаясь совершенно уничтожить местничество, законодатель ввел его в определенные границы. Всякому земельному наделу соответствовала строго определенная служба: с каждой сотни четвертей посева (около 50 десятин) землевладелец должен был выставить в военное время конного человека и, кроме того, дать еще запасную лошадь, если поход предполагался продолжительным. Чело-

век и лошадь могли быть заменены определенной суммой денег. Государь со своей стороны гарантировал денежное вознаграждение за каждого постановленного на войну сверх требования человека, независимо от жалованья, уплачивавшегося всем участникам похода.

В установившейся таким образом иерархии, смешивавшей все звания и преимущества, идея службы занимала первое место. В протоколах собора 1566 года мы находим указание, что развитие новой системы имело успех: в списке знатных лиц нет ни одного княжеского имени. Сословие правительственных чиновников заняло теперь первенствующее положение. Оно заслонило собой и поглотило княжеские роды. По крайней мере, официально последние, как будто, не существуют. Иногда они еще заявляют и поддерживают свои права на существование. Но закон их игнорирует. Иногда они и сами забывают о себе. Уже в 1554 г. один из потомков древних удельных князей Воротынских Михаил Иванович величает себя только именем *дворянина* – именем, ставшим выше всех других. Московская политика неуклонно стремится удалить последние остатки родовых притязаний из области служебной иерархии. В 1566 г. из 94 дворян первого ранга только 33 оказываются членами старых княжеских родов.

Таковы были последствия указа 1550 г. Новая система несколько лет спустя нашла себе еще более широкое применение в сторожевой службе, организованной в 1571 г. на южной и юго-западной границе и возложенной на землевладельцев пограничных областей. Еще во время детства Ивана в Темникове на Мокше было сооружено укрепление и одновременно с этим вдоль линии естественных границ государства были размещены вооруженные отряды для наблюдения за движениями татар. В 1555 г. была организована впервые регулярная охрана из *стрельцов*, размещенных вдоль Волги, и казаков – *Хоперский полк*, до настоящего времени хранящий обрывки знамени, переданного ему самим Иваном IV.

Кроме того, в областях, угрожаемых нападением врагов, были даны поместья боярским детям. Они были сами заинтересованы в защите границ и обязывались за пожалованные земли нести постоянную службу. Так возникла двойная цепь порубежных укреплений, тянувшихся от Алатыря и Темникова к Путивлю и от Нижнего Новгорода к Звенигороду. Подобная же организация распространилась на восточной и западной границе. Постепенно образовалось обширное кольцо укреплений, обеспечивавших государству недостававшую до того времени безопасность.

Реформа службы была широко задумана и прово-

дилась с необыкновенной энергией, несмотря на тяжелые внутренние потрясения. Это одно является уже достаточным оправданием Ивана от тех обычных и неосновательных обвинений, которые и относятся главным образом к этому периоду его царствования. Грозный не только рубил головы, он делал и кое-что иное. Не его вина в том, что собор 1551 г., которому был представлен его судебник, не вписал в историю государства еще более блестящую страницу.

IV. Религиозная реформа

Собор 1551 г. в истории известен по имени *Стоглавого собора*. Такое название получил он от совершенно произвольного деления его постановлений на 100 глав. Собор состоял из митрополита, архиепископов новгородского и ростовского, большего числа епископов, архимандритов и игуменов.

Мирской элемент был представлен на нем высшими придворными чинами и боярской думой в полном составе. Иван не упустил случая произнести речь и на этом соборе. Здесь было и покаяние, и обращение к молитвам и мудрости присутствующих – все эффекты риторики. Затем собор занялся рассмотрением и утверждением нового закона. Все это было простой формальностью. Если даже и возникали ка-

кие-либо прения, то они были еще раньше исчерпаны государем с его советниками-мирянами, которые одни только и могли интересоваться вопросами законодательства. Собор представлял собой моральный авторитет всего государства. Иван ожидал получить от него санкцию уже совершенным или еще только провозглашенным реформами. Это было обычным приемом и, вместе с тем, характерной чертой русской политики, прибегавшей к игре в парламентаризм. Впрочем, государь решил воспользоваться сотрудничеством собора и для обсуждения некоторых законопроектов, для которых ему нужно было не только согласие, но и опытность собравшихся.

Таковы были законопроекты о запрещении местных счетов во время войны, о пересмотре пожалованных правительством поместий, чтобы установить соответствие между величиной земельных участков и служебными повинностями, о мерах против постоянного передвижения тяглого населения с одного места на другое и об упорядочении налоговой системы, об уничтожении кабаков, о наделении землей боярских вдов и сирот и о всеобщей переписи земель.

От законодателей того времени нельзя ожидать ни ясности изложения, ни определенности плана. Работа их полна загадок и случайностей. Собор приложил старание в выполнении возложенных на него за-

дач. Трудно было подыскать средство против передвижения тяглых элементов, и собор его не указывал. Проект об уничтожении кабаков возник под влиянием религиозных течений, но он шел в разрез с интересами фиска, поэтому и остался в области благих пожеланий. Что касается местничества, то оно было запрещено во время походов. Перепись земель и пересмотр положения пожалованных поместий решено было произвести немедленно. Наконец, было постановлено наделять боярских вдов и осиротевших дочерей землей для временного пользования; при вступлении же в брак или при пострижении в монастырь они лишались права на свои участки. Впрочем, все это явилось лишь добавлением к программе собора, и потому мы не находим ни в одной из статей его постановлений никакого следа этих решений. На этом соборе, где преобладал церковный элемент, иные вопросы занимали умы его участников. Хотя программа Ивашки Пересветова была отвергнута или, по меньшей мере, сведена к такому минимуму, что ее трудно было и узнать, однако вопросы, выдвинутые валаамскими чудотворцами, волновали умы. Требования *нестяжателей* стояли на очереди.

В этом направлении Иван первоначально обнаружил как будто несколько больше энергии и инициативы. Несомненно, он находился под влиянием учения

Нила Сорского. Противнику осифлян Артемию, поставленному вскоре игуменом Троицкой лавры, было поручено сделать государю доклад, в котором определенно говорилось о секуляризации монастырских имуществ. Дошедшее до нас одно из писем этого монаха ясно свидетельствует о его планах. Среди членов собора между прочим был епископ рязанский Кассиан. Он был, как полагают, автором сочинения, в котором резко осуждалось растление нравов среди белого и черного духовенства. Хотя Россия в то время была изолирована, но и сюда проникали те течения, которые в то время на Западе производили полный переворот. Митрополит Макарий оказался достойным учеником своей *alma mater* – Волоколамской обители, он самым энергичным образом восстал против радикальных мер. В одном послании, явившемся, быть может, ответом на какой-нибудь проект молодого царя, он доказывал, ссылаясь на греческих императоров, русских государей и даже татарских ханов, что все они уважали собственность церкви. На соборе осифляне составляли подавляющее большинство. Ивану пришлось идти на уступки. Он ограничился только лишь укоризненным указанием собору на беспорядки в заведывании монастырскими имуществами и на чрезмерную алчность черного духовенства.

Теоретически собор высказался за преследование

злоупотреблений в этой области монастырской деятельности, но практические меры принял только после некоторой борьбы. Они сводились к возвращению государству тех боярских вотчин, которые перешли к монастырям без «государева доклада»; эта мера распространялась и на все земли, полученные церковью таким путем, сюда входили даже те земельные дары, которые были получены ею в период малолетства Ивана. На будущее время монастырям запрещалось покупать старинные княжеские вотчины. Вместе с тем духовенство лишалось права приобретать всякие вотчины без согласия на то государя. На церковь были возложены некоторые новые повинности, несмотря на то, что она уже, как указывалось на соборе, выставляла ратных людей и участвовала в несении расходов по содержанию укреплений в некоторых городах. Теперь она должна была помогать своими средствами выкупу пленных. За этими уступками со стороны церкви должны были последовать и другие. В 1573 г. по указу царя *освященный собор* постановил в пользу богатых монастырей вотчин не завещать. В 1580 г. как черному, так и белому духовенству было запрещено приобретать какие бы то ни было земли ни за деньги, ни в качестве дара.

Рост земельных владений духовенства прекратился.

В 1551 г. в другой сфере жизни Иван решил в преобразовательной деятельности пойти дальше. Его намерения обнаруживались в целом ряде запросов, с которыми он обращался к собору. Тон чрезвычайно горяч и резок. Порой они кажутся эхом английской Blacklook 1534 г. или же обвинительного акта, составленного сподвижниками Томаса Кромвеля против сомнительной нравственности и грубой жестокости монахов. Иногда запросы Ивана напоминают анекдоты, которыми оживлял свою переписку Лейтон. Характерно, что и эти порой очень обидные вопросы царя и ответы на них собора вместе с дополнительными замечаниями Ивана вошли в состав «Стоглава» и составляют существенную часть его. Встречаются весьма любопытные диалоги. На первых порах собор, очевидно, уклонялся от обсуждения щекотливых вопросов. В первых 40 главах идут непрерывной чередой нескромные вопросы царя. Затем следует общий ответ собора, но в нем нет ничего цельного. Иван настойчиво указывает на дурное пользование монастырскими имуществами. Собор делает вид, что не понимает упрека, и в ответ выдвигает разные вопросы, относящиеся к богослужению. С 41-й главы дело принимает другой оборот. Быть может, сам царь признал необходимым несколько изменить план обсуждения вопросов. Вопросы и ответы правильно че-

редуются, но духовные отцы все еще ограничиваются недомолвками и избегают определенных решений. Некоторые уже затрагивавшиеся раньше пункты снова ставятся на очередь, но без значительного успеха. Заходит, например, речь о распушенности духовенства, собор, не без некоторого лукавства, подымает жалобы о процветающем среди мирян содомском грехе и неожиданно переходит с самым серьезным видом к обсуждению каких-нибудь проблем аскетической жизни, вроде того, если какая-нибудь монахиня заболела, может ли она исповедываться у кого-нибудь из светского духовенства? Иногда диалог переходил в бранчливый тон и сводился на личную почву. Иван указывает, например, на некоторые недостатки в иконописи. Собор отвечает: «Обратите внимание на то, что делается в Кремле!» Намекали на знаменитую картину Рублева, художника XV века. Она была заменена образом сомнительного православия. Благодаря этим уверткам и отклонениям, общая идея церковной реформы терялась, не выливаясь в определенные формы. Мы видим только частичные улучшения: учреждение духовных старост и десятников, в обязанности которых входило наблюдение за нравственным поведением духовенства, предписание монастырям строго соблюдать обособленность обоих полов и выполнять общежительный устав. Все это было при-

нято в принципе, но на практике оставалось мертвой буквой. Собор был вынужден признать существование известных беспорядков, порочивших русскую церковь и даже угрожавших ее будущему. Он признавал, что причиной этих неустройств было главным образом невежество, в котором коснело и белое, и черное духовенство. Собор признал необходимым завести возможно больше школ, где будущие священники могли бы получать образование, но он не сделал ничего для выполнения своего плана. Он воображал, что для этой цели достаточно будет усердия и пожертвований бедных священников, живших в большинстве случаев чуть ли не милостыней. Епископы и архимандриты сами были недостаточно образованы и отказывались от всякого содействия осуществлению намеченного плана. Они не понимали, что нужно было бы начать с поднятия умственного уровня высшего духовенства. В толковании и выборе текстов сам Макарий делал грубые ошибки.

Быть может, под влиянием Максима Грека собор занялся вопросом об искажении священных книг и постановил в Москве открыть типографии, где должны были печататься книги, исправленные по наиболее точным образцам. Но эта типография просуществовала недолго. Другое постановление собора касалось осуждения безбожных и еретических книг. И этими

книгами были *Secreta secretorum*, сборник средневековой мудрости, известный на Руси под названием «Аристотель», астрономические картины Эммануила Бена Якоба, называвшиеся здесь «Шестокрылом». Это была вся светская литература в стране. Чтобы спасти свое внешнее достоинство, собор решил дать ответ на обвинение в безнравственности духовенства, и в духе сурового ригоризма, соответствовавшего аскетическим стремлениям времени, снова подтвердил церковное осуждение всяких мирских удовольствий.

Новый закон предлагал подобие административной реформы в церковной жизни. Начала самоуправления должны были лечь в ее основу. Церковный суд, вверявшийся епископами боярам, дьякам, десятникам, вызывал постоянные жалобы. Об упразднении этих должностей нечего было и помышлять — они ведь существовали и при митрополитах Петре и Алексее! Решено было дать священникам право участия в судах через своих выборных старост и сотских. Но при этом совершенно позабыли определить роль этих представителей.

Пред нами выступают слабые стороны и недостатки церковной реформы 1551 г., но она, по моему мнению, не заслуживает того пренебрежительного отношения, какое она вызывает в наше время. Анафема,

постигшая ее позднее на соборе в 1667 г., указывает на сравнительную смелость этой попытки. В самом деле, не слишком ли много было бы требовать еще большего от этой незначительной кучки людей, которая появилась среди невежественного, развращенного, без всяких идеалов общества, и добилась кое-чего положительного? Некоторые ученые уменьшали и даже совершенно отрицали личные заслуги Ивана в этом деле. Все сделано Сильвестром или Адашевым, Максимом Греком или Макарием; говорят, что даже знаменитые вопросы, предложенные Иваном на обсуждение собору, были внушены и даже продиктованы Ивану этими лицами. Несомненно, что молодой царь не задумывал и не проводил всего сам, но считать его пассивным орудием в руках других – заблуждение. Во время занятий собора первые решения его были отосланы в Троицкую лавру, где находились тогда бывший митрополит Иоасаф, епископ ростовский Алексей и некоторые другие духовные лица. Им было предложено дать свое заключение по вопросам, затронутым на соборе. Возможно, следствием этого было известное нам решение вопроса о монастырских землях. Но Иоасаф и другие были опальными сторонниками Нила Сорского и не могли быть привлечены к участию в трудах собора иначе, как верховной властью. Среди духовенства,

возвратившегося из Троицкого монастыря с заключениями Иоасафа, упоминается среди прочих и Сильвестр. Трудно предположить, чтобы он на свой страх поддерживал подобные мнения. Вообще сомнительно, чтобы он был заодно с *заволжскими старцами*. На его «Домострое» лежит отпечаток грубоватого аскетизма, но осифляне провозглашали то же самое. Это было господствующее направление в официальной церкви. К тому материалу, который послужил основанием Стоглава, некоторые относят и письмо Ивану священника Благовещенской церкви. Как уже было замечено раньше, сомнительно, что это письмо написано Сильвестром. Собор коснулся лишь одного вопроса, затронутого этим письмом – о ношении мирянами бороды. Этот вопрос связывался у Сильвестра с борьбой против содомского греха, который, очевидно, особенно занимал автора «Домостроя». Но точно так же смотрели и другие моралисты. По их мнению, безбородые мужчины, уподобляясь женщинам, легко могли возбудить порочные желания.

Хотя Иван был еще очень молод, но по своему развитию и образованию он стоял на более высоком уровне. Вопросы, предложенные на обсуждение собора, были не только внесены от имени царя, но частью и *написаны его собственной рукой*. Сравнивая их с позднейшими произведениями того же автора,

мы ясно видим в них отпечаток своеобразной его личности. В них не только его мысли, но и стиль, его выражения, порывистые, резкие, язвительные и колкие. Здесь нет ничего, напоминающего Сильвестра, этого убогого писателя и ничтожного мыслителя. Даже в вопросах, касавшихся богослужения, где Макарий мог и должен был руководить Иваном, он обнаруживает весьма обширные познания.

Добавим, что изучение Стоглава началось сравнительно недавно. Причем текст его был не полным, что часто приводило ко многим недоразумениям. Преданный в 1667 г. запрещению, как еретическое произведение, Стоглав в течение почти двух столетий был недоступен для историков. Вероятно, Макарий был главным виновником неудачи реформы 1551 г., он был вдохновителем противодействия, оказанного собором как преобразовательным идеям сторонников Нила Сорского и Иоасафа, так и личным стремлениям государя. Митрополит, правда, был сам сторонником реформы, но он ее понимал совершенно иначе. Поворачиваясь спиной к прогрессу, он видел спасение только лишь в покаянном возвращении к прошлому, в восстановлении его забытых и нарушенных традиций. Он стремился к осуществлению идеалов первоначального христианства, понимавшегося им совершенно произвольно. Благочестие основыв-

валось на мелочном соблюдении всевозможных обрядностей. Строго иерархическая церковь составляет своего рода аристократию, увеличивавшую из года в год богатства, посылаемые ей Богом. Церковь входит в союз с государством на основании взаимной поддержки. Беспощадное преследование ересей. Школы не нужны. Таковы идеалы Макария. Что касается заключений Иоасафа, то собор сам не обратился бы к нему и не принял бы их к руководству. Для этого нужна была верховная воля, которая одна только была в состоянии сделать собору подобный вызов. Заключения эти были вписаны в Стоглав и подали повод к естественным недоразумениям. Некоторые полагали, что собор присоединился к ним и, таким образом, принял идеи нестяжателей. В действительности же это только частичная капитуляция собора. Честь этой победы принадлежит Ивану.

Сама по себе эта победа была незначительна и еще более ослаблена усилиями противной стороны. Во многих местах решения собора оставались долго неизвестными. Везде официальная церковь старалась помешать их осуществлению. В 1554 г. был созван новый собор для осуждения ереси Матвея Башкина и его последователей. На нем церковь вознаградила себя за понесенное ею поражение: в дело Башкина были впутаны выдающиеся сторонники ре-

формы. Кроме того, пораженные в более важных своих интересах, некоторые из духовных консерваторов вступили в союз с другими недовольными элементами. Следуя своей преобразовательной программе, Иван объединял оппозиционные элементы и, смешивая религиозные интересы с политическими, начал беспощадную борьбу против одной и другой стороны. Из этой борьбы он вышел победителем, но зато его имя и память до настоящего времени вызывают содрогание.

Религиозная реформа оказалась неудачной, и тем решительнее Грозный принялся за реформу политическую, вызвавшую террор.

Впрочем, Ивану еще прежде предстояло решить некоторые важные проблемы. Расширение территории крепнувшей державы призывало Ивана, как и его предшественников, к границам государства. Законодатель должен был стать завоевателем.

Глава третья

Движение на Восток.

Взятие Казани

Остатки монгольского царства. Войско Ивана. Взятие Казани. Последствия. Взятие Астрахани. Казаки. Крым и Ливония.

I. Остатки монгольского царства

Во время вступления Ивана на престол татарское иго было только тяжелым воспоминанием. Монгольское царство распалось на части. На восточной и южной границе еще существовали остатки Золотой Орды. В Казани, Астрахани, крымских степях были еще почти независимые ханства или царства, простиравшиеся до границ Московского государства. Отливая к азиатским плоскогорьям, монгольское море оставляло за собой как бы озера, все еще волнующиеся и принимающие иногда угрожающий характер, но сила их все более и более ослабевает. Теперь ни одной пяди русской земли не оставалось во власти татар. Как сказано было раньше, наплыв их сюда не имел сокрушающей силы океана. Теперь начинается рус-

ская колонизация и завоевания. Русские с каждым годом, почти с каждым днем подвигаются все дальше и дальше вглубь громадного пространства, занятого финно-татарами. Медленно, но верно московские государи расширяют свои владения, увеличивают сферу влияния. Прежде они были вассалами, теперь же стали сюзеренами ханов. Казанский хан Сафа-Гирей сделался их данником.

Однако в Крыму татары образовали новый центр своего господства. Здесь они создали более сильную политическую и военную организацию, основанную на старинных началах, и им удалось объединить под своей властью соседние ханства и порвать узы зависимости от Москвы. Сначала это было для Москвы только неприятностью, но скоро стало угрожающей опасностью. В 1539 г. крымскому хану Саип-Гирею удалось утвердить свое влияние в Казани и даже оставить там свой гарнизон. При его дворе появился русский беглец Симон Бельский, искавший там убежища или же привлеченный самим ханом. После этого Саип-Гирей отправил московскому правительству послание, тон которого напоминал о прежнем татарском могуществе: «Я открыто иду против тебя... Возьму твою землю, а если ты окажешь сопротивление, в моем государстве не будешь». Москва обещала не трогать Казани. Но хан этим не удовлетворился,

он требовал ежегодной дани, что было возвращением к прежнему позору. С 1539 до 1552 г. шла непрерывная борьба с татарами. В Казани сторонники Сафа-Гирея, а потом его сына Утелиш-Гирея восстали против московской партии, заменившей знаменитого в то время военными подвигами князя Булата, ставленника Саип-Гирея, кандидатом Ивана Шахом-Али, или Шиг-Алеем. Но вскоре Саип-Гирей с Бельским угрожал самой Москве. Турция дала ему военные подкрепления и снабдила ружьями и пушками. В Москве создалось такое положение, что в одно время даже обсуждался вопрос, должен ли молодой царь остаться в столице и принимать участие в ее защите. Только вмешательство митрополита Иоасафа заставило восторжествовать более мужественных людей. В подобных обстоятельствах даже взрослые предки Ивана старались скрыться куда-нибудь в безопасное место. Но по мнению Иоасафа, Москва теперь была чем-то большим, чем простая столица: она стала метрополией, святым городом, где православная Русь хранила все, что было у нее лучшего – свою веру, святые мощи, свои надежды и гордость.

Иван остался в Москве, и это заставило Саип-Гирея отступить. Он вообразил, что за этим царем-дитятей сплотилась сильная армия, могущая уничтожить его татар, которые далеко не напоминали сподвижников

Батыя. Это были больше грабители, чем воины, любители легкой наживы. Придя в возраст, Иван сделал еще лучше. Два раза, в 1548 и 1549 г., предпринимал он безуспешные походы на Казань. Выступал он поздно осенью. Его застигала зима. Войско вязло в снегу. Пушки тонули в Волге. Служилые люди в спорах из-за первенства забывали свои обязанности. Два раза со слезами бессильного гнева Иван приказывал своему войску отступить, а крымцы и казанцы становились более дерзкими и опустошали лучшие московские области.

Впрочем, при втором походе удалось достигнуть кое-каких результатов: был основан на вражеской земле городок Свияжск, недалеко от Казани, при слиянии Свияги с Волгой. Скоро этот городок сделался центром притяжения для соседних племен — черемисов, чувашей, мордвы, и татары увидели, что это московское приобретение имеет такой характер, что с ним приходится серьезно считаться. Между тем это ханство разлагалось. 300 человек крымцев покинули Казань, оставив там своих жен и детей, произведя предварительно грабеж в городе. Казанцы были недовольны Утелишем и выдали его Москве, но их мало удовлетворял и Шиг-Алей, поэтому они просили русского царя назначить им правителя по своему выбору. Иван думал, что таким образом соверши-

лась бескровная победа. В феврале 1552 г. князь Семен Иванович Микулинский, назначенный наместником, подходил в сопровождении Адашева к Казани. Но благодаря интригам Шиг-Алея, с притворной покорностью удалившегося в Свяжск, и подстрекательству агентов Саип-Гирея, дело приняло неожиданный оборот. Ворота оказались запертыми. В городе вооружались. В Крым летели гонцы с просьбой о подкреплении. Предприятию грозил печальный конец.

Микулинский удалился в Свяжск и заперся в нем со своими ничтожными силами. Ему уже казалось, что его окружают, и он погибает. К тому еще в его войске появился мор, а с ним и беспорядки. «Мужчины бреют бороды... и содеевают грех с молодыми юношами», рассказывает летопись. В Москве были собраны бояре на совет, но они могли предложить только весьма сомнительные средства спасения: совершить торжественное перенесение мощей из Благовещенского в Успенский собор, послать в Свяжск воду, освященную над этими мощами, и поучение нового митрополита Макария. Но Иван со своими ближайшими советниками решил, что нужно делать что-то другое. Дело шло о престиже Москвы и всей будущей политики ее. Нужно было или победить теперь, или отказаться навсегда от завоеваний. В случае неудачи Москвы, может быть, угрожало новое иго. Саип-Гирей

сделался слишком смелым и не отступал. Опыт прошлого говорил, что нужно поспешить. 16 июня 1552 года, передав правление на время своего отсутствия царице Анастасии, освободив из тюрем многих заключенных и совершив еще другие дела благочестия, Иван выступил из Москвы со всеми военными силами, имевшимися в его распоряжении.

II. Войско Ивана

В этой стране, не знавшей феодализма, военная организация в своих существенных чертах была феодальной. Во Франции от подобной организации осталось так называемое народное ополчение – тысяча две-три человек, что в сравнении с постоянным регулярным войском составляет сущие пустяки. На Руси Иван впервые начал формировать новый тип войска, постоянного. Ядром его должны были послужить *стрельцы*, впервые упоминающиеся в походе на Казань в 1552 г. Стрельцы набирались из свободных людей и должны были служить всю жизнь. В большинстве случаев они были женаты и составляли сословие, в котором военное занятие сделалось наследственным. Вооруженные и экипированные по западноевропейскому образцу, стрельцы получали по рублю на постройку дома и столько же годового жало-

ванья. Кроме того, им выдавалась одежда, порох, несколько муки и крупы. Когда этого оказалось недостаточным для содержания стрельцов, правительство решило наделить их землей, разрешить заниматься разными промыслами, до некоторой степени слить со служилыми людьми. Под конец царствования Ивана Грозного число их достигало до 12000 человек. Из них в Москве находилось 7500. Вместе с городовыми казаками они образовали первую пехоту, какой обладали русские цари. Одновременно было организовано и постоянное артиллерийское войско, разделявшееся на *пушкарей* (канониров), крепостных артиллеристов – *защитчиков* и *гранатчиков*. Также был образован особый отряд *пищальников*.

Но все это еще не составляло армии. Главные военные силы по-прежнему составляли служилые люди и так называемая *рать*, другой эмбрион регулярного войска. В военное время правительство призывало под оружие служилых людей и отдавало приказ произвести набор. Каждый город или уезд должен был выставить определенное количество пеших и конных людей, вербовавшихся не из военного сословия. Это и была *рать* или *посоха*. В походе, предпринятом Иваном против поляков для возвращения Полоцка, этих *посошников* было 80000. Это не было дисциплинированное войско, которое могло бы

обеспечивать военные успехи, поэтому их употребляли главным образом для производства земляных работ и приготовления припасов. Московское правительство с большой охотой освобождало за деньги этих ратных людей от службы. Платили по 2 рубля за человека. Это стало своего рода налогом.

Мобилизация производилась по предписанию *разрядного приказа* областным воеводам. Обыкновенно указывалось место сбора войска, число людей и род вооружения. При Иване Грозном служилые люди, бояре, дети боярские и дворяне разделялись на 5 полков: большой полк, передовой, правая рука, левая и сторожевой полк. Если в походе принимал участие и царь, то прибавлялся еще и шестой «государев полк». Большой полк делился на три, остальные на две части, подразделявшиеся в свою очередь на сотни. Полком командовал воевода, а частями помощники его то же в чине воевод, сотнями – дворяне первого ранга. В отсутствие царя все войско подчинялось дворцовому воеводе. Это был *magister militum* римлян или современный генералиссимус. Его окружал многочисленный штаб. Здесь были *сборщики*, собиравшие войско, *окладчики*, распределявшие его, *посыльные люди*, нечто вроде адъютантов, *становщики*, инженеры, иностранцы, специалисты по осадному делу, судьи, лекаря, духовенство.

Какова же была численность этого войска? Для 1552 г. мы не имеем указаний. В 1556 г. передовой полк в полном своем составе заключал всего лишь 1500 конных людей. В 1578 году, во время похода на Литву, в войске, подкрепленном татарами, было 39681 человек. Распределялось оно таким образом.

Русских и черкесских князей.....	212
Бояр и боярских детей московской области.....	9 200
Служилых людей новгородских и юрьевских.....	1 109
Татар и мордвы.....	6 461
Дворцовых стрельцов.....	2 000
Стрельцов и казаков из областей.....	13 119
Посошных людей из северных областей.....	7 580
—	
39 681	

Во всяком случае часть наличных войск Ивану, вероятно, пришлось оставить для охраны границ,

но с другой стороны, каждый боярин приводил с собой по меньшей мере двух, а нередко пятьдесят и более человек. Путешественник того времени Клемент Адамс говорит, что царь собрал до 90000 войска, но в поход он взял только одну треть его, а остальные две трети оставлял в укрепленных пунктах для их защиты. Цифры эти вполне совпадают со списками 1578 г.

За исключением стрельцов, специальных отрядов, посошных людей, все войско состояло из конницы. Вооружение его было весьма разнообразно. Во времена Ивана наряду с кривой саблей, похожей на турецкую, лук был любимым оружием многих москвичей. Но некоторые уже заменили его пистолетом или длинным мушкетом. Топор, висевший на седельной луке, кинжал, а иногда и копье дополняли походное вооружение. Броня употреблялась весьма немногими. Только знатные вельможи иногда щеголяли в великолепных латах и кольчугах, а на голову надевали шлемы, или шишаки. Шпор не было. Их заменяла плеть. Всадник держал в левой руке поводья и лук, а в правой саблю и плеть. При стрельбе он выпускал из руки саблю и плеть, висевшие на ремешке. Как только неприятельское войско приближалось на выстрел, русские осыпали его тучей стрел и тотчас же отступали назад, не дожидаясь встречи,

независимо от того, держится ли противник или подался. Поэтому русская конница никогда не могла устоять перед польскими эскадронами, приученными ударять на врага со всей силой. Главным достоинством ее была выносливость и легкость передвижения. На маленьких, без подков и с плохой сбруей лошадях московские всадники совершали огромные переходы, подвергаясь большим лишениям и усталости. Клемент Адамс и Ченслер рассказывают, как они располагались на отдых в глубоком снегу, разводили огонь и приготавливали себе кушанье из горсти муки, растворенной в кипящей воде, спали под открытым небом, завернувшись в свою одежду и подложив под голову камень вместо подушки. Английский путешественник спрашивает себя, многие ли из воинов его страны, за исключением самых доблестных из них, могли бы вынести хоть один месяц войны с этими закаленными людьми, и приходит к заключению, что если бы русские знали свои силы, никто в мире не мог бы устоять перед ними.

Но одна выносливость еще не составляет всего, что нужно для войска. Плохо обученные и недисциплинированные войска Ивана в сущности не знали даже элементарных начал своего дела. Напасть на врага и окружить его в два или три раза большими силами, оглушить криками и шумом музыки –

это было боевой тактикой русских. По-своему храбрые, они даже тогда, когда их силы были сломлены, редко просили пощады. Но опрокинуть их было легко. Они не имели понятия о правильных стратегических приемах и были беспомощны. К ведению осады, которая предстояла им под стенами Казани, они были приготовлены не лучше. В защите же укреплений они не имели соперников. Будучи заключены в стенах города, они не могли спастись бегством и обнаруживали редкую стойкость, безропотно переносили голод и холод, тысячами погибали в своих деревянных и земляных укреплениях, постоянно возобновлявшихся их усилиями, и сдавались только доведенные до последней крайности. Вот почему в московских войсках были в употреблении переносные укрепления, состоявшие из досок с отверстиями для ружейных дул. Назывались они *гуляй-городами*. Этим объясняется и очень раннее развитие сильной артиллерии у русских.

Первые пушки были привезены из заграницы. Но уже при Иване III иностранные мастера отливали их в Москве. В петербургском арсенале до сих пор сохранилось одно орудие этого производства, с датой 1485 г. При Иване IV русское производство орудий усвоило себе западноевропейскую технику. Производились серпантины, называвшиеся здесь *змеями*,

и разного калибра мортиры, среди которых встречались *гауфницы*, гаубицы позднейшего времени, и *волкометки*. По свидетельству Флетчера, ни один христианский государь той эпохи не имел такого множества орудий. Дженкинс любовался в 1557 г. упражнениями русских канониров, соперничавших в быстроте метания ядер и верности прицела.

Летописи говорят, что Иван привез в 1552 г. к стенам Казани 150 пушек. Без сомнения, цифра эта преувеличена, как и число войска, сопровождавшего эту артиллерию, будто бы равнявшегося 150 000. Но бесспорно, на этот раз царь должен был выступить со значительными силами. Чтобы решиться на это, нужны были серьезные усилия воли. Независимо от характерного для Рюриковичей нерасположения к случайностям войны, Ивана удерживали другие мотивы. Супруга его в скором времени должна была произвести на свет первого ребенка. Просьбы казанцев о помощи от крымцев оказались не напрасными, полчища нового хана Девлет-Гирея уже подступили к Туле. Молодой царь не изменил своего решения. Тула держалась стойко. 13 августа Иван был уже в Свижске. Его присутствие здесь оказалось более полезным, чем кропление святой водой и поучение Макария. 23 августа он был под Казанью.

III. Взятие Казани

Город был защищен только деревянными и земляными укреплениями. Но гарнизон его, по словам летописцев, с первых дней приготовился к отчаянной защите. Осажденные правильно рассуждали, что им пощады не ждать. Они понимали, что в борьбе двух рас, двух государств, двух религий наступает решительный момент. До того времени Москва ограничивалась возвращением русских земель, если не считать кое-каких передовых укрепленных постов и Свияжска. Со взятием Казани она брала в свои руки один из древнейших оплотов мусульманства. Царя Эдигер-Магомета поддержал Крым присланным полководцем и отрядом отборного войска. Татары вспомнили свои былые доблести и победоносно отбили первые приступы русских. Иван боялся, что дело может снова затянуться до зимы, что было так нежелательно.

В сентябре разразилась сильная буря. Много шатров в лагере Ивана было разбросано. На Волге были разбиты лодки с провизией для войска. Осажденные ликовали и с высоты своих укреплений, которых не могла разрушить артиллерия Ивана, издевались над «*белым царем*». С бесстыдными телодвижениями

ями, повернувшись спиной и подымая свое платье, как рассказывает летописец, они кричали: «Смотри, царь! вот как ты возьмешь Казань»... Кривляньями и неистовыми криками, точно производя заклинания, татары вызвали смущение в суеверных душах русских воинов.

Иван не падал духом. Колдовство татар вызвало сильные ливни, он велел привезти из Москвы чудотворный крест, с которым пришла и хорошая погода. Татары искусно поддерживали свои сооружения. Иван прибег к знанию иностранных инженеров, которые при помощи разных сооружений увеличили разрушительное действие артиллерии и приблизили роковую развязку. В народной поэзии эта осада разукрашена вымыслом и превращена в нечто подобное взятию Трои. Она продолжалась 8 и даже 30 лет. В действительности же в конце сентября пушечный огонь сделал возможным произвести решительный приступ. Он начался 2 октября 1552 г. Он давал осаждающим заранее обеспеченную победу, но на этот раз Иван не проявил своей настойчивости и энергии. Войска привыкли видеть его перед собой и повиноваться его команде. Они его боялись и повиновались. Теперь же его напрасно искали во главе рати. Вождь исчез, остался только *Рюрикович*, избегающий опасности кровавой сечи; он медлил и припа-

дал к алтарю с горячими молитвами. На заре князь Михаил Воротынский готовился взорвать последние укрепления. В это время в церкви, устроенной среди русского стана, шло торжественное богослужение. Предание говорит, что успехи работ в подкопах увеличивались во время совершения самых торжественных мест православной литургии. Когда диакон провозгласил: «Воеже покорити под нози его всякого врага и супостата», последовал первый взрыв. После произнесения им евангельского стиха: «И будет едино стадо и един пастырь», последовал другой более сильный взрыв. Диакон и саперы сделали свое дело, теперь нужно было ворваться в город через образовавшуюся брешь. Стрелы и пули, призывы христианского и магометанского Бога смешивались в воздухе. К Ивану прискакал запыхавшийся боярин: «Государь, время ехать. Твои люди вступают в сражение с татарами, и твой полк ожидает тебя»... Но Иван с важностью отвечал одним из тех текстов священного писания, запас которых люди его времени и умственного развития хранили в своей памяти. Он говорил о пользе продолжительных молитв и не двигался с места. Явился новый гонец. Наступающее войско ослабевают; татары берут верх; присутствие государя во главе войска необходимо... Иван испустил глубокий вздох, из глаз его полились обильные слезы, и он громким

голосом просил о небесной помощи.

В этом поведении молодого царя сказался характер его нации; многое, конечно, зависело и от его личных особенностей, от чрезвычайной нервности, которой он, как мы знаем, страдал. Нельзя сказать, чтобы это была трусость, так как скоро этот человек начнет подчинять своей несокрушимой воле огнем и мечом окружающих его, несмотря на их ненависть, и это будет делать двадцать лет подряд. Будущий глава опричнины не был трусом. Он был просто достойным потомком московских князей, собиравших Русь, но не на поле битвы, не подвигами храбрости, а путем темных интриг, торгашества и скопидомства, путем хитростей и стоических унижений. Ученики восточных государей усвоили азиатские наклонности к неге, презрение к телесным усилиям. Сражаться, наносить удары и рисковать в свою очередь подвергнуться им – это не дело государя, для этого у него есть подчиненные. Он повелевает, посылает людей на смерть и – молится.

Бояре же, окружавшие Ивана, смотрели несколько иначе. Вполне возможно, что кто-нибудь из них пытался даже силой вовлечь государя в битву. Но ему еще нужно было приложиться к чудотворному образу Сергия, выпить святой воды, съесть просфоры, получить от своего духовника благословение, испросить у священнослужителей отпущения грехов,

прежде чем «идти пострадать за истинную веру». Наконец царь сел на коня и поскакал к своему полку, чтобы присоединить и его к сражающимся. Битва теперь уже подходила к концу, и нечего было бояться осажденных. Но и теперь, по свидетельству Курбского, против которого сам Иван не нашел возможным возражать, насилу удалось заставить царя двинуться вперед: бояре должны были взять лошадь его под уздцы...

Уже московские знамена развевались над неприятельскими укреплениями, и первые колонны проникли в город. Началась резня. Шесть тысяч казанцев напрасно пытались спастись, пустившись в брод через реку Казанку. Иван и не думал останавливать избиение. В то время даже на западе город, взятый приступом, обрекался на смерть. Одни только женщины и дети спаслись и были уведены в плен. После этого при пении «Тебе Бога хвалим» царь водрузил большой крест на том месте, где во время битвы развевалось знамя последнего казанского хана. Здесь должна была появиться церковь, и через два дня она уже была выстроена и освящена. В конце недели два правителя, князя Александр Борисович Горбатый и Василий Семенович Серебряный были оставлены в покоренном городе, а победитель поспешил в Москву к Анастасии.

По дороге в столицу во Владимире он получил радостную весть: царица разрешилась от бремени сыном, которого назвали Димитрием. В одном из древнейших сел в окрестностях Москвы, Тайнинском, куда Иван должен был удалиться впоследствии, в дни испытаний, ожидавших его после этих успехов, брат его Юрий со знатнейшими боярами принесли ему первые поздравления. В Москве вышедший навстречу ему с духовенством митрополит сравнивал его с Димитрием Донским, Александром Невским и Константином Великим, а затем, поклонившись до земли, благодарил государя за торжество, доставленное им отечеству и Церкви.

И в самом деле победа была велика; по своим непосредственным или отдаленным последствиям более значительная, чем приобретение Трех Епископств, сделанное в том же году Генрихом II на противоположном конце Европы.

IV. Последствия

В 1555 году первый архиепископ вазанский и свижский Гурий отправился на место своего назначения в сопровождении целой свиты священнослужителей. Это напоминало то отправление духовенства из Византии, которое при Владимире принесло проповедь

истинной веры в Корсунь. После освящения храма Заступницы Богоматери, выстроенного в Кремле в память новой победы, Гурий сел на лодку, где продолжалось пение и молитвы. По пути от Москвы до Волги громадные толпы народа, охваченного энтузиазмом, приветствовали представителя истинной веры. Россия приступала к апостольской деятельности. На стенах Казани ислам потерпел поражение, нанесшее непоправимый ущерб нарождавшемуся могуществу крымских ханов. Теперь уже не было и речи о том, чтобы Иван «бил челом», как это делал он еще недавно в сношениях с опасными соседями, в то же время претендуя на равенство с германским императором и султаном! В материальном отношении Казань представляла ценное приобретение. Если она раньше и не угрожала Москве, то все же, находясь на среднем течении Волги, она преграждала путь на восток и препятствовала естественному развитию ее. Некогда здесь произошло первое столкновение христианства с исламом в сражениях магометан, болгар с первыми христианскими князьями новой северо-восточной Руси. Для Азии Казань продолжала быть центром торговли и промышленности, а для монгольского царства последним оплотом, удержанным им в Европе. Стесненное крымское ханство представляло лишь стан кочевников, бродивших в южных степях. Оста-

валась еще Астрахань, но, после падения Казани, эта преграда для московского движения обречена была на неизбежную гибель. Начавшаяся колонизация и завоевания с непреодолимой силой распространялись в богатом крае, орошенном западными притоками Волги и восточными – Дона.

Наконец, Казань была естественным центром для многочисленных диких народностей – черемисов, мордвы, чувашей, вотяков, башкир, – занимавших оба берега Волги – нагорный и луговой. Привлеченный к Свияжску нагорный берег уже входил в состав московского государства. Теперь наступала очередь и для низменного.

В своем нетерпении вернуться к радостям семейной жизни и насладиться славой, ожидавшей его в Москве, Иван слишком поторопился покинуть покоренную область. По словам Курбского, бояре настаивали, чтобы он остался до весны. Но возможно, что они сами посоветовали ему принять противоположное решение. Если они, его «служилые люди», в последний момент под Казанью увлекали его в битву, таща коня за повод, то раньше, еще не дойдя до нее, они не один раз, казалось, выражали намерение покинуть царя, жалуясь на истощение сил и средств. Между ними и царем уже завязалась глухая борьба. Царь чувствовал, что бояре не в его ру-

ках; последние, в свою очередь, сознавали, что государь недолго будет оказывать им послушание, правда и так уже довольно ненадежное, непостоянное и капризное. Произведенные или еще готовившиеся реформы вызвали среди высшей аристократии недовольство, обнаруживавшееся ею при всяком удобном случае, и среди этих воинов, которые руководили им в ней и указывали ему его место, Иван чувствовал себя не вполне спокойно.

В декабре месяце победители почувствовали угрозу лишиться плодов своего завоевания. В Казани и ее окрестностях появились симптомы беспокойства. Казаки и стрельцы оккупационного отряда потеряли при одном столкновении с племенами *горной стороны* 1000 человек. Эти возмущившиеся племена основали даже новый город на Меше в 70 верстах от Казани. В 1554 г. пришлось прибегнуть к настоящей правильной войне против непокорных. Прошло еще 5 лет, прежде чем стало возможным более или менее обеспеченное владение краем. За это время Москва уже сделала новый и великий шаг в другом месте.

V. Взятие Астрахани

Весной того же 1554 г. 30 000 московского войска под начальством князя Юрия Ивановича Пронского

отправились на судах вниз по Волге. 29 августа, когда Иван праздновал в Коломне свои именины, гонец привез весть о взятии Астрахани. Но это еще не было окончательным завоеванием. Пронский ограничился тем, что возвел на престол по своему выбору Дербиш-Али, обязав его платить ежегодную дань и гарантировать русским свободное плавание по Волге от Казани до Астрахани. Московская политика начинала игру, которая ей удалась в Казани с Шиг-Алеем. Результаты ее оказались точно такими же. Между новыми покровителями, местными татарами, оказывавшими свое влияние, крымским ханом и турками, готовыми вмешаться в распри, положение Дербиш-Али было незавидным. Скоро он вошел в сношения с соседним племенем ногайских татар, в котором два брата, Измаил и Юсуф, враждовали из-за власти, и при поддержке одного из соперников хотел добиться независимости. Возникла необходимость в новой военной экспедиции. Дербиш соединился с Юсуфом, а когда тот был убит своим братом, с его детьми. Москва заключила союз с Измаилом, расположив его в свою пользу скромными подарками. Он просил дать ему три охотничьих птицы – кречета, сокола и голубятника, а также большое количество свинцу, шафрана, цветных материй и 500 000 гвоздей... Дербиш был изгнан. Его заместил Измаил, которому, в свою оче-

редь, пришлось за непослушание уступить место своим племянникам. Москва еще долго ссорилась с этими непокорными вассалами. Но устья Волги все-таки были ею приобретены. В то же время соседние маленькие кавказские княжества, вмешивая ее в свои споры или ища у нее поддержки, незаметно, почти против ее желания, увлекали ее все дальше и дальше на восток, в новые предприятия, расширявшие границы ее гегемонии.

Колонизация следовала шаг за шагом за успехами этой политики, а иногда даже опережала ее. От берегов Дона и Терека, где она уже стала на прочную почву, она распространялась до Крыма, до ворот Азова, постепенно расширяя владения так называемой *казатчины*, образовавшейся из вечно подвижных слоев неустоявшегося еще населения. Казаки представляли неоценимую силу для осуществления правительственной программы, ставившей своей задачей расширение государственной территории. Но сила эта была и опасной.

VI. Казаки

Власть метрополии над этим непостоянным и буйным элементом долгое время была чисто номинальной. Только в 1570 г. один из наместников Грозно-

го Новосильцев сумел придать казакам на берегах Дона более определенную организацию. Современное Донское войско праздновало свой трехсотлетний юбилей в 1870 г. Однако в 1577 году Иван должен был отправить целую армию под начальством Мурашкина, чтобы прекратить разбои и насилия этих непокорных подданных. И тогда, полагают, будущей завоеватель Сибири Ермак и его товарищи, спасаясь от заслуженного наказания, отправились искать убежища у Строгановых, колонизаторов другого типа. Их беспредельные владения простирались вплоть до Азии.

Так было подготовлено новое и еще более знаменитое завоевание. Но, предоставляя пока идти своим чередом жизни и самовольным предприятиям казаков, Москва должна была начать борьбу с последним остатком татарского величия. Не имея возможности подчинить своей власти тысячи вооруженных Ермаков, обитавших в области, сопредельной с Крымом, Иван должен был начать борьбу, которая закончилась только при Екатерине II.

В 1555 г. было отправлено туда в поход 13 000 человек под начальством Шереметьева. Это была прелюдия экспедиций Голицына и Миниха. Как и всегда в подобных случаях, более подвижной и отважный – хан. Он отступил перед силой царя, но все-таки нанес серьезный ущерб его полководцу. В следующем году от-

ряд казаков под предводительством дьяка Ржевского произвел рекогносцировку до самого Очакова, вызвав большое возбуждение и подъем воинственного духа в приднепровской Малороссии. После этого один из подданных польского короля князь Дмитрий Вишневецкий занял и укрепил один из островов на Днепре – Хортицу и бросил вызов соседнему ханству, заключив союз с царем. В 1557 г. он был прогнан с Хортицы, но в следующем году отплатил за это под стенами Азова, когда начальник московского войска Дашил Адашев достиг устья Днепра, захватил два турецких корабля и, высадившись в Крыму, навел ужас на его обитателей.

Казалось, наступил момент покончить борьбу с Крымом, и окружавшие Ивана склоняли его решиться на это. Но молодой государь изменил свои стремления. Его предприимчивый дух переносился с Востока на Запад, куда его манили более соблазнительные перспективы. Его занимали дела Ливонии. Они долгие годы поглощали его деятельность. Это было уже начало истории Петра Великого.

VII. Крым и Ливония

Вести два предприятия одновременно было невозможно. Как бы ни была справедлива та крити-

ка, которой Грозный подвергался тогда и впоследствии, он остановился на правильном решении. Идти на Крым было не то, что идти на Казань или Астрахань. С берегов Москвы до берегов Волги переправа войска и провианта совершалась по сети речных путей, пересекавших относительно заселенные места. Дорога в Крым уже от Тулы и Пронска шла через пустынные места, где нельзя было ни встретить пристанища, ни найти средств пропитания. Здесь до восемнадцатого столетия разбивались усилия лучших русских полководцев. Кроме того, нужно было считаться еще с тем, что из-за Крыма пришлось бы столкнуться с Турцией XVI века, с Турцией Солимана Великого!

С другой стороны, выбор Ивана не был вполне свободным. С 1554 г. он вел войну со шведами из-за этой самой Ливонии. Из-за нее же шли постоянные войны с Польшей. Прерывались они только непрочными перемириями. Разрешение этих двух проблем подсказывалось необходимостью. Как ни был беспокоен Крым, но с ним можно было еще обождать. В Ливонии же ни поляки, ни шведы не ждали. Они не могли отложить до другого момента вмешательство в дела Ливоши, чтобы не дать Москве утвердиться на берегах Балтийского моря. Старая колония тевтонских рыцарей приходила в то состояние, какое пережила в последствии Польша, она возбуждала алчность

соседей: дом горел, он должен был достаться тому, кто первый придет тушить его. Отказаться от участия в этом Иван и не думал. Даже Казань была покорена им при содействии Запада, при помощи инженеров и мастеров, которые набирались в Германии, Венгрии и Италии. Но если Италия, а отчасти и Германия склонны были помочь, другие европейские государства и особенно ближайшие относились недоверчиво и враждебно: задерживали, препятствовали покупке более совершенных военных материалов и старались сохранить между собой и весьма предприимчивым соседом вековую стену обособленности. Ливония была тем окном, которое впоследствии прорубил сильными ударами своего топора Петр Великий. Случай представлялся сделать это теперь и без больших усилий. Отказываться было бы безумием.

Но разве Иван не мог воспользоваться для той же цели принадлежавшей уже ему частью Финского залива от устья Сестры до впадения в него Наровы? Возражение это делалось, но оно не убедительно. Иван не имел намерения основывать Петербург. Даже если бы он обладал гением Петра Великого, он, вероятно, не нашел бы возможным возложить на своих подданных гигантское и парадоксальное бремя подобного сооружения. Чтобы осуществить это дело спорной ценности, нужна была полуторавековая

борьба, обеспечивавшая победу абсолютной власти и давшая Петру орудия, которыми не обладал Иван IV. Сам Петр не удовольствовался этим портом в болотистой, негостеприимной местности. Чтобы найти лучшее место Ивану, казалось, нужно было только протянуть руку.

И в самом деле, если его предприятие и не удалось, то только лишь потому, что он натолкнулся на непредвиденное препятствие. Это препятствие создала фантастическая карьера Батория, настоящего короля в государстве, где короли давно уже были только для смеха. Этот венгерский рыцарь укротил польского коня и стремительно бросился на нем, чтобы преградить дорогу московскому всаднику. Скачка продолжалась всего лишь 10 лет, но этого достаточно было, чтобы изменить взаимное положение и шансы на успех, чтобы заменить Польшу Ягеллонов, которую Москва знала, другой Польшей, сил которой она не подозревала и не могла угадать. Триумф, который, казалось, покоритель Казани и Астрахани уже одерживает, обратился в его поражение.

Он начинал это предприятие с блеском славы и популярности, который превзошел затем только один из его преемников. Но победы и реформы Петра Великого, как менее понятные, должны были получить и меньшую оценку. Победитель ислама, законода-

тель, усердно пекущийся об интересах низших слоев населения, грозный судья только для «великих», Иван вызывал удивление даже у иностранцев. По мнению Дженкинса, высказанному в 1557 г., ни один из христианских государей не был так страшен для подданных, как Иван, и в то же время так ими любим.

Говоря с похвалой о правосудии, совершаемом этим несравненным государем при помощи простых и мудрых законов, о его приветливости, гуманности, разнообразии его познаний, о блеске двора, о могуществе армии, венецианский посол Фоскарини отводит одно из первых мест среди властителей того времени будущему противнику Батория. С чувством удовольствия перечисляет он его *военных людей*, обмундированных по-французски, пушкарей, обученных своему делу по-итальянски, пиццальников и утверждает, что ни одно европейское государство не обладает такой страшной военной силой. Ослепленный призраком победы, он уже видит две армии в 100 000 каждая, готовых двинуться по знаку великого царя. «Все это почти невероятно, – прибавляет он, – но это совершенно верно».

Действительность, которую я пытался выше прояснить, не обеспечивала в данный момент Ивану перевеса над соседями – поляками и шведами. Он имел многочисленную армию, полную казну, преимущество

сильно укрепленной власти и уверенность в себе, что обеспечивает успех. Но его могущество, слава, популярность, все это низвергнулось в бездну, опасность которой никто не предвидел и никто не мог измерить ее глубину.

Глава четвертая

Завоевание Ливонии

Исторические прецеденты. Ливония в XVI веке. Московское завоевание. Вмешательство Европы.

I. Исторические прецеденты

Борьба из-за обладания Балтийским морем в XVI в. была спором между наследниками. Наследство это осталось от Ганзы, великой политической и торговой конфедерации, разоренной открытием Нового Света и безоружной перед алчностью соседей. Столкновение имело грозный характер благодаря тому, что притязание предъявили такие державы, как Швеция, Дания, Россия и Польша. На карту ставились торговые, промышленные, культурные и религиозные интересы. До 1540 г. Москва играла подчиненную роль, выступая только помощницей двух скандинавских держав. Но в это время общий враг – ганзейцы – были почти побеждены, и недавние союзники начали неизбежную борьбу из-за дележа добычи.

Исторические основания московских домогательств были самыми древними. В летописи Несто-

ра можно найти указание на то, что Ливония и Эстляндия составляли часть древней Руси. Перечисляя народы, подчиненные власти варяжских князей, летописец говорит о *ливах* и *чуди*, обитавших на побережье Балтийского моря. Указания эти, впрочем, весьма проблематичны. Первая достоверная попытка русских утвердиться в Ливонии относится к 1030 г., когда Ярослав Мудрый основал в стране Чуди Юрьев. Но скоро здесь пришлось столкнуться с соседями – семигалами, и владение стало непрочным, а в следующем столетии с появлением немцев возникло более опасное соперничество.

История немецкой колонизации в Ливонии связана с основанием Любека Генрихом Львом в 1158 г. Купцы нового города в поисках пути в скандинавские земли и на далекий восток стали Колумбами этой второй Америки. Тогда и возникло соперничество между немцами, русскими и скандинавами из-за обладания устьями Двины, связанной уже с речной сетью Руси и даже с бассейном Днепра. Ключ находился в Ливонии, и отсюда началась немецкая колонизация при помощи тевтонских миссионеров. Во второй половине XII в. августинский монах Мейнгард построил около города Юкскюль церковь, где появилась резиденция епископства и новый военный центр. Преемник Мейнгарда, епископ Бертольд цистерцианец,

был прелатом в духе Барбароссы: опоясанный мечом, он больше служил ему, чем кресту. В 1198 г., получив папскую буллу на крестовый поход, он появился в устье Двины во главе флота и армии. После целого ряда успехов и неудач, окончательную победу одержал только третий епископ, Альберт, происходивший из одной знатной бременской фамилии. Он основал Ригу и орден меченосцев. Организованные по образцу тамплиеров, меченосцы были в меньшей непосредственной зависимости от папы. Со своим гроссмейстером, жившим в Риге, капитулом, состоявшим из 5 главных начальников, и со всеми своими рыцарями, одинаково подчиненными власти епископа, новое братство образовало весьма централизованную организацию. Однако светский и монашеский элементы недолго жили в согласии; в завязавшейся скоро борьбе орден развил материальную и политическую стороны своей организации в ущерб своему духовному назначению. Это принесло ему гибель при встрече с другими соперниками.

Рядом с этими рыцарями в белых плащах с красным крестом в соседней Пруссии появились черные кресты рыцарей Германа Зальца. Это была ветвь ордена госпиталя святой Марии в Иерусалиме, преобразованных в 1191 г. папой в орден госпитальеров и обращенных в 1198 г. германскими князьями

в духовно-рыцарский орден. В 1225 г. герцог Мазовецкий и Куявецкий Конрад призвал этот орден себе на помощь, чтобы обратить в христианство язычников пруссов, и наделил его славянской землей. В следующем столетии святая Бригитта открыла злодеяния этих лжеапостолов, «сражающихся только для того, чтобы питать свою гордость и дать простор своим страстям». Гордость и алчность делали тесной для них их область, и соседняя Ливония казалась им желанной добычей. В 1236 г. неожиданный случай создал для осуществления их намерений благоприятные условия. Меченосцы были почти совершенно уничтожены в битве с ливонцами. Желанное для обоих орденов слияние было решено в Риме, и красные кресты исчезли.

Но и при этой новой комбинации все-таки пришлось поделиться с соседями. В 1238 г. Дания получила Ревель, Гаррьен и Вирланд. В 1242 г. после кровопролитного столкновения на Чудском озере с войсками Александра Невского черные кресты, распространившиеся уже вдоль Финского побережья, должны были отступить и оставить свои недавние приобретения. В конце XIII века орден должен был считаться с другим враждебным элементом: развившаяся к этому времени буржуазия выступила против рыцарей в защиту епископов. Но она была побеждена, и в по-

ловине XIV в. рыцари торжествовали еще более славную победу: под их исключительной властью объединились Ливония, Курляндия и Эстония. Дания сохранила права на свои старые приобретения только номинально и заставила признать их позже.

Однако торжество продолжалось недолго. В следующем веке на сцену выступила Польша. 1 сентября 1435 г. войска ордена и русско-литовские отряды Свидригайла нанесли друг другу полное поражение. Эта братоубийственная борьба была искусно вызвана Польшей. В то же время прусские черные кресты подверглись большой опасности 15 июля 1410 г. в достопамятной битве была утолена двухсотлетняя вражда, чтобы, возродившись потом, вечно существовать в другой форме. На этот раз более правильно разделенный германский мир и славянский выставили один перед другим лучших своих воинов. Это был великий день Грюнвальдского боя, когда цвет тевтонского рыцарства пал под напором польско-литовской армии Ягелло и Витольда. Могущество ордена рассыпалось в прах на кровавом поле этой эпической битвы.

Польша подвергала большому риску свою судьбу. Орден был готов заключить союз против нее даже со славянами, хотя от нее получил все, чем обладал. Он обращался с ней, как с наследственным вра-

гом и не останавливался ни перед какими средствами, чтобы погубить ее. Еще в предыдущем веке он уже работал над тем, чтобы склонить Швецию, Венгрию и Австрию принять план раздела Польши – первый план этого рода. Орден всеми силами старался воспрепятствовать слиянию Польши с Литвой и усвоил политику, которой потом держалась светская Пруссия. Он находил средство отплатить своему благодетелю союзом с Москвой.

Грюнвальдская битва на некоторое время ликвидировала эти счета. Принужденные в следующем году в Торне принять условия мира, по которому сокращались их прусские владения, рыцари почувствовали, что им и в Ливонии угрожает то же самое польско-литовское соглашение, которое они пытались разрушить, а союз с Москвой был лишь мечтой отдаленного будущего. А теперь нужно было оказать сопротивление усилению московского влияния в Ливонии. В 1483 г. было заключено перемирие между воюющими, но прежде чем истек срок его, русские начали строить у устья Наровы, на восточном берегу, Ивангород, свою Нарву, угрожающую тевтонской, расположенной на другой стороне.

В то же время орден переживал состояние разложения в своей внутренней организации, чему оказала большое содействие реформация, особенно по-

сле перехода на ее сторону Альберта Бранденбургского, бывшего гроссмейстером с 1510 г. В 1525 г., когда после одной неудачной войны Альберт признал над своим секуляризованным государством сюзеренитет Польши, Ливония на Вольмарском ландтаге обнаружила подобное же намерение. Но у главы ливонских рыцарей Вальтера Плеттенберга не хватило на это решимости. В то же время протестантство распространялось из городов с неудержимой силой, потрясая устои братства, проникая даже до епископских дворов и оставляя в стране только внешность католических установлений. Страна впала в анархию. Катастрофа была неизбежна. В 1554 г. преемник Плеттенберга Фюрстенберг заключил союз с Москвой. Но в 1557 г., несмотря на обнаруживаемое им презрение к Польше, он должен был явиться в Позвол к королю Сигизмунду-Августу и заключить с ним оборонительный и наступательный союз против Москвы. Тогда стало ясно, что Ливония сделается ареной, на которой соседи будут оспаривать друг у друга свои интересы. Ей уже больше нечего было спасать, даже чести.

II. Ливония XVI века

В немецкой литературе и в народной поэзии то-

го времени подготовлявшееся московское нашествие изображалось как Божие наказание. Страна в то время представляла действительно печальную картину. Орден приходил в полное разорение. Воинственный дух древних рыцарей исчез; его не заменили гражданские доблести. Обязательное безбрачие выродилось в разнузданный разврат. Женщины дурного поведения массами селились у замков; постоянные оргии и выставлявшаяся рыцарями на показ роскошь повергали народ в ужасную нищету. В своей «Космографии», опубликованной в 1550 г., Себастьян Мюнстер из этих пиров и вызываемой ими нищеты создал мрачную, отталкивающую картину. Тильман Бракель Антверпский, проповедник того времени, изобразил нравы высшего духовенства, окруженного наложницами и незаконными детьми.

Распущенность тогда была общим явлением во всей Европе. Но одной этой черты недостаточно для объяснения разложения всех местных установлений. Ему способствовали и другие причины. С XII в. Ливония представляла парадоксальное зрелище немецкой колонии, имеющей цель, по примеру греческих колоний на берегах Малой Азии и Сицилии, образование независимого государства без национальной основы. Местное население финского и литовского племени, подчиняясь иноземным гос-

подам, наложившим на него тяжелое ярмо, не имело с ними ничего общего – ни языка, ни нравов, ни религии. Обращенное насильно в католичество и принуждаемое затем к переходу в протестантство, оно оставалось индифферентным или враждебным. Здесь отсутствовали устои, опирающиеся на народные массы, и не было связи с метрополией – источником направляющей власти. Император сохранял только номинальную власть над орденом, как и папа над церковью. Централизация и единство отсутствовали. Шла постоянная борьба между светской и духовной властью за владения, границы которых были не определены и постоянно изменялись. Города обнаруживали общее стремление сбросить с себя власть этих соперничавших между собою сил. Везде антагонизм.

Против угрозы нашествия четырех государств – Польши, России, Швеции, Дании – у Ливонии не было никаких собственных средств. Как военная организация, Орден потерял всякое значение, а чтобы набрать армию со стороны, недоставало денег, да их и не могло быть там, где не было желания их платить. Не на что было надеяться и извне. Рассчитывали в момент опасности объявить себя частью Германии, но уже в течение двух веков Ливония из-за высокомерного партикуляризма требовала от Германии

признания своих прав и вольностей.

Польша предлагала и даже навязывала свою поддержку. Но происходившие в ней неурядицы и заботы об объединении с Литвой скорее вызывали страх, как перед враждебной силой, чем надежду на безопасность, как союзницы. В 1554 г. Густав I шведский хотел воспользоваться затруднительным положением Ивана во время восточных военных предприятий. Но союз, к которому он склонял Ливонию, Польшу и Литву, не осуществился, он остался один в борьбе с Москвой и должен был в 1557 г. согласиться на сорокалетнее перемирие. Таким образом несчастная Ливония осталась одна лицом к лицу с этим четвертым хищником, у которого не было недостатка ни в побуждениях, ни в предложениях к нападению.

Мотивы? В молчаливом соглашении части западноевропейских государств держать на западе двери, ведущие к могущественному северо-восточному соседу, прибалтийские провинции добровольно брали на себя роль сторожа. Знаменитое дело Ганса Шмитта свидетельствовало об их усердии в это время. В 1548 году Шмитт получил разрешение Карла V вербовать в Германии ремесленников и ученых на службу царю, но в Ливонии он был задержан вместе с набранными людьми и посажен в тюрьму, где его продержали до тех пор, пока все его спутники не разбе-

жались.

Другая причина: раз Новгород был включен в состав Московского государства, завоевание Ливонии сделалось необходимостью. Новые хозяева начали с того, что разрушили в Новгороде *немецкий двор*, но отнятая таким способом у ганзейцев торговля сейчас же перешла в ливонские города – Ригу, Нарву и другие центры. И теперь Москва подвергалась их эксплуатации. В этих враждебных городах иностранцам запрещалось учиться русскому языку, производить непосредственно торговые сделки с русскими и открывать русским кредит под страхом *денежного штрафа*.

Предлогом к войне послужило следующее: между ливонским городом Нейгаузенем и Псковом издавна существовала спорная область, над которой Москва добилась некоторого рода верховенства. Ливонские землевладельцы этой области должны были ежегодно московскому правительству подать в размере 10 фунтов меда с каждого. Когда пчелы начали исчезать вследствие истребления лесов, подать эта была заменена незначительной суммой денег, а потом и совсем забыта. В 1503 году Москва вспомнила об этом старинном доходе, соединяя восстановление этой подати с притязаниями на Дерпт, прежний русский Юрьев. В 1554 году, вскоре после покорения

Астрахани, Иван ко всему этому прибавил еще недавние обиды: нарушение границ и конфискацию церквей протестантскими фанатиками. В 1556 году, упрочив свое новое владение на востоке, он заговорил более решительно. Один из его предшественников уже отправил однажды ливонцам кнут в виде предостережения. Казалось, царский посол теперь вдохновился этим прецедентом. Подать в 10 фунтов меду или взамен его деньги превратилась в его устах в оброк, равный марке с каждой души населения. Недоимка же за прежнее время достигла крупных размеров.

Епископ дерптский думал было вывернуться из затруднительного положения путем дипломатической ловкости. Он обещал заплатить все, если одобрит германский император, которому ливонцы писали не трудно догадаться в каком духе. Посол Терпигорев сделал вид, что совершенно не понимает этой хитрости. «Какое отношение имеет император к этому делу? Будете платить деньги или нет?» Вместо денег ему вручили письмо для Ивана. – «Ого!» воскликнул он, пряча старательно документ в шелковую сумку, «этот теленок обещает стать большим и жирным», и, приказав угостить изумленных представителей города, он начал весело прыгать, вскакивая на столы. Испуганные представители города заявили, что нельзя в короткое время собрать требуемую крупную сумму

денег.

– Ладно! Ведь в кладовых ратуши есть 12 бочек серебра.

– Возможно, но ключи от них находятся не в наших руках. Одним владеет Рига, другим Ревель.

– Хорошо, хорошо! Если вы не хотите дать денег, царь сам придет за ними.

И царь готовился идти. Разве Макарий не сравнивал его с Александром Невским после взятия Казани? Эта лесть задела самую чувствительную струнку у Ивана, и он хотел оправдать данное ему название. Он пошел по тому пути, который был оставлен русскими в XIII веке из-за необходимости защищаться на востоке от татар. Но времена переменялись. Вместе с Польшей, Швецией и Данией в эту борьбу должна была теперь вмешаться вся Европа. Даже Испания, мечтавшая о всемирной монархии, стремясь завладеть и далеким Севером и Зундом, оспаривая у Дании союз с Марией Стюарт, претендовала на вмешательство.

III. Московское завоевание

В феврале 1567 года в Москве появилась ливонская депутация, снова просящая об отсрочке. Иван отказал им в приеме, поручил Адашеву отправить их

обратно и начал готовить карательную экспедицию. Это было просто и ужасно. В конце года армия, состоявшая в значительной части из татар, под командой бывшего казанского хана Шах-Али, напала на Ливонию и произвела там страшные опустошения. Тут было все: и женщины, изнасилованные до смерти, и дети, вырванные из чрева матерей, и сожженные жилища, и уничтоженные урожаи. Быть может, в местных летописях есть некоторое преувеличение. Но войны того времени везде были отвратительным варварством, и черемисы Шах-Али ни в чем не уступали более дисциплинированным разбойникам герцога Альбы. По словам одного летописца, они выбирали наиболее красивых пленниц и, насытив с ними свои похотливые желания, привязывали их к дереву и упражнялись в стрельбе по этим живым мишеням. Все это возможно, хотя присутствие в армии двух русских начальников – Михаила Васильевича Глинского и Даниила Романовича, брата царицы Анастасии, Захарьиной, должно было несколько сдерживать этих дикарей. Впрочем, здесь дело шло не столько о завоевании, сколько о *manu militari*. Как уже заявлял Терпигорев, русские пришли за деньгами, и террористические приемы оправдывались до некоторой степени.

Сопротивление не было почти никакого. На протяжении почти 200 верст завоеватели встречали толь-

ко слабые отряды, которые без труда были разбиваемы и обращаемы в бегство. Результаты этой кампании определились не сразу. Весьма вероятно, что Иван не остановился на определенном плане и шел наугад. В январе 1555 г. Шах-Али, собрав громадную добычу, согласился на перемирие, и новая депутация отправилась в Москву. Она везла с собой некоторую сумму денег и была принята. Посредничество московских купцов, заинтересованных в торговле с Дерптом, быть может, и деньги, данные кому следует, казалось, обещали депутации такие условия мира, на которые она раньше никак не могла рассчитывать. Иван согласился отказаться от взыскания контрибуции ввиду истощения края. Однако новая неожиданность расстроила переговоры; Нарва отказалась от перемирия и продолжала перестрелку с Ивангородом. В 1558 г. город сдался, но крепость продолжала оказывать сопротивление. 11 мая она была взята приступом. После этого Адашев, ведший переговоры, сразу изменил тон. До этого момента ставился в довольно неопределенных выражениях вопрос лишь об уплате дани дерптским епископом. Теперь же потребовали уплаты от всей Ливонии, вместе с признанием ею московского сюзеренитета на тех основаниях, на каких находились Казань и Астрахань. Гроссмейстер Фюрстенберг, епископы дерптский и рижский должны были от-

правиться в Москву и там выполнять обязанности новых вассалов. Наконец, Нарва и другие покоренные уже города просто присоединялись к московскому государству.

Эта манера идти этапами, последовательными скачками была традиционной чертой московской политики. Иван, вероятно, не думал, что эти условия будут приняты. Он пускался в авантюру. После экзекуции он устраивает завоевание. Война продолжалась. Несчастливая Ливония обнаруживала неспособность к защите. Только города на некоторое время задерживали нашествие. Отчаявшийся Фюрстенберг, успевший собрать только 8000 человек, предоставил командованию своему помощнику Готтгарду Кеттлеру, который не обнаружил предприимчивости. Крепости стали сдаваться: сначала Нейхаузен, потом Мариенбург. Малодушие и предательство обнаруживалось везде. Даже немецкие летописцы с этим согласны.

В июле был осажден 1558 г. Дерпт. Епископ и его приближенные торопились сдать город, чтобы получить кое-какие личные выгоды. В войнах XVI века эта капитуляция представляла исключительное явление, говорящее в пользу Москвы. Русский воевода князь Петр Иванович Шуйский дал жителям этого города полную амнистию, свободное исповедание их веры, сохранил прежнее городское управление и су-

дебную автономию, свободную, беспошлинную торговлю с Россией. Сначала эти условия соблюдались добросовестно. Шуйский держал свое войско в строгой дисциплине и не допускал насилий. Москва изменила тактику, изменив намерения. В Нарве после приступа был организован правильный грабеж, следы которого до сих пор хранятся в петербургской *Кунсткамере*. Хотя Ливония и не нашла денег для своей защиты, но она была все-таки богата. У одного горожанина Тизенгаузена нашли до 80 000 марок золотой монетой. Полагают, что даже могилы были разрыты. Правда, законы войны того времени допускали еще и не такие осквернения!

Но как только мешок наполнялся деньгами, победители смягчались и проявляли большую мудрость. Привилегии, которых добился Дерпт, были распространены и на Нарву. Тотчас же принялись за восстановление города, начали поощрять к занятиям окрестных земледельцев и даже помогать им.

По мнению Ивана, для побежденных делалось слишком много. Он утвердил договор, на который согласился Шуйский, с некоторыми ограничениями. Например, в муниципальный суд должен был войти представитель Москвы. Апелляции на решения суда рижской палатой передавались на рассмотрение воеводы или направлялись царю. Торговля с русскими

городами стеснялась введением пошлин на товары. От пошлин освобождались торговые сношения с Новгородом, Псковом, Ивангородом и Нарвой. Жители Дерпта получали права селиться в пределах Московского государства, где им заблагорассудится. По видимому, эти льготы казались соблазнительными, так как до наступления осени выразили покорность еще 20 городов.

Но до окончания войны было еще далеко. Ревель продолжал сопротивление. В сентябре, с приближением зимы, Шуйский, по обычаю русских военачальников, отступил. Кеттлер этим воспользовался и начал наступление. Собрал 10 000 человек, он взял приступом, стоившим ему 2 000 душ, Ринген. Затем подошел к Себежу и Пскову, где сжег пригороды. Крымские татары со своей стороны угрожали Ивану, и он, скрепя сердце, должен был в мае 1559 г. заключить с ливонцами перемирие. Но на следующий год, 2 августа, лишь только миновала опасность, Курбский настиг под стенами Феллина ливонскую знать, сплотившуюся для общего дела, и разбил ее одним ударом. Взятый Феллин выдал Курбскому Фюрстенберга, который уже отказался от власти в пользу Кеттлера. Вместе с другими знатными пленниками: *ланд-маршалом* Филиппом Шальфон-Беллем, его братом Вернером, *комтором* Гольдрингена Генрихом фон-

Галеном, судьей Баушенбурга; бывший гроссмейстер был отправлен в Москву. По свидетельству летописцев, с пленниками там обошлись слишком жестоко. Они были будто бы проведены по городу под ударами железных прутьев, затем подвергнуты пытке, убиты и выброшены на съедение хищными птицами. По отношению к Фюрстенбергу это чистейший вымысел. Он остался жив. В Ярославской области ему дана была земля. В 1575 г. в письме к своему брату он заявляет, что не имеет основания жаловаться на свою судьбу. Во время прибытия его в Москву там находились датские послы. Они удостоверили, что он встретил в Москве хороший прием. На обратном пути они об этом сообщили ревельскому магистрату, прибавив, что остальные пленники были казнены. Казни эти, с точки зрения Ивана, были вполне уместны и последовательны. Военные успехи в Ливонии воскрешали старые воспоминания, вызываемые чувством национальной гордости. Естественно, что царь начал смотреть на эту землю как на свою законную собственность, а на ее жителей как на подданных, возмущившихся против него, своего законного государя. Ответил же он датскому королю, предъявлявшему права на Эстонию, что 500 лет тому назад Ярослав приобрел более серьезные права, построив Юрьев и покрыв всю страну православными храмами. Для уста-

новления событий этой войны ливонские или немецкие источники не внушают к себе доверия, русские же, к сожалению, не достаточны. Даже в народной поэзии эти события не нашли отзвука. Взятие Казани, завоевание Сибири – все это действовало на воображение русского народа, склонного и к мистицизму и реализму одновременно; он ясно видел религиозные и экономические интересы, которые были тесно связаны с этими событиями. В ливонской резне, лишенной обаяния военных подвигов, народ ничего не понимал. Эти убийства были далеки и чужды его уму и сердцу.

Для Ивана же они были совершенно ясны.

Дело покорения Ливонии было уже на три четверти закончено. Будучи в состоянии поддерживать лишь защиту некоторых крепостей, унижаемые в Эстонии Кеттлер и его соратники обращались за помощью то к германскому императору, то к Дании, Швеции и Польше. Однако возможность вмешательства с их стороны оставалась весьма проблематичной.

IV. Вмешательство Европы

Впечатление, произведенное ливонскими событиями на все государства Западной Европы, было громадно. Внимательно следя за интригами Испании,

протестантские публицисты с самого начала войны были осведомлены относительно участия в событиях Филиппа II, вдвойне заинтересованного в этих распрях: во-первых, чтобы нанести удар протестантству, во-вторых, чтобы получить на берегах Балтийского моря опорный пункт. В этой игре, несомненно, был заинтересован и папа. Пришлось вмешаться и императору. Императором в это время был Фердинанд I, склонный к бюрократизму и обнаруживавший в политике пассивность. Он заставил присылать ему донесения, завязал переписку с Иваном, обменивался взглядами с польским, финским и шведским королями. Но к активным действиям не приступал.

С другой стороны, Иван умел обходиться с этим высоким авторитетом. Отношения Москвы с домом Габсбургов завязались в конце XIV века. Они поддерживались постоянными уступками Москвы. На этот раз Иван пошел дальше своих предшественников в самоунижении и приписывал несчастья Ливонии отступничеству ее от католицизма.

Приморские города и германские князья казались надежнейшей опорой для Ливонии: и те, и другие заявили о своем желании придти на помощь своим братьям, находящимся в крайности. На аугсбургском рейстаге в 1559 г. это расположение привело лишь к тому, что Ливония получила субсидию в 100 000 флори-

нов. Депутатское собрание в Спире обнаружило еще больше беспокойства. Оно объявило всю Германию под угрозой, а Мекленбург – находящимся в непосредственной опасности. Но результаты и здесь были не велики: субсидия в 400 000 флоринов, наложение запрещения на торговлю с Москвой и проект отправки в Москву чрезвычайного посольства. Сделанное одновременно с этим запрещение ливонцам поддерживать отношения с Польшей и другими соседними державами выдавало истинные заботы собрания. Ни одно из принятых им решений не было осуществлено. 26 ноября 1561 г. Фердинанд, наконец, проявил активность, опубликовав знаменитый манифест, запрещающий навигацию по Нарове. Этим была сделана попытка запретить ввоз в Москву западноевропейских товаров, особенно военных припасов. Однако Англия нашла другой путь и пользовалась им, хотя это и отрицалось лукавой Елизаветой, занявшей в 1558 г. престол после Марии Тюдор. Да и Ганза, вопреки более или менее искренним симпатиям к ливонцам, обнаружила склонность конкурировать с английской торговлей и использовать в своих интересах постигшую Ливонию катастрофу, избавлявшую ее от опасных соперников в лице Риги, Ревеля и Дерпта.

Несчастливая Ливония была покинута всеми. В отчаянии она усиленно стучалась в двери иностранцев,

доступ к которым усердно закрывали ее естественные защитники. В январе 1559 г. посланник ордена появился на польском сейме в Петрокове. Но сейм был занят внутренними делами страны, и ему пришлось обратиться к королю Сигизмунду-Августу. Представитель истощенной расы, ленивый гуляка, слабый и не заботящийся о завтрашнем дне, он все-таки имел в своих жилах кровь великих политиков Италии. Его мать Бона Сфорца вместе с культурой принесла в Краков дух интриг и жестокие инстинкты своей семьи. В вопросах внешней политики сын ее обнаруживал обыкновенно понимание интересов, поставленных на карту. Он выслушал посланника и через два месяца вступил в переговоры с Кеттлером и предложил свои услуги. Польша будет защищать Ливонию, несмотря на риск войти в конфликт с Москвой, но за это она получит Кокенгаузен, Юкскюль, Динабург и Ригу – ключи от горящего дома. Риск был действительно велик, но сын Боны Сфорца не мог повторить ошибку своего безумного отца Сигизмунда I, упустившего из рук отдавшуюся ему Пруссию и помогшего восстановить в интересах Бранденбургского дома рушившееся государство. Приобретение естественной границы на севере и побережья Балтийского моря стало для Польши вопросом жизни и смерти. Хотя представившийся теперь случай был менее бла-

гоприятен, но все-таки довольно заманчив.

Кеттлер некоторое время колебался. Сначала он отправился в Вену, пытаясь добиться лучших условий, затем появился на аугсбургском сейме, но возвратился в Вильну, в то время как король вел переговоры со своими упрямыми сенаторами. Логика фактов убедила всех. С 31 августа по 15 сентября 1559 г. было подписано два трактата. Польша обещала помощь против Ивана и сохранение в неприкосновенности религии и прав жителей. За это она получала около шестой части ливонской территории – полосу от Друи до Ашерадена. Что касается возможных территориальных захватов у Москвы, то Польша обещала вернуть их Ливонии по уплате последней вознаграждения в размере 700 000 флоринов. Сигизмунд не без оснований рассчитывал, что эта сумма никогда не будет уплачена. Что касается авторитета императора, то король утверждал, что он его уважает. Но с царем было недавно заключено перемирие? Сигизмунд вмешивался в дело, как законный государь спорных областей, и не нарушал принятых на себя обязательств.

Король не торопился приводить в исполнение эту сложную и довольно сомнительную программу. Эта бездеятельность не могла быть объяснена только нежеланием польской шляхты сделать то усилие, ко-

торого от нее ожидали. Игра была серьезная, и нужно было подготовиться к ней основательно. Ливония, хотя и просила помощи, но она этим еще не отдавалась в чужие руки. Храбрая, но не дисциплинированная польская армия могла оказаться ниже возложенных на нее задач. Получить Ригу было хорошо, но что делать с ней без морской силы, без военного и торгового флота? Сигизмунд мечтал о лиге, объединяющей под его руководством скандинавские государства и ганзейские города. Как осторожный политик, он думал приобрести те орудия, которых у него не было: регулярные войска, флот и гавани. Но ошибся и в расчетах времени и в надеждах, возлагавшихся им на своих предполагаемых союзников. У Ганзы были свои намерения. Скандинавские же государства сами мечтали получить то, чего добивалась Польша. Тотчас же после взятия Дерпта ревельская знать обратилась к шведскому королю. Умиравший Густав Ваза помнил унижение, виновницей которого была Ливония. Она бросила его и тем самым заставила заключить в 1557 г. мир, переговоры о котором вести непосредственно с ним московский царь отказался. Достаточно и воевод новгородских, чтобы вести переговоры с «ничтожным королем Стокгольма!» Этот обычай вести переговоры через посредников восходит еще ко времени новгородской вольности. На возра-

жения против этого способа вести переговоры, Иван ответил: «Что такое *Стекольна* (sic) и ее господин? Городишко, сделавший своим государем купеческого сына. Слишком много для него чести!»... Поэтому ливонские послы должны были дожидаться восшествия на престол сына Густава, честолюбивого и горячего Эрика XIV, принявшего их с большим вниманием. В мае 1561 г., несмотря на некоторую оппозицию со стороны Кеттлера, Ливония заключила новый трактат, по которому Ревела и территория Харриена, Вирланда и Иервена подчинялись Швеции. В Ревеле был польский гарнизон, но флот Эрика и немецкие наемники быстро с ним справились. 4 июня гарнизон капитулировал. Это было началом вековой борьбы, разорившей впоследствии Речь Посполитую и подготавлившей победу Москвы истощением сил обеих враждовавших сторон.

Дания в свою очередь выступила на сцену. В 1558 г. Король Христиан III, отправив в Москву посольство заключить мир и требовать возвращения Эстонии ее законному государю, одновременно начал переговоры с Эзельским епископом Иоганном Мюнгаузенем. Это было ответом на просьбы ливонцев о помощи. Христиан, однако, скоро умер, и с его преемником скоро удалось достигнуть соглашения. Фридрих II имел двадцатилетнего брата Магнуса, который должен был

получить в наследство Шлезвиг-Голштинию. По своему ли побуждению или же по совету брата, эзельского епископа Христофора Мюнгаузена, человека предприимчивого, король решил предложить Магнусу Ливонию в виде компенсации. Не имея на то никаких прав, Иоганн Мюнгаузен уступил епископство за 30 000 талеров. Королева Дании Доротея дала эту сумму, и в апреле 1560 г. Магнус высадился в Аренсбурге. Епископский доверенный передал ему замок, где с ним встретились некоторые ливонцы. В то же самое время Христофор Мюнгаузен самовольно назвал себя наместником короля Дании в Эстонии, Гаррии, Эзеле и пр. Предназначенный к фантастической карьере, законченный тип князей-авантюристов того времени, Магнус принял титул короля Ливонии.

Таким образом подготовлялась запутанная борьба, в которой будущее оспаривавшихся областей и шансы соперников оставались более 20 лет неопределенными. Сигизмунд-Август был принужден действовать скорее, чем подсказывала ему его политическая мудрость. В августе 1560 г. виленский воевода Николай Радзивилл Черный во главе польской армии появился в Риге. Он объявил подчинение всей Ливонии Польше и аннексию и секуляризацию областей по правому берегу Двины.

Кеттлер прослыл предателем между своими сооте-

чественниками, но в сущности он был только плохим игроком. Он искал союзника. Но никто не заключает союза с трупом, сказал один писатель, оправдывая Сигизмунда-Августа. С другой стороны, несчастный преемник Фюрстенберга истощил все средства для сопротивления и, насколько было возможно, отсрочил конец. Только в конце этого рокового года он уступил, когда явилась необходимость, из-за Польши, бороться вместо одного с тремя противниками. Признав, как глава тевтонского ордена, актом 21 ноября 1561 г. соединение Ливонии и Литвы и приняв вместе с наследственным титулом герцога в обладание Курляндию и некоторые другие соседние области, Кеттлер 5 марта 1562 г. передал Радзивиллу свой крест, мантию и ключи от Рижского замка.

В этот момент балтийские провинции представляли необыкновенное зрелище даже для той эпохи непрерывного территориального соперничества. Милан и Фландрия были превзойдены. Бледная копия первого герцога Пруссии, новый герцог Курляндский и семигальский, начинал управлять областью, лежавшей к югу от Двины. Польский король утверждал свое господство над северной частью прежних владений ордена и объявил свое верховенство над всей Ливонией. Подчиненная той же власти, но юридически оставаясь свободным имперским городом, Рига со-

храняла лишь видимость независимого города. Шведы удерживали за собой Ревель и Харриен. Эзель, Вик и Пильтен признавали Магнуса. Русские же, основавшись в дерптском епископстве, в Вирланде и на латышской границе, были склонны оспаривать обладание всей страной.

«Теперешняя Ливония, что девица, вокруг которой все танцуют», писал один современник. Одно явление, характерное для целой эпохи, отходило тогда в область преданий: заканчивался период крестовых походов и рыцарских орденов. В этот момент Европа соединилась с Москвой, чтобы, ликвидируя прошлое, положить основание нового политического порядка. Но этот новый порядок должен был еще только выйти из хаотической и титанической борьбы, перипетии которой я вкратце намечу.

Глава пятая

Борьба из-за господства над Балтийским морем

Швеция и Польша. Коалиции. Расстройство союзов. Магнус. Кандидатура Ивана на польский престол. Избрание Батория.

I. Швеция и Польша

Разрешен ли окончательно в настоящее время вопрос об обладании балтийскими провинциями? Утверждать это было очень смело. Возможно, что вопрос этот вновь станет если не причиной, то объектом новой борьбы, которая направит друг на друга силы еще более грозные, чем те, столкновение и бешенные схватки которых видел XVI век. Элементы вопроса изменились. Однако эти изменения не так значительны, чтобы действительность не узнала себя в тех воспоминаниях, которые я попытаюсь вызвать. Здесь главный интерес одной странички истории. Лицо Ивана отчетливо обрисуеться в некоторых эпизодах, на которые я попытаюсь бросить свет: в этом их единственная привлекательность. Для большей ясности я зара-

нее намечу фазы, различаемые в последовательном развитии событий, сложность и необыкновенная запутанность которых требует руководящей нити. Я заранее призываю к терпению моих читателей. Думая о будущем, быть может даже близком, они с удовольствием вернутся к поучительному прошлому и оценят пользу этого возврата.

Первая фаза борьбы заканчивается 1564 годом. Колеблясь между союзом с Польшей и договором со Швецией, Иван ведет осторожную политику с Данией и побеждает Польшу.

Вторая фаза соответствует времени от 1564 по 1568 г. Сигизмунд Август заключил союз с Фридрихом II, что вызвало сближение Москвы со шведами и сухопутное столкновение между шведами и датчанами. В Ливонии Ивану удастся занять преимущественное положение. Но все силы правительства, как и в Польше, были поглощены внутренними смутами. Борьба Ивана с боярами отвлекала его от ливонской войны. Это был *Период опричнины*. В 1568 г. наступает третья фаза. В этом году Эрик XIV был низложен с трона и на его место возведен шурина Сигизмунда-Августа, Иоанн III. Между Швецией и Данией заключается перемирие при посредничестве Польши. Видя угрозу новой коалиции, Иван старается привлечь на свою сторону Магнуса. Со смертью Сигиз-

мунда-Августа в 1572 г. наступает четвертый период войны. Польша на время была выведена из строя. Иван заявил свои притязания на наследие Ягеллонов. Наконец, с избранием на польский престол Батория наступает пятый период войны. Польша снова выступает на сцену и решает исход борьбы почти исключительно в своих интересах.

Несмотря на то, что борьба велась из-за немецких земель или, по крайней мере, из-за областей, подвергшихся германизации, сама Германия не принимает никакого участия в войне. Она занимала нейтральное положение, хотя время от времени и делала бессильные попытки вмешаться в спор. Она оставалась в стороне, ожидая своего часа. Она ничуть не отказывалась от своих прав и ничем не поступалась в своем честолюбии.

В 1514 г. Москва отняла у Польши Смоленск. С тех пор в течение полувека отношения между обоими государствами имели колеблющийся характер. Они то воевали, то мирились. Формально спор шел как будто только об одном Смоленске и прилегающей области, но в сущности дело касалось более крупных вопросов. Переговоры постоянно возобновлялись и оставляли после себя документальный след. Но Польша при этом уже требовала не только Смоленск, но и Новгород со Псковом, как старые владе-

ния литовского княжества. С другой стороны, Москва не ограничивалась этими городами и предъявляла требования на Киев и все русские земли, подпавшие под польское владычество. На этом переговоры обрывались. Польские или русские послы объявляли, что мирные сношения прекращаются, что правительство отзывает их обратно. Иногда они внезапно уезжали, но всякий раз охотно уступали просьбам вернуться обратно и соглашались на какую-нибудь временную уступку. Вопрос о владениях оставался открытым. К тому еще возник новый спор. Польша не хотела признать царского титула за Московским государем, а Иван прямо отказывался величать Сигизмунда-Августа королем. Наконец, чтобы выйти из затруднения, составляли договор в двух редакциях — на польском и на русском языках, и послы подписывали перемирие.

В эти затруднительные отношения между Польшей и Москвой ливонский вопрос внес новое осложнение. Впрочем, в 1560 г., в то время, когда по договору с магистром Кеттлером Польша собиралась решительно вмешаться в русско-ливонскую войну, Иван снаряжал в Варшаву чрезвычайного посла, который должен был сделать королю весьма миролюбивые предложения. Но произошло неожиданное событие, значение которого многими преувеличивалось, хотя

оно и повлияло на настроение государя, на его характер и до некоторой степени даже на самую его политику. Царь лишился супруги Анастасии. Мы видели, что молва создала из нее какого-то ангела-хранителя при Грозном. К сожалению, я вынужден был отнестись к этой легенде несколько скептически. Иван горячо любил ее, тихие семейные радости, которыми он наслаждался только с ней одной, сдерживали его жестокие и грубые порывы. Быть может, горе, вызванное утратой подруги, произвело на характер Ивана обратное действие. Ничего более точного сказать об этих отношениях нельзя. Но во всяком случае ни любовь, ни печаль Ивана не могли быть особенно глубокими: мы знаем, что первой заботой Ивана после смерти Анастасии было найти другую жену.

У Сигизмунда-Августа было две незамужних сестры. Поэтому главной целью посольства, снаряженного Иваном в Польшу в лице окольного Федора Ивановича Сукина, было добиться руки одной из них для московского государя. Король принял это предложение довольно нелюбезно. После долгих переговоров он разрешил послу тайком посмотреть в костеле обеих сестер. Случайно или же с намерением, младшая из сестер Екатерина обернулась лицом к Сукину. Это послужило прологом одной из печальных трагедий того времени. Сукин постарался расписать царю

прелести королевы в самых ярких красках. Помимо того, в глазах Ивана эта невеста имела особую привлекательность. Брат ее Сигизмунд-Август не оставлял по себе прямого наследника. Поэтому Екатерина являлась представительницей дома, на наследственных правах владевшего Литвой. С ее рукой царь получал право заявить притязания на свою вотчину – литовские земли. Своенравный и пылкий характер Ивана заставлял его все более и более увлекаться этим замыслом. В следующие годы эта идея является руководящим началом всей внешней политики Грозного.

Вполне естественно, что единственной целью Сигизмунда-Августа в этом сватовстве было затянуть дело под каким-нибудь предлогом. Затруднения создавались уже различием веры между царем и его невестой. Но самым серьезным препятствием к браку Ивана с Екатериной казался для Польши вопрос о наследственных правах на литовские земли. Брак этот угрожал целостности польского государства. Он мог погубить дело польско-литовского объединения, завершить которое так стремился последний из Ягеллонов. Кроме того, Екатерина чуть ли не была уже помолвлена за брата шведского короля Иоанна, герцога Финляндского. В 1562 году сватовство это заключилось браком, после чего сразу между Польшей и Московским государством возобновились враждебные дей-

ствия.

Опять началось то, что было раньше: среди военных действий шли мирные переговоры; мирные переговоры прерывались новыми вооруженными схватками. Иван писал Сигизмунду-Августу оскорбительные послания. Польский король мстил за них тем, что подстрекал крымского хана к набегу на русские земли. В феврале 1563 г. сам царь стал во главе многочисленного войска, среди которого везли гроб, в который, по словам Ивана, должен был лечь брат Екатерины или он сам. Этот поход увенчался крупной победой – в руках русских оказался Смоленск и Полоцк, центр крупнейшего польско-литовского воеводства, являвшийся вместе с тем важным пунктом торговли с Ригой. Превосходство русской артиллерии дало Ивану перевес. Теперь настойчивей, чем прежде, заговорил он о возвращении ему Киева. Он беспощадно, как и всегда, издевался над своим противником, который обращался за поддержкой к шведскому королю, называя его братом. Но в следующем году полякам удалось отплатить за свое поражение. Это произошло близ Орши на берегу Улы, на том месте, где уже два раза – в 1508 и 1514 г. – русское войско потерпело поражение. Здесь князь Николай Радзивилл Рыжий наголову разбил князя Петра Ивановича Шуйского.

Царь тотчас же забыл о своем презрении к швед-

скому королю и стал искать сближения с Эриком XIV. Еще при вступлении на престол этот король отправил в Москву чрезвычайное посольство. От русского же правительства он видел потом самое оскорбительное отношение. Но несмотря на это и не слушая своего советника Филиппа де Морнэ, указывавшего на преимущество союза с Польшей, он упорно следовал своей первоначальной политике. Одновременно с этим он старался расширить свои владения в Ливонии. В 1563 г. при содействии помощника рижского епископа Кристофа, добивавшегося руки сестры короля Елизаветы, Эрик XIV сделал в Ливонии крупное приобретение. Он получил города Вольмар, Венден, Кексгольм, Пернау и Падис. После поражения на Уле царь сделал ему неожиданное предложение. Эрик решил, что дело его выиграно. Сначала был возбужден вопрос о дележе ливонских земель между ними, но скоро шведскому королю пришлось уступить. Иван требовал себе львиную часть, предоставляя Эрику лишь Ревель, Пернау и Виттенштейн. Потом совершенно неожиданно он снова заговорил о польской королевно Екатерине. Теперь она была уже герцогиней финляндской. Но Иван когда-то надеялся обладать ею и теперь не хотел отказаться от своих притязаний. Ему нужна была почти вся Ливония и в придачу к ней злополучная Екатерина. Ивану

не было дела до того, что она была замужем. Он тоже был женат, но и это не служило препятствием: супруга была его подданная, раба. Впоследствии Иван старался оправдать свое покушение на свободу желанной женщины и на святость ее брачных уз и своего семейного очага. По его словам, он думал, что Иоанн уж умер. Он уверял, что у него и на уме не было жениться на Екатерине или сделать ее своей наложницей. Он просто хотел в ее лице иметь заложника... Он давал самые неправдоподобные объяснения своих действий. Но во всяком случае налицо оставался возмутительный факт: Иван без всякого стыда упорно заявил требование о выдаче ему этой новой Елены, из-за которой собирались воевать народы. Намерения его, конечно, были далеко не чистыми, это ясно. Бешеный деспот добивался женщины, но еще в большой степени предметом его властных желаний была его вотчина – Литва.

На первых порах король Эрик XIV проявил почти геройское мужество. Он не хотел ни выдать свою невестку, ни отказаться от Ливонии, и он заговаривал о союзе с Польшей, с императором, со всеми немецкими князьями для расправы с московским варваром. Но скоро действительность заставила его отказаться от этих намерений. Еще с 1561 г. между Польшей и Данией начались переговоры. Теперь они при-

шли к концу. 5 октября 1563 г. обе стороны подписали в Штетине условия оборонительного и наступательного союза. Потом последовало соглашение с Любеком, после чего к коалиции должен был присоединиться весь Ганзейский союз. Иван, со своей стороны, также начал переговоры с Данией и 7 августа 1562 г. в Можайске им был подписан договор, в силу которого оба государства обязывались совместно действовать против Польши и Швеции. При этом Иван признал права Дании на Эстонию, Эзель и Пильтен. Швеция осталась одинокой. Ей пришлось уступить. Быть может, она обнаружила излишнюю готовность идти на жертвы. Послы Эрика отправились в Дерпт и выразили согласие сноситься с московским правительством через наместника Новгорода и русской Ливонии Ивана Яковлевича Морозова. Они согласились почти на все те условия, которые Иван ставил еще раньше. Они отказались от Ливонии в его пользу, за исключением Ревеля, Пернау, Виттенштейна и Каркгуза, и по тайному договору они, по-видимому, обязывались выдать царю Екатерину. По крайней мере, впоследствии Иван неотступно требовал выполнения этого условия. Правда, достаточных свидетельств, могущих подтвердить существование этого договора у нас нет, хотя Эрик был противником того брачного союза, который делал его брата есте-

ственным сторонником Польши. И с другой стороны, в то время, когда совершалось бракосочетание герцога Иоанна с Екатериной, в Польше находились датские послы. Это свидетельствует о том, что дипломатические комбинации, поставившие Швецию в затруднительное положение, намечались еще тогда. Вероятно, тогда же был возбужден и вопрос о независимости Финляндии. Как бы то ни было, Эрик решил воспрепятствовать своему непокорному брату выполнить его тайные планы. После непродолжительной борьбы Иоанн был захвачен и заключен в замок Григсольм. Екатерина разделила участь своего мужа. Теперь король мог поступить с ней так, как требовал его грозный союзник.

Таковы ли были истинные намерения самого Эрика или его послы превысили полномочия? Этот вопрос еще ждет своего разрешения. Но в Стокгольме дерптский трактат не был удостоен утверждения. Начались новые переговоры, закончившиеся лишь временным перемирием. Эрик оказался лицом к лицу с Польшей и Данией, что заставило его волей-неволей стать союзником Ивана. Этот союз ставил его на скользкий путь, который должен был привести его рано или поздно к гибели. Таким образом, образовалось две коалиции. Что касается Магнуса, владения которого ограничивались теперь Эзелем, Даго

и некоторыми укреплениями, то он держался в стороне от борьбы и ждал удобного случая, чтобы занять в ней наиболее выгодное положение.

II. Коалиции

Сигизмунд-Август пытался даже привлечь на свою сторону Нидерланды. Однако он только вызвал неудовольствие их мерами, направленными к подрыву нарвской торговли. В Ливонии обе стороны действовали с переменным успехом. В 1565 г. поляки взяли Пернау, зато шведы опустошили Эзель. Впрочем, Швеция скоро подверглась двум ударам. В январе Фридрих II запер Зунд, чтобы изолировать ее от Европы. В ноябре же, по настоянию Августа Саксонского, император Максимилиан, игравший в этой войне роль Агамемнона, издал манифест, в котором осуждал шведов, как нарушителей мира и союзников варварской державы. Этот манифест парализовал успехи Эрика в Ливонии, партия его брата подняла голову. Но скоро на Максимилиана успели оказать влияние представители торговых германских домов, имевших сношения с Москвой. Особенно усердно хлопотал о том, чтобы мнение императора о Москве изменилось, уполномоченный по торговым делам герцога Баварского в Любеке Вейт Ценге. Разве Иван не гор-

дился своим немецким происхождением? Это была одна из его причуд. Вейт Ценге уверял даже, что в жилах Грозного течет баварская кровь, что московский государь горячо желал установить тесные сношения с императором и получить от него какой-нибудь знак отличия, что за эту честь он будто бы даже готов дать в его распоряжение 30 000 своей лучшей конницы для действий против турок и даже согласен уплатить большую сумму денег. Кроме того, он откажется от Ливонии и подчинит свою церковь власти римского папы. По словам Ценге, этому, столь желанному для всего христианского мира, сближению можно содействовать брачными союзами. У Ивана сын и дочь на возрасте, и в московских теремах скрываются такие сокровища, какие и не грезились немецким государям. Выдумки Ценге подвергались обсуждению на нескольких съездах германских князей, и все они оказали влияние на настроение империи и ее главы, и без того склонного к осторожному нейтралитету.

В 1566 г. Магнус, прижатый шведами, попытался сблизиться с Польшей. Его притязания были значительны: он требовал руки второй сестры Сигизмунда-Августа, а вместе с ней и Ливонию в качестве приданого. Последний из Ягеллонов пренебрежительно отнесся к этим предложениям. В 1567 г. он намерился нанести врагу решительный удар и двинул-

ся с войском в Ливонию. Ближайшей целью похода был Данциг. И раньше этот город был весьма слабо связан с Польшей и неохотно мирился со своим зависимым положением, в начале же войны он довольно ясно обнаружил тяготение к враждебной стороне. Агенты Данцига, жившие в Варшаве, поспешили успокоить своих земляков, что король страдает подагрой в правой руке и левой ноге. Они уверяли, что это ясно видно по самому вооружению Сигизмунда-Августа. Действительно, поход закончился плачевной неудачей. Сигизмунд-Август рассчитывал собрать под своими знаменами 200 000 поляков и 170 000 литовцев. Но в действительности ему удалось собрать какую-нибудь десятую часть этого количества. К счастью Сигизмунда-Августа, русские потерпели поражение от одного польского отряда в Руннафере, что заставило Ивана завязать мирные переговоры, так как он был занят внутренней смутой – в это время нарождалась *опричнина*. В Польше также желали мира: соединение Польши с Литвой еще ждало своего завершения, и королевское правительство приступало к пересмотру законодательства. Кроме того, отношение Польши к прусским городам носили натянутый характер. Ко всем этим затруднениям присоединялись еще внутренние неурядицы. Иван требовал себе Ревель и Ригу. Одновременно с этим он

начал полемическую переписку с литовскими вельможами, что менее всего могло способствовать мирному улаживанию конфликта.

Раньше князь Курбский сражался в Ливонии во главе царских войск и одерживал победы. Но в 1562 г. он потерпел поражение под Невелем. Быть может, эта неудача была подготовлена какими-то подозрительными сношениями его с Польшей. С тех пор бывший любимец Ивана впал уже наполовину в царскую немилость, что способствовало тому, что он восстал против деспотических замашек московского государя. Наконец в 1564 г. раздражительный и крутой боярин открыто восстал против Ивана и обнаружил это совершенно по-московски – бежал за пределы своего государства. Его бегство вызвало в Польше предположение, что опричнина создаст множество таких недовольных. Для поляков было соблазнительно завязать сношения с такими лицами. Иван вскоре узнал, что некоторые из его подданных получили письма от литовского гетмана Григория Хоткевича, некоторых литовских вельмож и даже от самого короля. В страхе и гнев Иван созвал собор в 1566 г., единодушно высказавшийся против каких бы то ни было уступок в Ливонии. Владельцы земель, расположенных по литовской границе, заявили Ивану, что они скорее умрут, чем уступят хоть одну пядь земли своему неприятелю.

лю. Утешенный и ободренный этим, царь принялся диктовать ответы на польские письма. Сигизмунд-Август в письме к князю Ивану Дмитриевичу Бельскому предлагал богатые земли в Литве. В своем ответе Сигизмунду-Августу князь Бельский называл его «*братом*», говорил ему, что вполне доволен своим положением и советовал ему уступить Литву московскому царю и, став подданным, подобно ему, Бельскому, лучшего из государей, сохранить за собой Польшу под верховным покровительством Ивана. Легко представить, что писал Иван в других ответах. Они могли бы служить образцом эрудиции, которой Иван так щеголял, сводя счеты со своими врагами. Он называл их то *Сеннахерибами*, то *Навуходоносорами*.

Счастье в это время возвращалось к Ивану. Эрик возобновлял попытки соглашения и готов был пойти на всякие уступки. Он хотел только, чтобы Иван не мешал ему свести счеты с Польшей. Если верить Дальману, исследовавшему подлинные дипломатические документы, Эрик даже обещал выдать Ивану Екатерину. Еще в 1556 г. король будто бы предлагал этот вопрос на обсуждение своего совета, но члены его отказались одобрить выдачу финляндской герцогини. Тогда король предписал своему посланнику Гилленстирну оказывать царю сопротивление в этом требовании. Король разрешал уступить в этом требовании

только лишь в том случае, если исключительно только от этого будет зависеть союз с Москвой. Есть основание доверять Дальману, так как трудно допустить, чтобы Гилленстирн превысил на этот раз свои полномочия. 16 февраля 1567 г. в Александровской слободе, где опричнина начинала уже свои кровавые оргии, шведский посол подписал союзный договор с Москвой. Все пункты этого договора были обусловлены выдачей Екатерины. Договор признавал все наличные владения Швеции и Москвы в Ливонии. На будущее время он разрешал обеим сторонам свободу новых приобретений. Однако Иван настоял, чтобы Рига принадлежала только ему одному. За это он обещал свое посредничество для примирения Швеции с Данией и Ганзейским союзом, а если это не удастся, то он окажет вооруженную поддержку. Все это зависело от выдачи герцогини. В случае же ее смерти весь договор терял силу, так как самая важная статья не могла быть выполнена Швецией.

Восхищение некоторых русских историков договором 16 февраля 1567 г. едва ли вполне основательно. Иван создавал для себя довольно выгодное положение. Удерживая за собой Ригу, он до некоторой степени уничтожал Ревель, принадлежавший шведам, и тем самым устранял предлог для Польши оспаривать Ливонию у Швеции и Москвы. Предполагаемая

поддержка ганзейских городов обещала русско-шведскому союзу значительное преимущество пред польско-датской коалицией. Но Иван не довольствовался выгодами этого положения. Он подчинял осуществление его трудно выполнимому и недостойному условию. Он добивался не просто женщины, ему нужна была наследница Ягеллонов, другими словами, часть Польского королевства. Иван стремился к этому, не считаясь с доводами здравого разума и действительностью. Дело касалось замужней женщины, которая вряд ли согласилась бы стать женой своего похитителя, даже овдовев. Но Иван упорно добивался своего. Это доказывает, что жестокая внутренняя смута не так уж тревожила его, как принято думать. В его голове идея принимала формы, свидетельствующие о некотором ослаблении его умственных способностей. Вероятно, в этом сказывалось также влияние самых темных инстинктов его природы, резко обнаружившихся в эту пору его царствования. У людей с сильным темпераментом опьянение часто вызывает как бы частичное помешательство. Иван был во власти опьянения уже несколько лет. Он был захвачен ожесточенной борьбой, привык постоянно злоупотреблять силой, был распален свирепыми казнями, совершавшимися чуть не ежедневно по его приказанию. Он был опьянен гневом, гордостью и кровью.

Но это не мешало ему идти своей дорогой, сознавать свою роль, интересы и обязанности, несмотря на припадки слабости и безумия.

Случайность помешала выполнению договора, заключенного в Александровской слободе. В мае 1567 г. в Упсалу прибыло московское посольство с требованием ратификации договора и выдачи Екатерины Ивану. Между прочим царь уже надумал просить руки одной из сестер Эрика для своего восемнадцатилетнего сына. Невесте было 16 лет, и молва превозносила ее красоту. В приданое за ней царь требовал Ревель. Это требование казалось чрезвычайным. К тому же московским послам пришлось найти в Швеции своего рода опричнину, ни чуть не уступавшую насилиями и безумствами московской. Эрик отчаянно боролся с аристократией, возмущенной его деспотизмом и не прощавшей ему его происхождения. В этой борьбе «коронованный купеческий сын», как называл его Иван, терял последнюю долю разума. Между тем в Гринсгольмском замке происходила ужасная драма. Бывший герцог финляндский некоторое время ожидал неизбежной смерти. Суд вынес ему в 1563 г. смертный приговор, и любимец короля Персон, впоследствии также обреченный на гибель, настаивал на выполнении казни. Уже в 1562 г. кровь лилась в Швеции, но в данном случае совесть меша-

ла Эрику лишить жизни брата. Желая удовлетворить требованиям Ивана, он потребовал разлучить Екатерину с супругом. Но наследница Ягеллонов обнаружила сильное мужество, она устояла как перед ужасными угрозами, так и перед самыми соблазнительными предложениями. Она показала посланникам короля кольцо, на котором были вырезаны слова: «Ничто, кроме смерти». Исчерпав безуспешно все средства для убеждения Екатерины и видя, что ему самому угрожает большая опасность, Эрик думал уже искать убежища в Московском государстве. Наконец, он решил, как признают и самые горячие защитники его, что совет Персона даст выход из затруднительного положения. Смерть Иоанна должна была устроить всё. Московские послы уже готовились получать свою добычу, когда рассудок Эрика окончательно изменил ему, он упал в темную бездну, вообразил себя самого пленником, вернул свободу Иоанну и умолял его о помиловании. Это болезненное состояние продолжалось до конца следующего года. Послы Ивана рассчитывали извлечь из него некоторые выгоды для себя. Но совет короля упорно стоял на своем, отказываясь выдать Екатерину. Сам Эрик в момент просветления не только отказал выдать за московского царевича какую-нибудь из своих сестер, но предложил ему руку некоей Виргинии Персдоттер, дочери од-

ной из своих многочисленных наложниц. Иван пришел в невыразимую ярость, но вмешательство Сигизмунда-Августа в сентябре 1567 г. изменило положение вещей в Швеции. Супруг Екатерины вступил на королевский трон. Эрик был заключен в тюрьму. Началась новая эра в истории все усложнявшегося конфликта, предметом которого была Ливония. Теперь главная роль должна была перейти к Магнусу.

III. Расстройство союзов. Магнус

Женатый на одной из представительниц дома Ягеллона, новый шведский король естественно являлся союзником Сигизмунда-Августа и орудием католической реакции против протестантства. Договор 1563 г., заключенный между Польшей и Данией, теперь фактически терял свою силу, так как Швеция переходила в противоположный лагерь. Король Иоанн был искусный полководец. Борьбой против Москвы, защитой Ревеля в 1570–1571 г., блестящей победой при Вендене в 1577 г. он положил основание военному могуществу своего государства, сохранявшего его более столетия, до злополучного дня Полтавской битвы. В ноябре 1568 г. были уже закончены в Рескильде условия мира Иоанна с Данией и Любеком. Но Иоанн не соглашался на те уступки, на которые пошли его уполномо-

ченные. Посредничество приняли император и польский король. Переговоры затянулись до 1570 г. Дело датчан было испорчено договором Магнуса с Москвой. С другой стороны, Сигизмунд вмешательством в переговоры и стремлением принудить Швецию к отказу от всех приобретений в Ливонии и к совместным действиям против Москвы еще более усложнил дело. Сам он заключил с Иваном перемирие на 3 года. При этом предоставил последнему право поддерживать Магнуса против шведов.

Вопрос о том, действовал ли Магнус в Ливонии в качестве представителя Дании, остается не выясненным. В то время о нем спорили много. Съезжались отдельные дипломаты и даже конгрессы. Спорили о *dominium maris baltici* и морских сношениях с Нарвой. Наконец, в феврале 1571 г. в Штеттине был подписан новый договор. Здесь выступала, наряду с обеими сторонами, почти вся Европа – Германская Империя, Франция, Испания, Англия, Шотландия и Ганзейские города. Последние не вполне были довольны договором. Но все государства выразили согласие на условия трактата, что, впрочем, не помешало ему оставаться только на бумаге.

Договор 1571 г. ставил Ивана лицом к лицу со шведами и поляками. Теперь они могли действовать против него совместными силами. Дания соглашалась

открыть для шведских судов Зунд и предлагала свое посредничество между царем и Магнусом. Швеция со своей стороны обязывалась не препятствовать морской торговле Дании с Нарвой. Но благодаря вмешательству польского короля, Иоанн в скором времени нарушил свои обещания. Император соглашался выкупить у Швеции занятые ею в Ливонии земли, но ни он, ни его преемники выкупа не производили. Ливония со своей стороны была далека от мысли признать над собой верховные права империи. Дания выходила победительницей из борьбы и сохранила за собой преобладание на Балтийском море. Но ключ к *dominium maris baltici* все же оставался в Ливонии, где преимущество оставалось за Москвой, благодаря помощи, оказываемой Ивану Магнусом.

Ни поляки, ни шведы не могли сокрушить могущества московского государства. Польский флот, о котором мечтал Сигизмунд-Август, так и остался мечтой. Он направил против Ивана немецких и фламандских корсаров. Иван со своей стороны пригласил себе других, и те под начальством знаменитого Керстена Роде угрожали даже Данцигу. Дания распорядилась схватить отважного пирата, но попытки ее утвердиться на Ливонском берегу не увенчались успехом. Иван отправил войско в Финляндию, где между русскими и шведами то летали ядра, то разъезжали посланни-

ки для переговоров. Уполномоченные шведского короля неизменно слышали требование Ивана о выполнении договора 1567 г. Шведские послы сначала были задержаны в Новгороде, потом их повезли из Москвы в Муром, а из Мурома в Клин. Они оказались в положении военнопленных. По их словам, их подвергали возмутительным насилиям. Московское правительство оправдывало свой образ действий тем, что шведы нарушили договор 1567 г. Наказывало оно, по его словам, шведских послов за то, что московские послы будто бы подверглись обидам по прибытии в Стокгольм. Шведских послов водили со связанными руками по улицам города при издевательствах толпы. Им грозили кнутом, если они не согласятся на все требования царя. Конечно, на первом месте снова стояла выдача Екатерины. Герцог Финляндский не умер. Он теперь был королем Швеции, а супруга его стала королевой. Но Иван делал вид, будто не знает этого. Это так себе болтают!

Царь боролся в это время со внутренними смутами, явившимися последствием его реформ. Вскоре его постигло ужасное несчастье. С 1563 по 1570 г. Иван напрасно старался предотвратить татарское нашествие, которым ему угрожала Польша. Безуспешно послы его, как Нагой и Ржевский, являлись к хану с миролюбивыми речами и великолепными подарками.

То же самое делала и Польша. Кроме того султан, раздраженный взятием Казани и Астрахани, был на стороне Сигизмунда-Августа. В 1569 г. Астрахани угрожало нашествие татар, соединившихся с турками. На одном из судов, прибывших с мусульманами, был Семен Мальцев, отправленный Иваном к Ногайским татарам и перехваченный казаками. В 1570 г., желая задобрить султана, Иван срыл крепость, недавно выстроенную на Тереке. Но султан потребовал возвращения Казани и Астрахани и признания Московского государства подвластным Порте. Переговоры с ним, конечно, были прерваны. В мае 1571 г. татары беспрепятственно перешли Оку и появились под Москвой. Иван последовал примеру предков: сперва скрылся в Серпухов, потом в Александровскую слободу и, наконец, переехал в Ростов. Оставленная на произвол Москва сделалась добычей огня и местом ужасного кровопролития. Свидетельства современников, конечно, преувеличивают число жертв, они говорят о 800 000 душ, погибших в пламени. Митрополит вместе с остальным духовенством ожидал смерти, запершись в Успенском соборе. Князь Иван Дмитриевич Бельский, которому была поручена оборона Москвы, задохся в погребе, где искал спасения. По своему обыкновению, татары отказались от приступа на Кремль и ушли, уведя с собой 150 000 пленных.

Цифра эта тоже, вероятно, преувеличена, хотя нужно помнить, что в таких случаях все окрестное население сбегалось в Москву.

Разорение было ужасно, но еще больше было унижение. Уходя, хан писал царю: «Я разграбил твою землю и сжег столицу за Казань и Астрахань. Ты не пришел защищать ее, а еще хвалишься, что ты московский государь! Была бы в тебе храбрость и стыд, ты бы не прятался. Я не хочу твоих богатств, я хочу вернуть Казань и Астрахань. Я видел дороги твоего государства»... Иван проглотил обиду. Как видно, он не в одном только бегстве следовал примеру своих предков. Ответ его хану был полон смирения. Он просил хана о перемирии и предлагал ему Астрахань. Но в письмах к Нагому, жившему в Крыму, царь придавал своей уступке двусмысленный характер. Он хотел, чтобы хан посадил в Астрахани одного из своих сыновей, а при нем был бы боярин царя, как в Касимове. Касимов был небольшим татарским ханством. Оно подчинялось верховенству Москвы и было почти поглощено ею. Мирные предложения Ивана подкреплялись обещанием денег. Иван даже готов был унизиться до уплаты ежегодной дани.

Начались переговоры. Хан ни о чем не хотел слышать, если ему не возвратят Казани и Астрахани. Так как сношения с Москвой затягивались, хан потре-

бывал от Ивана 2 000 рублей в счет будущей дани. Деньги ему нужны были, как он говорил, для покупки некоторых вещей и товаров по случаю семейных торжеств. Однако Иван уже успел принять кое-какие меры и спешно собирал войска. Ссылаясь на истощение казны из-за татарского набега, он послал хану «все, что оказалось» – 200 рублей! Магомет-Гирей понял, что царь старается лишь оттянуть время. В 1572 г. он опять двинулся через Оку, но на берегу Лопасни, в 50 верстах от Москвы, он столкнулся с войском князя Михаила Ивановича Воротынского. Хан отступил. Иван сразу изменил тон. Он отказывался от всех уступок, сделанных хану, и уже не унижался перед ним, а издевался над ним.

Жестокие смуты поддерживали в Иване постоянное возбуждение, с которым он уже не мог справиться. Он обвинял бояр в несчастьи, постигшем Москву, он готов был их заподозрить в сношениях с татарами. Один из бояр, Мстиславский, повинился в этом перед царем. Подозрения усилились, казни участились. Несчастливым шведским послам пришлось на себе испытать тяжесть царского гнева. В 1571 г. Иван двинулся на Новгород. Здесь он пожелал видеть шведских послов и поговорить с ними насчет Екатерины. Аудиенция происходила на улице. Иван сказал послам, что все было бы хорошо, если бы ему вовремя вы-

дали Екатерину. Брак герцога Иоанна с ней испортил все дело в Ливонии. Царь при этом уверял, что давно считал Екатерину вдовой, иначе ему бы не пришла мысль в голову разлучать жену с мужем, а мать с детьми. Но того, что было сделано, не поправишь, а ему нужна теперь вся Ливония, в противном случае война будет продолжаться. Когда царь вернулся из Новгорода, после пролития крови, он немного смягчился. Послы были приглашены к царскому столу и были совершенно неожиданно запрошены через уполномоченных Ивана о дочери Иоанна. О ней сказали, что она красива, и царь пожелал видеть ее портрет.

Это уж, наверное, царь заботился не о сыне. Несколько раз женатый после смерти Анастасии, Иван до конца своих дней был поглощен заботами о подыскании жены, что напоминает историю Генриха VIII или сказку о Синей Бороде. Донесение шведского посольства, составленное Паулем Юнстеном, изобилует любопытными подробностями. Выражая теперь свое расположение к Швеции, Иван прибег к своей излюбленной эпистолярной полемике и разошелся во всю ширь.

«Скажи нам, кто был твой отец и как звали твоего деда? Король ли он был? Какие государи тебе братья и союзники? Нам брат римский император и другие го-

судари. Можешь ли ты их назвать своими братьями?»?

Далее шли новые объяснения насчет Екатерины.

«Если бы было известно, что Иоанн жив, он, Иван, и не подумал бы отнимать ее у него. Он имел в виду возвратить ее брату ее, королю польскому, и получить от него Ливонию. К сожалению, благодаря этой лжи было пролито много крови и послам царя в Стокгольме чинили обиды, а это были важные особы, а не какие-нибудь мужики, вроде послов Иоанна». Иоанн отвечал. Он умел и любил писать ядовито, но это не смущало русского царя и он снова писал: «Совершенно верно, что ты мужичий сын...», и снова принимался за свой допрос: «Твой отец Густав, чей был сын?.. Разве не бывало в его царствование, что русские купцы придут в его страну с салом и воском, и он наденет рукавицы и пойдет до самого Выборга щупать товары и торговаться?.. И ты еще говоришь о королях, твоих предшественниках! Какие короли? Откуда ты их берешь? Не из своего ли чулана?»

Впрочем, царь объявлял, что он готов примириться с сыном торговца салом при условии, что он повинится и почтит, как полагается. Тогда он обойдется с ним по-родственному. В противном случае пусть он узнает, что случилось узнать крымскому хану от царских воевод: царю не пришлось даже меча обнажать, достаточно было бояр, чтобы справиться с ним. Пись-

ма летели одно за другим. Иван писал королю строгие приказы и угрожал ему решительными мерами. Наконец Иван объявил, что он не намерен больше продолжать спор на бумаге, вероятно, после какого-нибудь слишком острого ответа, так как он писал, что король лает на него, как пес. Царю не пригоже связываться с ругателем, писал Иван, если же король непременно хочет проявить себя в подобных спорах, то пусть он поищет какого-нибудь мужика вместо московского царя.

Письма эти, конечно, не внушали королю охоты продолжать переговоры и не подавали надежд на успех сношений. Кроме того, король знал, что Иван старается вступить в сношения с заключенным Эриком и заключить союз с Магнусом.

Соглашение явилось благодаря двум ливонским регентам – Таубе и Краузе. Один из них был советником дерптского епископа, а другой членом ливонского посольства, отправленного в Москву в 1557 г. Они перешли на сторону царя и стали орудием его политики. В 1568 г. они вспомнили о старой попытке сближения между Альбертом прусским и отцом Ивана. Они создали дипломатическую комбинацию, к которой тогдашний вассал Польши отнесся довольно благосклонно. Несмотря на неудачу, впоследствии оба они были награждены царем – один княжеским

титолом, а другой боярским званием.

Еще в 1567 г. Иван думал сделать правителем Ливонии кого-нибудь из бывших членов ордена. Кеттлер и Фюрстенберг отказывались. В 1570 г. ренегаты указывали на Магнуса.

В 1560 г. Магнуса прогнали из Ревеля. На следующий год брат его думал устроить помощником епископа в богатой гильдесгеймской епархии, но и отсюда его удалили, после чего он снова отправился в Ливонию, где на его глазах шведы и поляки делили между собой земли, о которых он сам мечтал. Он безуспешно пытался вступить в союз с той или другой стороной. Легко представить его радость, когда Таубе и Краузе предложили ни более, ни менее, как королевскую власть под верховенством московского царя. Магнус испросил для соблюдения формы согласие своего брата Фридриха II, уверяя его, что новое королевство останется в полной зависимости от Дании. Также для соблюдения формы старший брат сделал некоторые возражения, и дело было решено. Уполномоченные Магнуса привезли из Москвы неожиданные, великолепные условия. Ливонская корона должна была стать наследственной в роду нового короля. В том случае, если все мужское потомство его вымрет, она переходит к датскому королю. Москва отказывалась от всех своих завоеваний в Ливонии и обе-

щала Магнусу помощь для взятия Риги, Ревеля и других городов. Магнус за это должен был служить царю в военное время. В мае 1570 г. Магнус лично отправился в Москву в сопровождении свиты в 400 человек. Вместе с короной Магнус получил и руку племянницы Ивана Евфимии. В приданое за ней царь обещал 5 бочек золота. Ливония сохраняла свою веру и порядок, царь отказывался посылать туда русских должностных лиц.

Все это казалось сном. Вся Европа начала обнаруживать беспокойство. Тогда Фридрих поспешил сложить с себя всякую ответственность за происшедшее. По его словам, Магнус действовал без его ведома. Между тем агенты Фридриха старались изменить общественное мнение. Они говорили, что сам император виноват в том, что Ливонию захватывает кто хочет, и указывали на пример Альберта Прусского. Когда Магнус уведомил брата о принятии короны, тот письменно поздравил его. Первые же шаги нового короля оказались неудачными. С помощью наемного войска и при поддержке московских сил он попытался отнять у шведов Ревель. Осада длилась с 21 августа 1570 г. до 11 марта 1571 г. Магнус в конце концов должен был отступить, причем он сжег свой лагерь и распустил свои войска. Таубе и Крузе бежали в Дерпт, где вступили в сношение с поляками, подготавливая удачное на-

падение на русский гарнизон.

Карьера этих плутов довольно поучительна: после ряда интриг, измен и предательств они удостоились милостей самого Батория. Впоследствии Таубе был назначен в ливонский ландтаг, отказавшийся принять его в свою среду.

При осаде Ревеля Магнус напрасно ожидал помощи от датчан. Как раз в это время готовился штеттинский договор. После его заключения Сигизмунд-Август потребовал помощи от Дании против московского царя. 17 сентября 1571 г. он извещал манифестом о прекращении торговых сношений с Нарвой и о блокаде этого города, предоставляя большую свободу действий и средств своим корсарам. Казалось, что король осуществит, наконец, то, чего так долго от него ждали. Таубе и Крузе уже учитывали последствия этого выступления. Однако неожиданное событие обмануло их расчеты. Сигизмунд-Август простудился и скончался 7 июля 1572 года. Прекращение династии в Польше и установление избирательной монархии снова изменили условия борьбы и взаимоотношения участников.

IV. Кандидатура Ивана на польский престол

Как в Ливонии, так и в Польши Сигизмунд-Август

оставил запутанное наследство. Хотя его дипломатия делала большие успехи в сношениях с Кеттлером, скандинавскими государствами и ханом, но изнеженность самого короля, беспечность и дух анархии, царивший среди его подданных, парализовали эти успехи. В Польше не было реальной силы, которая могла бы сообщить им действительную цену. Хотя польско-литовская уния представляла сама по себе торжество над Москвой, но в Польше шла борьба католичества против протестантизма и других исповеданий. Такая религиозная политика вызвала реакцию православного населения и бросила его в объятия Москвы. Пропаганда утвердившихся уже в виленской епархии иезуитов только усиливала русофильское движение. В Ливонии она также вызывала осложнения. У Польши не было флота. Блокада Нарвы могла остаться фикцией, а между тем она портила отношения с соседними морскими государствами и даже с Данцигом. Успех борьбы с сухопутными военными силами Ивана был сомнителен из-за отсутствия регулярной армии. Поэтому после смерти Сигизмунда-Августа в Польше обнаружилось стремление обеспечить судьбу государства таким способом, который был бы прочнее условий самого выгодного мира. В Москву явился уполномоченный польско-литовской державы Воропай с извещением о смерти Сигизмунда-Августа

и сказал, что многие в Польше желали бы видеть русского царевича заместителем покойного короля.

Такое желание было далеко не единодушным и искренним. Выбор Федора являлся компромиссом. Некоторые весьма горячо поддерживали кандидатуру самого Ивана. Высшая аристократия в Польше и Литве не мирилась с этой кандидатурой. Она была не совместима с их олигархическими стремлениями. По некоторым сведениям, Радзивиллы даже составили заговор с целью отравить царского посла, прибывшего на сейм. Мелкое дворянство, конечно, не могло руководиться подобными соображениями, они, напротив, скорее заставляли остановиться на московском кандидате. Шляхта с энтузиазмом встретила мысль об избрании Ивана. О характере его, как свидетельствуют избирательные манифесты, издававшиеся тогда, она хорошо знала. Даже вопрос об опричнине обсуждался горячо. Это вполне естественно: у поляков был Курбский и другие беглецы из московского государства. Они могли обо всем осведомить. Иван представлялся суровым государем. Но ведь в Москве он имел дело с такими подданными, которые заслуживали такого отношения своими изменами. В Польше дело будет обстоять иначе, здесь народ обезоружит царя своей преданностью порядку, да и сам Иван смягчится под влиянием высшей культуры. В ли-

це московского царя Польша приобретет энергичного, твердого и отважного государя. Поляки были увлечены этой идеей. Поэтому, когда московские послы прибыли в Варшаву, то они увидели, что еще до решения вопроса здесь распространилась мода на все московское. В Литве настроение избирателей было менее единодушным. Там дворяне еще только недавно стали пользоваться привилегиями и вольностями, обеспеченными польским режимом, и боялись их потерять. Но и на них производила впечатление недавняя блестящая победа, одержанная Иваном под Полоцком. Они колебались: с одной стороны, боялись подчиниться Ивану, с другой же боялись навлечь на себя его гнев. В конце концов и литовская знать примирилась на кандидатуре Ивана, надеясь на его неудачу и видя в этом средство продолжить, как можно более, мир с Москвой. Во всяком случае Иван имел на своей стороне большинство. Мелкое дворянство, представителем которого был Воропай, обнаружило в этот критический момент много политического смысла и широту взгляда. Еще раньше это сословие одними своими усилиями содействовало реформе литовского строя, теперь оно надеялось завершить эту преобразовательную работу при помощи грозного, могучего государя. Оно мечтало о создании великой славянской державы, центр которой будет Польша, и на-

деялось, что эта держава выполнить те исторические задачи, которые были не под силу ни Польше, ни Москве в отдельности.

Идея подобной унии была далеко не нова. В 1506 г. после смерти Александра Ягеллона происходило нечто вроде выборов короля. Тогда отец Ивана, Василий, выступил претендентом на польский престол. Иван помнил об этом и теперь радушно принял Воропая. Ему казалось только непонятным, почему говорят о кандидатуре Федора. Избрание его на престол не прекратило бы соперничества между обоими государствами. Царь защищал свою собственную кандидатуру. «Я имею двух сыновей, – говорил он. – Они для меня как два глаза, зачем же вы хотите сделать меня кривым? В Польше и Литве я приобрел репутацию злого. Но с кем я зол?» Воропаю пришлось при этом выслушать подробнейший рассказ о боярской измене. Затем Иван говорил, что поляки, конечно, не будут ему изменять и он будет обходиться с ними иначе. Он сохранит все их права и привилегии и даже даст новые. Он зол только для злых, а для добрых согласен отдать свою одежду, – и при этом сделал такой жест, точно действительно собирался снять ее с себя. Если его и не изберут польским государем, то он все-таки готов заключить с Польшей мир и согласен уступить ей Полоцк, лишь бы за ним осталась

Ливония по Двину. Избрание же Федора ничему не послужит.

Польские и литовские олигархи знали Ивана слишком хорошо, поэтому они и поддерживали нелепое предложение об избрании на польский престол русского царевича. Но масса избирателей решительно давала предпочтение Ивану. Тогда аристократия отправила в Москву нового посла Михаила Гарабурда с предложением Ивану выбора между собственной кандидатурой и кандидатурой царевича. При этом он ставил условия, о которых Воропай ничего не говорил. Гарабурда требовал установления новых границ. К Польше должен был отойти не только Полоцк, но также Смоленск, Усвят и Озерище. А в Варшаве в это время уже открылся торг из-за престола. Посол Генриха Валуа готовился посрамить всех своих соперников.

Вдруг произошло некоторое недоразумение. Оно затянулось и стало препятствием для успеха московской кандидатуры. Иван не мог себе представить, что он должен хлопотать о голосах польских избирателей да еще платить за них. Очень нужна ему Польша! Ведь это ей нужен король по вкусу. Если Иван подходит, пусть Польша и действует, как должно. Пусть является к нему и бьет челом, как все те, которые являются к нему ежедневно просить какой-ни-

будь милости. Иван не стеснялся говорить Гарабурде, что он никогда не отступит от своего обычая. Свое нежелание поступать иначе он объяснял совершенно неубедительными соображениями. Он говорил, что для него не пример то, что император и король французский присылают подарки избирателям в Варшаву. В действительности в Европе нет государей, которые вели бы свой род от непрерывно царствовавшего дома в течение более 200 лет, кроме его, потомка римских кесарей и турецкого султана. Это все знают, и Ивану нет надобности выпрашивать себе милости подобно другим.

Однако самая идея избрания на польский престол нравилась Ивану. Некоторое время он, казалось, готов был уступить требованиям поляков и согласиться на избрание Федора. Но, наконец, царь снова вернулся к прежнему – по его словам, действительное объединение государств могло бы произойти только под его рукой. Он соглашался на удовлетворение обеих сторон уступками. Польша получит Полоцк и Курляндию, а России уступит Киев и откажется от Ливонии. Кроме того, Иван требовал, чтобы титул царя всея Руси он мог ставить впереди своего нового королевского титула.

Быть может, Иван требовал многого. Но возможно, что при своем тонком уме он отлично угадывал скры-

тую игру польских магнатов и он предвидел, что повлечет за собой вступление его на трон, которым торговала эта знать. Польские вельможи заботились только о своих привилегиях. Теперь они просто отвлекали царя, боясь возобновления враждебных действий с его стороны против королевства, пока оно оставалось без главы. Но как бы чувствовал себя Иван перед ними, если бы и достиг престола, уступив их надменным требованиям? Последние слова, с которыми он отпустил Гарабурду, ясно обнаруживали его заднюю мысль. Он сказал, что лучше бы было, если бы Польша взяла себе в короли сына императора. Французского принца выбирать ей не следует, потому что он будет скорее другом турецкого султана. По дороге Гарабурду догнал посол Ивана и предложил еще менее приемлемые условия. В Польше думали, что московский государь примет католическую веру при вступлении на престол, Иван же теперь заявил, что он будет короноваться только русским митрополитом, католические епископы никакого участия в церемонии принимать не будут. Кроме того он оставлял за собой право строить в Польше столько православных церквей, сколько пожелает, и на старости лет может уйти в монастырь.

Этим был подготовлен успех Генриха Валуа. Хотя по некоторым сведениям, кандидатура Ивана была

очень популярна еще накануне выборов. Мелкое дворянство крепко держалось за своего кандидата, и исход выборов зависел от него. Все дело было испорчено речами царского посла, который резко подчеркнул надменность и непримиримость Ивана. О Иване сложилось мнение, что это варвар, вполне заслуживающий дурной славы. Французский претендент воспользовался этим.

Поступил ли бы Иван лучше, если бы проявил больше податливости и, оставаясь московским царем, стал польским королем? Баторий сразу выказал много уступчивости; но он ведь не имел дела с боярами и ему не приходилось отстаивать в своем государстве усиливавшуюся самодержавную власть. В поведении Ивана сказалась эксцентричность, свойственная его темпераменту. Но образ действий главы причины и завоевателя Полоцка вполне понятен.

Как бы то ни было, а избрание Генриха Валуа было для Ивана чувствительным ударом. Царь намеренно преувеличивал характер и важность дружеских отношений его к султану. Его избрание смешивало шашки в той политической игре, где Ивану и без того было не легко разобраться. Скоро должны были возникнуть новые осложнения. Уже Иван III чувствовал себя обособленным, благодаря расторжению семейных уз, обеспечивавших союз с Польшей. Теперь Иван ис-

кал себе поддержки в сближении хотя бы с Испанией. Франция старалась ослабить Московское государство с помощью Дании. Она хотела установить свой протекторат над Ливонией и тем подорвать торговлю Нидерландов со всеми восточными рынками. Поэтому она выказывала готовность поддержать Фридриха II в его начинаниях, но здесь она не имела успеха и перенесла все свои планы в Стокгольм, женив одного из Валуа на шведской принцессе.

В оценке создавшегося положения и в попытках использовать его в своих интересах Иван обнаружил дальновзоркость и большие способности политика. С Польшей можно было не считаться. Новый король был занят своим упрочением на престоле. В Ливонии его полководец не имел и 200 лошадей и напрасно ждал ассигнования в 3000 флоринов. Осведомленный об всем, царь решил не терять времени. Первой его задачей было разгромить шведов в Эстонии, после чего можно было направить свое внимание и на поляков. Впрочем, пока войска двигались по спорной польско-русской границе, царь готов был начать переговоры с новым королем, но бегство Генриха Валуа расстроило все планы.

Нужно было все начинать сначала. Иван не мог оставаться равнодушным к новым выборам короля. По-видимому, поляки и литовцы также склонны были

возобновить переговоры с царем и снова начать игру, которая раз уже оказалась такой удачной. В Литве и русских областях, находившихся под владычеством Польши, движение в пользу Москвы все усиливалось. Этому много способствовала католическая пропаганда. Магнус в Ливонии старался делать все, что могло навести страх на Польшу. Но Иван выказал по отношению к этому авантюристу слишком мало царственного великодушия и щедрости. Правда, 12 апреля 1573 г. он выдал за него одну из своих племянниц, Марью Владимировну, сестру предназначавшейся раньше ему в жены, но умершей Евфимии. Отец Марии, двоюродный брат царя, недавно был казнен по приказанию Ивана. Свадьба была отпразднована торжественно. Иван сам управлял хором певчих, стоя на клиросе. Вместо регентской палочки он пользовался своим жезлом с железным наконечником, порой отбивая им такт по головам исполнителей. Петр Великий впоследствии таким же способом выражал свою царскую виртуозность. Но приданное в 5 бочек золота и прочее так и осталось только лишь обещанием. Магнусу пришлось удовлетвориться очень скромным уделом: Иван отдал ему городок Каркгуз. Он, очевидно, должен был еще выслужить и деньги, и корону, которой его соблазняли. Он и старался выслужить. Подкрепив немецкие войска отрядом татар, он оставил

сравнительно хорошо защищенные шведские владения и направил все свои усилия на польскую область, стараясь принудить к сдаче замок Салис и угрожая Пернау и Риге. Для польских и литовских вельмож это было лишь лишним доводом в пользу испытанной уже ими политики. Они старались подольше занять своего страшного соседа обещаниями короны, которую вовсе не намерены были ему вручить. Мелкое дворянство было настроено иначе, оно уже сложило даже пословицу: «*By byl Fiodor jak Jagiello-dobrze by pam bylo*». Донесения папского нунция Винцента Лаурео ясно изображает такое настроение. С ними совпадают и показания данцигских агентов, отличавшихся хорошей осведомленностью.

Иван недостаточно знал ту среду, в которой он должен был действовать, чтобы воспользоваться выгодным для него настроением. Он не понимал различия между нравами обоих государств. Он по-своему, как настоящей полуазиатский властелин, понимал свою популярность в Польше. Он думал, что те гонцы, которые являлись к нему, отдавали ему государство в полное его распоряжение. Вместо того чтобы послать в Варшаву своих уполномоченных, которые постарались бы обеспечить ему как можно больше голосов, он сам ждал послов из Варшавы. На предварительном сейме в Стезиге в 1575 г. все были удив-

лены прибытием от царя простого вестника, который ничего положительного не привез и ничего не обещал. Все надеялись, что на избирательном сейме в ноябре Иван проявит больше готовности идти навстречу нации. Сам архиепископ Уханский, являвшийся главой королевства в эпоху междуцарствия, был на стороне Ивана и даже посылал ему образцы грамот, которые тот должен был отправить важнейшим магнатам. Уханский не сомневался, что Иван объявит прежде всего о своем обращении в католицизм. Депутаты и сенаторы были в напряженном ожидании и рассылали гонцов по дорогам навстречу тому московскому посольству, которое, по их мнению, должно было привезти щедроты и выгодные предложения царя. Но их ожидало горькое разочарование. В решительный момент Иван ограничился только присылкой письма, составленного в самых высокомерных выражениях. В нем извещалось, что позже будет прислано посольство среднего ранга, как полагается для страны без государя.

Что же происходило в Москве? Упомянутое Иваном посольство было снаряжено в августе 1575 г. с Лукой Захарьевичем Новосильцевым во главе. Оно должно было явиться на сейм предложить и поддержать кандидатуру царевича Федора, обещая от имени царя почести и денежные награды вель-

можам. Однако по приказанию самого царя посольство было задержано по пути. Иван решил отправить одного из своих доверенных людей, Скобельцына, в Вену узнать, как отнесется император к соглашению московского царя относительно польско-литовского наследия. Дело в том, что условия, на которых предлагалась Ивану польская корона, казались ему не вполне удовлетворительными. Поэтому он делал вид, что идет навстречу польской и литовской знати; в действительности его занимал другой вопрос, вопрос, уже не раз возбуждавшийся и не в одной только Москве. Он касался раздела злополучного польско-литовского наследства. Одним из кандидатов на польский престол являлся и сын императора Эрнест. Царь готов был уступить ему Польшу, а себе получить Литву, сняв свою кандидатуру. Скобельцын вернулся в Москву ни с чем. В Вене были уверены, что победа Эрнеста в Польше уже вполне обеспечена. Но потом Иван узнал, что венский двор раскисался, что недостаточно приветливо принял Скобельцына и что императорское посольство уже едет в Москву. Поэтому Новосильцеву и приходилось ожидать по дороге в Польшу окончания переговоров между Веной и Москвой.

На этот раз Иван хотел распорядиться тем, на что не распространялась его самодержавная власть, и он

ошибся в своих расчетах. Сейм не хотел ждать. В сентябре 1575 г. турецкий султан со своей стороны высказался против кандидатуры Ивана. Он советовал избрать Батория и для подкрепления своей рекомендации двинул к Польше 120 000 татар. В Варшаве царила паника. 12 декабря Баторий был избран польским королем. На этих выборах он победил самого императора Максимилиана, получившего часть голосов, помимо Эрнеста.

Это разделение голосов подкрепляло до некоторой степени комбинацию, предложенную Вене Иваном. В январе 1576 г. начались новые переговоры в Можайске. Вена прислала сюда в качестве уполномоченных императора Кобенцля и принца фон-Бухау. Но переговоры не привели ни к чему. Максимилиан сам хотел опередить Батория в Польше. Он навязывал ей своего сына и требовал, чтобы царь поддержал эту кандидатуру. Кроме того он хотел, чтобы Иван вывел свои войска из Ливонии и заключил союз против турок. За это он обещал ему Константинополь и весь Восток.

Игра была кончена и проиграна.

V. Избрание Батория

Иван еще раз попытался начать игру, но на этот

раз без достаточной ловкости. Опричнина в тот момент уже вскружила ему голову. Он принялся писать отдельно польской и литовской знати. Одним он рекомендовал Эрнеста, угрожая жестокой мезтью, если они будут поддерживать ставленника султана – Батория. Другим он предлагал себя, то в качестве короля, то в качестве государя, который будет владеть Литвой, уже отделенной от Польши. Новосильцев, которому наконец было разрешено ехать дальше, укреплял Ивана в заблуждении. Хоткевич и Радзивилл объявили московскому послу, что они ни за что не хотят избрания *Обатуры* (sic) только лишь потому, что ничего не видели со стороны царя. Иван решил, что дело его еще не проиграно. Нунций Лаурео в апреле 1576 г. сообщал в Рим, что новые выборы, по-видимому, неизбежны благодаря разделению голосов и что при создавшихся условиях кандидатура Ивана имеет больше шансов на успех, чем кандидатура Эрнеста. Иван, как и Максимилиан, теряли драгоценное время. Император вел сношения с поляками, а царь послал в Вену князя Захара Ивановича Сугорского возобновить прерванные можайские переговоры. Пользуясь этим, *Обатура* спешил в Варшаву, чтобы там короноваться.

Иван не терял надежды расположить императора к общим действиям против «узурпатора». Но когда

с Максимилианом заговаривали о Польше, он неизменно вспоминал о Ливонии. После смерти императора, случившейся в том же году, его преемник Рудольф держался той же тактики. О законном избрании на польский престол теперь уже не приходилось мечтать. Царь опять вернулся к ливонской проблеме. Ему казалось, что разрешение ее теперь может совершиться более успешно. Баторий был уже королем, но ему, как и Генриху Валуа, было много дела в своем государстве. В Данциге вспыхнул мятеж. Этот город отказывался признать вновь избранного короля, что осложняло положение Батория. Удар, нанесенный Франции в Варшаве, ослаблял ее положение и в Стокгольме. К Ивану вернулись блестящие способности политика. Год назад, желая развязать себе руки в Польше, он заключил странное перемирие со Швецией. По его условиям, враждебные действия прекращались только в Финляндии и в Новгородской области. Иван осадил Пернау, важный стратегический пункт, предоставленный Сигизмундом-Августом его корсарам для стоянки. При осаде Иван потерял 7 000 человек, но город был взят. Затем были взяты Гельмен, Эрмес, Ружен, Пуркель. Теперь оставив поляков в стороне, Иван вернулся к своему старому плану, состоявшему в том, чтобы прежде всего справиться со шведами. Он двинулся в Эстонию.

Через несколько недель, весной 1576 г., Леаль, Лоде, Фикель, Гапсаль сдались без сопротивления. Эзель был опустошен. Падис сдался после месячной осады. Шведы безуспешно пытались взять его обратно.

Но скоро настал конец этим победам. В 1577 г. русские войска под начальством князя М. Ф. Мстиславского и Шереметьева подступили к Ревелю. После шестинедельной осады им пришлось отступить перед геройским сопротивлением шведов. Шереметьев был убит. Иван решил, что ему нечего упорствовать. Можно было в крайнем случае поделиться добычей с таким соперником, который ни за что не хотел уступить своей доли. Тотчас же собрав свои войска в Новгороде, он сам повел их в поход, но уже не возобновлял неудачной попытки взять Ревель, а напал на польскую Ливонию. Вся область, за исключением Риги, в несколько дней оказалась в руках завоевателя.

Торжество его было ужасно. Мстя за двойное позорение – под Ревелем и в Варшаве, – Иван дал волю своей ярости. В Леневардене он велел ослепить старика маршала Гаспара фон Мюнстера. Затем его били кнутами, отчего он и умер.¹⁷ Военачальники других городов подверглись четвертованию, были посажены на кол или изрублены топором. В Амерадене, с одного берега Двины на другой, в продолже-

¹⁷ Карамзин. История, IX, 465.

ние 4 часов можно было слышать крики 40 девушек, которых русские насиловали в саду.¹⁸ Новые подвиги Магнуса еще более вывели царя из себя. Иван готов был заподозрить своего союзника в тайном соглашении с Польшей. Это свидетельствовало о прозорливости Ивана, но «Король Ливонии еще не дошел до этого. Он только видел, что ливонцы, делая выбор между ним и царем, останавливались на меньшем зле». Пользуясь таким настроением, Магнус начал действовать самовластно. Он хотел создать себе положение настоящего короля. Без всяких приказаний царя он занял Кокенгаузен, Амераден, Ленверден, Роннебург и Вольмар, то же ожидало и Дерпт. Магнус стал настолько смелым, что даже потребовал от русских не беспокоить его «верноподданных». Он действовал точно во сне, но тем неприятней было его пробуждение. Иван направился к Кокенгаузену и там казнил 50 немцев из свиты «Короля». После этого он приказал Магнусу явиться к нему. Злополучный «король» попробовал было завязать с Иваном миролюбивые переговоры, но царь велел высечь его послов и вновь повторил свое приказание. На другой день Магнус был у ног Ивана. «Глупец! – воскликнул царь, – я тебя принял в свою семью, одел, обул, а ты восстал против меня!» После этого он приказал

¹⁸ Форстен. Балтийский вопрос, I, 697.

запереть Магнуса и продержал его в лачуге на соломе несколько дней. Оставив Амераден, где войска чинили насилия, он потащил его за собой в Венден. Город сдался. Гарнизон крепости взорвал себя. Иван приказал посадить на кол одного из знатных пленников, Георга Вике. Из Вендена Иван направился со своим пленником в Дерпт, готовившийся к печальной участи.

Но, вопреки ожиданиям, Иван помиловал город. Чувствуя себя полным победителем, он склонен был к мягкости. Был прощен и Магнус, ему даже было предоставлено несколько городков, он должен был заплатить царю 40 000 золотых флоринов, однако у него не было ничего. Скоро последний оплот его эфемерного королевства, Оберпален, оказался в руках шведов. Это было концом фантастической авантюры Магнуса. Он бежал в Пильтен и передался со всеми своими задвинскими владениями, принадлежавшими ему только номинально, Баторию, отказавшемуся однако заключить с ним какой-нибудь окончательный договор. До самой своей смерти – в 1583 г. – он жил в бедности. Порой ему помогали то брат его, курфюрст саксонский, то польский король. Несчастливая вдова его, о которой Фридрих II говорил, что ее можно сделать счастливой несколькими кусками сахара и яблоком, возвратилась в Москву и в царствование Федора умерла вместе со своей

дочкой в Троицком монастыре.

Иван скоро убедился, что он сделал большую ошибку. Он думал, что уже окончательно разделался с поляками и что теперь нужно только сговориться со шведами. Но следовало поступить наоборот. Первоначальный план Ивана был более верным. Баторий, вероятно, охотно согласился бы на мир: при его вступлении на трон образовался заговор, имевший целью вручить ему венгерскую корону. Для трансильванского воеводы Венгрия была дороже Ливонии. Но Иван своими нападениями заставил Батория забыть об этой соблазнительной перспективе, чего тот никак не мог простить; да к тому же в противном случае и положение его в Варшаве пошатнулось бы. Счастливый соперник должен был принять вызов, брошенный Москвой. Обеспечив себя со стороны Данцига покорением этого города, он решил бросить на весы судьбы свой меч, свой гений и свое счастье выскочки, добившегося короны.

В оправдание политики Ивана можно сказать, что ни в прошлом Польши, ни в деятельности ее нового главы ничто не предвещало того резкого перехода к наступлению, которое обрушилось на московское государство как буря в тот момент, когда Польша и Россия только начали оправляться от пережитого внутреннего кризиса. Влияние внутренней сму-

ты, без сомнения, было значительно и оказало свое влияние как на ход борьбы, клонившейся к концу, так и на ее развязку. Теперь нам еще нужно выяснить, что ослабило и обезоружило Ивана в пределах его собственного государства.

Часть третья Кризис

Глава первая Интеллектуальная и политическая эволюция

Конфликт идей и принципов. Опала Сильвестра и Адашева. Бегство Курбского.

I. Конфликт идей и принципов

После битвы при Монлери (1465 г.) епископ парижский, советники, духовенство явились к Людовику XI в Турнель и смиренно просили его предоставить управление делами государства *доброму совету*. В этом совете должны были заседать 6 горожан, 6 советников из парламента, 6 представителей университета. 16 лет спустя в 1481 г. граф дю-Перш был арестован по приказанию Людовика XI и заключен в самую тесную тюрьму, какая когда-либо существовала. Длина ее полтора шага. Такое наказание гра-

фа постигло за то, что он хотел покинуть Францию. Нечто подобное этой драме разыгралось и в Москве в период времени с 1551 до 1571 года, при несколько иных обстоятельствах, но во многом сходных с теми, какие были во Франции. Я уже отметил то идейное течение, которым сопровождалось начало личного правления Ивана. Ливонская война и вызванные ею дипломатические осложнения более подвинули Россию к Западной Европе, что усилило это течение. Уже при отце Ивана IV в Москве образовалась целая слободка, населенная иностранцами, призванными будто бы для охраны князя. Скоро поляки и литовцы, жившие здесь, слились с местным населением. Но спустя немного времени в Москву прибыли новые иностранцы: военнопленные победоносных войск Ивана и невольные переселенцы из городов и сел Ливонии. Им было отведено место на правом берегу Яузы, где они и впоследствии пользовались некоторой автономией и образовали очаг европейской культуры и дали людей, которым суждено было сыграть видную роль в истории русского государства. Мы познакомились с карьерой Таубе и Крузе. Другие выходцы Немецкой Слободы – ливонцы Клосс, Бекман и другие – заняли место в кругу приближенных царя и стали деятельными агентами его дипломатии.

Случайная высадка английских мореплавателей

в 1554 г. на крайнем севере московского государства положило начало новой эпохи проникновения сюда европейского влияния. Одновременно с этим Иван послал в Германию нарвского воеводу Михаила Матвеевича Лыкова, который должен был во время своего путешествия ко всему присматриваться и учиться. Даже поездки русских людей на Восток, предпринимавшиеся с благочестивыми целями, принимали теперь несколько иной характер. В 1560 г. из Москвы выехал купец Василий Поздняков. Ему было поручено передать денежную помощь патриарху александрийскому и архиепископу Синайской горы. Между прочим он должен был описать нравы тех стран, по которым ему придется ехать. Этот отчет Позднякова о путешествии под чужим именем перешел к потомству и приобрел исключительную известность.

XV век обогатил русскую литературу несколькими рассказами паломников к святым местам. Эти вещи по своему интересу, как говорит известный лингвист Срезневский, не уступают описаниям путевых впечатлений Васко де Гамы. Однако они оставались неизвестными для широкого круга читателей. Около двадцати лет по возвращении Позднякова в Москву его отчет был так же мало известен, как и другие. Но паломнику Трифону Коробейникову удалось привлечь к себе общее внимание. Рассказ о его путешествии

известен более чем в 200 списках. Он выдержал 40 последовательных изданий и до настоящего времени является одной из распространенных книг. Его можно найти и в летописях, и даже в сборниках житий святых. А между тем Поздняков и Коробейников описывают одно и то же. Рассказ второго был копией с первого. Хотя Коробейников посетил Константинополь два раза, в 1582 и в 1593 г., но до святых мест он ни разу не добрался. Подобное недоразумение обидно для памяти более достойного из двух путешественников. Главное внимание Позднякова было направлено на религию и на страдание христиан под игом мусульман. Но тот интерес и сочувствие, которые были вызваны его рассказом у читателей, вскрывают перед нами новую черту их любознательности. Общество начинало выходить из берлоги, в которой оно спало сряду пять веков, и стремилось на свежий воздух. То, что происходило там, вдали, его и тревожило, и манило к себе. Упомянутая мною история Ганса Шлитте имела в этом смысле особую, несколько загадочную сторону. Но этот вербовщик иностранных мастеров для царя весьма широко понимал свою миссию. Он мистифицировал и Карла V, и папу Юлия III, выдавая себя за московского посла, которому поручено вести переговоры о соединении церквей. Иван, вероятно, ничего и не подозревал об этом. Во вся-

ком случае, ганноверский авантюрист сумел воспользоваться покровительством императора и был весьма радушно принят в Риме. Вокруг его миссии содвигался шум, привлекая к нему внимание Германии и Италии и взволновавший Польшу. История Шлитте, без сомнения, представляет один из любопытных эпизодов в сближении России с Европой.

Шлитте потерпел неудачу даже в той части своей миссии, выполняя которую он никого не обманывал. Однако эта неудача имела последствия, оказавшиеся небесполезными. Иван, узнав, как обошлись ливонцы с его агентом, издал указ, распространявшийся на Новгород и его области и запрещающий продавать в Германию и Польшу военнопленных немцев. Они должны были отправляться на московские рынки. Одновременно с этим царь требовал, чтобы в Москву присылали всех пленников, знающих рудное дело или мастерство металлического производства.

В одном из своих донесений известный уже нам баварский агент Вейт Ценге в 1567 г. отмечал необыкновенную способность русских усваивать иноземную цивилизацию. После взятия Нарвы русские тотчас же завели сношения с Нидерландами и Францией. Как только им показывали какую-нибудь новинку, они тотчас же с легкостью перенимали ее. Иван не хотел, чтобы эта способность его подданных огра-

ничивалась только областью материальных благ. Начало книгопечатания у славян относится к 1491 г. Иван пожелал, чтобы Шлитте в числе мастеров доставил и книгопечатников. В 1550 г. он обратился с такой же просьбой к датскому королю, который спустя два года прислал ему печатника и вместе с тем миссионера Ганса Яна Миссенгейма, привезшего с собой протестантскую Библию и книги религиозно-полемического содержания. Миссенгейм не оставил никаких следов своей деятельности, но у него оказались ученики. В 1553 г. в Москве появляются два русских печатника, Иван Федоров и Петр Тимофеев. В 1556 г. в Новгороде живет литейщик букв Василий Никифоров. В 1564 г. было закончено печатание первого произведения русского типографского искусства. Это были Деяния Апостолов и Послания Апостола Павла. Это издание страдает многими орфографическими недостатками, но внешность его была прекрасна. К сожалению, работа московских печатников была прервана бунтом черни. Как известно, и Людовику XI пришлось защищать печатников, вызванных им из Страсбурга и обвиненных в колдовстве. Федоров и Никифоров бежали в Польшу. В 1568 г. у них нашелся подражатель Андроник Невежа, возобновивший их дело в Москве. Он напечатал Псалтирь. Второе издание этой книги появилось в 1578 г. в Александровской слободе.

Все это были книги церковные, но тогдашние читатели, даже на Западе, умели находить в них массу вещей, которые мы уже разучились отыскивать. Впрочем, наряду с перепиской Ивана с Курбским и рассказами о путешествиях, в эту эпоху на Руси зарождалась и чисто мирская литература, доходившая до попыток романического творчества.

Национальное русское творчество началось с переработки чужестранных литературных произведений. Старые мотивы были дополнены и приурочены в текущей современности. Такой переделке, между прочим, подверглось сказание о князе Волошском, Дракуле. Рассказ о том, как воевода велел прибить гвоздями шапки иностранных послов к их головам, относился теперь к Ивану. В своем знаменитом послании к царю Ивашка Пересветов упоминает о двух небольших книжках, переданных им государю. Одна из них остается неизвестной. Другая представляет нечто вроде романа полуполитического, полуисторического содержания. В ней приводятся речи воеводы Волошского, Петра, повторяющиеся и в послании Ивашки. Далее идет рассказ о тех казнях, которым подвергал султан Магомет несправедливых судей и ябедников. Все это, вероятно, имело своей целью оправдать режим Ивана.¹⁹

¹⁹ Рассказ этот воспроизведен в «Записках Казанского Университета»

Иностранное влияние, проникая всеми указанными путями в русское общество XVI века, вызывало реакцию в разных формах. Наиболее доступным для идейного воздействия был верхний слой общества – боярство, выдающимся представителем которого был Курбский. Здесь новые течения создавали такое же оппозиционное настроение, с каким Людовик XI боролся во Франции в XV в. Неся с собой жажду свободы и независимости, это умственное течение вело к конфликту с самодержавием, крепнувшем на почве старых традиций. Глава государства был не чужд умственной пищи, шедшей с Запада, но он старался использовать ее для своих практических целей. Он старался к преобразованию своего государства на новых, но наименее либеральных началах. Война ясно обнаружила недостатки финансовой, военной и административной организации его государства. Он видел, что ему не сравняться со своими западными соперниками. Когда же он хотел вооружить свое государство на европейский лад, ему препятствовали наследственные привилегии и родовые преимущества. Власть старого порядка чувствовалась даже на поле битвы, где она мешала успеху и вносила разлад в распоряжения Ивана.

Иван не был противником родового начала, на ко-

торое он сам опирался в своих правах и притязаниях. Но он склонен был иметь сотрудников незначительного происхождения, чтобы они ему служили и повиновались. Когда один из таких сотрудников попал в руки татар и просил Ивана выкупить его, тот, посылая ему 200 рублей, писал: «Раньше подобные тебе больше 50 рублей не стоили!» Высшее боярство, занесенное в списки служилых людей, не умело служить и повиноваться. Научиться же этому у других оно не имело ни малейшей склонности. Ливонская война требовала мобилизации всех наличных сил и постоянного содержания их в боевой готовности. Это неизбежно должно было привести к конфликту, в котором старая удельная Русь и государственный порядок должны были возобновить свою вековую борьбу в более современной форме. Старая Русь представляла соединение больших и малых княжеств. В основе их политического порядка лежал свободный договор между князем и его вольными слугами. Здесь не было принуждения, но не было ничего прочного, постоянного. Московское же государство представляло совершенную противоположность, его сковывал принцип централизации, все подданные, разделенные на группы, несли строго определенные обязанности. Тяглые люди, занятые земледелием и промыслами, давали доход государственной казне. Служилые люди несли во-

енные и административные обязанности, отдавая царю всю свою жизнь чуть ли не с детства до последнего издыхания. Одни из них были потомками когда-то свободных крестьян, другие – дружинников. Но и те, и другие теперь были послушными колесами правительственной машины. Воеводы, губернаторы, старосты выкачивали источники народного благосостояния. Служебный долг и дисциплина господствовали над всем, везде царил дух рабства и подавления свободы.

В XV веке дед Ивана Грозного разгромил два крупнейших рода – Рязполовских и Патрикеевых. Это только обострило оппозиционное настроение, очагом которого была келья Максима Грека.

Вражда двух религиозных и умственных течений того времени находилась в соответствии с враждой двух политических партий. Иосиф Волоцкий и его последователи являлись проводниками византийских взглядов на самодержавную власть государя. Защитники же старого свободно-договорного порядка находили поддержку в *заволжских старцах*. Как политический, так и оппозиционный лагери сходились в вопросе о разделении власти. Одни требовали для бояр права участия в совете царя, другие требовали для духовенства права представительства и защиты обвиняемых пред верховной властью.

Такие задачи стояли пред Иваном. Разрешая их, он опирался частью на исторические прецеденты, частью же действовал под влиянием личных склонностей и настроений. Во всяком случае, его нельзя назвать ни первым самодержцем, ни первым сторонником террора, еще с XV века ставшего обычным средством политики русских государей.

Иван IV был борцом самодержавной, централизованной государственной власти. Он наследовал эту власть от прошлого и старался сообщить ей новую силу. Можно ли его признать разочарованным идеалистом – каким он представлялся некоторым славянофилам, – поражающим своей рукой в порыве отчаяния то, что не поддавалось его преобразовательной деятельности? Принять такое мнение без оговорок невозможно.

В деятельности Ивана Грозного было много похожего на опьянение и даже на безумие. Нет ничего удивительного, что как личность, так и политика этого государя до сих пор встречали лишь отрицательную оценку. Все дело Грозного едва не было предано забвению. Но влияние его реформ чувствуется в России и до нашего времени. Оно сообщает политическому и социальному строю государства особый отпечаток, бросающийся в глаза постороннему наблюдателю.

Было бы несправедливостью признавать Ивана IV,

подобно Константину Аксакову, трагическим лицеде-ем, искавшим живописных поз и драматических по-ложений. Также невозможно согласиться и с мнени-ем Костомарова, клеймившего Ивана как самого низменного деспота, как нельзя признать правиль-ной и точку зрения Михайловского, считавшего Ива-на обыкновенным маньяком. Иван получил в наслед-ство от своих предшественников государство с архаи-ческим устройством. Но оно уже начинало преобразо-вываться, освобождаясь от некоторых начал старого удельного порядка, стараясь развить другие и приспособить к новым потребностям жизни. Духовными на-ставниками Ивана были Иосиф Волоцкий и Вассиан Топорков. Они внушили ему идею божественности его власти, которая не может быть ни разделена, ни огра-ничена, ни подчинена какому бы то ни было контро-лю. Многие Иван получил и от природы. Она дала ему деспотический, своенравный и раздражительный характер, пылкое, необузданное воображение и тон-кий, живой, пронизательный ум. Но ум его страдал неуравновешенностью, постоянно впадал в преувел-ичения и крайности. В его понимании и выполнении своей роли сказывались все эти свойства его нату-ры. Он ставил себя на недостижимую высоту, полага-я, что все должно ему повиноваться. Сталкиваясь с препятствиями, он ломал их так же, как его пред-

шественники. Но ему приходилось затрачивать больше сил, так как оказываемое ему сопротивление было более упорным. Благодаря своему темпераменту, он действовал более насильственно.

Иван не допускал никакого посягательства на свою волю даже в виде непрошеного совета. Как и другие московские государи, Иван правил самовластно, но он вносил больше эксцентричности и жестокости, что зависло от его характера и ума, склонного ко всему фантастическому. Однако Иван оставался последовательным. Он подчинял своих подданных суровым законам, нередко навязывал им такие задачи, от которых многие старались уклониться. Единственной задачей его было просветить своих подданных светом божественной истины. Против его власти восставали, но злоумышлявшие против него были слепыми безумцами. Его правление было деспотическое, но оно не было делом исключительно его личной воли. Силы, руководившие его политикой, были – милосердие Божие, милость Пресвятой Богородицы, молитвы всех святых и благословение прежних государей. Сам царь являлся лишь живым орудием всех этих высших начал. Какое же место должны были занять при нем бояре? Люди, дающие вероломные советы, эти предатели, псы, раскрывающие пасть свою на господина, должны были совершенно ступать-

ся. Царь, слушал того, кого хотел, награждал того, кого ему было угодно, и наказывал, когда считал нужным это сделать.

С человеком, так понимавшим свою власть и миссию, спор, очевидно, был невозможен, разделение власти немыслимо.

II. Опала Сильвестра и Адашева

Много спорили и спорят до настоящего времени о характере тех двух лиц, влиянию которых Иван как будто подчинялся некоторое время. В деятельности и во взглядах Сильвестра с Адашевым можно отметить немало противоречий. Сначала они колебались между двумя враждебными сторонами. Потом у них взяли верх те склонности, которые обуславливались их происхождением, идейными симпатиями и политическими связями. Они примкнули к оппозиционному лагерю, где пытались было составить свою особую избранную группу, в которой присваивали себе руководящую роль. Оба эти деятеля были предметом горячей защиты со стороны Курбского. Это устраняет сомнение в действительной политической роли Сильвестра и Адашева.

С 1551 г. главное совещательное учреждение государства, боярская дума, действовало не регулярно.

но, с перерывами. На первый план выступил личный совет царя. В Западной Европе можно было найти подобные учреждения. Таковы были *consistorium principis* или *consilium aulicum* в Германии, *commune consilium* норманнских королей в Англии, *consilium regium* во Франции. Адашев и Сильвестр вместе с Курбским, некоторыми боярами и представителями духовенства, принимали участие в этом совете. Курбский упоминает митрополита Макария и трех Морозовых – Михаила, Владимира и Льва. Другие документы указывают еще Дмитрия Курлятева и Семена Ростовского. До ливонской войны Сильвестр занимал в совете если и не исключительное положение, то во всяком случае довольно видное. Его чисто церковное направление, властный характер и мелочной педантизм вместе с качествами тонкого и ловкого царедворца сообщали ему известное обаяние в глазах молодого государя. Иван был очень религиозен и еще недостаточно уверен в себе. В 1553 г. началось охлаждение между воспитанником и его наставником. Иван тяжело заболел и позаботился назначить себе преемника. Наследование престола в порядке первородства установилось еще недавно. Поэтому он счел необходимым привести подданных к присяге своему малолетнему сыну Димитрию. Но тут заявил свои права на московский престол двоюродный брат

царя Владимир Андреевич. Иван был сильно разгневан, когда на его глазах большинство бояр примкнуло к Владимиру Андреевичу. Мотивом, которыми они руководились, вероятно, была привязанность к прошлому, к тому порядку, когда дяди имели преимущество перед племянниками в наследственных правах. Но еще большее значение тут имела оскорбленная гордость этой знати. Ей пришлось бы отныне служить родственникам молодого царевича. Царствование дитяти надолго обеспечивало господство олигархии. Но вопрос в том, кто станет у власти. Шуйские с Бельскими хотя и оспаривали друг у друга власть в правлении Елены, но они были потомками древних княжеских родов. Теперь наступала очередь простых выскочек. У самого ложа больного царя вельможи спорили и заявляли: «Не хотим целовать крест Захарьиным!» Владимир же и его мать не теряли времени. Они раздавали деньги своим сторонникам и обещали им разные милости. Захарьины, по-видимому, оробели и готовы были отказаться от своих прав.

Иван надеялся, что в этот критический момент Сильвестр и Адашев поддержат слабейшую сторону законного наследника. Но он ошибся. Только князь Владимир Воротынский да дьяк Иван Михайлович Висковатый энергично проявили свою преданность и им удалось привлечь к себе некоторых бояр. Силь-

вестр и Адашев не отказывались принести присягу царевичу, но они сохранили полнейший нейтралитет, не вмешиваясь в страстные споры, нарушавшие тишину в покоях больного Ивана. Отец царского любимца Федор Адашев прямо высказался в пользу Владимира. Весь день прошел в бурных спорах. На утро царь почувствовал себя лучше. Число сторонников Дмитрия сразу увеличилось. Обеспокоенный Владимир Андреевич прибежал во дворец и хотел было проникнуть в комнату царя, куда накануне не пожелал даже заглянуть. Преданные Ивану бояре задержали его на пороге. В защиту его раздался только один голос Сильвестра, связанного с ним старинной дружкой.

Иван выздоровел, но не забыл происшедшего. Желая выполнить данный во время болезни обет, он отправился в Кирилло-Белозерский монастырь. По словам Курбского, Максим Грек пытался воспрепятствовать выполнению этого намерения. Дело в том, что монахи этого монастыря были сторонниками Иосифа Волоцкого. Кроме того, по дороге Иван хотел заехать в Песношский монастырь на Яхроме, где жил один из выдающихся представителей того же направления – Вассиан Топорков, заточенный сюда боярами еще в 1542 г. Курбский рассказывает, что Максим Грек даже предсказал Ивану, что его сын умрет по дороге. Это пророчество сбылось. Быть мо-

жет, слабый ребенок не вынес суровой зимы или погиб от какой-нибудь случайности. Одно предание говорит, что он утонул. Как бы то ни было, но царь вернулся с трупом младенца. Он виделся с Топорковым и, по словам Курбского, обратился к нему за советом, как царствовать, чтобы держать своих вельмож в послушании, на что Топорков ответил: «Не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя». Трудно допустить, чтобы этот совет, граничащий с дерзостью, был дан в такой форме. Впрочем, этот эпизод воспроизводится в одном из писем Курбского, и Иван оставляет его без возражений. Можно думать, что в основе его лежит истина. Естественно, что после пережитых событий между Иваном и боярами должно было воцариться взаимное недоверие. Непокорные вельможи отказывались целовать крест Дмитрию и этим выражали свой протест против нового порядка вещей. Вступление на престол малолетнего царевича освящало собой ненавистный им государственный строй.

В следующие годы боярская оппозиция еще усилилась. Некоторые историки склонны были отрицать существование боярской оппозиции на том основании, что открытое сопротивление, с оружием в руках, не имело места здесь. Они, очевидно, смешивали Московское государство XVI в. с французской

монархией Людовика XI. Как известно, в тогдашнем русском обществе не существовало прочной организации социальных элементов, и борьба здесь имела совершенно особый характер: она не была коллективной и не могла силе противопоставить силу. Но там уже были такие, как Бельский, предлагавший помощь внешним врагам государства, надеясь при их поддержке вернуть свои прежние утраченные права, такие, как Мстиславский, показывавший татарам дорогу на Москву. Эти перебежчики и предатели были мятежниками.

Уже с 1554 г. эмиграционное движение русского боярства принимает угрожающие размеры. В июле был схвачен по дороге в Литву князь Никита Дмитриевич Ростовский. Выяснилось, что вся его семья с обширной родней – Лобановыми, Приимковыми – вступила в сношения с польским королем. С точки зрения старых удельно-княжеских нравов, в подобном образе действий не было ничего преступного. Князь Ростовский только воспользовался своим правом *отъезда*. По-видимому, старые понятия еще сохраняли силу, так как царь не решился применить к виновному слишком суровые меры, по настоянию многих влиятельных лиц Ростовский был просто послан в Белоозеро. Царь не особенно доволен был этим вмешательством. В числе заступников Ростовского был

и Сильвестр.

Возможно, что положение Сильвестра и Адашева с этого момента поколебалось. Когда началась война, Сильвестр и Адашев стали на сторону бояр, высказавшихся против этого предприятия Ивана. Московской знати хотелось избежать беспокойств, связанных с войной. Кроме того, она была недовольна отступлением московской политики от старых традиций. Впрочем, Адашев еще играл некоторую роль в дипломатии до июля 1560 г., когда был удален от двора и послан в почетную ссылку: его отправили в Ливонию в качестве третьего воеводы большого полка. Одновременно с этим Сильвестр добровольно удалился в Белоозерский монастырь. Излагая историю Грозного, Курбский путает события и даты. По его изображению, опала Сильвестра и Адашева совпала с болезнью и смертью царицы Анастасии. По его словам, оба царские любимца были обвинены в отравлении царицы. Но Анастасия заболела в ноябре 1559 г., а умерла 10 месяцев спустя, следовательно, уже после удаления Адашева и Сильвестра. Царица болела долго, что исключает мысль об отравлении. Если бы открылась их виновность в подобном преступлении, они понесли бы другое наказание. Правда, Сильвестр с Адашевым были привлечены к суду, но немилость никогда не постигает сразу. Иван не решился сразу

обрушить на бывших своих любимцев всю тяжесть гнева. Они отделались легко. Один был послан в более отдаленный Соловецкий монастырь, другой был на короткое время заключен в тюрьму после недолгого пребывания в Феллине, в Ливонии, куда был послан сперва воеводой, но не сумел вести себя с должной осторожностью. Очевидно, судьи отвергли обвинение в отравлении царицы. Быть может, этот вопрос вовсе и не обсуждался. Ведь суд того времени предъявлял не слишком большие требования по отношению к достаточности улик. В припадках ярости Иван сам впоследствии обвинял своих неверных друзей в том, что они разлучили его с его «юницей». Но и тогда Иван призывал Сильвестра на суд божественного Агнца, не желая, по его словам, вступать с ним в тяжбу здесь на земле. В самых обвинениях Ивана было слишком много противоречий. То он упрекал своих незнатных друзей за то, что они стараются возвысить своих клеветников из аристократии до одного уровня с царем, то, напротив, корил их за то, что они стараются унижить их до собственного уровня. Иногда он даже поносил их за то, что они содействовали его реформам, и при этом указывал на самые дорогие для него преобразования, как, например, на обращение вотчин в поместья. Очевидно, все эти упреки, встречающиеся и в переписке с Курбским, являются лишь поле-

мическим приемом, а в полемике Иван не заботился ни о точности выражений, ни о правде. Он всеми способами старался доказать, что в его правлении принимали участие посторонние руки, что уменьшало его ответственность за то, что происходило в его царствование. Для достижения этой цели Иван преувеличивал и извращал факты. Если верить ему, то Сильвестр и Адашев держали его под такой опекой, что даже устанавливали число часов, потребных для его сна! Он был как младенец, не имеющий своей воли. Этим Иван старался отразить упреки Курбского, жаловавшегося на непосильные труды, которые он несет. Кто же заставляет князя нести эти труды? Разве он сам не был вместе с попом и с «собакой Адашевым, поднятым из гноища» полновластным государем?

Ливонская война началась и продолжалась по воле Ивана, вопреки желаниям всей знати. По свидетельству Курбского, после взятия Казани «все разумные люди» советовали Ивану остаться на некоторое время в покоренном городе. Но царь принял совершенно иное решение. Сопоставляя эти факты, мы видим, как подчинялся Иван влиянию своих приближенных. Что касается Сильвестра, то его роль определяется указанием, которое мы находим в его письме к митрополиту Макарию. Царь дал поручение Сильвестру сделать характеристику кандидатов в игумены. Когда

он это сделал, царя не было в Москве, и дело оставалось без движения.

О того самого дня, когда Сильвестр и Адашев отказались выступить на защиту Димитрия, они потеряли расположение царицы Анастасии. Возможно, что преждевременная смерть молодой государыни оказала свое влияние на их судьбу. Быть может, падение их было вызвано какой-нибудь другой, неизвестной нам причиной. Этот период царствования Ивана остается довольно темным.

Последние годы жизни Сильвестра покрыты неизвестностью. Через два года после заключения в тюрьму Адашев умер. Курбский рассказывает, что одну польскую вдову заподозрили в преступных сношениях с Адашевым. Она была предана смерти вместе с пятью своими сыновьями. Были казнены также брат Адашева Даниил вместе со своим сыном и тестем Туровым, трое братьев Сатиных, сестра которых была замужем за Алексеем Адашевым. Иван начинал проводить свою систему массовых казней и истреблял своих врагов целыми семьями. Жестокость была свойственна той эпохе даже на Западе, но в казнях Ивана сказывался его темперамент и причуды полуазиатского деспота. Курбский упоминает о князе Михаиле Репнине, который однажды был приглашен в царский дворец на пир и отказался разделять общее

веселье, сорвав с себя и растоптав ногами надетую на него маску. Через несколько дней после этого князь был убит по приказанию Ивана в церкви во время чтения Евангелия. Такая же участь постигла и Юрия Кашина. Не отрицая этих фактов, Иван утверждал, что никогда не осквернял храмов Божьих. В ту же пору, по словам Гуаньино, погиб еще один член аристократического рода, молодой князь Дмитрий Оболенский-Овчинин, который повздорил с новым любимцем царя, Федором Басмановым, и сказал ему: «Предки мои и я всегда служили государю достойным образом, а ты служишь ему содомией». Показания итальянца об этом случае расходятся со свидетельством Курбского.

Опала Сильвестра и Адашева распространилась и на их друзей, между прочим на князя Дмитрия Курлятева и других менее знатных представителей той же группы, их казнили и целыми десятками отправляли в ссылку. В числе их Курбским упоминается и князь Михаил Воротынский, сосланный в 1550 г. в Белоозеро. В 1564 г. он был вызван оттуда, но вскоре снова был отправлен на прежнее место. По словам Курбского, этот вельможа, прославившийся во многих битвах, был подвергнут пытке при допросе. Его жгли на медленном огне. Сам царь подгребал своим посохом к его телу горящие угли. После этого Воротынский

будто бы умер по дороге в Белоозеро. В наших руках находятся официальные документы, из которых видно, что этот заточник жил в довольно комфортабельной обстановке. Он жалуется, что ему не присылают рейнских и французских вин, полагающихся ему по праву. Требует себе различных припасов: свежей рыбы, изюму, лимон, черносливу. Это нужно ему для него самого, его семьи и двенадцати слуг, содержащихся, как и он, на государственный счет. Как видим, заточение Воротынского мало напоминало адские муки. Правительство Ивана с подобными людьми обходилось слишком гуманно. Трудно допустить, чтобы до ссылки их подвергали таким страшным мучениям.

В документах, относящихся к многочисленным процессам, связанным с делом Сильвестра и Адашева, нигде не упоминается ни о пытках, ни о казнях. Главным мотивом обвинения чаще являются попытки к «отъезду». Но дело обыкновенно оканчивалось предупредительными мерами. Обвиняемый обязывался не покидать государства и представить поручителей. Так было, например, с князем Василием Михайловичем Глинским в 1561 г., в следующем году с Иваном Дмитриевичем Бельским, представившем письменное поручительство 29 знатных лиц, за которых ручались в свою очередь 120 других лиц.

В разбирательстве подобных дел заключалось скрытое признание старинного права, на которое могли сослаться обвиняемые. В принципе это право оставалось как бы не нарушенным, хотя в действительности оно уже утратило свой смысл, но оно все еще продолжало существовать, являясь аналогией той свободы, которую еще сохраняли вечно переходившие с одного места на другое крестьяне. С XV века стало развиваться широкое эмиграционное движение, увлекавшее все классы общества. Совершалось оно из Московского государства в Польшу и обратно.

При дворе Ивана было много потомков Гедимины, при варшавском же дворе находился целый легион Рюриковичей. Женою князя Ольгерда была тверская княжна, поэтому множество польских родов, происходивших от этого литовского князя, было связано узами родства с известными русскими домами. Предки князей Одоевских, Бельских, Воротынских делились между обоими государствами. Одни из них служили Казимиру, другие – Ивану III. Мстиславские выехали из Литвы только в 1526 г. Там на их место водворились Чарторижские, один из родственников которых был некогда наместником псковским. В 1521 г. в Литву бежал последний рязанский князь. За ним последовали представители знатнейших московских родов – Бельский, Ляцкий, Вишневецкий, Шереметьев.

Это движение непрерывно продолжалось, и Грозный некоторое время колебался принять против него решительные меры. Иван Дмитриевич Бельский был отпущен на поруки, но скоро снова повторил попытку бежать. Царь простил его и на этот раз. В 1464 г. Иван Васильевич Шереметьев пытался сделать то же самое. Курбский говорит, что его за это подвергли пытке и заковали в железо, а его брат Никита был задушен по повелению Ивана. О Никите мы ничего не знаем, а что касается Ивана Васильевича, то некоторое время спустя он снова исполнял свои служебные обязанности. Только много лет спустя он был действительно сослан в Белоозеро, где, по-видимому, устроился довольно комфортабельно.

Все эти подробности необходимы для того, чтобы понять эпизод, тождественный с вышеприведенными случаями, но имеющий большую важность, потому что героем его явился недюжинный человек.

III. Бегство Курбского

Родившийся в 1528 г., князь Андрей Михайлович Курбский происходил от старых смоленских и ярославских князей, вел свою родословную от Владимира Мономаха и принадлежал к старшей ветви Рюриковичей. Опала друзей Курбского, Сильвестра и Ада-

шева, отразилась и на его судьбе. После поражения при Невеле, неудачных и даже несколько подзрительных сношений со шведами по поводу уступки Гельмета, отношение к нему заставило Курбского подумать об отъезде из пределов Московского государства. В 1564 г. он решился на такой шаг, уверяя, как и другие, что сделал это под угрозой неминуемой беды. Оставаясь во власти Ивана, он рисковал своей головой. Польский король принял знатного перебежчика радушно. Он занял в Польше видное положение, вполне соответствовавшее его происхождению. Курбский, находясь на службе у своего нового государя, решился поднять оружие против своей родины. Он прожил в Польше 19 лет, но не приобрел ничего расположения. О нем сложились легенды. Всем известен рассказ о Василии Шибанове, привезшем будто бы царю первое письмо князя.

Быть может, некоторые даже видели картину, изображающую Ивана, который принимает гонца: царь слушает чтение письма, опершись на свой посох, наконечником которого он пригвоздил к полу ногу Шибанова. В Москве есть книгопродавец, носящий это имя, прославленное легендой. Он и теперь еще печатает на своих изданиях оттиск с этой картины. Но, к сожалению, в исторических фактах она не находит никакого подтверждения. Курбский бежал в Польшу без Ши-

банова. Шибанов вместе с другими слугами бежавшего князя был схвачен и подвергнут пытке. На эшафоте он выказал преданность своему господину и геройское мужество, он не только не отрекся от него, а даже выступил на его защиту. Письма Курбского доставлялись, вероятно, иным способом. Трудно было бы найти гонцов, которые рискнули бы передать письмо царю. Эти послания, как и ответы царя, предназначались для широкой гласности. Одно из писем царя включает в себе 60 страниц. Ради одного Курбского царь не стал бы тратить столько энергии. Этот публичный характер переписки Ивана с Курбским возвышает ее над уровнем банальности и составляет главный ее интерес, не теряющий силы и до настоящего времени.

В Польше, приютившей князя, у него было достаточно досуга. Он и пользовался им для того, чтобы написать упомянутую уже историю Ивана. Сочинение это представляет сплошной обвинительный акт против личного управления Грозного и панегирик совету царя. Курбский с определенным расчетом делит все царствование Ивана на две части. Первый, блестящий, период простирается до опалы Сильвестра, Адашева и Курбского, после чего начинается второй – пора несчастий, преступлений и бесславия. Для своих целей Курбский прибегает к вымыслам. В пере-

числении злодейств Ивана можно отметить немало ошибок. Впрочем, некоторую часть обвинений признавал молчаливо или открыто и сам Иван. Некоторые же подтверждаются свидетельством других документов. Курбский пробовал свои силы даже в области церковной истории. Направление этих попыток было несколько неожиданным, если принять во внимание прошлое русского вельможи. На родине он был связан узами дружбы не только с Максимом Греком, но и с тем самым Артемием, который был уличен в ереси на соборе в 1531 г. В Польше Курбский стал лицом к лицу с католической пропагандой, угрожавшей его единоверцам. Это сделало его самым непримиримым и мрачным сторонником православия.

Одновременно с религиозным настроением в Курбском проявилось национальное чувство. Один польский поэт в своих стихах сравнивает родину со здоровьем: ее начинаешь ценить только тогда, когда утраешь. Раз Курбский послал князю Острожскому славянский перевод одной речи Ивана Златоуста. Каково же было его негодование, когда этот магнат, будучи православным, несмотря на подданство королю, перевел эту речь на «варварски» польский язык! Курбский вступил в ожесточенную полемику с литовскими сторонниками Федора Косого и других русских ересиархов, бывших когда-то его друзьями. Он боролся

и с иезуитами, называя их волками, которых пускают в овчарню, и не хотел примириться с ними даже тогда, когда они выступали против протестантов. Чтобы лучше бороться с «волками», он, хоть и поздно, принялся изучать латынь. По его настоянию один из его товарищей по изгнанию молодой князь Оболенский оставил жену и детей и уехал учиться сначала в Краков, а потом в Италию. До нас дошли некоторые плоды многообразной деятельности Курбского – переводы отрывков из творений Ивана Златоуста и Евсевия, а также предисловие к «Новому Маргариту».

Прежде чем написать все эти вещи, Курбский начал переписку с Иваном, напоминал ему о своих заслугах и обидах, упрекал его в злоупотреблении властью, обличал его порочную жизнь и недостойных любимцев, развратников, как Басманов, кровопийц, как Малюта Скуратов. Но главный вопрос, заключавшейся в несогласии между царем и известной общественной группой, оставался в стороне незатронутым, что значительно ослабляет историческую ценность переписки Курбского. Нужно помнить, что этот изгнанник вызвал на литературный поединок самого царя всея Руси. Он обобщил значение постигшей его опалы и питаемых им мстительных чувств. Личный конфликт с царем приобрел в его изображении значение великой борьбы между прошедшим и будущим, между старым

и новым порядком, между враждующими двумя линиями дома Рюрика. Этот литературный памятник открывает собой целую эпоху в русской истории. Вместе с ним великая северная держава выступает на сцену новой истории.

Иван мог и пренебречь вызовом Курбского. Казалось, что его гордость и должна была заставить его принять именно такое решение. Однако темперамент и стремление нового человека вовлекли его в полемику, благодаря чему мы имеем не только важный исторически документ, но и знакомимся с замечательным писателем, каким был Иван. Правда, он очень словоохотлив, часто неясен, говорит о посторонних предметах. Нельзя говорить о красоте его стиля, но он вносит в полемику вдохновение, пыл, силу. Его слова и замечания бьют в цель, как стрела. «Зачем ты за тело продал душу? Побоялся смерти по ложному слову твоих друзей?» Прибавьте к этому обширную эрудицию, которую Иван проявляет в своей переписке. Вы чувствуете в нем ученого. Доказывая, что государь должен слушать своих советников, Курбский ссылается на Священное Писание, а разве он забыл Моисея? Курбский объявляет преступными казни, совершающаяся по повелению Ивана, а что делал царь Давид? Относительно отъезда и других привилегий, защищаемых Курбским, как достояние всех людей его круга,

Иван благоразумно не говорил ничего. Он свое внимание обращает лишь на политическую теорию абсолютной власти государя. «Мы свободны наказывать и награждать, кого хотим, и ни один государь русский никогда никому не давал отчета в своих действиях».

Я уже отметил в политической жизни Москвы XVI в. явление, к которому мне еще придется вернуться. Я говорю о молчаливом соглашении, которое как бы заключили деятели той эпохи с целью прикрывать действительность приемами показной политики. Такая система часто спутывает события, лица и роли. Иван и Курбский, вступив в публичный поединок, старались не отступать от тактики умолчаний. Они не хотели снимать с действительности те покровы, под которыми наносили друг другу жестокие удары. Защищаясь против массы цитат, которыми царь засыпает своего противника, Курбский ссылается на превосходство своего литературного образования. Он стыдил царя, что тот шлет неграмотные послания в страну, где много людей, хорошо знающих грамматику, риторику, диалектику и философию. В этом можно видеть указание на гласный характер переписки царя с Курбским, но оба они тщательно избегали называть главные предметы спора своими именами.

Неизвестны даты первых трех посланий. Четвертое же сам Иван пометил Вольмаром. Очевидно,

оно было написано сразу после взятия этого города в 1577 году. Царь не упустил случая извлечь из этой победы аргумент для себя. Ему очень хотелось подчеркнуть, что она досталась ему без всякой помощи Курбского и его друзей. В ответном письме Курбский ссылался на Цицерона, но противник молчал. Курбский шлет новое послание. Ответа нет. На сцену выступил Баторий: у царя явились новые заботы.

Среди своих соотечественников противник Грозного находил как защитников, так и обвинителей. В настоящее время в России преобладают первые. В ожидании статуи, которая, без сомнения, украсит со временем какую-нибудь московскую площадь, они сооружают литературный памятник в честь этого героя. К числу апологетов Курбского относится ученый автор «Истории русской литературы» Пыпин,²⁰ а также более ранний его биограф.²¹ Для них Курбский при всех его недостатках является выдающимся представителем идей, усвоенных Россией XVI в. Он служит показателем культурного уровня, до которого мог подняться русский человек того времени. Не нужно забывать, что русское общество жило в отдалении от источников западной цивилизации и в своих исканиях истины было подавлено правительственным терро-

²⁰ II, 171-2.

²¹ П....ский, Казань, 1873 г.

ром. Как воин, Курбский не щадил своей крови на защиту родины. Но он был к тому же и образованным человеком, старавшимся расширить тот круг познаний, которым довольствовались его соотечественники. Он был первым русским публицистом и первым гражданином своего отечества в полном смысле этого слова; его увлекала идея прогресса, и он смело высказывал свой голос против грубого деспотизма.

Эти мнения лестны для Курбского, но они нуждаются в критической проверке. Деятельность Курбского в московском государстве далеко еще не выяснена полностью. Лучше известно то, что относится к его пребыванию в Польше, а то, что знаем мы о Курбском из этой эпохи, говорит далеко не в его пользу. В своем изгнании он был обеспечен приличными владениями и доходами. Как господин, он был ненавидим своими слугами. Как сосед, он был самым несносным, как подданный – самым непокорным слугой короля. Он переводил Златоуста и восставал против деспотизма, но себе позволял злоупотребления властью не менее чудовищные, чем те, в которых был повинен Иван. Например, он сам сажал евреев в темницы, наполненные водой с пиявками. Вздорил он со всеми, не исключая даже короля, который вовсе не был тираном. Он постоянно противился всякой власти даже тогда, когда ему приходилось платить налоги.

Курбский воплощал в себе ту группу московских людей, с которой пришлось бороться Ивану. Эти люди были доступны культурным влияниям, им были свойственны некоторые стремления к свободе, но то и другое они понимали в узком смысле, применительно к своим эгоистическим интересам привилегированного сословия. Некоторые отрицали, что Курбский примыкал к боярству, защищавшему свои устаревшие права и привилегии. Но разве сам Курбский не заявлял своих прав на Ярославское княжество? Переходя в Польшу, он являлся корыстолюбивым карьеристом. Король предоставил ему Кревскую старостию, десять сел с 4000 десятин земли в Литве, город Ковель с замком и 28 селений на Волыни. Король думал, что этим возмещает потери, понесенные вследствие бегства с родины Курбского.

Допустим, что опальный вельможа Ивана стремился лишь защитить против посягательства государственной власти и расширить свои наследственные права – участие в совете царя или подача голоса при обсуждении государственных дел, право боярина служить царю лишь в той мере, в какой ему угодно было. При всем своем сочувствии прогрессу Курбский, таким образом, является политически отсталым человеком: он защищал начала, «завещанные глубокой стариной». У него были свои идеалы, но в них

он сходиллся, быть может и незаметно даже для самого себя, с Польшей, которую он ненавидел и презирал, несмотря на то, что ел ее хлеб. Эти идеалы оказывались уже анахроническими даже на их родине – Польше. Они были опасны и губительны. Перенести их на московскую почву было невозможно. Здесь они сталкивались с другими понятиями и нравами и превращались в полное отрицание государства, что выражалось в отказе от службы, бегстве за границу и предательстве родины. Курбский напрасно старался представить Ивана гонителем угнетенной невинности. В народном же творчестве Иван и доныне остается искоренителем крамолы на русской земле. Истребляя бояр, он казался защитником убогих и немощных. Эта легенда требует объяснений. Большинство русских историков не хотело допустить и мысли, что на стороне Грозного был сам русский народ. Что же сделал Иван для крестьянской массы? До него люди эти были свободными земледельцами, теперь они оказались полурабами, в скором времени окончательно утратившими свободу. Прикованные к жалкому клочку земли, они при Иване несли более тяжелое бремя, чем раньше. Государство все более и более эксплуатировало крестьянскую массу, из-за непрерывно растущих его потребностей. Но этот народ, нищету и бесправие которого увеличил

Иван, воспевал и превозносил его. Когда страдания становятся невыносимыми, всякая перемена кажется благодеянием, хотя бы она и ухудшала положение. В 1582 г. крестьяне польских владений, предоставленных Курбскому, открыто заявили жалобу на своего нового господина. Жалоба была признана справедливой. Это было в Польше. Можно представить себе, как он пользовался своей властью и распоряжался судьбой крестьян в своих родовых вотчинах у себя на родине! Таких владельцев были тысячи. Курбский ведь еще слыл либеральным человеком! На этой ненависти народа к притеснителям-боярам и созидалась популярность Ивана среди угнетенных масс.

Курбский умер в Ковеле в мае 1583 г. Его семья уже успела принять католичество в Польше. Вернувшись на родину, она снова приняла православие и вымерла в 1771 г. В борьбе между старым и новым порядком Курбский был самым блестящим защитником прошлого. Но признать его героем или мучеником нельзя. Я хотел показать, с какими противниками пришлось меряться Ивану силами.

Глава вторая

Опричнина

Вымысел и действительность драмы. Террор. Царь Симеон. Историческая оценка опричнины.

I. Вымысел и действительность драмы

Многие из моих русских и некоторые из французских читателей знакомы с приключениями князя Серебряного по рассказу гр. Алексея Толстого. Возвращаясь в Россию из посольства в другое государство, герой романа встречается с отрядом вооруженных людей, по внешности и поступкам представляющих настоящих разбойников. На глазах князя Серебряного они грабят деревню, подвергают людей насилиям и убивают их. Князь вмешивается в побоище. Скоро его самого схватывают, и он узнает, что его обвиняют в преступлении против царских людей. Воображаемые разбойники оказываются царскими слугами, а их бесчинства обычным явлением нового политического строя. Провинившегося князя приводят в новую резиденцию царя, в Александровскую слободу, где он делает новые ужасные открытия. На царском

дворе он видит медведей, которыми травят пришлый люд. Наконец, избежав пытки, он попадает на царский пир. В столовой зале заседают царские клеветы, переодетые чернецами, сам царь, зловеще усмехаясь, наделяет гостей кубками с отравой. Нога скользит в крови. Воздух насыщен опьяняющим запахом бойни. Гул веселых голосов охмелевших гостей смешивается с раздирающими душу воплями жертв, мучимых тут же рядом в застенках. Этот дворец напоминал ад или бойню. Серебряный начинает догадываться, что это царь тешится такими страшными забавами. Изображая эту картину, автор не создавал ее своим воображением. Гр. Алексей Толстой заимствовал у исторической науки, в лице самых блестящих ее представителей, и свой рисунок, и краски. В изображении Карамзина, Соловьева, Костомарова, Ключевского, Михайловского опричнина является кровавой эпопеей бессмысленных убийств, совершавшихся по повелению царя для его забавы. Исполнителями его приказаний являлись люди без стыда и совести. Со своими страшными эмблемами – собачьей головой и метлой у луки седла – они скачут по большим дорогам, грабят и убивают. Обрызганные кровью, они везут свою богатую добычу в Александровскую слободу. Здесь ко всем своим преступлениям они прибавляют еще одно – кощунство: облекшись

в черные рясы, они вместе со своим игуменом, царем, предаются самым гнусным оргиям.

На смену указанным историкам явились другие, занявшиеся тем же вопросом. Они пришли к совершенно иному пониманию опричнины. Эта волнующая историческая загадка нашла у них новое объяснение. За ошеломляющей обстановкой и ужасными формами они увидели некоторую руководящую идею, зрело обдуманый план, проводимый с последовательностью и настойчивостью. В деятельности создателя опричнины Грозного они увидели обширную программу хозяйственных, социальных и политических преобразований. Осуществлялась эта программа недостойными средствами, но это, быть может, было неизбежно. Надо заметить, что вопрос об опричнине до сих пор так и остается загадкой. Историки старой школы в понимании опричнины допустили тройную ошибку: они приняли внешнюю сторону ее за действительность, подробности за существенное, часть за целое.

Для пояснения этой мысли приведем пример. Допустим, что вся история французской революции сведена к изображению отдельных сцен или личностей из клуба якобинцев, тюрьмы Тампль и Национальной площади. Такое пояснение эпохи великих событий вполне бы соответствовало изображению деся-

тилетнего периода в правлении Ивана Грозного. Самый необходимый документ для истории этой эпохи остается для нас неизвестным. Я говорю об учредительной грамоте опричнины. Она хранится в государственном архиве, но до сих пор не издана и даже недоступна для исследователей. Другие документы частью затеряны, частью также неизвестны. Обратимся к установленным фактам.

Бегство Курбского не было единичным явлением. Как до него, так и после него мы видим подобные же попытки – одни удачные, другие оставшиеся только покушениями на бегство. Отъезд Курбского не мог не смутить Грозного. Он потерял уверенность в завтрашнем дне. Задачи, поставленные Иваном во внутренней и внешней политике, требовали людей и средств. Где же их взять? Если люди Ивана не проигрывали сражений из-за местных споров или не изменяли в пользу врагов государства, то бежали за границу, заботясь больше о своих выгодах, чем о благе родины. Что касается средств, то ими распорядились те же ненадежные слуги. Служилые люди стояли во главе государственного управления и владели главным богатством страны – землей. Все в государстве совершалось при их участии: воеводы, наместники, судьи, члены боярской думы, начальники приказов держали все в своих руках. Нечего и гово-

ритель о старых вотчинниках, которые, сидя на своих наследственных землях, где у них были собственные военные силы и свой двор, обладали безапелляционной судебной властью и были почти совершенно свободны от налогов. В своих владениях они разыгрывали роль настоящих государей. Опираясь на формальное превосходство своей знатности, они предъявляли к своему *младшему* родичу такие притязания, которые не могли его не беспокоить, хотя в сущности они были бессмысленны и бессильны.

Мысль раскассировать всю эту военную и правительственную организацию никогда не приходила в голову Ивану. Московское государство XVI в. жило известными традициями. С отдельными лицами царь мог сделать, что хотел, но перед существующим порядком он оставался бессильным. Он сам со своей властью являлся лишь составной частью этого порядка.

По привычке смотреть на управление государством как на свое достояние, принадлежащее по праву, князья и бояре считали свою службу вполне независимой от государя. В местничестве они видели некоторую гарантию своих привилегий. И царь не мог протестовать против этого взгляда, так как его собственная власть исходила из того же источника и опиралась на такие же точно права. Потомки Рюрика или Ге-

димина когда-то правили Русью все врозь, каждый в своем уделе. Теперь приходилось править ею сообща, причем один сидел на троне, а другие заведовали каким-нибудь приказом или целой областью государства. Но вся эта правящая группа представляла одно целое, как бы одну семью. Иван мог справиться с отдельными боярами и князьями, но кем было заменить их? После Сильвестра и Адашева он набрал «из грязи» Скуратовых и Грязных, возвысил до первого ранга, отыскивая новых слуг по большей части среди *поповичей*, которые и до настоящего времени играют заметную роль в жизни русской интеллигенции. Но они не могли заменить ни материальной, ни моральной силы, какую представляли князья и бояре. Политика Ивана приводила его в столкновение с аристократией, но отбрасывая от себя знать, царь оказывался в пустынном пространстве. Боярство и самодержавие являлись неразрывно связанными силами. Приходилось думать о компромиссе, на нем и остановился Иван. Но он не говорил о том, что решил сделать. Русское государство XVI в. было царством тайны. На всех лицах были маски, на всех вещах – покрывало.

3 декабря 1564 г. Иван вдруг оставил столицу. Вместе с собой он увез свою жену, черкешенку родом, Марию Темрюковну, полудикарку, жестокою и вспль-

чивую, как сам Иван. За государем следовали сотни возов, нагруженных его сокровищами. Этот обоз сопровождала огромная свита, состоявшая из бояр, набранных в разных городах, всего двора и челяди Ивана. Некоторое время никто в Москве не знал, куда и зачем уехал царь. Царский обоз потянулся в село Коломенское, где дурная погода задержала его на две недели. Затем он простоял несколько дней в другом подмосковном селе, Тайнинском, и в Троице. Наконец он расположился в одном из предместий маленького городка Александровска, к северу от Владимира. Только тогда царь решил объявить о причинах и цели своего необыкновенного отъезда. 3 января 1565 году в Москву прибыл гонец от царя с письмом к митрополиту. Царь много говорил о всевозможных злодеяниях, совершаемых воеводами и всякими должностными лицами, а также высшим и низшим духовенством, и в заключение объявлял, что «опалился» на всех в своем государстве – от первого до последнего человека. Опалой в то время называлось нечто вроде отлучения. Лица, которых она постигала, лишались права на какую бы то ни было деятельность при дворе, а также и на государственную службу. Объявляя о своей опале, Иван сообщал митрополиту, что покидает свое государство и поселится, где Бог укажет. Между двумя частями послания было противоречие –

царь отказывался от престола и в то же время, опираясь на свою власть, налагал кару на своих подданных. За первым посланием последовало другое, адресованное купцам и всему православному народу московскому. Царь заявлял, что на этих людей он не жаляется и не имеет никакого гнева.

Возможно, что и тогда, как и после, никто не знал, что думать об этом. Но в Московском государстве привыкли к загадкам подобного рода и поняли, что надо делать. Царь, очевидно, был недоволен некоторыми лицами и таил против них какой-то замысел, но пока по своей привычке он создавал эффектную, театральную обстановку. Москва решила поддерживать зловещую комедию. Бояре пришли в смятение. Народ волновался. Купцы заявили, что готовы пожертвовать деньгами, что было красноречивой формой сочувствия общему горю. Митрополиту было поручено умолить государя сменить гнев на милость. Царя упрашивали не покидать своего народа и править государством, как ему угодно, и пусть судит тех, против кого он опалился. В Александровскую слободу отправилась депутация. Царь, конечно, склонился на ее мольбы, но поставил некоторые условия. Он заявил, что будет держать в опале всех крамольников и предателей, некоторые бояре будут казнены, а имущество их конфисковано, и обещал вернуться в Москву

тогда, когда устроить свою *опричнину*.

Опричниной на языке того времени называлась вдовья часть, дававшаяся женам умерших знатнейших вельмож. На пирах тем же именем назывались лучшие блюда, которые хозяин оставлял при себе, чтобы делиться ими с избранными гостями. Опричниками (опричь-кроме) назывались крестьяне одной категории, поселившиеся на монастырских землях. Указ 10 октября 1550 г. создал для Московского уезда особое территориальное и политическое устройство. В этот уезд переселялись отборные служилые люди, набранные со всех областей московского государства. Существовавший порядок вещей не был затронут или изменен этим мероприятием. Однако этим Иван создавал ядро придворной знати, войска, администрации на новых началах. Опричнина 1565 г. была ни чем иным, как более широким осуществлением этого плана.

Все свое государство Иван разделил на две части. В одной должен был сохраниться прежний строй и старое управление. Там продолжали управлять воеводы, наместники, судьи разного рода, кормленщики вместе с вотчинниками и помещиками. С целью централизовать это управление в Москве было создано особое учреждение под руководством двух бояр. В состав другой половины государства входили раз-

ные области и города и даже некоторые части столицы. Царь оставлял для себя, таким образом, нечто вроде упомянутой вдовьей доли или удела. Здесь, с тысячей бояр и боярских детей по выбору, Иван намеревался продолжать опыт 1550 г.

В этом опыте мы должны отметить два главных момента – преобразование вотчинного землевладения в помещичье и перенесение слуг государя в новую для них среду. У вотчинника отбиралась его земля, свободная от повинностей, его самого отрывали от родного гнезда, где веками создавалось его благосостояние и общественное значение. Его связи с зависимым от него населением расторгались. Его наделяли новым участком земли, но условно и временно, заставляя его за это служить и нести наравне со всеми общие повинности. Так создавались новые люди без прошлого, без почвы и без защиты. Можно предположить, что создание опричнины преследовало именно такую цель, хотя сам Иван ничего об этом не сказал. До настоящего времени не обращали внимания на тесную связь между актами 1550 и 1565 г. То, что мы знаем о характере и применении обеих мер, оправдывает известную гипотезу Платонова и отчасти Милюкова, который в преобразованиях Ивана, как и Петра Великого, видит мероприятия чисто финансового характера.

Политический кругозор Ивана был значительно шире, но как при его жизни, так и после смерти, об опричнине не распространялись. В 1565 г. в Польшу отправлялось посольство. Московская дипломатия предвидела, что там могут задать нескромный вопрос об опричнине и приняла меры против излишней откровенности своих представителей. Послы должны были отвечать, что они не понимают даже, что такое опричнина. Царь живет, где хочет, и при нем находятся слуги, которыми он доволен. Большинство из них тут же, поблизости, владеет землей. Если невежественный народ и болтает о какой-то опричнине, то на это не стоит обращать внимания. Такой же приказ молчать был дан и другим посольствам в 1567 и 1571 г.²²

Но факты говорят сами за себя. Территория, занятая опричниной, постепенно увеличивалась и захватила большую часть государства. Число опричников возросло с одной до шести тысяч человек. В 1565 г. к опричнине были присоединены области Вологодская, Устюжская, Каргопольская, Можайская и Вяземская. В 1566 г. сюда отошли все земли Строгановых, в 1571 г. – часть Новгородской области.

Расширение территории опричнины сопровождалось раздачей новых вотчин и поместий, отбиривших-

²² Сборник Имп. Истор. Общ., т. 71, стр. 461 и 777.

ся у прежних владельцев. Последние награждались землей в других областях. Поэтому всякий, не попадавший в опричнину, подвергался или экспроприации, или ссылке. Правительство Ивана намеренно отбирало для опричнины те части центральных областей государства, где пережитки удельной системы сохраняли наибольшую силу. Новый порядок коснулся наследственных владений князей ростовских, стародубских, суздальских, черниговских, а также и заокских земель, вотчин другой группы князей – Одоевских, Воротынских, Трубецких. Некоторые из этих князей, впрочем, стали под знамя Ивана и доказали свое верноподданническое усердие. Таковы были князя Федор Михайлович Трубецкой и Никита Иванович Одоевский. Князь Михаил Иванович Воротынский вместо Одоева получил Стародуб-Ряполовский, на несколько сот верст дальше к Западу. Другие владельцы из той же области получили земли рядом с Москвой, в окрестностях Коломны, Дмитрова и Звенигорода.

О практических последствиях всей этой перетасовки можно судить по следующему примеру. До Ивана IV 58 вотчинника из 272, находившихся в Тверской области, не несли никакой государственной службы. Одни из них служили двоюродному брату царя Владимиру Андреевичу, другие – потомкам прежних удель-

ных князей: Оболенских, Микулинских, Мстиславских, Голицыных, Курлятевых и даже боярам. Опричнина совершенно изменила это положение, заставив служить всех одному государю. Кроме того, опричнина уничтожила частные военные силы, в опоре на которые непокорные вотчинники были часто для царя опаснее внешних врагов. Она провозгласила принцип личной службы и установила на всей территории государства систему прямых и косвенных налогов, взимаемых в казну.

Нельзя отрицать того, что опричнина имела в виду некоторые экономические и финансовые задачи. Этим объясняется стремление захватить те города, которые имели важное торговое значение. Замечательно, что купцы таких городов не заявляли недовольства такой переменной режимом. Представители английской торговой компании даже добивались, как милости, чтобы их подчинили опричнине. О том же просили и Строгановы. Из всех путей, связывавших столицу с порубежными областями, опричнина не захватывала только южных, шедших через Тулу и Рязань. По-видимому, присоединение их к опричнине не представляло для правительства никаких выгод.

Из-за отсутствия документальных сведений с трудом удастся установить, какое количество земли в це-

лом отошло к опричнине с 1570 по 1580 г. К опричнине относились Поморье, все области Замосковья, Заокские земли, Обонежская и Бежецкая пядины Новгородской области. На юге территория опричнины простиралась до Оки, на восток до Вятки, на запад до Литовско-Немецкой границы. Вне опричнины остались на востоке Пермская и Вятская область с Рязанью, а на западе земли, подчиненные Пскову и Новгороду с пограничными городами Великие Луки, Смоленск и Северск. На юге разделенные опричниной области *земщины* примыкали к Украинским землям и к «дикому полю».

В центре действие опричнины распространялось только на некоторые части территории. Подчиненные ей города и участки смешивались в хаотическом беспорядке с элементами земщины. Из крупных городов за земщиной оставались Тверь, Владимир и Калуга. Причем области земщины располагались на окраинах. Это устройство представляло полную противоположность древним римским порядкам, где вся сила сосредоточивалась на территории с ясным расчетом сковать центр железным кольцом легионов.

В 1572 г. опричнина утратила свое первоначальное имя и стала называться *двором*. Она уже к этому времени успела обрести признаки правильно организованного государственного учреждения. Но в сво-

их действиях новая система сохранила прежний характер управления. При исследовании какого-нибудь официального документа той эпохи с трудом можно решить, исходит он от опричнины или от земщины. Формально опричнина не уничтожала даже местничества. Она только уничтожала счета его в собственных пределах. Опричнина действовала наравне с земщиной, причем та и другая были подчинены центральному учреждению, ведавшим финансовыми и воинскими делами государства. В обеих системах администрации действовали дьяки. В их руках находилось все делопроизводство земщины и опричнины. Такую организацию можно предположить, опираясь на несомненный факт одновременного существования согласованной работы обеих систем. Этого достаточно, чтобы разрушить легенду, по которой роль опричнины ограничивалась политической полицией. В 1570 г., как свидетельствуют официальные документы, опричнина вместе с земщиной были созваны для совместного обсуждения вопросов, касавшихся литовской границы. Та и другая сторона были представлены своими боярами – делегатами. Обсуждение вопросов представителями земщины и опричнины происходило отдельно. Но решения их вполне совпали, что свидетельствует о том, что между обеими этими силами не было вражды и трений.

В том же и следующем годах военные отряды опричнины и земщины действуют сообща и без вражды против татар.

Задача, поставленная Иваном, не нашла себе в опричнине полного разрешения. Для достижения цели Иван должен был устранить существовавшее в его государстве противоречие, заключавшееся в том, что государь, сделавшийся носителем самодержавной власти на демократических началах, должен был осуществлять ее при помощи аристократии. Социальное противоречие сводилось к тому, что государь, в поисках необходимых ему для удовлетворения честолюбивых замыслов средств, сковывал цепями рабства производительный класс людей, отданных служилому элементу – воинам и собирателям налогов.

Опричнина была бессильной уничтожить аристократию, она только нанесла ей чувствительный удар. Возможно, что намерения самого государя дальше этого не шли. Некоторые вельможи стали в ряды опричников и были обезоружены. Но помимо них система Ивана пощадила очень немногих представителей старого боярства. Например, во главе земщины Иван поставил двух князей: Ивана Федоровича Мстиславского и Ивана Дмитриевича Бельского. Оба они были совершенно безобидны и даже полезны Ива-

ну. Что касается политического значения бояр, то оно было уничтожено опричниной. Это сказалось после смерти Ивана, когда руководящая роль перешла к таким безродным фамилиям, как Захарьины и Годуновы. Система переселений в опричнине была связана с массовыми казнями и конфискациями имущества. Чтобы пополнить образовавшуюся пустоту, правительство из крестьян, казаков и даже татар образовало значительный контингент служилых людей, явившихся могущественным орудием демократической нивелировки. Иван недаром писал Ваське Грязному, что его бояре, как и бояре его отца, привыкли изменять государю, поэтому он обращается к ним, мужикам, надеясь на их верность и преданность, на что Грязной отвечал, что царь, как Бог, может из малого великого человека сотворить.

Опричнина произвела целую революцию, которая не могла совершиться без некоторых потрясений. Она произвела изменения даже в положении низших классов, расторгая вековые отношения, существовавшие между ними и старыми господами. В городах и деревнях она ввела новый элемент и создала сельскохозяйственный и промышленный пролетариат, раздробив крупные земельные владения. Зависевшие раньше только от государства крестьяне теперь должны были подчиниться новым землевладельцам.

Таким образом, опричнина содействовала косвенным образом развитию крепостного права. Ближайшим последствием было оскудение масс и усиление эмиграции их. С этой точки зрения создание Ивана не выдерживает критики. В скором времени, при столкновении с Польшей, обнаружилось неблагоприятные последствия его реформы, хотя в некотором отношении она была необходима.

На практике опричнина привела к различным злоупотреблениям, что всегда бывало при кризисах подобного рода. Трудно указать в истории хоть одну такую эпоху, которая избежала бы их. Нельзя рассматривать опричнину под этим углом зрения и приносить над ней суровый приговор. Многими жестокостями запятнано и опозорено дело опричнины, что впоследствии закрыло и извратило в сознании потомства действительный характер и подлинную цель реформы. Касаясь этой стороны дела, историк должен заранее ожидать, что встретит известные преувеличения. Нельзя принимать без критической оценки те свидетельства, в которых изображаются ужасы опричнины. Эти свидетельства большею частью исходят или от заинтересованных лиц, как Курбский, или от предубежденных недоброжелателей, какими являются многие иностранцы. К сожалению, нам не достает средств для проверки всего этого ма-

териала. Однако я попытаюсь если не установить истину, то хотя бы подойти к ней поближе.

II. Террор

Иван оставил за собой право наказать некоторых бояр. Все понимали, что он это выполнит. Курбский был далеко, царь обрушился на его действительных и мнимых сообщников. Был казнен князь Александр Борисович Шуйский со своим сыном Петром и некоторые из их родственников: двое Ховриных, князь Иван Сухой-Кашин, князь Дмитрий Шевырев. Другие, как князь Иван Куракин и князь Дмитрии Немой, заплатились головой за вину, о которой у нас нет сведений. За казнями последовали ссылки и конфискации. Удовлетворив таким образом чувство гнева, Иван возвратился в столицу. По словам летописца, царь изменился до неузнаваемости, лицо его казалось чужим, волосы на голове и на лице выпали. Это известие есть плод воображения, старавшегося усилить мрачное впечатление страны. Подобно всем своим современникам, царь брил себе голову. Поэтому его плешивость вряд ли могла кого-нибудь поразить. Кроме того, до приезда в Москву царь пользовался хорошим здоровьем и не обнаруживал слабости.

Как уже упоминалось, царем были перехвачены

письма из Польши, благодаря чему были скомпрометированы и взяты на подозрение некоторые лица, к которым направлялись эти письма. Между ними были старый Иван Петрович Челядин с женой, князь Иван Куракин-Булгаков, три князя Ростовских и несколько бояр. Их предали палачу, подвергли жестоким пыткам и казнили. Церковь, в свою очередь, подверглась общей участи. Единство интересов ее связывало с некоторыми жертвами нового порядка. Кроме того, ужасы опричнины давали ей часто повод к заступничеству за несчастных, что было правом, драгоценной привилегией и заслугой Церкви. Один из преемников московского митрополита Макария навлек гнев Ивана. Сам Макарий также ходатайствовал пред царем за некоторых лиц, подвергавшихся его гневу. Он действовал с большой осторожностью и имел успех. Он выступал на защиту Воронцова и, вероятно, Сильвестра. Ближайшим преемником Макария был Афанасий из Чудова монастыря. Он не имел смелости выступить на защиту несчастных и оставался безучастным зрителем первых зверств опричнины. В 1566 году по болезни он уступил свое место архиепископу казанскому Герману. Но тот не удержался на кафедре. Любимцы Ивана добились его удаления и назначения желательного для них кандидата.

Филипп, представитель знатного рода Колычевых, удалившийся от двора вследствие опалы своих родственников и принявший монашество, был настоятелем Соловецкого монастыря. Здесь он приобрел известность своими нравственными качествами и выдающимися способностями администратора. По мнению некоторых, Иван еще с детства знал и любил Филиппа. Теперь ему предложили занять пост московского митрополита. Филипп долго не соглашался принять предложенный сан. Он ставил условием своего согласия уничтожение опричнины. Однако он уступил и даже письменно обязался не вмешиваться ни в дела управления, ни в личную жизнь царя. Между тем жизнь его становилась все беспорядочней и разнузданней, вызывая всеобщее осуждение. Но Иван сам признал за новым митрополитом право заступничества за виновных, заявив ему, что долг святителя смягчать гнев царя. Между тем царь скоро начал избегать митрополита. Но они жили близко друг подле друга. Даже проживая в Александровской слободе, царь считал необходимым иногда наезжать в Москву и молиться у ее святынь. Встречи при этом были неизбежны.

В воскресенье 31 мая 1568 года царь вошел в Успенский собор с опричниками, переодетыми монахами. Царь по обыкновению попросил благослове-

ние у митрополита. Филипп молчал. Царь три раза повторил просьбу, но не получил ответа. К митрополиту обратились бояре. Филипп прервал свое молчание, и между ним и царем завязался к ужасу присутствовавших трагический диалог. Филипп в длинной речи обличал преступления и пороки Ивана. Царь напрасно старался прервать эти укоризны.

– Если души живые будут молчать, камни храма этого возопиют и осудят тебя, – говорил святитель.

– Молчи! тебе я говорю. Молчи и благослови нас, – повторял царь.

– Мое молчание грех на душу твою налагает и смерть наносит.

– Молчи! Подданные мои и ближние восстали против меня и замышляют гибель мою... Перестань противиться державе нашей или оставь твой престол.

– Я не добивался сана, не использовал деньги и интриги, чтобы достигнуть его, зачем ты лишил меня моей пустыни?

Иван овладел собой. Казалось даже, что в нем проснулись человеческие чувства. Но на другой день по его приказу был замучен в страшных пытках князь Василий Пронский, а в июле месяце произошло новое столкновение царя с митрополитом у Новодевичьего монастыря. Это решило судьбу Филиппа. Епископы Новгородский, Суздальский и Рязанский выра-

зили постыдное желание устроить над Филиппом суд. Главным свидетелем против митрополита выступил его преемник в Соловецком монастыре игумен Паисий. Филипп хотел было сложить с себя знаки своего достоинства, не дожидаясь решения этого суда. Иван воспротивился.

– Обожди! Ты не должен быть сам себе судьей! – сказал он ему.

На другой день он повелел ему служить обедню, как и всегда. Это было в Михайлов день. Между тем суд уже приговорил митрополита к вечному заточению в монастырь. Царь остался верен своей привычке к эффектам и готовил театральную сцену. Во время богослужения опричники ворвались в собор, сорвали с митрополита облачение, надели на него равную рясу и увезли. При этом заметали за ним след своими метлами и хлестали ими Филиппа. Он был заточен в Тверь. На следующий год по пути в Новгород Иван послал к нему самого кровожадного из своих приспешников – Малюту Скуратова. Царь еще осмеливался просить благословения у узника! Никто не знает, что тогда произошло. Некоторые утверждают, что Скуратов положил конец бурной сцене тем, что задушил бывшего митрополита. По другим сведениям, узник был увезен в Александровскую слободу и там был сожжен живым. После смерти Ивана тело

его было перевезено в Соловецкий монастырь и сделалось предметом поклонения. В 1652 г., при Алексее Михайловиче, он был причислен к лику святых. До настоящего времени толпы поклонников стекаются к его мощам в Успенский собор, где началось его мученичество.

Решение Ивана поражать и не щадить никого все усиливалось. Он уже не мог допустить, чтобы кто-нибудь становился между ним и тем, кто мешал ему. Он начинает наносить удары даже собственной семье.

Когда он упоминал в споре с Филиппом о восставших против него родных, он имел в виду двоюродного брата Владимира Андреевича. Еще в 1563 г. Иван заподозрил его в заговоре, сделал ему публичный выговор и заставил отказаться от всех приближенных. Даже мать его Евфросинию постригли насильно в монахини. В 1566 г. он лишил его удела, дав ему за Старицу два неважных местечка – Дмитров и Звенигород. По утверждению иностранного летописца, этот князь в 1569 г. собирался поступить на службу к польскому королю. После этого он исчез. Был ли он задушен, обезглавлен или отравлен со всеми своими домочадцами тем ядом, который будто бы приготовил для царя, – неизвестно, свидетельства не согласуются. Таубе и Крузе утверждают, что Иван присутство-

вал при агонии всей семьи Владимира Андреевича. Потом он забавлялся тем, что смотрел, как дворовых женщин раздевали, выгоняли на улицу ударами плетей, стреляли по ним и рубили их палашами, оставляя тела их на растерзание птиц. Это свидетельство весьма сомнительно. Старший сын Владимира был жив еще в 1572 г. О нем упоминает Иван в завещании, относящемся к тому времени. Что касается Евфросинии, то Иван не возражает Курбскому, который говорит, что она была взята из монастыря и утоплена.

Законом всякого террора является его прогрессивное возрастание. Разгорающиеся страсти вместе с притупившейся восприимчивостью требуют все более сильных и ужасных эффектов. Владимир, быть может, был изобличен в каких-нибудь преступных переговорах с Польшей. В следующем году целый город поплатился за подобное подозрение. Какой-то бродяга Петр, по прозванию Волынец, имевший неприятности с новгородскими властями, донес на жителей этого города, что они хотят предаться Сигизмунду-Августу и написанный договор хранится за иконой Божией Матери в храме св. Софии. На Руси до XVIII в. охотно прибегали к подобного рода тайникам. Петр Волынец хотя и не заслуживал доверия, но случаи прежних времен придавали его доносу некоторое значение. Вольный Новгород еще раньше проявлял тяготение

к Литве и Польше. Когда дело коснулось его независимости, он стал под покровительство короля Казимира, выразив ему свою покорность. Действительно, в указанном месте был найден документ, о котором говорит доносчик, и на нем были подлинные подписи архиепископа Пимена и многих именитых граждан. Началось следствие. Подробности его приведены у Карамзина.²³ Оно обнаружило сообщников, между которыми были даже новые любимцы царя, как, например, Басманов, казначей Фуников и дьяк Висковатый. Заговорщики задумали передать Литве Псков и Новгород, а потом с помощью Польши посадить на московский престол вместо Ивана Владимира. Самое дело едва ли было в руках Карамзина. В его время оно лишь упоминается в архивных инвентарях. Надо полагать, что оно уже тогда исчезло. Пред нами новая загадка. На этот раз Иван мстил ужаснейшим образом, он превзошел все, что в этом роде было на Руси до него и в его царствование. Мечь эта если не имела оправдания, то имела объяснение.

Царь нередко посещал Новгород, и его отношения к духовенству и особенно к архиепископу не оставляли желать ничего лучшего. Пимен только что гостил в Москве 15 недель и увез с собой значительную сумму денег, дар царя на обновление одного храма.

²³ Истор. Гос. Рос., т. IX, прим. 299.

Ничто не предвещало грозы, разразившейся над городом в январе 1570 г. В холодное зимнее время Иван собрался в поход, взяв с собой опричников и целое войско. Уже на границе Тверской губернии началась военная экзекуция, пред которой бледнели ужасы первого ливонского похода. Последовал систематический разгром всей области: от Клина до Новгорода царь оставил за собой пустыню. 2 января его передовые отряды показали под стенами города и окружили его со всех сторон. Пригородные монастыри были преданы разграблению и до 500 монахов были уведены. На другой день опричники проникли в город, собрали всех священников и дьяконов и поставили их рядом с монахами на правож. Их били с утра до вечера, требуя по 20 р. выкупа за каждого. Как можно судить по документам, между ними нашлись счастливицы, которые избежали пытки, уплатив требуемую сумму. Других ждала страшная участь. Царские приставы рыскали по домам и сгоняли жителей в место, обнесенное оградой и охраняемое войсками. В пятницу 6 января прибыл сам Иван с сыном и 500 стрельцов. Он приказал бить палками до смерти всех монахов, стоявших на правеже. Трупы их были развезены по монастырям и там погребены.

Наступала очередь белого духовенства. В воскресенье утром перед обедней архиепископ вышел

с крестным ходом навстречу царю на волховский мост и собирался благословить его. Иван не принял благословения и назвал его «волком хищным». Но все-таки приказал ему служить обедню у св. Софии. Он намеревался повторить сцену расправы с Филиппом. Царь принял даже приглашение отобедать у владыки. Он казался веселым и кушал с охотой. Вдруг среди трапезы он громко вскрикнул. По этому знаку опричники принялись исполнять то, что им было заранее приказано. Весь дом архиепископа подвергся разгрому. С него самого сорвали одежду и вместе с челядью бросили в темницу. В следующие дни террор достиг ужасающих размеров. На главной городской площади было сооружено подобие трибунала, окруженное орудиями пыток. Царь приступил к быстрому суду. Горожан приводили сотнями, пытали, жгли на малом огне с утонченными приемами, затем почти всех приговаривали к смерти и везли топить. Окровавленные жертвы привязывались к саням и их по крутому откосу спускали к быстрине, где Волхов никогда не замерзал. Несчастные погружались в пучину. Младенцев топили, привязав их к матерям. Опричники с пиками стояли на лодках и наблюдали, чтобы никто не спасся.

По словам третьей новгородской летописи, избивание длилось пять недель, и редкие дни на тот свет не отправлялось человек 500–600. Иногда чис-

ло жертв возрастало до полутора тысяч в день. Первая псковская летопись говорит, что в общем погибло около 60 000 человек обоего пола. Цифры эти кажутся неправдоподобными. Для статистики Ивановых казней можно пользоваться документами, исходящими от него самого. Документы согласуются с показаниями Курбского и некоторых летописцев. Документы, о которых идет речь, – это синодики, род поминовений, рассылавшиеся Иваном по монастырям, чтобы монахи молились по убиенным. Подобно Людовику XI, Иван проявление своей свирепости всегда сопровождал педантичным соблюдением обрядовых форм. Что касается Новгорода, то список, сохранившийся в Кирилло-Белозерском монастыре, приводит только полторы тысячи имен. Другой синодик, принадлежащий Спасскому монастырю в Прилуках, говорит нам о том, что сохранившиеся таким образом имена принадлежали только именитым гражданам. Гуаньино и Одерборн говорят в том же смысле о 2 780 убитых новгородцах, не считая простонародья.

Как бы то ни то было, отвратительная резня достигла ужасающих размеров, и когда Ивану больше некого было убивать, он обратил свою ярость на неодушевленные предметы. С особым зверством обрушился он сначала на монастыри, предполагая там измену. По той же, вероятно, причине он принялся уничтожать

торговлю и промышленность этого большого города. Все лавки в городе и в пригородах, а вместе с ними и дома были разграблены и разрушены до основания. При этом разрушении присутствовал сам царь. Опричники же, если верить летописям, рыскали кругом верст за 200–250 от Новгорода и везде делали то же самое.

Наконец, когда уже больше было нечего уничтожать, Иван приказал привести к нему именнейших новгородцев, оставшихся в живых, по определенному числу душ от каждой улицы. Перепуганные предстали они пред государем, ожидая для себя неслыханных казней. Но царь взглянул на них милостивым оком и обратился с речью, предлагая им отбросить всякий страх и жить мирно, моля Бога о том, чтобы Он хранил царя и его державу от изменников, подобных Пимену.

Это было прощанье Грозного с Новгородом. В тот же день он отбыл и увез с собой архиепископа, всех священников и диаконов. Хотя они и не откупились от правежа, но все-таки избежали участи, постигшей монахов.

Новгород никогда уже не оправился от нанесенного ему удара. Вместе с лучшей частью его населения погибло и его благосостояние. Иван преступил всякую меру. Правда, аналогичные случаи имели место

приблизительно в ту же эпоху и на Западе, Возьмем, например, повествование о разгроме Льежа Карлом Смелым в 1468 г. Можно подумать, что Иван был только подражателем. Мы читаем у Мишле: «Самым ужасным в уничтожении целого племени было то, что это не была резня после приступа, вызванная яростью победителя, а длительная экзекуция. Находящихся в домах людей сторожили, а потом бросали в Мезу. Прошло три месяца, а людей все еще топили... Город был большей частью сожжен».²⁴

Вот что говорит Анри Мартен, ссылаясь на Коммин, Жана де-Труа и Оливье Деламарш: «Женщин-монахинь насильовали, а потом убивали. Убивали священников перед алтарем... Все пленники, которых пощадил солдаты, были повешены и утоплены в Мезе».²⁵

Копия походила на оригинал. Даже число жертв указано – более 50 000. Сходна даже внешняя обстановка: резня происходила зимой – в ноябре и декабре.

Из Новгорода Иван двинулся к Пскову и остановился в одном пригороде. Всю ночь звонили в колокола. Зловещее бодрствование! Однако на этот раз наказание ограничилось общим грабежом. Народное воображение приписало неожиданную милость царя

²⁴ Hist. de France, VIII, 148.

²⁵ Hist. de France, VIII, 44.

заступничеству одного блаженного, которыми тогда была полна московская земля. Юродивый Николай Салос будто бы протянул Ивану кусок сырого мяса. «Пост!» – закричал ему Иван. – «Пост?.. А ты собираешься пожирать человеческое мясо!» – Вероятнее то, что пресыщенного казнями Ивана обезоружила покорность жителей. Но и из Пскова, как из Новгорода, многие семьи были переселены вовнутрь страны. В этом Иван опять-таки только подражает своим знаменитым предшественникам. «Людовик XI поклялся, что не будет больше Арраса, что все жители его будут изгнаны и им позволят даже увезти с собой их добро, а из других провинций, до самого Лангедока, будут взяты семьи и разные ремесленники и ими будет заселена страна».²⁶

Я должен прибавить, что вскоре после описанных событий поляки осадили Псков и встретили героическое сопротивление. Не поступил ли бы город иначе без этого урока верности? Сомнение вполне позволительно. Насильно присоединенные к Москве, нарушившей их обычаи и интересы, оба города только из страха исполняли свои новые обязанности.

Возвращаясь в Москву, Иван пожелал устроить себе торжественный въезд в столицу, как после счастливого похода. Ко всему был присоединен шутов-

²⁶ Мишле. Ibid, VIII, 322.

ский маскарад, подобный тем, какие любил впоследствии Петр Великий. Впереди ехал верхом на быке шут, за ним следовал во главе опричников царь, украшенный их эмблемами – метлой и собачьей головой. В Москве Иван занялся разбором дела многочисленных соучастников новгородской и псковской измены. На это ушло немало времени. Только 25 июля 1570 г. царь со своими подданными должен был присутствовать на Красной площади при пытке виновных. Их насчитывали до трехсот. Замученные и истерзанные, еле живые вышли они из застенка. К удивлению Ивана площадь была пуста. На этот раз против обыкновения ничто не привлекало зрителей: ни жаровни, ни раскаленные клещи, ни железные когти и иглы, ни веревки, которыми перетирали тело пытаемых, ни котлы с кипящей водой. В Москве и Петербурге до XVIII в. ни одно зрелище не привлекало столько любопытных, как пытка. Но при Иване зрелище это повторялось слишком часто, рука палача становилось очень длинной. Все стали прятаться. Царь разослал по городу глашатаев, выкрикивавших: «Идите! не бойтесь! Никому ничего не будет!» Из подвалов и чердаков появились наконец необходимые зрители. Иван начинает длинную речь. «Мог ли он не карать изменников?.. Но он обещает быть милостивым – и пощадить из 300–180 осужденных».

Остальные же пусть поплатятся за всех. Грозный был виртуозом в искусстве пытки и умерщвления. Но и в этом он только следовал примеру людей его времени, воображение которых вдохновлялось произведениями духовной литературы, образчиком которой могут служить жития святых, изданные в 1902 г. братьями Успенскими. Они особенно возбуждали чувство жестокости. Гуаньино подробно говорит о мучениях, которым в этот день был подвергнут дьяк Висковатый. Его повесили за ноги и разрубали, как мясную тушу. Казначей Фуникова обливали поочередно то кипятком, то ледяной водой. Кожа с него сошла, как с угря.

Прежде, чем вернуться в свой новый дворец, где он теперь жил, предоставив Кремль земщине, Иван захватил в дом Фуникова и увел оттуда жену казначея, молодую и красивую сестру князя Афанасия Вяземского. За то, что она не хотела или не могла сказать, где муж ее спрятал деньги, царь велел раздеть ее на глазах ее пятнадцатилетней дочери, посадить верхом на веревку, протянутую между двумя стенами, и протащить ее несколько раз от одного конца до другого. После этого ее отправили в монастырь, но она не смогла пережить ужасной пытки и умерла. Брат ее был несколько лет доверенным лицом при царе, который только из его рук соглашался принимать лекарство. Теперь

и его отдали в руки палача. Главный любимец царя, Басманов, также не избежал насильственной смерти. По некоторым сведениям он был убит по приказанию Ивана царевичем Федором, будущим наследником престола. Пимена увезли сначала в Александровскую слободу, где им забавлялись опричники некоторое время, а потом он был отправлен в город Венев Рязанской области.

Итальянец и католик Гуаньино, собиравший сведения для своей скандальной хроники в Польше, мало заслуживает доверия. Но и англичанин Горсей дает нам такие же подробности ужасных пыток. Он видел, как князя Бориса Телепнева посадили на кол. Он мучился на нем в течение пятнадцати часов, а перед его глазами стрельцы насильовали его мать, пока она не умерла тут же. Но тот же Горсей говорит и о 70 000 убитых в Новгороде. Дальше я выскажу несколько соображений относительно этих иностранных свидетельств, которыми мы принуждены пользоваться за неимением других. Многие историки, доверяя им, пришли к заключению, что Иван превзошел Нерона и Калигулу и что он в эту пору был на краю безумия и даже сумасшествия. Я высказал уже свое мнение относительно последнего пункта. Прибавлю, что сам Грозный дал нам указание на состояние его души в это время. Я уже упоминал о его завеща-

нии 1572 г. Это произведение глубоко и болезненно пораженного в своих чувствах человека, но далеко не безумного. Как всегда, он ищет лирических эффектов, видит вещи и передает впечатления в преувеличенном виде. Его слова нельзя принимать буквально.

Но его старание и искусные приемы, к которым он прибегает, исключают, по крайней мере в этот момент, предположение о безумии. Слишком умело он жалует, горюет, защищается, чтобы его можно было считать лишенным рассудка. Он не чувствует себя в безопасности на престоле и не уверен в будущем своего рода. Он чувствует себя изгнанником в своем царстве и не видит конца борьбы с лютыми врагами. Силы его ослабли, раны душевные и телесные бесчисленны и нет у него никого, кто бы их исцелил, утешил и пожалел бы его. Ему заплатили злом за добро и ненавистью за любовь. Он склонен видеть в этом проявление гнева Божия, поразившего его за частое попрание закона и осуждающего на скитание вдали от столицы, откуда *выгнали его себялюбивые бояре*. Быть может, его сыновьям и посчастливится пережить это тяжелое время. Составляя свое завещание, он желает дать им несколько полезных советов. Собственно, он еще и не собирается умирать, хотя смерть была бы для него сладкой и желанной. Он не предполагает, что ему суждено вкусить этого блаженства рань-

ше, чем он нищенской жизнью искупит свои грехи. Не бред ли это? Нет. Его советы носят на себе печать светлого и твердого ума. Иван везде видит врагов и старается своих сыновей предостеречь от их козней, советует им лично входить во все дела и никогда ни в чем не доверять *другим*, потому что *другие* будут сами властвовать, а им останется только видимость власти. Так может говорить только великий мастер в искусстве властвования, а не безумец.²⁷

Но вот еще более сильное доказательство не только полной ясности, но и необыкновенной гибкости ума, проявленного этим человеком в такую минуту, когда самый сильный характер мог бы обнаружить признаки смущения и слабости. На другой же день после московских казней, служивших продолжением новгородских, Иван принимает участие в богословском споре. Он сам начал его и вел без смущения и утомления. Казалось, что подобный спор и во всякое другое время должен был поставить в тупик профана.

В это именно время он вел свой знаменитый публичный диспут с Яном Рокитою, одним из членов общества моравских и богемских братьев.

Протестанты тогда пользовались сравнительно привилегированным положением. В них видели со-

²⁷ Завещание это было напечатано в Исторических актах, дополн. I, 222.

юзников в борьбе с ненавистными латинянами. Лютеранам и кальвинистам позволено было строить в Москве свои храмы. Иван ласково принимал представителей английской и немецкой реформации. Он даже любил слушать поучения капеллана Магнуса, Христиана Бокборна. Он даже говорил, что, если бы Лютер, нападавая на папство, не затронул древней иерархии и не осквернил бы своего учения тем, что отрекся от монашеских правил и одежды, его учение было бы приемлемо. Но Бокборн и его единоверцы, поглощенные интересами карьеры, не извлекали никакой пользы из своего выгодного положения. Проповедь Миссенгейма является чуть ли не единичным фактом. Один из сотрудников датского миссионера Гаспар Эберфельд, которому приписывают попытку обратить царя в протестантство, кажется, одно и то же лицо с Гаспаром Виттенбергским. По словам Одерборна, последний сам перешел в православие и стал ярым хулителем своей прежней веры. В областях, лежавших по соседству со Швецией и Ливонией, велась протестантская пропаганда, терпевшаяся из политических соображений. В других областях терпимость была равнозначуща выражению презрительного равнодушия.

Рокита сопровождал в Москву польское посольство и задумал идти по стопам Миссенгейма. Он был чех

и слыл за деятельного члена Богемского братства. В его переписке есть указания на миссию, на которую он и его единомышленники возлагали честолюбивые надежды. Посольство прибыло в Москву в феврале 1570 г., в то время, когда Иван был занят новгородскими казнями. До 4 мая оно должно было дожидаться возвращения царя. 7 мая послам был назначен прием. Три дня спустя после этого Роките было предложено говорить всенародно. Возражать ему будет сам царь.

Диспут происходил в Кремле в присутствии большего собрания светских и духовных лиц. Иван начал говорить первым. Он обрушился как на основные принципы нового учения, так и на его применение, и обнаружил хорошее знакомство с предметом спора. По обыкновению, не обошлось и без некоторой увлеченности, выразившейся в грубостях. Иван между прочим заметил, что судя по делам, последователи евангелической веры – свиньи. Это начало предвещало плохой конец диспута, однако дело обошлось благополучно. Иван обещал не прерывать оппонента и сдержал слово. Рокита в своем ответе, сказанном по-славянски, сохранил чувство меры и проявил ловкость, намеренно нападавая только на римскую церковь. Царь слушал его внимательно и терпеливо, похвалил его красноречие, выразил желание иметь его

речь написанной и сказал, что он ответит на нее. Через несколько недель, прощаясь с Рокитой, он велел вручить ему свой ответ в роскошном переплете. Этим все и ограничилось.

Читая это произведение, оригинальный текст которого был недавно открыт и напечатан, Рокита мог убедиться, что он напрасно потерял время. С литературной точки зрения ответ не делает чести государю. Очень плоско, во вкусе того времени, Иван играет именем Лютера, называя его *Лютым*, подобно тому, как в Германии Мюнцер называл его Luegner (лгун). К самому Роките и его единомышленникам он также применяет разные бранные эпитеты. Произведение это не отличается ни ясностью мысли, ни логичностью рассуждений. Но в нем обнаруживается масса знаний, богатство памяти, живость ума, сила диалектики. Иван проявляет все присущие ему способности. Приемы использованы те же, что и в переписи с Курбским. Словом, пред нами произведение самоучки и нервного человека, не получившего систематического образования, но не лишённого ума и много думавшего.

История опричнины содержит один эпизод, могущий заставить усомниться в душевном здоровье Ивана. Это один из самых загадочных моментов драмы и мы на нем должны остановиться. В 1574

или в 1575 г., время точно не установлено, на Руси явился новый царь.

III. Царь Симеон

Царь доверил управление земщиной Мстиславскому и Бельскому. В 1571 г. Мстиславский признался в изменнических сношениях с татарами, но был прощен, благодаря ходатайству митрополита Кирилла. За него поручились три знатных боярина, представивших со своей стороны 285 поручителей. Они внесли большую по тому времени сумму денег в 20 000 р. Но через некоторое время Мстиславский снова попался вместе с двумя сыновьями в подобном же преступлении. Он и на этот раз избежал смерти. Но его измена повлекла за собой многочисленные казни, причем, по словам иностранного летописца, с 1574 г. повелено было бросать головы казненных под окна Мстиславского. В то же время казанский царевич Симеон Бекбулатович, находившийся в Касимове в качестве государя, был провозглашен «царем всея Руси» и поселен в Кремле. Настоящий же царь отказывался от всех своих титулов и почестей, приказал называть себя просто Иваном Московским и ездил на поклон к новому государю в маленьком экипаже – «в оглоблях», как последний боярин.

Что означала эта комедия?

В московской политике вошло в привычку устраивать прежних татарских царей на новые места, давать им земли, где они управляли и продолжали называться царями. Этим Москва привязывала их к себе и подчеркивала перед крымскими ханами свое доброе отношение к магометанству. Другой казанский царевич, Кайбул, был таким царем в Юрьеве, прежний астраханский царь Дербиш-Али – в Звенигороде. Симеон Бекбулатович и умер бы в Касимове, если бы не принял православия и не женился на дочери того самого Мстиславского, о котором я говорил. Из-за этого он не мог быть царем в Касимове, так как там преобладали магометане и требовали себе царя одной с ними веры. Но в Москве не было места для царя, хотя бы и лишённого трона. Иван разрешил этот вопрос, уступив зятю Мстиславского свой престол и титул. Зачем он это сделал – осталось тайной. От 1575 г. мы имеем много документов, где Симеон Бекбулатович именуется царем всея Руси. Из других же документов видно, как Иван расточал этому своему двойнику знаки глубокого почтения, обращаясь к нему с просьбами, как всякий из подданных, выходил из саней, не доезжая до дворца, где жил новый государь. Симеон чуть ли даже не был коронован. Однако Иван, обмолвившийся об этом в разговоре с английским аген-

том Даниилом Сильвестром, опровергал потом свои слова. Это дело нерешенное, говорил он и указывал на семь венцов и другие знаки царского достоинства, остававшиеся у него. Однако восьмой венец, кажется, некоторое время красовался на голове Симеона.

Комедия тянулась до 1576 г. Нечего и говорить о том, что Грозный вовсе не думал передавать своему заместителю что-нибудь, кроме внешних знаков власти. В это время велись переговоры, касавшиеся польского наследства, и мы ни разу здесь не встречаемся с именем Симеона Бекбулатовича. В 1570 г., во время пребывания в Москве императорских послов Кобенцля и принца фон-Бухау, Иван держал себя так, как будто бы нового царя вовсе и не было. Вскоре после этого он его отпустил, отдав ему Тверское княжество. Оно недавно было разорено и заключалось всего лишь в двух городах – Твери и Торжке с пригородами. Жители этой области были рады, что таким образом им возвращают хоть остатки прежнего самоуправления. Но Симеон и не думал держать себя самовластным государем, как прежние удельные князья. В бумагах, отсылавшихся к Ивану, он подписывался «ваш холоп». Во время ливонского похода он командовал войском и принимал участие в войнах с Польшей, но нигде не отличился. Он пережил Ивана и испытал при его преемнике превратности судьбы. Фе-

дор лишил его княжества. Борис Годунов ослепил его, видя в нем соперника. По одним сведениям, он скончался в 1611 г. в Соловках, по другим – в Москве после того, как Михаил Федорович вызвал его сюда. Но для чего все же была устроена эта комедия? Горсей объясняет ее побуждениями финансового характера. Иван прибег к этому приему, чтобы оказаться банкротом, сложив на царя Симеона некоторые обязательства. Нечто подобное имеет в виду и Флетчер. По его словам, при царе Симеоне была произведена конфискация церковных земель. После чего Иван немедленно принял власть в свои руки и возвратил церквам и монастырям отчужденное у них имущество, удержав за собой некоторую его часть и заставив заплатить себе значительную сумму в благодарность. Тот же Флетчер уверяет, что Иван, делая Симеона царем, хотел наглядно показать, что может быть еще худшее правление, нежели его, казавшееся многим невыносимым.

Догадки эти фантастичны и опровергаются фактами. Симеон в действительности не был ни хорошим, ни дурным правителем, так как он вовсе не управлял государством. Вполне возможно, что он стал на место Мстиславского и Бельского во главе земщины и его облекли царским титулом, от которого Иван отказался. Возможно, что у Грозного были и некоторые

задние мысли. Можно предположить, что, провозглашая царем Симеона Бекбулатовича, Иван хотел придать больше правдоподобия своему воображаемому «изгнанию» и таким образом хотел заранее оправдать свой гнев против бояр и свои карательные меры. Вспомним, что и Петр Великий жил в деревянном домике, причем на долю Меншикова, обитавшего рядом с ним в роскошном дворце, выпали все заботы и расходы, связанные с представительством власти. Добавим, что после Полтавской битвы «полковник Петр» представлял свой рапорт «кесарю» Ромодановскому, сидевшему при этом на особом троне. Принято думать, что Великий Преобразователь хотел дать подданным пример покорности, с которой все должны выполнять возложенную на них службу. Однако кто же, как не Иван, установил этот закон служебной повинности? Заглянем в историю Западной Европы. Там мы также найдем попытки поставить государя на один уровень с подданными, подчиняя его обязательной для всех дисциплине. Вспомним Людовика XV накануне битвы при Фонтенуа. Конечно, нельзя молодого французского короля, повинующегося распоряжениям своего полководца, сравнивать с московским государем, устраивающим невероятный маскарад с каким-то татарским князьком. Какими бы тайными побуждениями ни диктовалась эта комедия,

она была бы рискованной во всяком другом государстве. Но предшественнику Петра Великого, по-видимому, суждено было изведать всю меру безграничной власти, испытывая ее над народом, воспитанным в духе терпения и беспредельной покорности.

Может быть, как некоторые и предполагали, комедия с татарским «царем» была связана со сношениями, которые Иван заводил в то время с Англией. Иван искал союза с королевой Елизаветой. Чтобы обеспечить этот союз, он даже готов был отправиться за море. Иногда он даже подумывал заручиться согласием королевы дать ему при случае убежище у себя. Для роли временного правителя, который мог бы заместить царя в его отсутствие, Симеон представлялся наиболее подходящим. Оставив его в Москве, Иван не рисковал по возвращении найти свой трон действительно занятым новым государем. Симеон был совершенно ничтожной личностью. Он не интересовался ничем и никем, и никто бы за него не постоял. В 1576 г. надежды Ивана на Елизавету рухнули. Зато прибытие императорских послов несколько успокоило царя и он тогда же покончил комедию.

На своем троне Симеон оставался простой куклой, он ни в чем не выказал своих административных способностей и не проявил самостоятельности. Документы, исходившие от его имени, сообщают нам о самых

незначительных мероприятиях. После его удаления дела шли так, как и раньше. Впрочем, в последние восемь лет царствования Ивана казни происходили с более или менее продолжительными перерывами. Пережила ли опричнина царя Симеона, нам неизвестно, но, по-видимому, террор уже сказал свое последнее слово.

История еще не произнесла над опричниной своего окончательного приговора. Мне остается дать обзор свидетельств и суждений, относящихся к этому загадочному эпизоду истории царствования Ивана.

IV. Историческая оценка опричнины

В оценке опричнины Соловьев примыкает к точке зрения Карамзина. Но он попытался уловить известный политический смысл там, где автор Истории Государства Российского видит ряд ужасов и безумств. Соловьев характеризует главу опричнины как преобразователя государства. То же самое мы находим и у Кавелина.²⁸ Однако Погодин,²⁹ Юрий Самарин³⁰ и Константин Аксаков,³¹ хотя с некоторыми оговорка-

²⁸ Сочинения, I.

²⁹ Историко-крит. отрывки, М., 1846 г.

³⁰ Соч. V, 203.

³¹ Сочинения, I.

ми, повторяют мнение Карамзина. По их представлениям, опричнина представляет собой создание капризного деспота, прихоть нового Нерона, являющегося настоящим художником всяких злодейств. Бестужев-Рюмин присоединился к мнению Соловьева.³² Этим он навлек на себя резкую критику Костомарова³³ и Иловайского.³⁴ Оба эти историка примыкают к точке зрения Карамзина. В самом бегстве Курбского Иловайский видит последствие жестокостей Ивана. Он никак не хочет допустить, что в этом бегстве заключается одна из причин установления опричнины.

Все эти приговоры грешили излишней суровостью и категоричностью. Естественно, что они вызвали некоторую реакцию, ударившуюся, как это всегда бывает, в противоположную крайность. Некоторые из апологетов Ивана пришли к таким заключениям, под которыми едва ли можно подписаться. В основание одной из своих статей Белов положил тезис, который с некоторых пор в большом ходу у немецких теоретиков государственного права. Он заявил, что новгородская бойня может найти объяснение в общем возбуждении умов, характерном для этой эпохи. Что касается мученической смерти Филиппа,

³² Сочинения, I.

³³ В. Е. 1871 г., № 10.

³⁴ Русский Архив, 1889, 363.

то она явилась неизбежным следствием вмешательства его в политику. Другие историки пошли еще дальше в этом направлении. Один из биографов Курбского, Горский, решился прямо оправдывать осужденные Сильвестра и Адашева, не выслушав объяснений обвиняемых. По мнению Горского, бывшие царские любимцы все равно не признали бы за собой вины. Я упоминал о казни Пронского. По свидетельству Курбского, его утопили, а по словам Таубе и Крузе – растерзали на части. Из этих противоречий Горский заключает, что Пронский мирно скончался на своем одре. Что касается архиепископа новгородского Леонида, то все свидетельства согласны. Его зашили в медвежью шкуру и затравили собаками. По мнению Горского, пастырь этот был, несомненно, виновен, и Иван поступил с ним согласно требованиям справедливости. Такие извращенные суждения, связанные с недостатком нравственного чувства, производят удручающее впечатление. Оставим в стороне апологетов и противников Грозного. Подойдем к вопросу с объективной стороны. Для этого проанализируем все элементы причины и выясним исторические условия, при которых создалось это любопытное явление.

Нужно отметить, что среди современников Ивана даже иностранцы не смотрели на него как на преступ-

ное чудовище. Я не говорю о тех свидетелях защиты, которых Форстен отыскал в Любеке.³⁵ Их показания слишком уж снисходительны. Они превозносят гуманность Грозного, уверяя, что он искренне стремился к соединению церквей. Все это дело торговой рекламы. Если венецианский посол Липпомано в 1575 г. представлял Ивана праведным судьей, то он, очевидно, руководился подобными же побуждениями. Обратимся к польским избирателям 1572 и 1575 г. Они были склонны поддерживать кандидатуру Ивана, что является более веским показанием в пользу московского государя.

Иностранные летописцы и историки той эпохи нарисовали страшную и отвратительную картину жизни опричнины и ее создателя. Но можно ли доверять, например, рассказу Таубе и Крузе? Повествуя об убийствах в Новгороде, как очевидцы этого события, они помещали город на берегу Волги. Ливонский историк Геннинг рассказывает, как одного ребенка опричники взяли из колыбели и принесли к Ивану. Царь сначала ласкал его и целовал, а потом зарезал ударом кинжала и труп его выбросил через окно на улицу. Поступок отвратительный, но Геннинг почерпает свои сведения либо от Магнуса, либо от виленского воеводы Радзивилла. Источники эти нель-

³⁵ Борьба из-за господства над Балтийским морем, СПб, 1884, 467.

зя считать надежными. Одерборн приписывает Ивану проявление еще более сильной жестокости в связи с садизмом. Женщин хватали в их домах, тащили к царю для удовлетворения его похоти, а также и его сподвижников. Потом их душили, волокли обратно в их дома и вешали на целые недели над столами, за которыми мужья их должны были обедать. В других случаях девушек и почтенных женщин, изнасилованных при встречах в городах или деревнях, обнажали на жестоком холоде и ставили в снег на позор перед проходящими. Одерборн был протестантским пастором. Он составил и отпечатал свой труд на польской территории и в ту эпоху, когда протестантство утратило в московском государстве свои прежние привилегии. В то время Польша подготовляла завоевание Москвы и пускала в ход всякое оружие, не пренебрегая прибегать и к помощи прессы. Еще за несколько лет до этого не менее тенденциозное произведение Гуаньино уже фигурировало в качестве средства борьбы в руках Батория.

Для оценки книги Одерборна мы имеем критерий, который можно приложить и к другим подобным писаниям. Померанский историк посвятил одну из наиболее сенсационных страниц своей книги описанию сопровождавшегося убийствами разграбления, положившего конец благополучию Немецкой

слободы в Москве в 1578 или 1580 г. Во время этого погрома насиловали девушек, а затем убивали их на глазах царя. Сам Иван поражал несчастных копьем и сбрасывал их в реку. Два сына государя были при этом ужасном зрелище, младший из них не мог видеть происходившего и убежал оттуда, рискуя подвергнуться гневу царя. Тут было все. Богатые купцы предлагали выкуп за своих близких. Царь отказал им. Тогда они начали поносить его. В гневе Иван подверг несчастных немом ужасной пытке. Их били кнутами, вырывали у них ногти, а когда они начали молиться, призывая имя Иисуса Христа, у них вырвали языки. Наконец их убили и, пронизывая до бела накаленными копьями, сожгли. Сохранились и другие рассказы об этом событии. Рассказ Горсея должен быть отнесен к другому событию такого же рода. Автор не был в России в 1578 г., к которому Одерборн приурочивает разгром. Нельзя допустить, чтобы одна и та же местность подверглась разгрому два раза. Как английский писатель, так и француз Маржерет относят событие к 1580 г. Версии как того, так и другого рассказа в своих ужасных деталях далеки от передачи Одерборна. Маржерет упоминает только о разрушении двух протестантских церквей и о грабеже в немецких домах. При этом обитатели их, несмотря на зимнюю стужу, без различия возраста и пола, были раздеты до гола.

Горсей говорит, что некоторые девушки и женщины были изнасилованы, другие уведены опричниками. Несколько же голых женщин укрылись в доме одного из соотечественников. Маржерет и не думал оправдывать пострадавших: «они не могли обвинять никого, кроме самих себя. Их поведение было так гордо, манеры так надменны, одежда так нарядна, что всех их можно было принять за принцев и принцесс». Виновики слободы накопляли себе богатства, продавая крепкие напитки. Они злоупотребляли предоставленной им монополией и накопляли громадные барыши.

В заключении нам остается сослаться на свидетеля, наиболее заслуживающего доверия. В одном небольшом латинском сочинении «*Psalmorum Davidis parodia*» автор Бох, или Vochius, родом из Любека, делает замечания, относящиеся ко времени его пребывания в Москве в 1578 г. Возможно, что его пребывание там было связано с переговорами, начавшимися тогда между Римом и Москвой. Он был в Москве, когда там разыгрались события, описанные Одерборном. Он воспользовался гостеприимством одного своего соотечественника, жившего по соседству с Немецкой слободой. Однажды в час обеда слобода была занята воинами, одетыми в черное. Во главе их был царь. Его сопровождали сыновья и многие представи-

тели знати. Дома были разграблены, а жители раздеты и выгнаны на улицу.

Мужчины, женщины и дети, совершенно голые, бежали при сильном морозе, ища себе крова. Их преследовали и били без жалости. Хотя, по словам автора, приказано было только грабить, а не бить, но он сам был избит кулаками по лицу и плетью по спине. Раздетый, как и другие, он был вытащен из найденного им убежища. Его мучили целую ночь. Несколько раз били кнутом. На другой день один ливонский дворянин вступился за него, избавил от мучителей и призывал ему на помощь врача.

Эта сцена возмутительна, но сразу бросается в глаза отличие ее от описаний других авторов. Здесь не было ни изнасилований, ни убийств. Мы видим довольно грубый полицейский прием, в духе того времени. Бох утверждает, что этот погром вызвал митрополит, указав царю на то, что иностранцы развращают его воинов в своих кабаках.

Строгий, жестокий и сумасбродный суд Грозного не имеет никаких оправданий. В одном только синодике Кирилло-Белозерского монастыря записано 3470 жертв царя. Там же встречаем приписки: «с женой и детьми, – с дочерьями, – с сыновьями», или такие записи: «Казарин Дубровский с двумя сыновьями и более 10 человек, пришедших ему на помощь. Двадцать

человек села Коломенского. 80 человек из Матвеихи». Под новгородской рубрикой читаем: «Помяни, Господи, души рабов твоих, числом 1500, жителей сего города».

Людовик XI также молился за своего брата, герцога Беррийского.

В другом месте, устав перечислять убиенных мужей, жен, младенцев, Иван обращается к Богу помянуть тех, имена которых только ему известны. В синодике Свяжского монастыря упомянуты княжна-монахиня Евдокия, монахиня Мария, монахиня Александра, утопленная в Шексне, притоке Белоозера. Княгиня Евдокия приходилась Ивану теткой. Александра была одной из его невест. Мария – сестра Владимира. Грозный не щадил своих близких. Если расчет заставляли его миловать виновных, он казнил их родственников. «На чернеца нечего опаляться, писал он игумену Кирилло-Белозерского монастыря по поводу Шереметьева, разве нет в миру его родственников?»

Все это делала опричнина или, по крайней мере, принимала во всем этом участие. Но, по донесению политического агента польского короля,³⁶ без таких приемов террора Иван не мог бы удержаться на престоле. Когда царь собственной рукой поразил Ивана

³⁶ Schlichting, *Scriptores rer. pol.* 1, 145–147.

Петровича Шуйского, он имел в руках документ, уличавший этого боярина в том, что он в сообществе с другими обязался предать его польскому королю, как только последний проникнет на московскую территорию.

Некоторые отрицали существование борьбы между царем и защитниками старого порядка. Но подготовка подобных покушений и есть борьба. Иначе слова не имеют никакого смысла. Эта упорная и дикая борьба была доведена до крайности и с той, и с другой стороны. Одна сторона потеряла чувство долга и чести, другая чувство жалости.

Однако ожесточенность борьбы не исключала примирения с совершившимся фактом, покорности перед силой, что составляет характерную черту русского национального духа. Это обмануло многих наблюдателей. Отправленный Иваном в 1576 г. к императору Максимилиану князь Сугорский был задержан в пути тяжелой болезнью и говорил: «Если бы я мог подняться!.. Жизнь моя ничто, царствовал бы мой государь!».

– Как вы можете служить так усердно тирану? – спросил его герцог Курляндский.

Сугорский ответил:

– Мы, русские, преданы царям и милостивым, и жестоким.

Для пояснения он рассказал, как один боярин был посажен по приказанию царя на кол. В течение 24 часов он терпел эту ужасную пытку, не переставая говорить с женою и детьми, и все время повторял: «Господи, помилуй царя!» Карамзин передает этот факт.³⁷

Противники Ивана, метя ему в сердце, попадали в тыл. Царь не довольствовался тем, что отражал удар за ударом. Даже в народной поэзии, относящейся к Грозному с большим снисхождением, часто подчеркивается, что царь не соразмерял ни своих милостей с заслугами, ни казней с преступлениями.³⁸ Как призрак, стоящий над грудой трупов на кровавом фоне северного сияния, Иван не представлял собой исключительного явления. В своей стране он лишь продолжал традиции прошлого, воскрешая приемы Ниневии и Вавилона, когда с жестокостью переселял массами народ из Новгорода в Москву, из Пскова в Рязань. Уже Василий практиковал эти приемы по отношению к некоторым семьям, переселяя их из тех же областей в центральные части государства, посылая на их место другие семьи из бассейна Волги. За тридцать лет до oprичнины Максим Грек уже говорил о мнимых преступлениях, вменяемых невинным,

³⁷ IX, глава IV.

³⁸ Киреевский. Собрание песен. Москва, 1860–62 г. VI выпуск, стр. 2015.

и о наказании их. Когда хотели обвинить кого-нибудь, агенты государевы подбрасывали ему в дом труп убитого или краденые вещи, и суд произносил свой приговор.

В свой век Иван имел пример и подражателей в 20 европейских государствах. Нравы его эпохи оправдывали его систему. Посмотрите на Италию. Прочтите Бурхарда, хладнокровно писавшего свои протокольные заметки в среде Александра VI и семьи Борджиа. Прочтите иронически-снисходительные донесения венецианского посланника Джустиньяни или циничные мемуары Челлини. Перенеситесь в Феррару, к наиболее цивилизованному двору всего полуострова. Там вы увидите кардинала Ипполита д'Эсте, соперничающего в любви со своим братом Джулио и приказывающего вырвать ему глаза в своем присутствии. Просмотрите протоколы *giustizie* того времени. Ужасы Красной площади покажутся вам превзойденными. Повешенные и сожженные люди, обрубки рук и ног, раздавленных между блоками... Все это делалось средь бела дня, и никого это ни удивляло, ни поражало. Перенеситесь в противоположную сторону материка, в Швецию. Там вы увидите Эрика XIV с его Малютой Скуратовым, любимцем Персоном, выходящими из знаменитой кровавой бани 1520 г., когда 94 епископов, сенаторов и патрици-

ев были казнены в Стокгольме. На престоле, наконец, Иоанн III. Персон наделал много зла. По приказу нового короля его вешают, не сразу душат и при этом дробят ему руки и ноги и, в конце концов, пронзают грудь ножом. Не забывайте и о Нидерландах. Хотя погром Льежа, о котором я уже говорил, произошел столетием раньше, но он все-таки мог быть уроком для Ивана. Он мог даже на таком расстоянии вдохновиться примерами Хагенбаха, правителя Эльзаса, действовавшего в духе системы Карла Смелого. Быть может царю рассказали о знаменитом празднике, на котором приглашенные мужчины должны были узнать своих жен, раздетых донага и с лицами, закрытыми вуалью. Тех, кто ошибался, сбрасывали вниз с лестницы. Можно напомнить капитуляцию Монса, условия которой были нарушены в 1572 г. наместником Альбы Нуаркармом. 11 месяцев победители предавались там кровавым эксцессам. Можно напомнить о 20 000 граждан Гарлема, переколотых в следующем году герцогом, в то время как Филипп II в официальном письме предлагал награду за убийство Вильгельма Оранского. Не забудьте и инквизиции и 40 протестантов, сожженных 12 марта 1559 г. в Велладолиде, а также Варфоломеевскую ночь во Франции. Вспомните Генриха VIII английского, его казематы и виселицы. Голова епископа рочестерского Фишера гнила на решет-

ке лондонского моста, в то время как король в белом шелковом одеянии вел к алтарю Анну Сеймур на другой день после того, как он приказал обезглавить Анну Болейн!

В той исторической среде, из которой вышли эти кровавые призраки, они получают свое воплощение в русском царе. Если мы примем в расчет различие в культуре, Иван не покажется слишком далеким от цивилизованного христианского мира Европейской эпохи.

Если нравы эпохи оправдывали жестокость на Западе, то то же приложимо и к Ивану. Курбский, задавший тон хулителям царя, был заинтересованной стороной в этом деле. Он был представителем непокорного меньшинства. Масса же выражала свое настроение при помощи поэтического народного творчества, и мы уже знаем дух его. Народ не только терпел Ивана, но восхищался им и любил его. Из толпы его сотрудников он удержал только два имени – Никиты Романовича Захарьина и палача Малюты Скуратова. История мало знает о первом. Брат царицы Анастасии, как и Сейс, свидетель террора во Франции в XVIII веке, умел жить. Легенда сделала из него героя, изобразив его отказывающимся от милостей царя и заботящимся об установлении более мягких законов для народа. Та же легенда отдает предпочтение

Малюте Скуратову, как истребителю бояр и князей.

Этот демократический инстинкт властно обнаруживается во всех воплощениях народного слова и раскрывает нам тайну опричнины, ее идею и легкость, с которой Грозный навязал ее одним и вызвал сочувствие большинства. В сценах народного творчества, где встречаются бояре и крестьяне, первые играют всегда незавидную роль – это или плуты, или дураки. В одной легенде рассказывается о загадке, которую должен был разгадать государь. От этого зависела его судьба. Вельможи, призванные царем на помощь, не могли ему помочь, выручил же его крестьянин. Легенда производит царя из простой семьи и придает его власти народное происхождение. После смерти одного царя народ идет на реку со светильниками, чтобы окунуть их в воду и потом зажечь. Царство достанется тому, кто первый зажжет свой светильник. «Пойдем на реку, говорит Ивану один *боярин*, если я стану царем, я дам тебе волю». – «Пойдем, отвечает Иван, если я стану царем, велю снять тебе голову». Иван получает корону и сдерживает свое слово.

В этом вся народная философия. О войнах, которые вел Грозный, народ, по-видимому, не сохранил никаких воспоминаний. В административных же реформах народное сознание подметило только нивелирующую тенденцию.

В народных песнях говорится, что царь обещает содрать кожу с бояр и князей и сварить их живьем.

Грозный очень религиозен, но, выслушав обедню, он велит рубить головы князьям и боярам.

Это самое существенное в народной поэзии, относящейся к личности и деятельности Ивана. Быть может, ошибаются те, кто думает, что в борьбе с боярами Иван защищал основные начала русской жизни – православие, самодержавие, народность. Во всяком случае, он боролся за единство русской земли. Как мы уже видели, Курбский в своей привязанности к православию и национальности не уступал самому яркому фанатику из своих крестьян. Преданность самодержавию вряд ли можно признать характерной чертой русского духа того времени. Память о прежнем вечевом устройстве еще не могла окончательно исчезнуть в XVI веке. Но Курбский и подобные ему, заводя сношения с Польшей, изменяли своему государю и отечеству. Измена является основным мотивом народной поэзии, воспевающей Ивана. Измена везде преследует царя и, раздавленная двадцать раз в крови, она снова возрождается, принимая различные формы.

Оправдывая всеобщим предательством жестокости Ивана, народная легенда по-своему объясняет происхождение зла. Народная логика не последова-

тельна. Покорив себе всех земных царей, Иван требует от них дани. Те отвечают: «Мы дадим тебе дань и еще пришлем двенадцать бочек золота, только отгадай три загадки». Мудрость обычных царских советников, бояр и князей, оказывается бессильной. Царю помогает в его затруднении простой плотник. За находчивость Иван обещает ему бочку золота. Но вместо золота Иван насыпает в бочку песку. Тогда плотник, угадавший обман так же легко, как он разрешил заданные царю загадки, предсказывает Ивану заслуженное наказание. Он сказал, что царя постигнет то, в чем он сам согрешил. От него пошла измена по русской земле и сам он будет больше всего от нее терпеть.³⁹

Я еще сошлюсь на одно веское показание. Свидетелем кровавых казней Ивана был английский мореплаватель Ченслер. Рассуждая практически, он пришел к заключению, в котором выразился взгляд просвещенных, культурных современников Ивана. «Дай Бог, писал он, чтобы и наших упорных мятежников научили таким же способом обязанностям по отношению к государю».⁴⁰

Я намеренно не касался до сих пор сношений Ивана с Англией. Их можно понять лишь при свете выше-

³⁹ Рыбников. Сборник народных песен, II, 232–236.

⁴⁰ Collect., Hakluyt, I, 240.

изложенных фактов. Теперь обратимся к этому вопросу, имеющему большое значение как в жизни Ивана, так и в истории его царствования.

Глава третья

Англомания Грозного.

Иван и Елизавета

Первые англичане в России. Проекты союза. Проект брака. Мария Гастингс. Голландское соперничество и разрыв.

I. Первые англичане в России

В тот момент, когда Иван старался вступить в сношения с Западной Европой через Ливонию и Балтийское море, в разных государствах Запада нашлись люди, которые пошли ему навстречу. Это была героическая эпоха путешествий и открытий. Увлечение смелыми морскими предприятиями из Испании и Португалии перешло уже на берега Ламанша, побуждая французов во главе с Жаном де-Лери проникнуть в Бразилию, а с Жаком Картье в Канаду, с первыми колонистами-протестантами во Флориду. За ними, по следам Колумба, Кортеса и Васко де Гамы, двинулась целая армия английских мореплавателей. Все они были увлечены желанием открыть путь в Индию или увеличить колониальные владения своего го-

сударства. Все эти Каботы, Ралеи, Дрэйки, Девисы, Флобишеры отправлялись исследовать Лабрадор, открывали Луизиану, совершали, по примеру Магеллана, чудесное путешествие вокруг света или углублялись в снежные равнины Северной Америки.

Во всех этих предприятиях Англия была заинтересована больше других стран: тогда, как и теперь, ее индустрия переживала кризис. Приобретение новых рынков для нее становилось вопросом жизни и смерти.

В 1552 г. в Лондоне начаты были переговоры между группой коммерсантов и знаменитым венецианским мореплавателем Себастьяном Каботом. На следующий год они закончились проектом экспедиции для открытия земель на северо-востоке. По подписке было собрано 6000 ливров, и 23 мая 1553 г. три корабля отплыли из гарвичского порта. Это были «*Vona Esperanza*», под командой сэра Хьюго Уилльуби, «*Vona Avantura*», под командой Ригарда Ченслера, и «*Vona Confidenza*», под начальством Корнелиуса Дерфорса. Кабот был редким знатоком космографии. Так как экспедицией интересовались важнейшие английские сановники – казначей, маркиз Винчестер, гофмейстер, граф Арундель, хранитель печати, граф Пемброк, – то можно предполагать, что ей был придан и научный характер. Хотя случай сыграл важную

роль в перипетиях этого путешествия, но присутствие на кораблях русских переводчиков, в момент их прибытия к берегу Белого моря, дает повод нам думать, что они попали туда не случайно.

Мартенс⁴¹ упоминает о документах, свидетельствующих о более ранних дипломатических сношениях Ивана с Эдуардом VI. Нам неизвестно, в чем они заключались. Во всяком случае они не послужили распространению топографических сведений о великой северной державе. Двадцать лет спустя Герберштейн говорил о ней как о стране чудес. Он серьезно повторяет нелепые сказки о громадном идоле, «Золотой бабе», перед которым вечно трубят вставленные в землю медные трубы. Он говорит о племенах, умирающих осенью, чтобы воскреснуть весной, упоминает о большой реке, где водятся рыбы, имеющие человеческую голову, глаза, нос, рот, руки и ноги. Рыбы эти немые, но приятны на вкус...

Уилльуби и его спутников ожидали более реальные испытания, чем встреча с этими чудовищами. Буря рассеяла эскадру, Ченслер потерял из виду другие суда. Он напрасно прождал их в условленном пункте в Вардегузе, на норвежском берегу, и один отправился в путь. 24 августа он зашел в какую-то бухту, где его появление обратило в бегство несколько рыбацких

⁴¹ Собрание трактатов, IX, введ., ст. VI.

лодок. Он последовал за ними, догнал их, и неизвестные ему люди сообщили, что он у берегов Московского государства. Холмогорские власти известили Ивана, и он пригласил иностранцев в Москву, предоставляя им право и не предпринимать этого дальнего пути, а начать торговлю, если они только за этим приехали. Не дожидаясь этого извещения, Ченслер прибыл в Москву, пробыл там 13 дней, виделся с царем и возвратился на родину. Он вез дружественный ответ государя на циркулярное послание, которым были снабжены начальники экспедиций.

На следующую зиму в Москве распространился слух, что на берегу Белого моря найдены два судна. На них было много товаров, а также и трупы людей. Это были «*Bona Esperanza*» и «*Bona Confidenza*» со своим экипажем. Здесь было 83 человека из 125, севших в Гарвиче. Уилльуби был занесен бурей в одну из бухт, и перед его глазами погибли один за другим все его спутники. Из записок, которые он имел мужество весть, видно, что он пережил их всех и умер в январе 1554 г.

Когда Ченслер вернулся в Англию, Эдуарда VI уже не было в живых. После сделанного им доклада Мария и Филипп Испанский отправили его снова в Москву представителем «Товарищества английских купцов для открытия новых рынков». На самом деле

эта компания называлась Московской или Русской. Два специальных агента – Ричард Грей и Джорж Киллингворс – были прикомандированы к представителю новой миссии. Им была вручена инструкция, обнаруживающая тонкое понимание руководящих интересов. Агенты должны были познакомиться с нравами населения Московского государства, изучить налоговую и денежную систему, употребляющиеся в стране меры веса. Они должны были следить, чтобы их соотечественники строго соблюдали русские законы. Им поручалось основать в Москве и других городах торговые конторы и магазины. Узнать типы товаров, которые могли бы найти там сбыт, и в то же время заняться изысканием удобнейших путей на крайний Восток, главным образом в Китай. Инструкция указывала на русские продукты – сало, воск, деготь, коноплю, лен, меха, – вывоз в Англию которых был желателен. Она предлагала взять образцы руды, которую можно было бы разрабатывать на землях царя, и поручала навести справки о немецких и польских тканях, которые можно было заменить английскими. Она предполагала возможность монополизации некоторых отраслей внешней русской торговли. Выработана была обширная программа, и следовавшие ей Ченслер, Грей, Киллингворс и их преемники оказались на должной высоте.

Ченслер благополучно прибыл в Москву и вступил в переговоры с дьяком Висковатым. Ему удалось получить грамоту, обеспечивавшую за компанией важные привилегии: полное освобождение от пошлин, специальный суд для всех живущих в России англичан, совершенно автономный, когда дело касалось одних англичан, и зависящей только от царя, когда дело касалось лиц обеих национальностей. Прибыли, получавшиеся компанией, были громадны. По донесению одного из агентов, в Новгороде она продавала штуку сукна за 17 р., в то время, как она стоила с перевозкой 6. Но это скоро породило опасную конкуренцию. Норвежские, а быть может и голландские суда, шли по пути, проложенному английскими мореплавателями. Монополии англичан грозила опасность. Начались пререкания, и Иван послал в Англию посредника, чтобы положить конец осложнениям.

21 июля 1556 г. Осип Григорьевич Непея, вологодский наместник, выехал в Англию с целым флотом, нагруженным товарами и шедшим под командой Ченслера. Между судами находились «Bonaventure», два корабля Уилльуби, починенных русскими, и «Филипп-Мария», только что прибывший из Англии. Увы! через год английская экспедиция, во главе со Стефеном Борро, отправилась на поиски трех из этих судов. Но они погибли бесследно. После трех месяцев

бурного плавания, «Bonaventure» один достиг Англии и разбился у берегов Шотландии. Бывший на нем, вместе с Непеей, Ченслер погиб со своим сыном и частью экипажа, спасая московского посла. 7 человек русских, сопровождавших его, также погибли. Товары, стоившие 7 000 ф. стерлингов и поглотившие все состояние Непеи, утонули и частью были разграблены местными жителями. Расследование, назначенное королевой Марией, вырвало из их рук только жалкие остатки. Сам Непея спасся, но расследование его задержало, и он прибыл к воротам столицы только в феврале 1557 г. В виде вознаграждения ему была устроена торжественная встреча. Сто сорок купцов со своими слугами составляли его свиту. Для въезда ему подвели роскошно убранного коня. Лорд-мэр вышел ему навстречу. Филипп принял русского посла в марте, по возвращении из Фландрии. В мае Непея мог считать свою миссию счастливо законченной. Он получил для своей страны почти те же привилегии, какие даны были в ней англичанам: беспошлинную торговлю для русских подданных, живущих в Англии, специальный, подчиненный лорду-канцлеру суд, позволение набирать для царской службы мастеров, инженеров, лекарей. Не решенным окончательно остался главный вопрос – о коммерческом соперничестве на московской территории, но Филипп и Мария рас-

считывали на командира корабля, с которым Непея отплыл на родину. Действительно, этот командир сыграл важную роль в истории сближении двух государств.

Его звали Антоний Дженкинс, и он поступил на службу московской компании на 40 фунтов стерлингов жалованья, хотя он заслуживал больше. С 1546 г. он объездил почти всю Европу, а также берега Африки и Азии. В России он высадился в июне 1557 г., долго присматривался к русской жизни в Холмогорах и Вологде и в Москву прибыл только в декабре. Иван его встретил хорошо, а узнав его ближе, он не хотел иметь ни с кем другим дела, кроме него. По-видимому, он представлял собой образчик расы так называемых *business-men*, которым Великобритания обязана современным положением в свете. Отличительной чертой их является хорошее знание дела, широта взглядов, предприимчивость и железная воля. На следующий год, проведя зиму в Москве, он уже появляется в Астрахани. В августе он первый из англичан поднимает свой национальный флаг на волнах Каспийского моря. В сопровождении только двух товарищей он везет огромный груз, состоящий из товаров. Ими он навьючивает тысячу верблюдов, нанятых у туркмен, и отправляется через Туркестанские степи в Бухару и, если будет возможно, дальше, в са-

мый Китай, но в Бухаре застаёт его война. Самаркандский хан угрожает городу. Дженкинс осмотрителен, он во время ретировался, избежал засады и грабежа, и в сентябре 1569 г. снова появляется в Москве, а с ним бухарское посольство и 25 русских пленников, отбитых у туркмен. Царь милостиво принимает его подарки – хвост белого буйвола и турецкий барабан. В Англию он везет с собой молодую азиатку, султаншу Ауру, которую он предназначает для новой королевы Елизаветы. Из своего путешествия он вынес впечатление, что виденные им страны дальнего востока с коммерческой точки зрения не представляют никакого интереса, но все же он предлагает начать сношения с Персией. В 1561 г. он снова покидает Англию. Его ласково принимает в Казбине шах Тамас. Владыка Ширвана Абдул-хан вступает с ним в личную дружбу.

Заботясь о приобретении этого нового рынка и об укреплении за своей родиной привилегий, данных Москвой, он не на шутку борется с итальянскими и брабантскими конкурентами. Итальянскому агенту Рафаэлю Барберини удалось добыть у королевы Елизаветы патент на торговлю с Россией. Он старается распространить убеждение, что англичане служат лишь посредниками по доставке на московский рынок продуктов голландского и французского произ-

водства. Дженкинс отвечает тем, что добывает новую грамоту для московской компании, она подтверждает прежнюю монополию и распространяет ее от устьев Северной Двины до берегов Оби, включая сюда Холмогоры, Колу, Мезень, Печору и Соловки. Она предоставляет право ему одному держать двор в Москве и устраивать склады на Двине, в Вологде, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани, Новгороде, Пскове, Нарве, Юрьеве. Кроме того, она дает ему право свободного провоза товаров, отправляемых в Бухару и Самарканд.

Несомненно, подобные уступки были слишком большие и неожиданные. Основаны они были, вероятно, на соображениях другого порядка, и Дженкинс служил лишь объектом для выражения новых отношений, возникавших между Англией и Россией.

II. Проекты союза

Иван был сильно поражен величием и гением английской нации. Судить об этом он мог благодаря сношениям с английскими гостями в продолжение нескольких лет. С другой стороны, его удручало сознание своего одиночества при постоянной борьбе с внешними и внутренними врагами. И вот в его пылком и упорном уме родилась идея, не покидав-

шая его до смерти. Он начал мечтать о приобретении для борьбы с внешними врагами, с их армиями, флотом и богатствами, сильной союзницы, торговля, морские силы и кредит которой начали уже покорять мир. Не дурно было и против своих внутренних врагов иметь сильную поддержку, а для себя приют! Иван в своем воображении, пожалуй, уже видел себя в изгнании, но благодаря поддержке своей сильной союзницы он сам назначил час своего победоносного возвращения. Быть может, к этому примешивались и некоторые планы более романтического характера. Елизавете суждено было быть предметом более или менее лестных исканий, к политике примешивалась любовь. Быть может, несмотря на свой преклонный возраст, на преувеличиваемые им, но все же действительные недуги, несмотря на четыре или пять живых и умерших жен, он захотел увеличить собой число претендентов. Елизавета же усвоила искусство увертываться от матримониальных объяснений, не оскорбляя и не отнимая надежды у искателей. Дженкис, как хороший дипломат, мог проникнуться идеями и тактикой своей повелительницы. Когда он возвращался в 1567 г. в Англию, ему было дано какое-то тайное поручение, содержание которого нам неизвестно. По всей вероятности, оно было довольно щекотливого свойства, так как от-

вет на него последовал нескоро.

Он замешкал до такой степени, что это отразилось на английской торговле в московском государстве. Нарвская гавань была открыта для иностранных судов, в Антверпене и даже в самой Англии возникли общества, которые могли оказаться опасными конкурентами московской компании. Они угрожали ее монополии. В 1568 г. Елизавета увидела себя поставленной в необходимость исправить свою ошибку. Так как она не могла в это время прибегнуть к помощи Дженкинса, она заменила его важным послом, начальником королевской почты Томасом Рондольфом. По данным его инструкциям мы можем угадать смысл тайных предложений Грозного. Рондольфу было поручено официально «восстановить порядок в английской торговле», но вместе с тем он должен был отклонить, по возможности, предложения царя, уверив его, однако, что в случае беды королева не откажет ему в гостеприимстве. Как видно, Иван серьезно думал об Англии. Но хуже всего было то, что он условно соглашался воспользоваться приютом, желая заплатить той же услугой. Его гордость не позволяла ему принимать более того, чем он мог дать сам. Он требовал, чтобы королева, которая должна была бороться с мятежниками и подвергаться опасностям, согласилась считать официальным прибежищем для себя

Кремль. Легко себе представить, как должна была отнестись к подобному условно дочь Генриха VIII.

Рондольф прибыл в Москву в октябре, в неудобный момент, когда Филипп досаждал Ивану. Грозный был раздражен. Можно предположить, что агенты московской компании позволили какую-нибудь резкость по отношению к своим конкурентам или даже по отношению к самому царю. Они, вероятно, не приняли никаких мер для обеспечения успеха возложенного на них поручения. Продолжительное молчание Елизаветы оскорбило самолюбивого монарха. Следствием всего этого был прием, часто практиковавшийся в то время в Москве при дипломатических сношениях. До февраля 1569 г. посланника продержали как в плену в отведенном для него доме. К нему никого не допускали и он был поставлен в невозможность исполнить возложенное на него поручение. Через четыре месяца ему удалось добиться аудиенции, но он был принят без обычных почестей и не был приглашен к царскому столу, как это полагалось. О том, что происходило на этом свидании, нам ничего неизвестно. Но, по-видимому, посол несколько смягчил Ивана, так как через несколько дней он снова был приглашен к царю. Свидание было обставлено большой тайной, происходило ночью, и Рондольф должен был идти в чужом платье. Аудиенция длилась три часа.

О ее содержании можно лишь делать предположения. На другой день царь уехал в Александровскую слободу и вернулся только в апреле. Его отношения к послу сильно изменились. Он не только соглашался восстановить права английской торговой компании на пользование прежними льготами, но дал еще новые привилегии. Он предоставил ей право свободной торговли с Персией, разрешил открыть в Вычегде разработку железной руды и производить на свой страх перечеканку денег в Москве, Новгороде, Пскове, обещал закрыть Нарвский порт для новой торговой компании, организованной в Англии, московской же компании разрешал с оружием в руках преследовать в Белом море суда других наций.

Рондольф, по-видимому, внушил царю какие-то новые надежды. В Лондон был отправлен новый посол. Этот преемник Непеи носил фамилию Савина. Проживши десять месяцев на берегу Темзы, он возвратился в Москву только с письмом Елизаветы, очень туманным и неопределенным. К обещанию помощи, на которую, правда, трудно было рассчитывать, она прибавляла уверения в своей дружбе к царю. Она писала, что, когда ему заблагорассудится воспользоваться ее гостеприимством, она примет его с подобающими почестями, примет на себя заботу и все расходы по его содержанию. Таким образом,

она предлагала ему не союз, о котором он мечтал, а милостыню.

Иван казался проснувшимся от сладкого сна и был очень не в духе. Утратив всякую меру чувства, он написал Елизавете ответ в духе тех посланий, какими он в то время честил шведского короля. Он писал ей, что не допускает мысли, чтобы она сама отнеслась так неуважительно к потомку римских кесарей. Он думал, что она госпожа себе и свободна в своих действиях, но теперь видит, что ею управляют другие, и кто же? Простые мужики! Сама она «*пошлая девица*» и ведет себя соответствующим образом. Он не желает больше поддерживать с ней никаких отношений. Москва обойдется и без английских мужиков.

На ругательства не стоило обращать внимания. Привыкшая к мадригалам Елизавета могла только улыбнуться, прочтя письмо Ивана. Но прежде чем оно пришло в Лондон, там была получена весть, что царь отобрал у московской компании все льготы и привилегии, отобрал у нее все товары и наложил запрет на ее торговлю. Закрывались пути, приобретенные такими усилиями! Погибла надежда отнять у венецианцев и португальцев восточные рынки. Нужно было постараться избежать этого несчастья. Казалось, один только человек был в силах это сделать. Поставив

во главе нового почетного посольства Роберта Беста, Елизавета отправила с ним Дженкинса.

Но даже и этому смелому исследователю пришлось испытать перемену обстоятельств. В 1571 г. он высадился в бухте Святого Николая на острове, названном английским мореплавателем Rose-Island, из-за найденных там диких роз. Отсюда он сообщил в Москву через прежнего переводчика при Савине, Даниила Сильвестра. Но он не мог ни сам проехать, ни переслать весть, так как свирепствовала чума и по дорогам устраивались карантины. Один гонец пытался пробиться силой и чуть не был сожжен живым. Кроме того Иван отправился в поход против шведов и, по словам русских властей, нечего было и думать догнать его. К этому еще прибавляли, что если бы Дженкинс и решился на это, его жизнь была бы в опасности. Царь обвинил его в крушении своих планов и объявил, что отрубит ему голову, если он посмеет явиться в Россию.

Англичанин несколько не испугался. Хотя холмогорский воевода отказывал ему в помещении, провианте и покровительстве, а местное население относилось враждебно, он пробыл здесь до января 1572 г. Затем, миновав заставу, он смело явился к Грозному в его убежище – Александровскую слободу. Он, вероятно, успел оправдаться еще заранее, так как царь

принял его очень милостиво. Иван поспешил окончить обычные церемонии приема и быстро перешел к конфиденциальной беседе, в присутствии только двух своих приближенных. По обыкновению, к делу, интересовавшему его, он прибавил еще десять других. Он долго говорил о каких-то английских купцах, привозивших будто бы ему письма, позорящие его имя. После долгих предисловий он приступил к главному вопросу, спросил, как обстояло дело с «тайными поручениями», известными Дженкинсу, по поводу которых Рондольф принял некоторые обязательства. Дженкинс ответил, что он слово в слово передал королеве адресованные через него поручения и что королева, *милостиво выслушав их*, поручила Рондольфу вести дальнейшие переговоры. Он же уверяет, что никаких обязательств он на себя не принимал. По вине этого посредника и произошло недоразумение. Чтобы подкрепить свои заверения, он вручил Ивану письмо Елизаветы.

Ивана приятно удивило то, что в письме Елизаветы не было ответа на его дерзости. Она с большим достоинством говорила, что ее подданные не дают повода к неудовольствиям, и ей нечего опасаться, что придется искать пристанища в чужой стране. Она пребывает в наилучших чувствах по отношению к царю. Если он согласен забыть свое *законное* неудовольствие про-

тив английских купцов и вернуть им льготы, она готова дать ему самые очевидные доказательства своей дружбы. Дженкинс повел дело так, что Грозный принял за уступчивость то, что было выражением презрения. Он опять дал Дженкинсу аудиенцию в Старице и после некоторых колебаний согласился вернуть свои милости московской компании и ее главе Вильяму Гаррету. Он теперь отказывался от всяких тайных соглашений. Когда Дженкинс спросил об именах английских подданных, давших повод к неудовольствию, царь ответил с достоинством, что если он их простил, то не для того, чтобы их наказала королева.

Мы не можем сказать, какие задние мысли были у царя в этот момент, но только успех Дженкинса оказался личным и переходящим. В июле 1572 г. искусный дипломат навсегда покинул Москву, а в следующем году Сильвестр привез оттуда печальные вести. Ссылаясь на отношения, завязанные английскими купцами с Польшей, Иван наложил некоторые пошлины. Хотя они и не превышали тех, которыми облагались товары всех других иностранцев, но все-таки это нарушало дарованные льготы. Бывший посредник между двумя нациями понял, что возобновление неприязненных отношений было вызвано разочарованием царя в надеждах на союз. Елизавета решила возложить на самого Сильвестра новое поручение.

Она соглашалась вести с Иваном тайные переговоры, какие будет угодно ему начать. Она только не может дать понять своим подданным, что среди них чувствует себя в опасности, чтобы действительно не вызвать чего-нибудь. Сильвестр должен был постараться внушить это Ивану.

В 1575 г. Сильвестр нашел Ивана в новом дворце в Кремле. Он жил там, как частное лицо, предоставив трон Симеону. «Вы видите, – сказал он английскому послу, – что не даром я обращался к вашей королеве. Она поступила не умно, отвергнув мои предложения». Сильвестр не мог выяснить, как он должен отнестись к этому непредвиденному в Лондоне положению вещей. Он ничего не решил до того времени, когда царь оставил Москву и поехал навстречу императорским послам. По возвращении он заговорил уже совершенно иначе. Он сказал, что если не получить от Елизаветы полного удовлетворения, вся торговля будет предоставлена немцам и венецианцам.

Посол с этим ультиматумом должен был возвратиться в Лондон. Мы не знаем, каков был ответ, так как на обратном пути в Москву он был убит молнией в Холмогорах. Все его бумаги сгорели вместе с домом, в котором он жил. Сделала ли уступку Елизавета? Русский историк, наиболее основательно изучивший эту главу истории, склонен допустить

возможность уступки.⁴² Однако это мало вероятно, так как в следующее трехлетие прекратились всякие сношения между обоими государствами. Возобновились они тогда, когда Иван был увлечен новой несбыточной мечтой, внушенной ему одним из иностранцев, живших со времени посольства Савина в некоторой близости к государю.

III. Проект брака

Он звался Елисей Бомель или Бомелиус и был родом из Везеля в Вестфалии, изучал медицину в Кембридже, но занимался главным образом астрологией. По причине известности, обретенной им на этом поприще, он по приказу лондонского архиепископа находился в тюрьме, когда в Лондон приехал Савин. Так как его обещали освободить от заключения, если он уедет из Лондона, то он согласился отправиться вместе с московским послом в Россию, чтобы поступить на службу к царю. В Москве он приобрел в короткое время большое состояние и дурную славу. Его считали приготовителем ядов, которыми Иван пользовался для умерщвления своих жертв. Его обвиняли также в том, что он растлеывает разум царя ко-

⁴² Толстой. Первые 40 лет сношений России с Англией, стр. 31.

щунственными разговорами и уговаривает его искать убежища в чужих землях.

Еще до появления этого авантюриста Иван обратил свои взоры на Англию, а может быть, и на Елизавету. Но Бомель постарался направить его честолюбие в другую сторону. Самому ему не пришлось присутствовать при развитии начатой им интриги. В 1579 г. он был вовлечен в заговор. Зависть и злоба, возбужденные им во многих, помогли установить его вину, и он погиб в ужаснейших пытках. Но жена его, Анна Ричардс, родом англичанка, осталась в России. Только после смерти Ивана она вместе со своими соотечественниками, лекарем Ричардом Эльсис и аптекарем Френшем была выслана в Англию. Подобная участь постигла тогда всех иностранцев.

Ненавидимый всеми Бомелиус был выдан скорее в качестве немца, чем англичанина. Предав несчастного астролога пытке, Грозный выразил желание снова начать переговоры с Англией.

В 1580 г. Иван поручил агенту Московской компании Джерому Горсею выхлопотать у Елизаветы присылку военных припасов – свинца, меди, селитры, серы, пороху. Царь собирался начать войну с Баторием. Но инструкции, спрятанные Горсем в сосуде с водкой, этим не ограничились. Под влиянием Бомелиуса царь более, чем когда-либо, желал найти в Англии нечто

другое. Если Елизавета отклоняла упрямо все искания, то у нее были родственницы – невесты.

В 1581 г. Горсей привел с собой три судна, нагруженные просимыми предметами. С ним вместе приехало немало цирюльников и аптекарей. Взамен Бомелиуса Елизавета прислала царю лекаря, которого она очень ценила. В России он был известен под именем Романа Елизарьева, хотя его имя было Джек Робертс. Он постарался обратить внимание царя на одну из родственниц королевы.

В том же году московский посланник Федор Иванович Писемский отправился в Англию с поручением начать переговоры о союзе и приступить к сватовству. Иван остановил свой выбор на племяннице королевы, дочери князя Титунского (sic). Дело шло о Марии Гастингс, дочери лорда Гонтингдон. Ее бабка приходилась двоюродной сестрой Елизавете.

IV. Мария Гастингс

Иван только что вступил в шестой брак с дочерью одного из своих думных дворян Марией Нагой. Но это ничего не значило. Самому отцу царицы Афанасии Нагому было поручено с другими боярами расспросить Робертса о новой невесте. Еще до отъезда Писемского, в июле 1581 г., в Архангельске вы-

садился представитель английских купцов, торговавших с Россией. Он привез с собой письмо Елизаветы, данное в Вестминстере 23 января 1581 г. В нем говорилось о датском короле, препятствовавшем ведению торговли англичанами. Владея Норвегией и Исландией, он предъявлял свои права на все суда, плавающие между этими землями. Посол должен был отвезти ответ царя по этому вопросу. Иван предлагал королеве конвоировать военными судами товары, направляемые в русские порты под английским флагом. Но прежде всего Писемский должен был добиться у Елизаветы позволения повидать *Титунскую княжну*. Послу поручалось рассмотреть ее хорошенько, заметить, какого она роста, красива ли, бела, дородна, узнать какова ее семья. Наконец он должен был привезти ее портрет и точную *мерку на бумаге*. Если ему укажут на недавнюю женитьбу царя, он должен был ответить, что это не имеет никакого значения, так как новая царица простого боярского роду. Это не помешает Марии стать царицей. Что касается детей, которые могут родиться от этого брака, то они получают соответствующие уделы. Престол же перейдет к царевичу Федору. Будущая царица должна принять православную веру, как и те из ее приближенных, которые захотят при ней остаться. Помолвке должно было предшествовать заключение союза. Англия

должна была помочь Ивану своей армией и флотом в борьбе с Баторием. Но он не хотел пользоваться одолжением, за политическую услугу он предлагал самого себя.

Для решения вопросов, касавшихся торговли, к Писемскому был присоединен агент Московской компании Эгид Крюю. В качестве переводчика ехал лекарь Робертс. Ему было дано особое поручение – сообщить Елизавете о намерении царя тайно посетить Англию. Иван готовился к серьезной атаке, которая, по его мнению, должна была увенчаться успехом его заветную мечту.

Писемский прибыл в Англию в сентябре 1582 г. Первая аудиенция дана была ему в Виндзоре лишь 11 ноября. В этот момент часть его поручения потеряла свое значение. Иван уже был разбит Баторием и принял условия мира. Московский посол притворился, что не знает об этом событии. Возможно, что его уже снабдили новыми инструкциями, предписывавшими ему добиться заключения союза, чтобы явилась возможность начать новые военные действия против Польши. Но он очутился в смешном положении, так как не хотел выступать открыто в то время, когда и посол Батория был в Лондоне и не терял времени даром. Польше, казалось, суждено было победить Россию и на поприще дипломатических сноше-

ний. Как ни старался Писемский ускорить начало переговоров, они откладывались со дня на день под разными предлогами. То придворные празднества мешали, то чума. «Не мешает же вам чума вести переговоры с поляками», ворчал русский посол. Он дождался отъезда поляков и только тогда догадался, что его хотят вежливо спровадить. Торжественно введенный к королеве графом Лейчестером, лордом Говардом, сэром Кристофом Геттоном и самим графом Гонтингдоном, он вручил Елизавете подарки от имени царя и от своего. Подарки заключались в дюжинах кунных шкурок. По донесениям посла, Елизавета была очень милостива, стала веселой и спрашивала о здоровье царя, сказала, что она его любит, как брата, рада будет его видеть и заключить с ним союз. Но после аудиенции о переговорах долго не было речи. Только в конце месяца Писемский был приглашен на охоту – бить оленей! Он ответил немного резко, что ему теперь некогда забавляться и что по случаю поста русские теперь мяса не едят, но все-таки он принял приглашение. 13 декабря он узнал, что графу Лейчестеру, лорду Генсдону, сэру Кристофу Геттону и секретарю Френсису Уольсингему было поручено вести с ним переговоры. Сопровождения должны были происходить в Гринвиче. На них имели право присутствовать и заинтересованные в торговле с Россией купцы.

С самого начала возникли несогласия относительно предмета переговоров. Предлагая Англии пропускать все русские товары, вывозимые ею, без пошлин, Писемский требовал союза против польского короля, которому помогают папа, император и другие государи. Московский посол упрямо стоял на своем. Нечего было и думать прийти к какому-нибудь заключению. Елизавету более всего интересовало защитить свою торговлю на Белом море от Дании. Чтобы добиться от царя необходимого содействия, она согласилась дать Писемскому в январе 1583 г. тайную аудиенцию. Он со своей стороны надеялся заговорить о сватовстве. Но был очень удивлен, когда, прибывши в Ричмонд, застал во дворце празднество – гремела музыка, шли танцы. Ему объяснили, что здесь так бывает ежедневно. Королева, впрочем, оставила бал, чтобы поговорить с ним наедине, в присутствии только одного Робертса, бывшего в качестве переводчика.

Разговор шел о Марии Гастингс. Писемский выразил желание видеть молодую девушку и списать с нее портрет. Королева казалась очень смущенной. По ее словам, она была очень рада быть в родстве с царем, но она слышала, что царь любит красивых женщин, а племянница ее некрасива. Кроме того, она только что болела оспой и теперь нечего и думать списывать с нее портрет. Однако лукавая королева сделала вид,

что интересуется условиями брачного союза, и выразила беспокойство за участь будущих дочерей ее племянницы. «Наши государи, ответил гордо Писемский, выдают своих дочерей за иностранных властителей», и он привел пример – единственный за несколько веков – брака княжны Елены с польским королем Александром в 1495 году. Но раньше, чем думать о свадьбе, нужно заключить союз. Посол представил записку по этому вопросу. Елизавета обещала ускорить дело, и тем все кончилось.

Прошло еще два месяца, когда посол получил ответ. Он был разочарован. Королева соглашалась вступить в союз с царем и помогать ему против его врагов, но за это она требовала для Англии монополии на всю внешнюю торговлю России. Писемский еще раз проявил детскую наивность и не понял, что над ним и над его повелителем смеются. Он стал спорить и торговаться из-за выражений документа, точно тот был неприемлем без этого. Там предложения были названы просьбами и царь именовался племянником королевы. Английские дипломаты соглашались переменить стиль, но не условия документа. В апреле посла пригласили на банкет, где присутствовало 17 сановников. Королева пила за здоровье Ивана. Когда пир кончился, русскому послу объявили, что королева даст ему прощальную аудиенцию.

Так как у него не было инструкций для принятия английских предложений, то ему, пожалуй, лучше возвратиться на родину и заpastись новыми полномочиями.

Несчастный даже воскликнул: «А сватовство?»

Ему сказали, что по дошедшим сведениям у Марии Нагой родился сын от государя. «Пусть королева этому не верит, возразил Писемский, это лихие люди хотят поссорить ее с государем», при этом он так волновался и сердился, что Елизавета решилась на комедию, способную обмануть посла и поддержать царя в его иллюзиях. 17 мая Писемскому было предложено отправиться в сопровождении только Робертуса в летнюю резиденцию канцлера, лорда Бромлея. Последний встретил его любезно и церемониально и повел в сад, где было приготовлено угощение. Вскоре в одной из аллей показалась группа женщин. Впереди между леди Бромлей и леди Гонтингдон шла та, которую посол уже называл царской невестой. Они раскланялись издали, и канцлер сказал Писемскому, что королева приказала ему показать свою племянницу не в комнате, а на свежем воздухе, чтобы он мог ее хорошенько рассмотреть. Ему предложили пройтись по парку, чтобы он несколько раз мог встретиться с интересовавшей его особой, рассмотреть ее хорошенько. Бромлей, наконец, спросил: «Хо-

рошо ли вы ее разглядели?» – «Я сделал, что приказано». В своем донесении он писал: «Княжна Гунтинск, Мария Гантис (sic), роста высокого, тонка, бела лицом. Глаза у нее серые, волосы русые, нос прямой, пальцы на руках тонкие и длинные».

Горсей иначе говорит об этой сцене встречи посла с «царской невестой». Увидев ее, он стал пятиться назад, говоря, что может только один раз взглянуть на *ангела*, которому суждено стать женой его государя. Но Горсей при этом не был, и надо добавить, что «ангелу» в это время было уже под тридцать лет.

Елизавете захотелось довести комедию до конца. Она позвала Писемского и выразила свое сожаление, что ее племянница недостаточно красива, чтобы понравиться царю. «Да и вам, я думаю, она не понравилась», сказала королева. Но посол ответил:

– Мне она показалась красивой. Остальное – дело Божие.

Он начал настаивать, чтобы королева открыла свои намерения на этот счет. Но Елизавета придумала новое средство затянуть дело. Она хотела вместе с Писемским отправить в Россию доверенное лицо, которому будут даны инструкции и необходимые полномочия. Скоро последовала прощальная аудиенция. Писемский выслушал много лестных речей и уверений в дружбе. Королева обещала пропустить через свою

землю русских послов ко всем государям, кроме папы. «Только бы ваш государь не выдал меня папе!» будто бы сказала Елизавета.

По-видимому, и на этот раз Робертс оказался неверным посредником. В половине дня портрет Марии Гастингс был готов. Писемский после присутствия на смотре английского флота, состоявшего из 24 судов с 70–80 пушками и 1000 матросов на каждом, отплыл в Россию. С ним ехал Джером Боус, посол королевы. Хотя она отправляла дипломата, подававшего надежды, ее выбор оказался не особенно удачным.

V. Соперничество Голландии и разрыв

Боусу предстояла трудная задача: говорить о торговле с человеком, который ни о чем, кроме политического и матримониального союза, и слышать не хотел. Между тем торговля переживала критический момент. Владея номинально льготами, английские купцы должны были платить все возрастающие, произвольно налагаемые на их товары сборы. Происходило это благодаря войне, истощавшей средства страны. В то же время конкуренция других стран становилась все опаснее. Для пополнения опустевшей казны льготы продавались. Щедрыми подарками голландцы приобретали сторонников среди приближен-

ных государя. Три главных советника Ивана – Никита Романович Захарьин, которого предание считает неподкупным, Богдан Бельский и Андрей Щелкалов – были всецело на их стороне. Возможно, что в этой конкуренции Иван видел средство оказать давление на Елизавету и сделать ее более сговорчивой. С 1578 г. антверпенские суда регулярно посещали берега Белого моря. Как раз в это время капитан Карлейль готовил Московской компании записку, в которой он вычислил, что поддержание ускользящей монополии уже обошлось в 80 000 фунтов стерлингов. Он предлагал направить на Америку те усилия, которые, очевидно, окажутся бесплодными в России.

Боус ничем не походил на Дженкинса. Он был высокомерен, резок, невежлив и неловок, и с такой же полнотой воплощал в себе все отрицательные черты национального характера, как Дженкинс положительные. Он начал с неприятного спора из-за предложенного ему для въезда в столицу коня, показавшегося ему неважным. Привезенные им инструкции не могли загладить неудачное его выступление. Елизавета не только настаивала на исключительной монополии, но придавала своеобразный характер союзу, который являлся условием *sine qua non* для осуществления этой монополии. Она соглашается поддержать Ивана против его врагов только с тем условием, что прежде

употребить все усилия для достижения мира.

Об этих переговорах мы знаем из двух источников – донесений Боуса и протоколов московского приказа. Документы эти противоречат друг другу. Английский посланник, сообщая о некоторых недоразумениях, хвалится своей ловкостью и удачей. Иван будто бы готов был вернуть англичанам все льготы и даже увеличить их. В то же время он решил окончательно искать себе жену в Англии, и, в случае отказа Марии Гастингс, согласен остановить свой выбор на какой-нибудь другой родственнице Елизаветы. Он даже готов ехать в Лондон с этой целью и ознакомиться прежде с основными принципами протестантства. Царь строго наказывал тех из своих бояр, которые враждебно относились к Боусу. Но венцом всех успехов был договор, будто бы уже составленный и подписанный. Оставалось только вручить его посланнику, как вдруг царь умер, и так счастливо доставшееся торжество рухнуло.

Русская версия совершенно иная. Иван будто бы сказал английскому послу, что польский король нарушил договор, захватив у него Полоцк и Ливонию. Королева должна помочь ему армией восстановить свое нарушенное право. Взамен она получит торговую монополию в некоторых гаванях. Права брабантских и французских купцов останутся все-таки

за ними. Французский король послал несколько судов в Кольскую гавань. Он ищет государевой дружбы и предлагает ему прислать посольство во Францию. Этим Иван, вероятно, хотел сказать Боусу, что у него нет недостатка в выгодных связях.

Боус отговаривался недостатком полномочий. Тогда русские посредники – Захарьин, Бельский, Щелкалов и Фролов, – приступили к «тайному делу». Но Боус сказал, что по этому вопросу он может говорить только с самим царем. Ему обещали аудиенцию и приступили к переговорам о предстоящем союзе. Елизавета разрешила свободный проезд через ее территории русским послам, за исключением тех, которые отправлялись к враждебным ей государствам. Нужно было выяснить причину. «Царь не выдаст королевы папе». Со своей стороны, он считал врагами королей польского, датского и шведского. Согласие тотчас же было нарушено, как только высказался Боус. По его словам, королева считала императора своим врагом, а короля испанского другом, которого можно купить за деньги. Королей же датского и шведского она считает лучшими своими друзьями. Когда перешли к торговым монополиям, Иван в виде последней уступки, соглашался, чтобы англичане входили в 5 беломорских пристаней. Исключались Кола и Пудожерск, при устье Северной Двины, где Жан де Балле,

прозванный в России Белобородым, имел свои складды.

Боус запротестовал, указывая на прежние льготные грамоты. Ему ответили, что английские купцы Томас Гловер и Родольф Риттер заслужили немилость государя тем, что составляли против царя заговор с его врагами и служили им доносчиками. Кроме того русские жаловались, что англичане доставляли плохой товар и показывали образчики сукон. «Я в сукнах ничего не понимаю», возразил с видом оскорбленного достоинства Боус.

Двадцать пять совещаний не привели ни к чему. Особая аудиенция дана была 13 декабря 1583 года. Боус должен был отправиться без оружия и свиты. Царь хотел говорить с ним с глазу на глаз о «тайном деле». Однако беседа происходила в присутствии целой дюжины людей, между которыми был и Борис Годунов, любимец государя, в будущем – царь. Перед ними продолжалась комедия, начатая Елизаветой. Иван хотел знать намерения королевы относительно Марии Гастингс, а Боус утверждал, что он приехал за тем, чтобы слышать, что будет говорить царь об этом. Припертый к стенке, посланник запутался в увертках и сказал, что Мария Гастингс была больна и очень больна. Кроме того, вряд ли согласится она переменить свою религию, да притом из племянниц

королевы она является самой отдаленной. У королевы есть еще целый десяток родственниц, более близких и более красивых.

– А кто они? – с живостью прервал его царь.

– Я не уполномочен об этом говорить, – ответил Боус.

Иван не мог сдержать своего гнева. Боус имел с русскими купцами несколько столкновений, во время которых у него вырвались какие-то неосторожные слова. Царь теперь напомнил ему об этом и сильно разгорячился, когда тот начал отпираться. Русские протоколы только упоминают об этом эпизоде; Боус же распространяется о нем подробно. В его докладе был записан такой разговор:

Царь, обращаясь к Боусу. Вы обращались с моими уполномоченными свысока, чего не должно было быть, так как между равными мне государями я знаю таких, которым не чета ваша королева.

Боус. Моя повелительница такая же великая государыня, как каждый из христианских государей. Она равна считающим себя наиболее сильными и может преодолеть всех.

Царь. Вы говорите о королях французском и испанском.

Боус. Я думаю, что королева может считать себя равной с ними.

Царь. А с императором?

Боус. Король, отец моей повелительницы некогда держал императора на жалованье во время войн с Францией.

Если верить посланнику, эти слова привели Ивана в такую ярость, что он погрозил выбросить его в окно. Боус будто бы сказал на это, что царь может сделать это, но его повелительница умеет мстить за обиды, наносимые ее уполномоченным. После этого Грозный грубо приказал своему смелому собеседнику удалиться. Когда тот вышел, он будто бы отозвался о нем с похвалой, говоря, что желал бы иметь у себя таких слуг.

Русские тексты об этом умалчивают. Из них видно, что спор начался из-за того, что Боус стал отпираться от своих дерзких слов, за которые его упрекали русские купцы. Царь положил конец препирательствам длинной речью, в которой говорил о том, как началась торговля с Англией, почему пришлось отнять у нее часть льгот и почему их нельзя вернуть теперь. Англичане не хорошо обслуживают русские рынки. Иван снял с руки перстень и уверял, что де-Валле взял за него только 60 рублей, а за большой изумруд на шапке 1000 р., между тем как перстень стоил по меньшей мере 300 р., а изумруд тысяч 40. Боус принужден был согласиться с этим. Через Пи-

семского царь приказал привезти сукон, шелковых тканей высокого качества и кружев. Кружев он вовсе не получил, а сукна и шелк никуда не годятся. Польское лучше. По знаку государя принесли тканей. Щупая их и сравнивая, Иван продолжал говорить. Боус отговаривался тем, что ничего в этом деле не смыслит. Царь выражал свое недоумие: какую это дружбу предлагала ему королева, желая, чтобы торговали только с нею и соглашаясь заключить союз только на словах!

Посол только ссылался на свои инструкции. Новое, более конфиденциальное свидание, происходившее 18 декабря, ни к чему не привело. На этот раз присутствовали только Трубецкой, Бельский, Захарьин, Щелкалов и Фролов; они находились в другом конце залы. Между тем Иван узнал от Джека Робертсона, служившего, вероятно, переводчиком при этих свиданиях, что Боус имеет желание говорить с царем совершенно наедине. Но посол стал отказываться от этого. Он будто бы только сказал, что будучи послом при других государях, например, при французском короле, он говорил с ними о важных делах без свидетелей.

– Французский двор для нас не пример, – проворчал Иван. – Лучше скажи нам, что можешь, относительно нашего брака.

– Я знаю, что моя повелительница вашу дружбу предпочитает дружбе всех государей, и я лично не имею другого желания, кроме желания нравиться вам и служить.

– Ты назови нам по именам и скажи, каковы собой те племянницы королевы, о которых ты говорил, и я пошлю с тобой в Англию посла посмотреть их и попросить их портреты.

– Я могу вам в этом оказать свою службу...

Я привожу здесь русскую версию. Судя по этому документу, Боус отпирался и уверял, что ничего не говорил о других родственницах королевы, которых царь мог предпочесть Марии Гастингс. Он лгал и ссылался на свои новые инструкции, принимал таинственный вид и давал понять, что он скоро сумеет угодить государю. Он испрашивал разрешения послать в Англию сухим путем гонца за более широкими полномочиями. Подымал мальчишеские споры из-за качества и количества отпускаемых ему припасов, требовал до 10 пудов масла в день, просил царя *собственной рукой* наказать Щелкалова, вызвавшего его неудовольствие. В конце концов Грозный обратился к нему с речью, состоящей из пяти частей и оканчивавшейся следующим заключением: «Ты не имеешь представления о том, как должен вести свое дело посол».

Казалось, что после этого говорить больше

не о чем. Но Иван слишком привязался к своей идее. С упрямством маньяка он преследовал ускользящую мечту и снова предлагал Боусу поговорить конфиденциально и повторял ему свои однообразные доводы. «Ты нам говорил о десяти или двадцати девушках твоей страны, среди которых мы могли бы выбрать себе жену, и ты отказываешься назвать их имена. Как же свататься к девице, не зная ее имени? В Англии тысячи невест, среди которых немало простых кухарок. Не свататься же ко всем им!»

Эти разговоры регулярно возобновлялись в начале 1584 г. и привели к новому столкновению 14 февраля. Боус предложил взять с собой посла, которого царь назначал к французскому королю, но при этом настаивал на своем: «королева приказала ехать сухим путем».

– Чтобы продать меня моим врагам! – вне себя от гнева вскричал Иван. – Не потерплю этого!

После потери Ливонии ехать сухим путем – значит ехать через Польшу.

Взяв себя в руки, Иван сказал Боусу, что тот пришел без серьезных намерений. С чем пришел, с тем может и возвратиться домой. Его больше не удерживают, может ехать сейчас же. Боус уже знал, как относиться к вспышкам царского гнева, и, даже по свидетельству русских документов, нисколько не оробел.

Его и не думали отпускать, а через три дня позвали прослушать проект договора, в котором царь излагал минимум своих требований. О содержании этого документа можно судить только по тем возражениям, которые сделал Боус. Иван хотел заключить наступательный союз, чтобы вернуть Ливонию. Посол, как всегда, отвечал увертками. Повелительница его набожна и не гонится за победами. Она не взяла Нидерландов, которые ей отдавались, и Франции, которая охотно признала бы ее власть...

– Дело идет не о победах, – возразил царь. – Ливония наша старинная вотчина.

– Верно ли это?

Иван вскипел.

– Мы просим вашу государыню не в судьи между нами и польским королем!

На этот раз прощальный прием был назначен на 20 февраля, но был отложен вследствие болезни государя, а 18 марта Щелкалов велел сказать Боусу, что его «английский царь помер». Как было и с Рондольфом, английский посол очутился пленником в своем доме и терпел разные обиды. Так продолжалось до мая, когда сын Ивана отослал его обратно в Англию с письмом, где не было речи ни о союз, ни о торговых льготах для английских купцов.

По уверению Горсея, Щелкалов и другие враги

посла замышляли покушение на его жизнь и только вмешательство его соотечественника предотвратило эту катастрофу. Горсей, вероятно, просто хвастался. Настоящим государем в то время был Борис Годунов, а нам известно, что он, хотя и тайно, отправил Боусу подарок с уверениями в своей преданности. Несмотря на самохвальство Боуса, на правом берегу Северной Двины, по соседству со старинным монастырем, рос новый город и укреплялась гавань. Голландцы сами указали место, где они обещали русским создать новую Нарву. Благодаря им, здесь сконцентрировалась вся морская русская торговля, окончательно освобождавшаяся от английской монополии. Это был Архангельск. Англичане попали туда позже и заняли второе место. Победа в этой борьбе осталась за Голландией, что и отразилось впоследствии на истории Петра Великого.

В 1838 г. граф Виельгорский в Италии собирал старинные предметы для создававшегося русского музея. Здесь он натолкнулся на портрет Ивана, хорошо написанный и сохранившийся. Портрет этот, вероятно, был послан в Лондон в 1570 г.⁴³ Единственный образчик русского искусства XVI в., этот портрет принадлежал русскому консулу в Генуе г. Смирнову. Он купил его у Лондонского антиквария. К сожалению, я не мог

⁴³ Русск. Архив, 1888 г. I, 123.

узнать, что случилось с этим полотном. Если портрет является действительно подлинным, то он драгоценен, как для истории русского искусства, так и для истории своеобразного дипломатического эпизода, с которым я только что познакомил моих читателей. Ни русские, ни английские источники ничего не говорят о портрете, отправленном царем в Лондон.

Итак, мы видели, что Иван страстно желал заключения союза с Англией под влиянием кризиса во внутренней жизни и во внешних отношениях.

Перехожу к последней фазе его царствования.

Часть четвертая

Окончание

Глава первая

Польское нашествие. Баторий

Баторий. Столкновение. Польская армия. Московская армия. Взятие Полоцка. Поляки в Московском государстве. Дипломатическое посредничество. Осада Пскова.

I. Баторий

Польская монархия, бывшая избирательной до 1572 г. фиктивно, в этом году стала таковой в действительности, и собрания на поле Воли стали местом азартной игры. В этой игре принимала участие вся Европа. Но в продолжение двух веков игрокам однажды удалось выбрать настоящего короля. Он был чужестранцем. Баторий был чистой венгерской расы, как по своему отцу Этьену Баторию Сошлио, так и по матери Катерине Телегда, и проис-

ходил из хорошего дворянского рода. Он с честью служил в императорских войсках и с большим успехом подвизался за дипломатическими кулисами Константинополя и Вены. 38-и лет в 1571 г. он сделался воеводой Трансильвании благодаря расположению к нему императора и султана. В Польше о нем мало знали. Он считался хорошим правителем маленькой страны. Позже утверждали, что он учился в Падуе в академии, где впоследствии, в 1789 последний из его преемников на троне Ягеллонов поставил ему памятник – посредственное произведение Карло или Феррари. Вновь избранный король не знал польского языка. Он говорил со своими подданными на латыни или молчал, что ценилось еще выше в стране, где все говорили слишком много. На выборах в 1575 г. кандидатура его была выставлена султаном против кандидата императора. Иван устранился от выборов. Что касается сына Максимилиана, то его избрание обещало союз с Австрией против Турции. Вступать в войну с Турцией в союзе с Австрией или вести борьбу с Москвой при поддержке или, по крайней мере, нейтралитет Турции – такова была дилемма. Но польские избиратели были поглощены другими соображениями и разделились – аристократия поддерживала Максимилиана, так как он мог предложить ей титулы и деньги, а мелкое дворянство стояло за венгра, по-

лагая, что это незначительное лицо будет их королем и рабом, будет править при ее помощи и шляхта начнет борьбу против магнатов.

Оказалось, что этот незнакомец хотел быть королем надо всеми и умел достигать того, чего хотел. Он начал с того, что появился в Варшаве раньше своего противника. Максимилиан не мог спешить без риска. Его подстерегали турки. Смерть императора в октябре 1576 г. сделала Батория единственным кандидатом. Ему оставалось разобраться в том положении, в каком Генрих-Валуа и не пытался разобраться. Он быстро обнаружил дальновидность и умение управлять. По внешности, как он изображен на портрете, сделанном в 1583 г. и хранящемся в костеле отцов миссионеров в Кракове, он был типичным мадьяром. Низкого роста, коренастый, с выдающимися скулами, длинным носом и низким лбом. Лицо его массивно, энергично и сурово. Никакой заботы о внешности. Никакого изящества. Взгляд неопределенный и дикий. Он вел простой образ жизни, как по необходимости, так и благодаря своим вкусам. Он не думал оставлять теперь свои привычки и не представлял, что его короновали для того, чтобы он жил в свое удовольствие. Он не носил перчаток. Обуваясь по-польски, он пренебрегал чулками, входившими тогда в моду. Здоровье его было неважное. Он уже давно стра-

дал какой-то болезнью. На левой ноге у него была никогда не закрывавшаяся рана. Болезнь эта прогрессировала. Многие вспоминали, что этот на вид здоровый человек еще во время службы при императорском дворе страдал припадками апоплексии или эпилепсии – врачи того времени плохо различали болезни. Но по прибытии в Польшу новый король не обнаружил ничего. Он засадил за работу своих секретарей, сам же целые дни проводил на коне, показывая себя неустрасшим охотником.

В моральном отношении Баторий представлял любопытную смесь гибкости и твердости, самодержавных наклонностей и либерализма, жестокости и мягкости. Одному депутату, повысившему голос на сейме, он крикнул, схватившись за саблю: «*Tace nebulo!*» Тот же жест он повторил по поводу неприемлемых требований шведского короля, сказав: «*Docebo istum regulum*». Вопреки обычаям, он осудил и велел обезглавить одного буйного дворянина из влиятельнейшей семьи. На все просьбы и угрозы он отвечал: «*Canis mortuus non mordet, plectatur!*»

С возмущившимися казаками он поступал так, как сделал бы сам Грозный. Как передают, он приказал казнить их десятками и трупы рубить на части. Раз во время аудиенции, данной одному иностранцу, его рассердила собака. Ударом сапога со шпорой

он отшвырнул ее в противоположный конец комнаты. Но со своим старым сюзереном в тюрбане он умел обходиться деликатно. Выражая сочувствие протестантству в Трансильвании, он был ярым католиком в Польше. Он устроил так, что был представлен избирательному сейму арианцем Бландрата. После же избрания в короли советниками его стали иезуиты.

Он хотел быть господином в своем королевстве и не делал разницы между старостой и простым евреем, хотя это было в XVI веке. Он думал уничтожить барщину и заменить наказание кнутом – денежным штрафом. На поле сражения он часто жаловал дворянством простых крестьян. Этот строгий к другим и к себе человек был нежен и даже сентиментален с друзьями и при их потере мог даже заболеть от огорчения.

При дворе, который последние Ягеллоны итальянизировали, в стране, широко охваченной умственными течениями, характерными для того века, он производил на первых порах впечатление простого крестьянина. Но придя в соприкосновение с этой средой, он стал впереди просвещеннейших государей эпохи, хотя и отказался от утонченностей, чуждых его темпераменту. Он основал виленскую академию, был сторонником и проводником календарной реформы, организатором почты и финансов, создателем новой су-

дебной организации.

Он действительно управлял страной, внеся в разладившийся механизм порядок. Будучи чуждым стране по своему происхождению, языку и нравам, Баторий представлял собой Польшу в ее живых силах. Польшу XVI века, которая была и остается – я надеюсь, что никого не оскорблю этим утверждением – высшим историческим выражением славянской расы, какое только было известно до сего времени миру. Страна, надорванная монархией, но еще неистощенная материально, собиралась в скором времени проявить сильный и грозный подъем духа. Морально она была еще способна к благородным завоеваниям человеческого духа. Это была страна воинов, вдохновенных поэтов, пылких политических писателей и ораторов, поднимавшихся до вершины светского и духовного красноречия. Это была страна, где Фриц Моджевский, провозглашая в программе социальных реформ всеобщее равенство прав, опередил всех публицистов эпохи. Кохановский соперничал по увлекательности и изяществу с Ронсаром, а Скарга предвосхищал Боссюэта. Грубый с виду Баторий был истинным представителем этой страны благодаря своему гению. Как истинный представитель интересов своей страны, он подготовил борьбу с Москвой прежде всего из-за Ливонии, а потом из-за самого существования

государства. Он понял, что Польша, какой он ее видел – цивилизованная, гражданственная, либеральная, буйная, католическая, – должна поглотить свою великую соседку и навязать ей свою культуру, свой политический строй и свою религию. В противном случае ей угрожала опасность самой быть поглощенной и подчиниться чужим порядкам.

Существование двух великих славянских государств, развивающихся независимо друг от друга, не представляло ничего невозможного. Но для этого нужно было, чтобы Польша Пястов и Ягеллонов развивалась согласно своему происхождению, т. е., чтобы, оставаясь в стороне от Запада, притягивала к себе западных и южных славян. Однако, вытесненная отсюда германским движением, она направила свою деятельность на Восток, основала большое государство, полупольское, полурусское, полукатолическое, полуправославное. Она соединяла в себе элементы монархии и республики, цивилизацию и варварство.

Здесь была одна орбита и два центра притяжения, два государя всея Руси для одной державы.

После избрания на престол Баторию пришлось подавлять восстание в Данциге. Он обладал некоторым опытом в осадных войнах, однако в этой компании не проявил блеска; поляки еще не были в его руках. Впрочем, его права на почетное место среди вели-

ких полководцев его времени некоторые оспаривают. Конечно, ошибочно приписывать ему изобретение каменных ядер, давшее у Данцига ничтожные результаты. Мейнерт утверждает, что употребление этих снарядов восходит к первым годам XV столетия. Возможно, что польская армия, как говорит один из биографов короля Альбетранди, была обязана Баторию усовершенствованием пушек и полезными изменениями в обмундировании и вооружении кавалерии. В течение его царствования была создана военная организация казаков. В 1576 г. он создал королевскую гвардию. В 1578 г. сформировал пехоту, при помощи рекрутского набора в королевских владениях, что является верным основанием его военной славы. Присоединив к созданному им войску значительное количество иностранных полков – венгерскую пехоту и немецкую кавалерию, – он произвел в своем новом отечестве революцию, которая еще раньше изменила на Западе основы военного могущества. Он дал Польше армию, организованную и вооруженную по-европейски. Наконец, три войны, приведшие его в сердце московского государства, признаны специалистами столь же удачно задуманными, как и выполненными. Компании эти, правда, имеют некоторые слабые стороны, но все попытки ограничить роль его личной инициативы в этом если и достигали успе-

ха, то небольшого. Баторий, может быть, не обнаружил высших талантов, но с другой стороны, возможно, что ему не давала развернуть их тактика Ивана. Заслуга же его в том, что он был действительно главой дела с гением руководителя. Приемы, употребленные им для обеспечения возможных выгод в борьбе с московским государем, можно рассматривать как высшее проявление искусства.

II. Столкновение

В это столкновение оба врага шли с одинаковой решимостью. До смерти Максимилиана Иван, отправляя в Вену гонца за гонцом, держался плана, выработанного в Можайске. После же его смерти Иван вы проводил оба польские посольства, присланные одно за другим Баторием к царю для выигрыша времени, выставив невозможные требования. Заявляя притязания на Киев после Витебска, Иван думал только о том, как бы воспользоваться преимуществами, достигнутыми в Ливонии. В марте 1578 г. царь согласился подписать перемирие на три года. Но приостановка враждебных действий не относилась к территории, где обе стороны чувствовали себя дома, что замечалось в Ливонии. Более того, в русский текст договора Иван самочинно включил статью, запрещающую поля-

кам вмешиваться в ливонские дела.

В результате уже весной того же года произошло столкновение из-за обладания Венденом. Иван отправил туда армии в 18 000 человек, более чем достаточную, по его мнению, чтобы одолеть полки Сапеги и Ходкевича, не столь многочисленные и лишённые до той поры всего необходимого. Когда к Ивану явился посол Батория, он велел ему подождать: «Скоро будут вести из Ливонии!» Вести пришли, и Иван узнал, что кое-что изменилось в Варшаве.

В начале своего царствования Баторий поспешил послать в Стокгольм кастеляна Санокского, Ивана Гербурта. Он привез из Швеции оборонительный и наступательный договор для захвата Ливонии. Течение Нарвы должно было служить линией раздела между захваченными уже владениями и теми, которые будут приобретены после этого. Поляки под начальством Андрея Сапеги и шведы под начальством Бозъединились и, заставив московских военачальников принять бой в открытом поле, доказали свое превосходство в таких сражениях. В этом бою русских пало 6000 человек, погибло 4 воеводы, четыре было взято в плен, пушкари Ивана сами себя задушили на своих пушках. Таково было донесение, полученное царем. Только татарская конница его под начальством Голицына избегла разгрома. По польским ис-

точникам, Голицын обратился в бегство, чем ускорил поражение русских. Вместе с ними бежали старый воин окольничий Федор Шереметьев и доверенный царя, дьяк Щелкалов, враг Боуса.

После этого уже не могло быть больше речи ни о перемирии, ни о переговорах. Иван отпустил польского посла, по своему взяв с него реванш. Еще по восшествии на престол Батория Иван отказался назвать его братом. «Если бы вы захотели избрать в короли Ивана Костку, сказал он полякам, я и его должен был бы назвать братом?» Костка был простой дворянин. «Что такое ваш трансильванский князь? Никто об этом княжестве до сих пор ничего не слыхал». Гарабурда слышал от царя много едких колкостей в этом роде. В то же самое время послы Ивана Карпов и Головин были в Варшаве. Баторий их третировал, следуя примеру Ивана. Как говорит протокол, на их приеме Баторий не встал и не спросил об их государе, после чего послы объявили, что не могут выполнить возложенную на них миссию.

Они видели, что страна охвачена воинственным воодушевлением. Собравшийся 19 января 1578 года сейм вотировал на 2 года экстраординарный налог. Доход с него исчисляли в 800 000 и даже в 1 200 000 флоринов. Без сомнения, это было немного. Ежегодный расход на содержание испанской армии в Голлан-

дии в ту же пору поднимался до 7 000 000 дукатов. Но Речь Посполитая до сих пор никогда еще не шла на такие жертвы. Если бы поступления шли согласно исчислениям – этого было бы достаточно. Однако расчеты не оправдались. Но Баторий сумел добыть денег и подчинить сейм своей воле. Не делая больших расходов на себя, он мог обратить на военные надобности все доходы со своих поместий. Кроме того, он получил кредит за границей, а получив деньги, нашел и людей.

III. Польская армия

Польская знать составляла отличную кавалерию, недавно доказавшую свои достоинства под Венденом. Но можно было полагать, что русские воспользуются опытом и теперь будут ждать поляков под защитой своих крепостей. Польская пехота, по свидетельству историка Длугоша, существовала с начала XV века. Однако она едва достигала 2 000 и была вооружена только пиками. Баторий дал ей более современное вооружение – мушкеты, сабли, топоры – и утроил ее численность крестьянами, принадлежавшими короне. Кто шел в ряды армии добровольно, освобождался от всех повинностей. В добровольцах не было недостатка, и они отличались большой храбростью.

Кроме того, король имел около 5 000 венгерской пехоты, польский отряд, обмундированный по-венгерски и составленный из нестроевых, и еще отряд, набранный из знати. Эти силы он подкрепил немцами, шотландцами, казаками. В кавалерии он ввел немецких и польских пищальников.

Общее количество организованного войска, включая и литовские силы, не превышало 20 000 человек. Замечательно, что литовская знать – наполовину русская, православная, – была всецело на стороне Батория в этой войне. С этим согласны даже русские историки.⁴⁴ Литва дала, что имела – несколько тысяч всадников, представлявших ценную силу, особенно в зимнее время. Лучше перенося суровый климат, от которого польская армия больше страдала, и менее удаленные от своих очагов, литовцы представляли противовес дезорганизованной главной армии. Эта армия была горстью людей, но она была армией номер один по качеству. В ней был иноземный элемент, но в XVI веке это было обычным явлением. В сражении при Дрё (12 декабря 1562 г.) армия Гиза насчитывала в своих рядах 12 000 немцев, швейцарцев и испанцев, при 6 000 французов. Такой же состав был и армии противников.

⁴⁴ Лаппо. Великое княжество Литовское в 1569–1586 г., СПб., 1901 г., стр. 179.

Слаба была у поляков в эту, как и в последующие войны, артиллерия. Несмотря на старания Батория набрать в Германии и даже Италии хороших литейщиков пушек и на просьбы у курфюрста Саксонского доставить осадные орудия и артиллерийские материалы, его артиллерия была все время слаба и недостаточна. Количество артиллеристов в 1580 г. не превышало 73, а в следующем году равнялось 20.

После этих расчетов ясно, что королю нужно было очень много смелости, чтобы начать войну с такими средствами. Дело шло не о повторении Венденского сражения и не о продолжении враждебных действий в истощенной пятнадцатилетней борьбой Ливонии, где почва уходила из-под ног соперников. В этой опустошенной стране, усеянной развалинами, не представлялось возможности добиться в будущем определенного успеха и даже вести более или менее продолжительную кампанию. Сигизмунд-Август еще в 1562 г. рассудил, что ключ от этой провинции в другом месте. Его надо искать в Москве, напав на главного соперника в его жилище. Но у него не было средств выполнить этот смелый наступательный план. Теперь на это решился Баторий. Он задумал сделать нашествие на Москву в этой борьбе, где ставка превысила первоначальный предмет спора. Сражаясь за Ливонию, на деле боролись из-за обладания северо-во-

стоком и из-за гегемонии над славянским миром.

В этом предприятии Польша могла рассчитывать только на собственные силы. Швеция заключила с ней союз только для Ливонии. В новом плане Батория она видела лишь средство развязать себе руки и сделать свое дело, держась буквы договора. Дания также уклонялась. Ее отношения к Ивану становились миролюбивыми. Хан предложил свою помощь, обещая двинуть своих татар в августе 1578 г., но и пальцем не пошевелил. Баторий посвятил в свои планы великого визиря Магомета Соколли, но этот полководец ответил, что царь страшен, и с ним помериться силами может только лишь один султан. Султан хотел остаться нейтральным. Без сомнения, король предвидел эти неудачи, делая свои расчеты.

Оставалось выбрать пункт атаки. Литовцы хотели, чтобы Баторий шел на Псков, и таким образом захватить в свои руки единственный путь из Москвы к Прибалтийскому побережью. Но для этого нужно было пересечь Ливонию и доканать страну, которую хотели пощадить, или двинуться по русской территории и оставить за собой ряд русских крепостей и незащищенную Литву. Баторий решил первое усилие направить на Полоцк, расположенный на Двине и имевший большое значение для путей, шедших в Ливонию и Литву. Оттуда решено было идти на Псков.

Остановившись на этом плане, Баторий выбрал Свир местом концентрации. Здесь можно было до последнего момента скрывать истинную цель экспедиции. Он искусно распределил свои силы между путями, ведущими к этому месту соединения, и с умением произвел фланговое движение от Свира к Десне, в то же время прикрывая Вильну и обозы, сопровождавшие главную армию. Он воспользовался водными путями и понтонными мостами для переправы больших грузов. Специалисты утверждают, что метод действия на коммуникационные линии противника возник в Европе только в конце XVII века. Возможно. Но изобретатели методов часто идут за людьми практики.

Баторию, однако, не удалось осуществить свой план в том виде, как он его задумал. Соединение в Свире было назначено на 4 мая 1579 г., но несмотря на энергию короля войска опоздали. Не было ни денег, ни снаряжения для войска. Из-за этого и послов московских переводили из одного города в другой, назначая им аудиенции, и отпустили их только в июне месяце, и тогда же польский курьер отвез в Москву формальное объявление войны. Спустя несколько дней Баторий начал военные действия. Армия перешла Десну по понтонному мосту, сооруженному за 3 часа. В этой армии было 6517 всадников

польского войска, из них 1338 были немцы и венгры, и 4830 человек пехоты, из которых 3451 немцев и венгров. В литовском отряде было 4 000 всадников. Среди иностранных офицеров находился Георг Фаренсбах. Раньше он был полковником на службе у датского короля и еще недавно служил воеводой у царя. Его советы принесли большую пользу. 15 000 человек – было все, чем располагал Баторий, чтобы вторгнуться в московское государство.

Поляки начали войну в соответствии с европейскими нравами той эпохи. Прежде чем заговорить языком пороха, истратили немало чернил и даже типографской краски. Объявление войны, отправленное Баторием в Москву, сопровождалось длинным историческим обзором, напичканным датами, дипломатическими текстами и едкими замечаниями. Не забыли даже Пруса, знаменитого брата цезаря Августа, от которого Иван пытался вывести свое происхождение. В 1580 году в Нюрнберге была издана брошюра, воспроизводящая неточно этот документ и сохранившаяся в ограниченном числе экземпляров. На ней есть виньетка, изображающая посла Батория Венцеслава Лопацинского выполняющим свою миссию. С обнаженной саблей за поясом он вызывающим жестом подает царю письмо. Картина эта так же фантастична, как и текст, сопровождающей ее и недавно исправлен-

ный аббатом Польковским.⁴⁵ Иван не допустил к себе Лопацинского. Баторий, желая произвести впечатление своей декларацией, рассчитывал главным образом на гласность. Он приказал отпечатать ее на польском, немецком и венгерском языках на станках, которые сопровождали его в продолжение всей войны. В Свире, куда он прибыл 12 июня 1579 г., он выпустил манифест с целью оправдать свое предприятие и примирить с ним общественное мнение как внутри страны, так и за границей. Никогда еще полководец в подобного рода документах не вдохновлялся столь благородными идеями. Тут были обещания уважать личность, собственность и привилегии мирного населения, запрещать и подавлять всякого рода насилия. Здесь были все формулы, сделавшиеся впоследствии банальными и лживыми, но в то время они были новинкой, и Польша XVI века имела право гордиться ими. Баторий проявил много заботы, чтобы найти моральную поддержку в недоверчивой публике. Все события этой войны стали предметом подобных же деклараций. Библиография той эпохи содержит много брошюр, отпечатанных либо официально, либо неофициально; в них оцениваются малейшие события этой войны. Эта литература отправлялась в Польшу, Германию и даже в Рим, где посланник короля полоц-

⁴⁵ Acta historica, Краков 1887 г., XI, 162.

кий епископ Петр Дунин-Вольский перепечатывал ее. Произведения эти не отличались вниманием к исторической правде. Они руководили немецкой прессой, старавшейся удовлетворить любопытству своих читателей, жадных до новостей. Один листок (Zeitung), описывавший победу Батория, в короткое время выдержал четыре издания. С 1581 г. король ввел цензуру. Один немецкий историк утверждает, что указ, изданный в это время, угрожал смертной казнью авторам враждебных сочинений. Один памфлет, напечатанный в Кракове, вызвал такое наказание. Немецкие законы о печати того времени также не отличались мягкостью.

Я отмечаю эти подробности, чтобы обрисовать завязавшуюся борьбу в истинном виде. Хотя вели борьбу два народа одной семьи, но все же они были представителями двух различных миров. Смесь солдат всех стран, двигавшихся в сопровождении писак и типографщиков, представляла латинский запад. Под славянским знаменем повторялись восточные нашествия, только в обратном направлении. Эта победоносная война может рассматриваться как завет Польши, и историческое изучение ее представляет большой интерес.

Манифесты нападающей армии не внушают нам доверия, но Баторий остался верен своему слову.

«Никогда еще война не велась с большей умеренностью и гуманностью по отношению к земледельцам и мирным гражданам». Такое свидетельство о короле дает русский историк Карамзин. Это отмечают и два других документа: циркуляр 7 мая 1580 г., с которым Баторий обращался к дворянству Полоцкой земли, и военный регламент, применявшийся во время этой компании. Циркуляр был настоящей хартией, обеспечивающей наиболее заинтересованным лицам их льготы и привилегии. Регламент запрещал убивать детей, стариков, духовных лиц, насиловать женщин, уничтожать и портить посевы даже для корма лошадей. Этот регламент применялся, несмотря на разные эксцессы, допускавшиеся со стороны русских. Русские источники упоминают о вызывающих поступках московской армии. Карамзин говорит об убийстве некоторого числа пленников при осаде Полоцка. Трупы их были брошены в реку иплыли пред глазами осаждающих. Несмотря на это, польская армия прибегала к репрессиям очень редко, давая таким образом урок цивилизованному миру. Военные судьи, снабженные широкими полномочиями, сумели поддержать в польской армии строгую дисциплину. Король давал лучший пример, изгоняя беспорядок и ненужную роскошь. Он спал часто на куче сухих листьев, ел на скамье без скатерти. Он был без-

жалостен к мародерам. Опираясь на религиозное чувство, столь сильное у грубой массы, он поднимал моральное чувство у солдат. Даже для пароя служили такие выражения: «Боже прости нас грешных», «Господь наказываешь злых».

Все это однако не исключало некоторых жестокостей, считавшихся необходимыми в то время. Так, например, подвергали пытке пленников, добывая от них сведения. Сначала трудно было сдерживать пыл воинов, доходивших до безумия. Они иногда разгоняли лошадей и ломали копья о стены осажденных городов. Венгерская пехота, опытная в осадных действиях, первой была на приступе и первой в грабеже, часто обнаруживая неповиновение. Шляхта в промежутках между сражениями подымала споры о важности достигнутых выгод. Но все-таки, принимая во внимание варварство, никогда не отделявшееся от той кровавой игры, которая именуется войной, мы можем утверждать, что со стороны поляков война эта велась благородно. Летописи XVI в. не отметили ни одной такой войны. При одинаковой храбрости противники имели разные лица.

IV. Московская армия

Если Баторий потерпел неудачу в Стокгольме, пы-

таясь привлечь шведов к этой борьбе, то не большой успех имел и Иван в Вене. Отправленный в 1578 г. к Рудольфу Квашнин напрасно старался добиться заключения союза, предположенного еще при Максимилиане. Император требовал верховенства над Ливонией как первого условия договора. Неудача постигла Ивана и в переговорах с ханом, требовавшим себе Астрахань и большую сумму денег. Был момент, что татары даже чуть не стали противниками Ивана, как этого желал Баторий. Посланник короля Иван Дрогойовский пытался вести переговоры в Константинополе о союзе, в который вошел бы и хан. Но Порте нужно было направить татар против персов. В результате король и царь остались в войне одни друг против друга. Разница в их положении заключалась в том, что Иван не имел необходимости ни выпрашивать у сейма средств, ни взывать к доброй воле своих подданных, чтобы пополнить армию. Личность и имущество его подданных были в его власти. При известии о наступлении поляков Иван велел оставить гарнизон в 80 городах по Оке, Волге, Дону и Днепру и концентрировать военные силы в Новгороде и Пскове.

Сведения о значительности этих сил противоречивы. Оценка Карамзина как польских, так и русских сил, не точна. Хорошо осведомленный Флетчер принимает состав русской армии в 300 000 человек, но Бе-

ляев недавно поднял эту цифру до миллиона. Утверждение Карамзина, что Иван мог потопить польскую армию в волнах своего войска и направить его течение на Вильну и Варшаву, получило, таким образом, новое подтверждение. Позднейшие исследования, однако, обнаружили ошибку знаменитого историка. Исчисления Павлова-Сильванского⁴⁶ показывают, что за вычетом из общей суммы гарнизонов, приблизительно равной 23 000 бояр, боярских детей и дворян, у царя оставалось около 10 000 служилых людей. Каждый из них приводил с собой двух вооруженных всадников. Это составит 30 000 всадников или по точным вычислениям автора 31 596. Кроме того, у царя было 15 119 стрельцов и казаков, пеших и конных, 6461 человек татар и 4513 человек различных родов оружия. Среди них было неизвестное количество иностранцев – голландцев, шотландцев, датчан и греков. В общем это составляло 57 689 человек из приблизительно цифры 110 000, в которую оценивается численность всех вооруженных сил государства. Посошные люди, набиравшиеся в разных количествах, согласно нуждам войны, значительно увеличивали общее количество войска. Однако эти люди могли употребляться только для земляных работ и для некоторых услуг в лагере. Польская армия вела с собой

⁴⁶ Служилые люди, стр. 117 и дальше.

также большое число этих нестроевых. В целом силы противников относились как один к четырем.

По-видимому, попытка Батория при таком превосходстве сил Ивана была безрассудной. Но это только так казалось. Некоторые историки, под влиянием Курбского, полагали, что на положении царя в этот момент тяжело отзывалось отсутствие лучших его полководцев, которых он лишился из-за опричнины. Без сомнения, на ходе и результатах этой войны сказались следствия крупного политического, социального и экономического кризиса, пережитого страной. Но этим одним нельзя объяснять всех неудач Ивана. Лучшим его полководцем, с самого начала его царствования, был Петр Шуйский, но и он не отличился под Оршей. Страна была истощена и скоро обнаружила свою неспособность к продолжительному усилию. Для начала кампании, однако, еще оставались силы, не тронутые опричниной. За исключением русской артиллерии и нескольких сотен иностранных солдат и офицеров, против *европейской* армии Батория стояла старая московская армия, слабость которой Иван уже испытал в битвах со шведами и поляками. Личные качества начальников и рядовых, их героическая выносливость и самоотверженность не искупали недостатка вооружения этой армии. Дисциплина, даже простая дрессировка и порядок командова-

ния отсутствовали.

Решение Ивана в этот критический момент определилось столько же его темпераментом, сколько и отчетливым пониманием причины слабости своего войска. Иван не был храбрым воином. При создавшихся условиях ему не могла прийти в голову мысль во главе своих бояр броситься навстречу Баторию. В Москве это не практиковалось с отдаленной и легендарной эпохи Дмитрия Донского. Уже сын этого национального героя бежал пред новым нашествием татар в Кострому. Это стало традицией, и царь на этот раз должен был более чем когда бы то ни было следовать ей. Опричнина не отняла у Ивана армии, но эта армия обречена была на поражение при встрече с поляками и венграми Батория в открытом поле.

Иван сначала ошибся в намерениях противника, предполагая, что он направит свои усилия, как и прежде, на Ливонию. Прибыв в Новгород в июле 1579 г., он отделил часть своей азиатской конницы в несколько тысяч человек принять первый удар врага. Не встречая никакого сопротивления, этот отряд возобновил подвиги Шиг-Алея. Между тем, предоставив провинцию собственным силам и ограничившись некоторыми мерами предосторожности для прикрытия своей армии с фланга, Баторий двинулся на Полоцк. Пока русские выяснили план его действий, бы-

ло уже поздно приводить город в оборонительное положение. Иван не думал преграждать путь Баторию. Он разделил свою армию на две части и отправил одну часть к Феллину против шведов, другую к Острову, поручив князьям Лыкову и Палецкому идти на помощь Полоцку. Но при этом он предупредил их, что они должны ограничиться тем, что будут тревожить врага и перехватят его обоз. Грозный остановился на системе слабой защиты, прерываемой дипломатическими попытками улажения спора, он и должен был держаться этой системы. Без сомнения, Грозный надеялся истощить поляков осадной войной, в которой он имел бы преимущества, благодаря своей артиллерии и упорству русских.

Как и предвидел Баторий, ему приходилось вести осадную войну. Но и здесь его гений и счастье парализовали стратегию и дипломатию Ивана.

V. Взятие Полоцка

В начале августа 1579 г. Полоцк был осажден. Гарнизон держался храбро. 107 орудий отражали поляков. Но в конце третьей недели город должен был сдаться из-за отсутствия помощи. Епископ Киприан отказался признать сдачу и с некоторыми боярами заперся в церкви святой Софии, где их взяли силой.

Эта подробность свидетельствует об отчаянном сопротивлении. Добыча, взятая в этой церкви, и добро, награбленное в городе, обманули ожидания победителей. Самой ценной частью добычи была библиотека, содержащая многочисленные летописи и славянский перевод отцов церкви. Она была сожжена. Успех поляков все-таки был большой, и Баторий не остановился на нем. После ужасного кровопролития он взял Сокол и занял некоторые соседние крепости. В это же время князь Константин Острожский опустошал Северскую землю до Стародуба, а староста Орши Кмита делал то же самое в Смоленской области. Иван не препятствовал им.

Царь бежал. Покинув Новгород, он прибыл в Псков, откуда, как настоящей восточный дипломат, не выдавая своего положения, вступил в переписку с двумя главнейшими литовскими магнатами – виленским воеводой Радзивиллом и канцлером Литвы Воловичем. Он писал им, что отказался от защиты Полоцка по настоянию бояр, желавших прекратить пролитие христианской крови, и выражал надежду, что Радзивилл и Волович по тем же побуждениям со своей стороны приложат усилия для восстановления мира.

Можно себе представить, какой прием встретили эти письма. Впрочем, Баторий готов был поддерживать дипломатические сношения, чтобы выиграть время

для подготовки к новой компании. Посол Лопатинский, привезший объявление войны, силой удерживался в Москве. Король потребовал его освобождения. При этом гонец победителя, простой курьер был принят Иваном с большой предупредительностью и даже приглашен к царскому столу. Лопатинский был освобожден, и царь выразил желание принять польских послов для мирных переговоров, хотя он еще не отказывался от своих притязаний. Легко догадаться, каков был ответ Батория: теперь не его очередь посылать послов!

Смущенный Иван снова обратился к Вене, отправив туда Афонасия Резанова с новым, еще более настоятельным призывом. Однако со стороны царя еще не было самоунижения.

Посол имел приказ от царя, если его пригласят к столу императора, согласиться занять только первое место, хотя бы ему пришлось столкнуться с послами французского короля или султана. На вопрос, как случилось, что король взял Полоцк, посол должен был ответить, что произошло это благодаря неожиданному нападению и нарушению королем перемирия, заключенного на три года. Резанов прибыл по назначению в марте 1580 г. и был также выпровожен, как и его предшественники. В Вене не намерены были ссориться с Баторием, у которого было много средств

революционизировать Венгрию. С другой стороны, он держал в своих руках Вену при помощи Рима, а Рим – посредством иезуитов. После взятия Полоцка папа отправил королю саблю и копье, освещенные на Рождественской мессе. Они должны были быть вручены королю с большей пышностью. В Вене Резанову наговорили только много хороших слов, выражая мнение, что у Батория скоро истощатся средства. «Ему не прокормить солдат своими венгерскими вшами», – сказал граф Кинский.

Иван понял, что нужно понизить тон по отношению к Польше. Посылая в Варшаву курьера за курьером, он проявлял готовность сделать первый шаг для предупреждения войны, если Баторий ее замышлял. Послы его теперь не обращали больше внимания, поднимается ли король при их приеме и справляется ли о здоровье царя. Баторий хорошо принимал посланников мира, но военных приготовлений не прекращал. В июне он дал царю 5 недель для присылки посольства, в противном случае он грозил «Сесть на коня». Иван отправил посольство в путь, «принимая во внимание желание своего соседа, удовлетворить его требованиям», как было сказано в инструкциях, данных царем. Посольство, со своей громадной свитой в 500 человек, не успело добраться и до половины дороги, как узнало, что ему нечего делать

в дороге, так как король, не дожидаясь его прибытия, «сел на коня» и выступил из Вильны во главе своей армии.

VI. Поляки в Московском государстве

Взятие Полоцка не нанесло еще серьезного удара Московскому государству. Это было не больше, как обратный захват раньше отнятого у Польши города. Теперь же Баторий готов был проникнуть со своей армией в сердце неприятельской страны. Мнения в польском лагере разделились. Часники, место сбора войск, находились на равном расстоянии от Смоленска и от Великих Лук. Одни хотели идти на Смоленск, другие на Псков. Баторий решил двигаться на Великие Луки. Этот город служил для русских складочным местом военных припасов и был центром богатой и населенной области.

Подкрепленная пехотой, набранной в королевских владениях, польская армия была сильнее, чем в прошлом году. Она состояла приблизительно из 17 500 человек. 8 321 приходилось на польскую и венгерскую пехоту и до 10 000 на литовцев. Поход на Великие Луки был тяжел. Чтобы не переходить Двину под пушками крепости Велижа, поляки пошли дремучими лесами и разделили свои силы на две ча-

сти. Эта операция подвергалась критике, но удаленность московских сил, сконцентрированных в Новгороде, Пскове и Смоленске, по-видимому, оправдывала этот риск. Отряд в 6 000 человек, отделившийся от главной армии, имел во главе нового начальника, в котором Баторий нашел одного из лучших полководцев. Это был Ян Замойский, заменивший военачальника старой школы Николая Мелецкого, который в предшествующую кампанию обнаружил больше храбрости, чем военных талантов. Прежний ректор Падуи Замойский, по-видимому, был предназначен превзойти Мелецкого. В то время как король занял на своем пути Усвят, Замойский обошел Велиж, взял его и соединился с главной армией перед Великими Луками.

У Великих Лук поляков ожидал сюрприз – прибытие московского посольства. Некоторое время Иван колебался, как поступить с этим посольством. Приказать посольству следовать за армией нападающих для него было жестоким унижением. После взятия Велижа Иван созвал один из тех соборов, о которых я уже говорил раньше. Собор высказался за решительное сопротивление, и царь велел приказать Ивану Сицкому, Роману Михайловичу Пивову и Фоме Палентелееву вернуться. Но скоро пришли тревожные вести, что поляки многочисленны, и Грозный дал

своим уполномоченным новые инструкции, обнаружившие, что он лучше защищается на дипломатическом поле, чем на другом. Он предлагал Баторию Курляндию, которая никогда не принадлежала Москве, и больше шестидесяти пяти ливонских городов, искусно выбранных, а тридцать пять других оставались за ним. Кроме того, Сицкий и Пивов начали просить немедленно снять осаду Великих Лук и назначить аудиенцию *на польской территории*, на том основании, что царь никогда не договаривался на своей земле. Им дали довольно суровый ответ, и они согласились начать переговоры на месте. Баторий требовал всей Ливонии, Великих Лук и Смоленска. Переговоры затянулись. В это время Замойский окружил город. Как большинство русских городов, Великие Луки были окружены стеной, состоявшей из двух рядов толстых дубовых бревен, между которыми была насыпана земля. Стены эти оказались непроницаемы для раскаленных ядер. Недостаточная и плохо обслуживаемая польская артиллерия слабо поддерживала канонаду. Однако гарнизон города запросил капитуляции, когда один из мазовецких крестьян с опасностью для собственной жизни поджег крепостную башню. Пока спорили об условиях сдачи, венгры, под начальством своего вождя Гаспара Бекеши, бывшего политического соперника Батория, ворвались

в город, боясь, как бы добыча не ускользнула из их рук или не досталась полякам. В бешеной схватке на этот раз не был пощажён никто, перебили даже монахов, вышедших с крестным ходом. Замойский напрасно старался восстановить порядок. Ему удалось спасти только двух воевод.

После взятия этого города вся область оказалась во власти победителя. Князь Хилков, командовавший сильным отрядом, был разбит польской, венгерской и немецкой кавалерией под начальством князя Збаражского. Подоженный Невель в свою очередь сдался, и поляки оказались далекими от соблюдения принятых условий, что в то время в европейских войнах было почти правилом. Для нарушения условий всегда находили предлог. Озерище отдалось почти без сопротивления. Лучшее защищённый город Заволочье, представлявший собой как бы остров, окружённый водами озера Подсоха, отразил первый приступ. Под нападающими провалился мост, и шляхта после этого заговорила об отступлении от города. Ей хотелось вернуться домой к Рождеству. Но Замойский показал себя таким же ловким дипломатом, как и полководцем. Он вызвал соревнование в храбрости между поляками и венграми. Разрушенный мост был заменён двумя новыми. После соответствующей проповеди и причастия волонтеры согласились идти в атаку.

23 октября 1580 г. город был взят. По свидетельству польского летописца, воеводы, решившиеся держаться во что бы то ни стало, принуждены были сдаться из-за неповиновения гарнизона.

Успех одного из полководцев царя, Ивана Михайловича Бутурлина, не вознаградил этих потерь. Он врасплох напал у литовской границы на воеводу Смоленска Филона Кмиту, перебил у него 600 человек и отнял артиллерию в составе 10 пушек.

Поляки приобрели большую русскую область и вернулись на свои зимние квартиры. Литовцы же продолжали кампанию и захватили Холм, сожгли Старую Русу, даже проникли в Ливонию, где завладели замком Шмильтен и вместе с Магнусом разорили дерптскую область до самых московских границ.

Не остались спокойными зрители и шведы. В ноябрь 1580 г. Понтус Делагарди ворвался в Карелию и взял Кексгольм, где погибло при этом 2000 русских. Другой шведский отряд осадил Падис, расположенный в шести милях от Ревеля. После 13 недель отчаянного сопротивления гарнизона под начальством Чихачева город был взят. Говорят, что осажденным приходилось есть кожи, солому и даже человеческое мясо. Наступила очередь Ливонии. Весною 1581 г. Понтус Делагарди захватил Везенберг.

Между тем Баторий готовился уже к третьей кам-

пани, добившись в феврале 1581 г. новой субсидии, вотированной сеймом еще на два года. По следам короля шла другая армия. Иезуиты вели религиозную пропаганду, успехи которой уже чувствовались в литовско-русских областях до самой Ливонии. С 1576 года Баторий им покровительствовал, надеясь при их помощи разорвать узы, связывавшие население этих областей с православной Москвой и протестантской Германией. Отцы-иезуиты в Вильне могли отпраздновать обращение 80 лютеран и 50 православных.

Эта миссионерская работа охватывала широкие горизонты. Движение католицизма через Ливонию должно было достигнуть Швеции, где Рим имел точку опоры благодаря Екатерине из дома Ягеллонов. Возвращением потерянной земли католики думали замкнуть реформацию в тесный круг, где она задохнется, и побежденная Москва в свою очередь не устоит под натиском латинства. Отдавши себя в руки героического вождя, наиболее развитое славянское племя разрешило бы двойную проблему – политическую и религиозную. От разрешения этих проблем зависело будущее северо-восточной Европы. Это было бы созданием «Третьего Рима» и осуществлением самых честолюбивых надежд.

Грозный не предвидел этого и чувствовал бессилие отразить опасность вооруженной рукой. Пояс крепо-

стей, за которым он чувствовал себя в безопасности, был разорван. Нашествие подвигалось вперед медленно, но верно. После Великих Лук перед победителями открыли свои ворота Новгород и Псков. Царь теперь меньше, чем когда-либо, думал противопоставлять плохо вооруженные, плохо обученные, разрозненные толпы своей милиции грозным полкам поляков, перед которыми не могли устоять и его крепости. В его руках теперь были только дипломатические средства.

VII. Дипломатическое посредничество

В сентябре 1580 г. Иван, не дожидаясь даже возвращения Резанова, решил апеллировать к Риму. Новому посланнику Истоме Шевригину было поручено добиться посредничества папы и представить «Батуру» как союзника султана. Иван коверкал имя короля отчасти по незнанию, отчасти из презрения к нему. Результаты новой попытки пока не обнаруживались, а послы царя в это время переезжали с места на место в свите короля, делая уступки и терпя обиды. В январе 1581 г. им было приказано отправиться в Варшаву. Там они рассчитывали добиться перемирия, увеличив число ливонских городов сравнительно с тем, что они предлагали раньше. Но они получили такой

ответ: «Или вся Ливония, или война». Они сообщили царю, что угрозами их заставили целовать руку короля, что последний не поднялся при имени их государя и даже не поручил приветствовать его от себя. Послы должны были уйти с пустыми руками.

Иван понял, что надо сделать уступку и написал «Батуре» смиренное письмо, впервые называя его братом. Он извещал о присылке нового посольства. Послы Евстафий Михайлович Пушкин, Федор Андреевич Писемский и Андрей Трофимов получили приказ без жалоб перенести все унижения и даже побои. Вот до чего дошел царь! Он предлагал теперь всю Ливонию, за исключением четырех городов. Он даже отказывался от своего титула. Но он не смог удержаться, чтобы не прибавить к выражениям своей кротости желчного, едкого замечания. Послы должны были заявить, что их господин – «государь не со вчерашнего дня». На вопрос, что они под этим разумеют, они должны были ответить, что тот, кто со вчерашнего дня государь, сам это знает.

Темперамент Грозного всегда был опасным врагом его ума. Иван мог отдать в жертву своей прихоти целую провинцию, а потом исправлять беду какой-нибудь новой уступкой своего достоинства.

Он так торопил своих послов, что они прибыли в Вильну, где была назначена встреча с Баторием,

раньше определенного срока. Царь все еще надеялся помешать возникновению враждебных действий. Но в мае месяце, когда в Вильну прибыл король, послы узнали, что, кроме Ливонии, от них требуют Новгород, Псков, Смоленск, всю Северскую область и 400 000 дукатов военного вознаграждения. После этого Пушкин со своими товарищами поехал в Москву за инструкциями. Баторий отправил с ними своего посла с ультиматумом, в котором он ограничил свои требования Ливонией, военным вознаграждением и разрушением некоторых пограничных крепостей. Ответа он соглашался ждать только до 4 июля.

В это время миссия Шевригина уже принесла первый плод. Я ниже расскажу, как папа дал соблазнить себя приманкой посредничества. Если бы даже посредничество имело полный успех, то и тогда оно не могло бы, с точки зрения интересов католицизма, компенсировать те выгоды, какие обещала ему победа Польши. Назначенный посредником, иезуит Поссевин находился в Вильне. Одно его присутствие здесь оказывало Ивану большую помощь. *Roma locuta erat*. Святой престол высказывался против продолжения войны. Польша будет остановлена в своем порыве, а если она будет упорствовать, над ней разразятся громы Ватикана. По крайней мере, так думал царь. Он сразу выпрямился и обошелся с Держеком так,

как Баторий с его послами. Он отправил посла обратно к королю с письмом, которое начиналось так: «Мы, смиренный Иван Васильевич, царь всея Руси... по Божьей милости, а не по мятежному человеческому хотению». По этому вступлению можно догадываться и о продолжении письма. В издании Кояловича документ этот имеет 28 печатных страницы. В нем Грозный по-своему перефразировал псалмы Давида и называл Батория Амелеком, Сеннахерибом и жадным до кровопролития Максенцием. Потом он объявлял, что, если мир не будет заключен теперь же, он не пошлет послов в Польшу и не будет принимать ее послов раньше 30 или даже 50 лет. Он категорически отвергал ультиматум. Возвращаясь к прежним условиям, он уже не хотел довольствоваться четырьмя ливонскими городами и требовал оставления за ним 36 городов с Нарвой и Дерптом. Уступал только Великие Луки с 24 мелкими крепостями. Это была его «последняя мера».

У Ивана создалась некоторая иллюзия насчет силы Поссевина. Письмо Грозного и инструкции уже не застали Батория в Вильне. Он был уже в Полоцке и готовился начать новую кампанию. Иезуит и московские послы последовали за ним туда. Посланник папы попытался выступить в роли посредника, но Пушкин и Писемский были теперь настолько неуступчивы,

насколько сговорчивы недавно. Когда Поссевин спросил, почему царь изменил свои предложения, «Новый завет уничтожил Ветхий», высокомерно ответил Пушкин. «Польский король отверг первые предложения, теперь царь сделал другие и к ним ничего не прибавил», добавил он небрежно, вертя между пальцами соломинку. Баторий со своей стороны не был расположен к переговорам, но так как он все-таки должен был считаться с посредничеством папы, он объявил Поссевину, что отказывается от военного вознаграждения и разрушения крепостей. Но послы Ивана были глухи к заявлениям короля. Поэтому он резко прервал аудиенцию и заявил послам, что немедленно начинает войну и не за Ливонию, а за все достояние их государя. Иезуит понял, что ему настаивать бесполезно. Когда он заявил о своем намерении поехать в Москву, чтобы расположить царя к уступкам, ему пожелали счастливого пути. Польская армия тронулась в поход.

Баторий хотел оставить без ответа последнее письмо Ивана, но окружающие короля опасались, чтобы польские и немецкие газеты не остались под впечатлением заключающихся в них оскорблений. Проливая кровь, не жалели и чернил. Нужно было продолжать в том же духе. Канцелярия короля принялась за дело и изготовила послание в 40 страниц. Чтобы дать надлежащую оценку оскорбителю, Ивану напо-

минали, что мать его была дочерью простого литовского дезертира, ставили ему на вид его оргии и кровавые излишества. Царь упрекнул короля в искании союза с турками, ему противопоставили его брак с мусульманкой Темрюковной и напомнили обычаи его предков, «слизывавших кобылье молоко с грив татарских лошадей». Не забыта была и его нелюбовь показываться на полях сражения. «И курица прикрывает птенцов своих от ястреба, а ты, орел двуглавый, прячешься!» Следовавший за этим вызов на единоборство покажется смешным, но нравы эпохи создали такие прецеденты: Эрик XIV вызвал на бой Дедлея, в котором он видел соперника по отношению к Елизавете. Предполагали, что царь не примет этого вызова.

Действительно, Иван был принужден больше чем когда-либо «прятаться» и не думал о вызове. Его казна была пуста, страна истощена, деморализованные бояре оставили его без поддержки. По свидетельству летописца, в этот момент с ним было в Старице не более 300 бояр. Опасаясь, что Баторий направит свои усилия на Псков, царь сосредоточил в нем сильный гарнизон. Там была отборная часть его полков. Город был обеспечен провиантом и снабжен сильной артиллерией. Иван рассчитывал, что Псков надолго задержит поляков, и Баторий встретит страшного союзника Москвы во всех оборонительных войнах – зиму. Если

Поссевин прибыл слишком поздно, чтобы удержать короля, то и король не успел начать кампанию достаточно рано.

VIII. Осада Пскова

Король употребил всю весну на переговоры с сеймом. «Король дал из своего кармана все, что мог дать», кричал депутатам Замойский. «Чего же вы ждете еще от него? Хотите, чтобы он снял с себя кожу? Если бы какой-нибудь алхимик нашел секрет делать золото из человеческой кожи, король бы сделал и это!» Субсидия была дана еще на один год, только под условием, что война на этот раз будет закончена. Поступление вотированных налогов запоздало. Пришлось заложить драгоценности короны. За них получили 50 000 экю от герцога Анспахского и столько же от курфюрста Бранденбургского. Армия двинулась в путь, но на Десне произошла новая задержка. Подобно тому, как запоздали деньги, и люди не явились на призыв короля. Баторий здесь узнал, что отряд русских войск, сосредоточенных у Можайска, вторгся в Литву со стороны Смоленска. Там он сжег 2000 деревень, разорил целую область между Оршей и Могилевом, захватил и переправил на другой берег Днепра много народа, как кре-

стьян, так и дворян. Баторий, делая по 16 миль в день, только 15 июля прибыл в Полоцк, где произвел смотр войскам. 29 июля он был в Заволочье и собрал там военный совет. Был поднят вопрос о нападении на Новгород. Но как и угадал Иван, решили идти на Псков, так как он был ближе. Можно было предвидеть, что город не сдастся раньше зимних холодов. Переписка Батория свидетельствует, что он решился на случайности зимней кампании, надеясь, что в течение ее либо город будет взят, либо Иван будет вынужден заключить мир. Чтобы сохранить Псков, царь может бросить Ливонию. Вмешательство Рима и настроение сейма делали то, что король готов был в данный момент не требовать больше и не идти дальше.

Захватив по пути Остров, поляки 25 августа появились у Пскова. Они были поражены его размерами и величественным видом. «Можно подумать, что это второй Париж», писал секретарь королевской канцелярии, аббат Пиотровский, дневник которого дошел до нас. Это замечание дословно повторено в мемуарах другого очевидца, Мюллера. Уже с давних времен приведенный в оборонительное положение и постоянно укрепляемый благодаря близости немцев, Псков имел каменные стены. К ним недавно прибавили еще частокол. Руководили обороной князья Василий Федорович и Иван Петрович Шуйские. Эти храб-

рые и опытные военачальники имели под своей командой по русским источникам 30 000, по польским 40 000 человек. Силы действующей армии в собственном значении этого слова и по тем, и по другим источникам значительно преувеличены. Однако они были не меньше, если принять во внимание «едоков», как называл полковник польской армии венецианец Родольфини рабочих и слуг, шедших с его армией. Некоторые из них в крайнем случае могли быть употреблены в качестве стрелков. Количество их он исчислял в 170 000 человек! Вероятно, и во Пскове было значительное количество таких «едоков». Точную цифру их установить невозможно, так как документы того времени не дают сведений о них. Что касается польского войска, то источники, к которым я уже прибегал, дают более точные сведения. У Батория было 21 102 человек, из них около половины конницы. По другим сведениям у него было 18 940 чел. и 10 000 литовцев.

Это было немного для осады города, походившего на Париж. Гейденштейн, правда, говорит о 24 000 конницы, продефилировавшей под удивленными взорами псковитян. Но, очевидно, у него двоилось в глазах, как и у Ивана, уверявшего, что «Батура» поднял на него всю Италию. Ко времени, указываемому Гейденштейном, в лагере Батория оставалось толь-

ко 6 469 человек польской и 674 венгерской конницы. Участие Италии выразилось в присылке нескольких инженеров, а из французов было 1 или 2 офицера, в том числе капитан Гарон, «человек маленького роста, хороший музыкант и очень храбрый», по словам Пиотровского. Он, «плавая, как лягушка», измерял своей шпагой рвы города. Вероятно, это был смельчак гасконец.

Силы этой было недостаточно, чтобы взять первую классную крепость, решившуюся упорно защищаться. Принимая во внимание средства, которыми располагал Баторий, можно усомниться, что он рассчитывал вести продолжительную осаду. Его артиллерия состояла не более чем из 20 орудий. Пороху едва хватило бы на первые недели. Возможно, что король думал принудить к сдаче город голодом, но и сам он не был склонен простоять под стенами города всю зиму. Он боялся, что дух войска может пасть при виде необходимых приготовлений к зимней стоянке. Недостаток в деньгах и позднее выступление в поход присоединились к невыгодным условиям, разбившим его планы и нарушившим расчеты. Но его гений решил исход войны.

Трудно восстановить внешний ход этой войны, но еще труднее понять ее моральный смысл, что собственно и является особенно интересным. Русские

и польские источники, согласные в деталях, постоянно расходятся в своих показаниях по существу. Одна сторона приписывает большое значение вылазкам осажденных. Другие утверждают, что гарнизон не был столь отважен и даже боялся огня орудий. Польские документы отдают должное небольшим отрядам московского войска. Они непрерывно тревожили осаждающих и мешали получать провиант. Русские – представляют нам население Пскова полными энтузиазма, равного доблести их защитников. Горожане помогали воинам защищаться до последней капли крови. В польских источниках встречаем иную версию. Только энергия Шуйских будто бы помешала черни пойти на довольно скорую сдачу.

На этот счет русские документы содержат, по-видимому, вполне достоверные указания. После назначения на защиту Пскова оба Шуйские отправились с царем в Успенский собор и там принесли присягу, что будут отстаивать город до последней возможности. Такую же клятву они не раз заставляли приносить и псковитян. Последние, очевидно, не особенно были расположены выдерживать осаду. Надо заметить, что наиболее значительный документ, относящийся к этому эпизода, записка аббата Пиотровского, принадлежит человеку недовольному, выведенному из терпения продолжительностью войны

и неприятностями зимнего похода. Уже в Полоцке он считал требования Батория чрезмерными и находил, что пора бы кончить войну без дальнейших осложнений. «Всем она надоела». Ему, конечно, казалось, что под Псковом все идет не так, и продолжительная осада увеличивает бедствия сражающихся.

Верно только, что первый приступ поляков 8 сентября 1581 г. был отражен русскими храбро, и осаждающие понесли страшные потери. При этом погиб Гавриил Бекеш, брат отважного начальника венгерской кавалерии. Попытка эта долго не возобновлялась. Чувствовался недостаток боевых припасов, а тут еще взорвало пороховой погреб в Зуше. Пришлось отправить за порохом в Ригу. Баторий мог на досуге изучать военное искусство по книге графа Рейнгарта Сольмского, присланной ему сыном знаменитого маршала Карла V. В это время осажденные издевались над осаждающими и кричали им: «Почему же вы не стреляете? Ведь, если не будете палить из орудий, города не возьмете, хотя бы два года смотрели на его валы!»

В конце октября польская армия уменьшилась на 10 % благодаря голоду и стуже. По свидетельству Пиотровского, не приходилось и 40 лошадей на эскадрон. Литовцы грозили уйти. Баторий принужден был собрать предводителей и сказать им речь. Де-

ла пошли еще хуже, когда король отправился в Варшаву, чтобы склонить сейм к новым усилиям. Новый приступ, назначенный после прибытия обоза из Риги, кончился 3 ноября так же печально, как и первый. Тогда сняли орудия с батарей и более чем когда-либо начали ждать мира. Главное командование войском теперь принадлежало Замойскому. Польские историки последнего времени особенно восхваляют его достоинства в ущерб «мадьярскому» королю. Но был ли он в силах удержать армии под знаменами и заставить ее переносить жестокие испытания осады, если бы за ним не стоял государь, характер и сила которого были всем известны? Это более чем сомнительно. Без Даву и Ланна, Нея и Массена Наполеон не выиграл бы большинства своих битв и благодаря Груши он дошел до Ватерлоо. Замойский только следовал плану, который в конце концов должен был оказаться самым выгодным при данных обстоятельствах. Но никто не станет отрицать, что план этот принадлежал Баторию. Псковитяне готовы были придти к убеждению, что город можно взять, *глядя на него*. Поляки не стреляли, но они не допускали никакого сообщения между городом и его окрестностями. Запасы же, собранные в нем царем, истощались.

С другой стороны, в Ливонии, куда сейчас не мог проникнуть ни один русский, шведы победоносно шли

вперед. Теперь Польша скорее опасалась, чем желала таких независимых союзников. Но они наносили чувствительные удары общему врагу. В течение лета Горн Делагарди взял Лодзь, Фикель, Гапсаль. В сентябре он осадил Нарву. Немецкая часть города сдавалась, по словам ливонского летописца, после осады, во время которой погибло до 7 000 душ. Русская же часть была сдана Афанасием Бельским. В конце ноября вся береговая линия Финского залива была в руках шведов, которые могли теперь брать в плен английские суда, снабжавшие Ивана военными припасами. Угрожая Пернау, Дерпту и Феллину, Делагарди готов был овладеть последним русским оплотом в этом крае.

Эти победы отозвались и под стенами Пскова, заставляя обе стороны стремиться к заключению мира. В конце ноября был перехвачен осаждающими гонец от Шуйского с письмом к царю, в котором он извещал, что начался голод и, если не будет дана помощь, город будет принужден к сдаче. Это вернуло мужество полякам. Правда, через несколько дней попались в плен к полякам два боярина из защитников Пскова и дали совершенно иные показания. По их словам, у осажденных есть хлеб и все прочее, не достает только мяса. Но в это время уполномоченные Батория уже направлялись в Ян-Запольский, чтобы

встретиться там с доверенными Ивана и заключить мир при посредничестве Поссевина.

Участие папы в этом деле учитывалось различно. Чтобы прояснить этот вопрос, я должен вернуться назад и рассказать о начале одной миссии, которая составила целую эпоху в истории дипломатических отношений между Москвой и Римом.

Глава вторая

Потеря Ливонии. Рим и Москва

Миссия Шевригина. Папское посредничество. Ян-Запольское перемирие. Посевин в Москве. После перемирия.

I. Миссия Шевригина

Отправление Шевригина в качестве посла в Рим было событием, не имевшим прецедентов. До сих пор первые шаги всегда предпринимались папским двором. Польша всегда становилась поперек дороги к осуществлению этих попыток. Венеция, заинтересованная в том, чтобы завязать коммерческие сношения с Москвой, напрасно старалась победить сопротивление подозрительной и зоркой польской дипломатии. Посланники папы Пия IV, Канобио, Джиральди и Бонифачио, были перехвачены предшественниками Батория. При Пие V, в 1570 г., Винцент дель-Портико, папский нунций в Польше, пробовал было принять на себя роль посредника между Иваном и Сигизмундом-Августом, имея в виду заключить лигу против турок. Но в это время посол Ивана старался

представить своего государя очень расположенным к султану. Об этом узнали в Риме. Кроме того, знакомство с записками Альберта Шлихтинга, прусского солдата, бежавшего из московского плена, еще более охладило папу. В 1576 г. был произведен новый опыт: нунций Лаурео, принужденный покинуть Польшу из-за избрания Батория и Максимилиана, сговорился в Германии с двумя русскими послами, Сугорским и Арцыбашевым. Новый папский легат при дворе императора, Мароне, способствовал этим переговорам. С разрешения Григория XIII он выбрал ученого Родольфа Кленке, обладавшего сильным телосложением и предприимчивым духом, для содействия давно желанному сближению. Но Польша следила за этим зорко, и в последний момент Максимилиан воспротивился отъезду указанного уполномоченного. Преемник Лаурео Калигари повторял попытку Портико так же безуспешно.

Теперь первый шаг делал царь. Леонтию Истоме Шевригину, которого за границей звали Томас Северинген, было поручено предложить там союз против турок, на котором Рим строил свои полурелигиозные, полуполитические планы. Главным условием этого союза было посоветовать, а в случае необходимости и заставить польского короля заключить мир. Проезжая через Прагу, где император встретил его

очень холодно, Шевригин вошел в сношения с папским нунцием и венецианским послом. Сначала думали, что у него есть некоторые поручения к венецианской республике, но оказалось, что он даже не знал титула дожа. Он даже думал, что Венеция составляет часть папской области. На пути он присоединил к себе двух спутников, ливонского немца Вильгельма Поплера и миланца Франческо Паллавичини. У них больше и сведений, и изобретательности. В сопровождении их он отправился в Венецию и вручил дожу царскую грамоту. По мнению Пирлинга, он сфабриковал эту грамоту сам, чтобы иметь право пользоваться папскими милостями. По мнению Успенского, ее сочинили в Риме, чтобы привлечь республику к налаживавшемуся на этот раз делу религиозной пропаганды. Импровизированный посол не старался быть тонким дипломатом. Он с удовольствием принимал расточаемые ему почести, говорил о возможных торговых сношениях, указывая довольно неопределенно на путь водой через Каспийское море и Волгу. Излишней болтовней он дал понять об отчаянном положении своего государства и поспешил в Рим, куда прибыл 24 февраля 1581 г.

Сначала его приняли очень хорошо и с бóльшим почетом, чем заслуживало его звание простого *гонца*. Но чтение привезенной им грамоты, на этот раз под-

линной, подействовало охлаждающе. Царь выражал в ней желание, чтобы папа *повелел* Баторию отказаться от мусульманского союза и войны против христиан. Но о вере не было ни слова. Иван просил много, но взамен не давал ничего. Однако искушение войти в какие бы то ни было сношения с Россией было слишком велико, поэтому все-таки решили отправить в Москву посла. Он должен был поставить на надлежащее место условия союза: сперва религиозный союз, а потом уже политическое соглашение. Очень может быть, как многими и предполагалось, что здесь не обошлось без польского влияния. Во всяком случае, этот план был самым благоразумным во всех отношениях.

Благодаря удачному выбору посредника пошли еще дальше. Поссевин был видным дипломатом. Уже два раза на него возлагали поручения к шведскому двору – в 1578 и 1580 г. Он был назначен папским викарием всего Севера, слыл очень тонким дипломатом и выказал способность не только подчинять духовные интересы светским, но даже и жертвовать ими в случае необходимости. В Стокгольме, куда он явился в одежде дворянина, со шпагой на боку и шляпой в руке, ему не удалось добиться союза с Римом. Но он принимал деятельное участие в переговорах между Швецией и Польшей для заключения

союза против Москвы. В 1579 г. он посетил в Вильне Батория с тою же целью. Теперь он добился того, что римский двор под его влиянием незаметно отвлекся от религии в сторону политики.

Мысль о союзе против ислама была химерой: Филиппу было достаточно забот с новым покорением Португалии. Венеция в то время была очень заинтересована гаванями Леванта. Но для Рима религиозные лиги были, как и для Москвы, лишь ширмами, скрывавшими интересы практического свойства. Если даже папе и не удастся поднять европейские державы для нового крестового похода, все же в их единомыслии по этому вопросу св. отец видел возможность вернуть хотя бы крупинку своего прежнего значения. Протестантство, казалось, отступает во многих пунктах. В Нидерландах вытеснял его Филипп Фарнезе. Во Франции подымали голову Гизы. В Швеции, под покровительством в тайне сочувствовавшего короля, королева воспитывала наследника престола в пламенной католической вере. В Польше диссиденты больше уже не являлись политической партией. Потерянная для Германии Ливония могла ускользнуть от реформации. В Риме полагали, что во власти ереси останется только Англия, часть империи и Дания. Если примирить Москву с Польшей и под предлогом общей обороны против турок удастся заставить

Габсбургов заключить коалицию с Венецией, к Риму, пожалуй, может вернуться господство над миром.

Папство дожило до того состояния, когда за отсутствием действительности большое значение придавалось возможностям.

Все эти расчеты отразились в папской грамоте, отправленной Ивану в ответ на его письмо. Папа принимал как мысль о лиге, так и условия, предложенные Иваном. Он соглашался быть посредником между ним и польским королем, но говорил, что мир может быть заключен на основании такого союза, который соединить всех в лоне истинной церкви. Это было придумано довольно ловко. Однако в тайных наказах, данных Поссевину и разработанных при его участии, смысл этого ответа оказывался значительно мягче. Там еще говорилось о воссоединении обеих церквей, к чему должен был стремиться иезуит. Но на практике миссия его ограничивалась двумя пунктами чисто мирского характера: установлением торговых сношений с Венецией и заключением мира между Польшей и Россией.

Шевригин в сущности сделал больше, чем рассчитывал царь. Риму не удалось поразить этого варвара ни чудесами искусства, ни великолепием религиозных обрядов. Он больше интересовался папскими подарками – Agnus Dei, золотой цепью и кошельком

с 600 дукатов. Однако он не удовольствовался ими. Этому неучу удалось не только осуществить сближение, которому так усердно мешала Польша, но он даже обратил это сближение против нее самой. В то время как Баторий шел от победы к победе, Рим и Москва сговаривались вырвать из его рук плоды его торжества. Причем царский гонец не подавал никаких надежд на успехи католицизма на его родине. Это доказывает переписка кардинала де Комо, главного редактора инструкций, данных Поссевину. В своем письме к Калигари он прямо высказывает мысль, что поступок Ивана был внушен ему не добрыми намерениями, которым мог бы радоваться Рим, а хорошими ударами, доставшимися на долю царя.

Шевригин оставил Рим 27 марта 1581 г. С ним ехал и Поссевин. Они должны были в Венеции и при дворе императора привести в исполнение задуманный план. Папский легат формулировал общие предложения пред Советом Десяти. Синьория без дальних слов извлекла то, что ей было выгодно. Начать торговые сношения было ее давним стремлением. Помирить короля с царем соглашались; торговля нуждается в мире! Остальное – дело Рима. В конфиденциальном разговоре с Поссевином дож Никола де Понте выразительно заметил, что со времени Лепанто он не верит лигам. В Вене и Праге вопрос о Лиге

был окончательно устранен. Кроме того император не дал аудиенции, и только один легат виделся с эрцгерцогом Эрнестом, бывшим претендентом на польский престол и только с этой точки зрения интересовавшимся московскими делами. Австрийским дипломатам не трудно было понять, на чем основывалась дружба между Римом и Москвой. «Хлыст польского короля», писал Поссевин кардиналу де Комо, «может быть, является наилучшим средством для введения католицизма в Московии». Ободренный своим успехом, Шевригин воображал, что привезет из Вены своему государю титул Императора Востока. Но он получил только кошелек с сотней флоринов, и спутники расстались. Русский посол направился в Любек, а иезуит в Вильну, чтобы приступить там к своей миссии посредника.

II. Папское посредничество

Нунций Калигари уже поставил польского короля в известность относительно прибытия легата тем, что просил для него пропуск. Его встретили очень холодно. Иезуит Скарга, ректор виленской коллегии, считал эту миссию совершенно излишней. Баторий имел основания не доверять теперь римской политике. Папа уже несколько времени внушал ему тще-

славную мысль овладеть Валахией, где должен был перемениться государь. Между тем в Варшаве было известно, что Григорий XIII покровительствует кандидатуре Петра Черчеля, на стороне которого была Франция. На конгрегации, решившей отправить в Россию Поссевина, присутствовал кардинал Мадруччи, прежний нунций в Германии. Наконец, совещание легата с эрцгерцогом Эрнестом казалось польскому королю весьма подозрительным.

По пропуск все-таки был выдан, и Поссевин нашел короля в несколько лучшем расположении. Причиной этой перемены можно считать задержку при выступлении в поход. Вокруг себя король постоянно слышал, что пора уж заключить какой бы ни было мир. Когда в конце июля 1581 г. папский легат отправился к Ивану, а король двинулся в Пскову, большинство поляков желало успеха иезуиту. 20 августа, после нескольких неприятных приключений (в Смоленске, например, думая отправиться на обед, Поссевин попал к обедне) он предстал в Старице пред «ясные царские очи».

Рим сделал все, чтобы обеспечить здесь своему представителю хороший прием. К папской грамоте, адресованной царю, было присоединено письмо царице Анастасии, в котором папа называл ее возлюбленной дочерью. Он не знал, что она давно уже умер-

ла, и после нее было уже несколько цариц. Кроме того были отправлены подарки – распятие из горного хрусталя и золота, роскошно переплетенный греческий экземпляр постановлений Флорентийского собора, четки, отделанные золотом с драгоценными камнями, хрустальная с золотом чаша и самый драгоценный дар – частица животворящего креста Господня, заключенная в распятие. Иван объявил, что подарки достойны пославшего их. В последний момент Поссевин решил исключить из их числа изображение Святого Семейства, где совершенно нагой Иван Креститель мог оскорбить глаза, привыкшие к более скромной иконописи.

Иезуит оказался на высоте своего назначения. С большим мастерством он пустил в ход испытанные им уже в других случаях приемы. В своих речах он говорил о великом значении общности веры, но не ставил его на первый план. Он был гибок и вкрадчив, красноречив и лукав. Но задача его была довольно сложна. Ответ, данный легату на мирные предложения, является любопытным памятником московской дипломатии. Шесть придворных были назначены отвечать ему, и каждому из них был дан особый наказ. Каждый из них касался только одного пункта вопроса: лиги против турок, состояния переговоров, уже начатых с Баторием, сношений с Римом и т. д. Когда это

было сделано, царские дьяки переработали эти пункты в ряде новых наказов. В конце концов получилось 36 документов, которые Поссевин должен был заслушать. Каждый из них начинался воззванием к Пресвятой Троице и перечислением всех царских титулов. Между тем это должно было служить только основанием для прений в течение многих недель. Предстояли споры, обмен нотами, постоянное вмешательство самого царя, неизбежные недоразумения, вытекавшие из обоюдного незнания языка противной стороны: из непроходимого лабиринта воздвигалась Вавилонская башня!

С самого же начала выяснилось, что существует разногласие в отправном пункте переговоров. Легат представлял Батория склонным, благодаря вмешательству папы, к большим уступкам и просил Ивана сделать со своей стороны шаг в том же направлении. Но именно папское вмешательство и делало Ивана очень несговорчивым. Теперь царь отказывался от того, что обещал раньше, требуя немедленно снятия осады с Пскова и присылки польского посольства. Он за этим и обращался к папе. Полученное от Батория письмо с вызовом на поединок не могло внушить ему миролюбивых намерений. Сначала Иван старался говорить об этом скорее с грустью, чем с гневом. Когда Поссевин попросил сообщить ему

содержание документа, он хотел дать ему только извлечения из письма, где оставалась бы одна только сущность, а оскорбления были бы изъяты. Но он не мог удержаться, чтобы не показать составленного им ответа, в котором он приводил одно за другим наиболее оскорбительные места письма, чтобы ими же поражать своего противника. При этом он прибегает по своему обыкновению к самому неожиданному способу аргументации. Баторий упрекает его в том, что он не спешит на помощь осажденным городам, но он ведь считает себя связанным перемирием с врагом! Как может король отрицать римское происхождение царствующего в Москве дома? Если бы не было *Пруса*, откуда бы Пруссия получила свое название?

За целый месяц посредник ни на шаг не подвинулся вперед. В сфере религиозных вопросов ему удалось кое-что сделать, хотя ни на постройку католических церквей, ни на водворение иезуитов в Москве разрешения не последовало. Но там соглашались на поддержание правильных сношений с Римом и на свободный пропуск папских посланцев в Персию. Это было только начало. Можно было надеяться на большее после заключения мира, судя по осторожной форме отказов и по недомолвкам в уступках. Постоянно возвращались к этому неперемennomу первоначальному условию и крепко держались за то, что царь назы-

вал своей «последней мерой», отвергнутой уже Баторием. Поссевин надеялся уладить два дела одновременно: примирить Москву и со своими прежними клиентами, шведами. Из уважения к папе решились нарушить обычай вести переговоры со шведами только в Новгороде. Царь согласился принять послов короля Иоанна в Кремле. Но последний не думал о послахе и продолжал одерживать победы на Балтийском побережье. Было ясно, что царь надеялся заставить Иоанна дорого заплатить за эти победы, лишь только он справится с Баторием. Покончить же с Баторием он надеялся при помощи папы и зимы. Платя хитростью за хитрость, он с большой ловкостью добивался расположения легата отдаленной надеждой на союз. В то же время Богдан Бельский, которому было поручено вместе с Никитой Захарьиным вести переговоры, пытался подкупить Поссевина иным, более грубым способом.

В половине сентября иезуит понял, что напрасно теряет время, и решил отправиться в польский лагерь. Это было Ивану особенно приятно. Прощаясь с ним, он сказал, что отпускает его к королю Стефану, шлет ему с ним поклон и просит после переговоров о мире в том смысле, как повелел папа, вернуться в Москву. Присутствие посла ему приятно ради пославшего его и благодаря его верности царским

делам. Он звал иезуита к себе на службу и говорил, что охотно платил бы ему. Так как папа приказал, чтобы мир был заключен согласно желаниям царя, он и должен быть в его интересах, все время твердил Иван. И это вытекает из смысла дипломатического эпизода.

Поссевин добрался до Пскова в первых числах октября и на этот раз очень честно выполнял роль посредника. Сообщив свои впечатления от пребывания в Москве, он старался опровергнуть то, что внушали своими памфлетами Гуаньино и Крузе. Когда он писал в Москву, то изображал положение выгодным для осаждающих. Он сообщал, что поляки делают большие приготовления, ожидаются подкрепления, дела Пскова очень плохи, осада, наверное, продлится всю зиму, а весной ничто не удержит Батория.

Все это было верно и подтверждается теми самыми донесениями с места, которые внушили некоторым польским историкам как раз обратное представление. Я уже приводил свидетельство аббата Пиотровского о польской кавалерии, которая, по его словам, к октябрю почти была уничтожена. А дальше тот же самый очевидец говорит о смотре, произведенном 4 декабря, где фигурировало 7000 лошадей и притом «хороших лошадей!» Значит у поляков потери были не так значительны или было чем их попол-

нить. Сама реляция Поссевина подала повод к другому заблуждению. Иезуит говорит в ней о восторженном приеме, который будто бы был устроен ему в польском лагере. Если это и так, то этот прием нужно отнести на счет буйного и непокорного элемента. Баторий и Замойский старались сдержать его и подчинить суровым требованиям военной дисциплины. Вмешательство папского легата только способствовало брожению, внушая мысли о возможности прекращения военных действий. Что касается высшего начальства, то аббат Пиотровский говорит о нем совершенно иное. «Великий полководец (Замойский) никогда не встречал более отвратительного человека (эпитет этот относится к Поссевину). Он намеревается прогнать его палками, если будет заключен мир».

Предположите, что представитель какой-нибудь европейской державы явился в 1871 г. под стенами Парижа, осажденного немцами! Поссевин, казалось, должен был отстаивать польские интересы, так как победа Польши в Ливонии была бы в то же время торжеством католичества и папства. Но сущность всякого посредничества и состоит в том, чтобы уговорить *сильнейшего*. Сила же, несомненно, была на стороне поляков. Осада Пскова должна была длиться до 15 января 1582 г. Тогда уж самое трудное время было бы пережитым. Вместе с суровыми холо-

дами прошли бы праздники Рождества и Нового года, а с ними и соблазн провести время у домашнего очага; время клонилось бы к весне, и все шансы были бы на стороне Батория. Капитуляция сделалась бы неизбежной и повела бы за собой подчинение Ивана требованиям победителя. Если Поссевин способствовал скорейшему разрешению конфликта, он делал это разрешение более выгодным для *слабейшей* стороны.

Иван был осведомлен и помимо иезуита о состоянии Пскова и польской армии. Но письма легата привели его, наконец, к убеждению, что он возлагал на него слишком большие надежды. Скоро царь понизил тон и еще раз склонил голову перед победителем, признавая силу Батория и его шведского союзника. Он собирался отправить послов для переговоров о мире, и требования его на этот раз были значительно скромнее. Он уступал всю Ливонию, оставляя за собой всю долину Великой до Малых Лук, при этом ставил условием в мирных грамотах не писать имени короля шведского. Дело в том, что часть Ливонии находилась в руках шведов. Иван думал, что ее можно будет отвоевать впоследствии. Владея долиной реки Великой, он будет иметь на северо-западной границе достаточно укрепленную линию, которая может пригодиться ему в будущем, когда он при более благопри-

ятных условиях вздумает снова пробиться к морю.

Как ни хорошо со стратегической точки зрения была задумана эта уступка, все же она оставалась уступкой. Некоторые русские историки, щадя национальное самолюбие, видели в этом нечто совершенно иное. Польская армия будто бы была к тому времени почти совсем уничтожена, и Баторий должен был заключить мир. Теперь Россия может обойтись без этих искажений исторических фактов. В войне, исход которой зависит от осады, переговоры, ведущиеся под огнем орудий осаждающих, являются одним из видов капитуляции. У осажденных есть одно только средство с честью выйти из борьбы. К этому средству Петр Великий прибег под Полтавой. Несмотря на сохранение долины реки Великой, уступка Ливонии больше чем на сто лет задержала политическое, военное и социальное развитие России.

Иван отказывался от Ливонии. Цель, к которой стремился в этом походе Баторий, была достигнута. Король не мог ни отказаться от переговоров, ни от посредничества Поссевина. Но какого мнения был Баторий об этом посредничестве, доказывает следующий факт. Иезуит сам признавался, что он чуть ли не силой должен был заставить своих польских клиентов сообщить ему свои намерения относительно мира, где он фигурировал в качестве посредника.

В половине ноября Ям-Запольский – город, лежащий на пути к Новгороду, между Заболочьем и Порховом, – был избран по взаимному соглашению местом встречи уполномоченных. Представителями царя были незаметные фигуры: князь Елецкий, которому, по словам Замойского, недоставало только княжества, чтобы быть князем, Роман Олферьев Верещагин и дьяк Связев. Польский король со своей стороны послал блестящих дипломатов: князя Збаражского, воеводу Броцлавского, князя Альберта Радзивилла, маршала двора и секретаря Гарабурду. Уполномоченные Батория привезли с собой детально разработанные инструкции. Каковы были эти инструкции? Прибывший одновременно с уполномоченными Поссевин ничего о них не знал. Причиной этого было недоверие короля, ясно проглядывавшее в его письме к Поссевину, написанном в это время. Баторий не без горечи противопоставляет преданность Польши Святому Престолу неожиданному усердию папского легата, с каким он относится к интересам третьего лица, ничем не заслужившего подобного внимания.

Двусмысленность, на которой была основана миссия иезуита, неизбежно должна была привести его к этой немилости. Если бы он обманул надежды одного из противников, он должен был внушать подозрение другому. Это отзывалось на его роли до конца пе-

реговоров, тянувшихся от 13 декабря 1581 г. по 15 января 1582 г. Русские укоряли его, что он держит сторону поляков, а Замойский называл его «плутом» и «изменником».

Он даже сомневался в его религиозных стремлениях, находил, что он больше заботится о политических расчетах, чем о «небесных силах».

III. Ям-Запольское перемирие

Я избавляю своих читателей от подробностей этих переговоров, указав на глубоко научный труд Пирлинга,⁴⁷ в котором я мог бы лишь отметить неправильности некоторых суждений. Ям-Запольский, полуразоренное местечко в опустошенном крае, едва мог вместить поляков с их многочисленной свитой. Москвичам пришлось искать приюта по соседству, в деревне Киверова-Гора. Так как посредник поселился там же, то заседания конгресса происходили у него в этой деревне, в курной избе. Под скромной кровлей, между импровизированным алтарем и печью, из которой дым за неимением другого выхода валил через окна и к концу каждого заседания делал уполномоченных похожими на трубочистов, – решалась судьба двух го-

⁴⁷ «La Russie et le Saint-Si(ge) II, 115, etc.

сударств.

Когда по традиции был составлен род протокола, обе стороны предъявили чрезмерные требования, что ввело Поссевина в заблуждение. После беседы с москвичами он пришел к заключению, что уступка поляками русским нескольких городов является условием *sine qua non* для заключения мира. Он тотчас же обратил все свои усилия на этот пункт и, думая, что помогает одной стороне, играл в руку другой. Обе стороны остерегались сказать ему свое последнее слово. Поляки окончательно установили свой ультиматум только во второй половине декабря. Пирлинг в данном случае несправедливо упрекает Замойского в недостатке проницательности. Точно также напрасно он предполагает разногласие между королем и его канцлером, между канцлером и уполномоченными. Ученый историк, кажется, положился на напечатанный Кояловичем русский сборник польских документов. Замойский был предан королю. В качестве главного полководца и канцлера он мог выбрать уполномоченных только из круга людей своего образа мыслей. В половине декабря Поссевину было передано письмо Замойского, в котором он категорически заявлял, что никакие уступки относительно Ливонии не будут сделаны. 20 декабря гонец привез уполномоченным от канцлера другое извещение, в котором он го-

ворит о возможной уступке 3 городов, на чем русские недавно настаивали, иезуит был удивлен и даже смущен. Но этот факт был естественен. Письмо Замойского к Поссевину относится к 13 декабря 1581 г. Одновременно он писал и королю в том же духе. Но 16 декабря пришло известие, что шведы одерживают в Ливонии победу за победой. Запасы пороха опаздывали в пути. На следующий день канцлер решил изменить свои инструкции. Теперь он указывал уполномоченным три пути для достижения соглашения. Одним из них была указанная уступка. Города, о которых шла речь, были незначительны, ими можно было пожертвовать, и Баторий выразил на то свое согласие. Замойский упоминает об этом факте в письме к королю от 26 дек. 1581 г. Следовательно, здесь разногласия не было. Что же касается разногласия между канцлером и уполномоченными, то Пирлинг стал жертвой той мистификации, что и посредник 1581 г. Канцлеру надлежало бы посвятить посредника в курс дела. Но поляки условились держать его на некотором расстоянии от себя. Его терпели из уважения к папе, но охотно бы обошлись и без него. Кроме того, Збаражский и Радзивилл решили пойти дальше того, что предполагал их глава: они объявили легату, что считают чрезмерными те уступки, на которые идет Замойский, и что они не станут принимать их в расчет

до новых распоряжений. Но тут же они пишут Замойскому письмо от 21 декабря (оно уцелело), что этим хотят лишь «обмануть иезуита». Поступок этот некорректен. Три ливонские города решено было уступить только при последней крайности, если не получатся два других приема. Дело шло о дипломатической тайне. Открыть ее для польских уполномоченных было все равно, что сообщить ее русским. Замойский был того же мнения и одобрил поведение своих подчиненных.⁴⁸ Хотя он в своей переписке с Баторием и не лестно отзывается о «добром пастыре москвичей, старающемся превратить волков в овец», но ему нет необходимости, как то полагал Пирлинг, убеждать короля не посвящать легата в тайны ведущихся переговоров. Совет был бы совершенно излишним.

Переговоры грозили затянуться. Московские уполномоченные не торопились. Они легче, чем поляки, мирились с неудобствами своих деревенских жилищ и лучше их умели запастись всем необходимым. С изобретательностью, свойственной их расе, они даже сумели извлечь выгоду из своего положения. Они обратили свой лагерь в ярмарку и между двумя заседаниями заключали выгодные сделки. Они рассчитывали, что зимняя стужа сделает их противников более сговорчивыми. Замойский взял-

⁴⁸ Письмо от 27 дек.

ся вывести их заблуждения. Польская сабля лучше, чем красноречие Поссевина, сумела преодолеть последнее сопротивление.

Испробовав все средства сломить героическое сопротивление Пскова, великий полководец прибег к способу, заслуживающему порицания. История какой-то адской машины, доставленной в город, довольно темна. Замойский будто бы велел наполнить коробку порохом и разрывными снарядами и поручил московскому пленнику передать ее одному из Шуйских. Польские историки упоминают о нарушении осажденными международного права. Они будто бы стреляли в парламентариев. Говорят также о ловушке, в которую завлекал Замойского Шуйский, вызывая его на поединок. Это оправдание не достаточно. Вызов последовал, вероятно, за присылкой снаряда, не причинившего, впрочем, никакого вреда. Выдумка Замойского оказалась неудачной. Несколько дней спустя он придумал другую, более удачную. 4 января 1582 г. он притворился невнимательным, вызвал массовую вылазку осажденных и встретил их страшным огнем. Потом в письме к уполномоченным он совершенно напрасно утверждал, что его армия не продержится больше недели и просил их поторопиться с переговорами. Он только что доказал противное. Московские уполномоченные отлично это поняли. Одно-

временно с известием о происшедшем они получили от Ивана указы самого примирительного содержания. Тогда, оставив в стороне Ливонию, они стали спорить только о подробностях.

Поссевин был виновником спора, желая непременно втянуть в переговоры и Швецию, не нуждавшуюся ни в мире, ни в его посредничестве. Кроме того у Польши и у Москвы с ней были свои счета. Ему пришлось отказаться от удовлетворения этого желания, но шведские победы в Ливонии порождали другие трудности: русские справедливо замечали, что они не могут уступить в этой стране того, что им уже больше не принадлежит. После продолжительных споров поляки оставили за собой право действий против шведов и начали перечислять одно за другим все владения, уступаемые Москвой. На северо-западной границе произвели разделы городов. Велиж, находящийся на левом берегу Двины и принадлежавший к группе городов, отходящих в Польшу, был оставлен за нею. Себеж был возвращен прежним владельцам, так как являлся аванпостом московских владений при входе в долину р. Великой. Остался вопрос о титулах. Иван хотел, чтобы в договоре его именовали не только царем, но и государем Ливонии. Поляки возражали и говорили: «Что значит этот новый титул *царь*?» Царями назывались прежде

татарские ханы в Казани и Астрахани. Этого мало для московского государя. Если же *царь* означает *кесарь* – это много для него. Европа звала кесарем одного лишь государя, императора германского, и он мог возразить против нового титула Ивана. Этот вопрос поднимался уже не раз, и Замойский не придавал ему никакого значения. Он даже рассказывал по этому поводу об одном хвастливом варшавском шляхтиче, звавшемся «королем Захаранским», давая этим повод к шуткам. Оставался один исход, к которому уже раньше прибегали: писать грамоты разное для каждого государства. Но Поссевин не знал, что это раньше практиковалось, и раздул мелочь в целую гору. Он старался исправить исторические факты, на которые опирались русские уполномоченные, и доказывал им, что императоры Аркадий и Гонорий, умершие пять веков тому назад, не могли передать великому князю Владимиру титула кесаря. Он, не переставая, твердил, что источником всякой власти является Рим, и напоминал о том, что Карл Великий был коронован одним из предшественников Григория XIII. Потеряли много времени, пока пришли к обычному компромиссу, после чего иезуит положил начало новому и последнему спору.

Легат хотел, чтобы его подпись фигурировала в договоре или, по крайней мере, чтобы было упомянуто,

что мир был заключен при его посредничестве. Русские уполномоченные категорически отказали в этом на том основании, что в их инструкциях ничего об этом не было сказано. Тогда иезуит вышел из себя. Он придрался к одной уловке в редакции договора. Отступая от принятых условий, Елецкий и Олферьев хотели включить Курляндию и Ригу в число городов и земель, уступаемых царем, что по их мнению прибавило бы новый титул их государю. Посредник стал грозить, что бросит все дело. Он кричал на уполномоченных: «Вы пришли воровать, а не вести переговоры! Убирайтесь отсюда», – но московские послы были невозмутимы. Это усилило его гнев. Он вырвал у Олферьева из рук грамоту, выбросил ее за дверь, потом схватил князя Елецкого за воротник шубы, встряхнул его так, что пуговицы отлетали, и вытолкнул из избы, а за ним и его товарищей.

Пришлось сделать то, чего он добивался. 15 января 1582 г. был совершен обмен подписями. С чисто дипломатической точки зрения русские остались в выигрыше, благодаря Поссевину: они остались на позициях, занятых ими при начале конгресса, и поступились только тем, чем поступался царь три месяца тому назад. Правда, жертва была громадная. После двадцатилетних усилий, готовых, по-видимому, увенчаться успехом, Московское государство было снова отреза-

но от Балтийского моря и Европы. Но в той самой Ливонии, от которой теперь отказывалась Москва, создавались два выгодных для нее условия. Там был уничтожен Тевтонский орден и Германия потеряла гарнизон, при помощи которого поддерживала свою власть в этой стране. Кроме того, там назревал конфликт между Польшей и Швецией. После отчаянной борьбы обе стороны дали возможность своему общему врагу отплатить той и другой.

Даже столь непрочное и кратковременное обладание Ливонией оставило прочный след в России, важный для развития страны. Она потопила массу чуждых ей элементов, которые слились с ней. В ней зародилась немецкая колония, которой суждено было сыграть в русском государстве видную роль. Культурное влияние ее отрицать нельзя.

Мир не был однако заключен, ограничились десятилетним перемирием. Окончательному соглашению помешали некоторые вопросы, выделенные из переговоров и оставленные без разрешения. Таков, например, был вопрос о теоретическом праве на обладание русско-литовскими землями. Когда поляки заняли город Юрьев, они были поражены теми следами, которые оставило там могущество побежденных, их организаторский дух и превосходное военное устройство. Быть может, не хватало только такого ге-

ния, каким был Баторий, чтобы воспользоваться им. «Мы все были поражены», писал аббат Пиотровский, «найдя в каждой крепости множество пушек, пороха и пуль столько, сколько мы не могли бы собрать во всей нашей стране». И он добавляет: «Мы завоевали нечто вроде маленького королевства; сомневаюсь, сумеем ли мы им воспользоваться». Несмотря на дух отрицания, которым проникнуты записки аббата, его впечатления соответствуют действительности. История подтвердила это.

На стенах восстановленного рижского замка над главным входом в церковь в Венден есть латинские надписи, так истолковывающие смысл происшедшего:

Devicto Moscho...

Prisca religio Rigam renovato vigere...

Coeperat in templo...

И еще:

Hoeresis et Moschi postquam devicta potestas.

Livonidum primus pastor ovile rego.

Ливонцы видели в них доказательство того, что победа Батория означала главным образом победу католичества и иезуитов, шедших по следам победителей. Новому польскому правительству пришлось считаться с этим мнением.

Что касается Поссевина, то его во всем проис-

шедшем интересовала лишь форма договора. В нем признавалась власть папы: «казалось, все совершилось его именем». По крайней мере, легат хвалился этим в своем письме к кардиналу де Комо. Несмотря на свои ссоры с московскими уполномоченными, он спешил в Кремль продолжать начатое там дело. Очевидно, план его был таков: он хотел снова выдвинуть вопрос об анти-оттоманской лиге, так как она подавала повод к вмешательству папы. Потом он намеревался поднять вопрос о воссоединении церквей, так как условлено было, что речь об этом будет после заключения мира. Но он не возлагал больших надежд на эту часть своей программы. Он сохранял свою роль посредника и готов был выступить в ней снова, если возникнут какие-нибудь недоразумения по вопросу о Ям-Запольском договоре. Наконец, он хотел еще раз сделать попытку вмешаться в шведские дела, чтобы самому быть на виду и чтобы папа казался великим посредником, к которому прибегают обе стороны. Некоторые обстоятельства способствовали тому, что этому плану соответствовало настроение в Москве. Хотя там и были разочарованы папским *могуществом*, но все же оно могло хоть отчасти замаскировать унижительность поражения. Для виду не мешало показать, что папский посол устроил дела царя и продолжает стараться в том же направлении. По-

ссевина ожидал хороший прием при дворе Грозного.

IV. Поссевин в Москве

История той религиозной проблемы, окончательное разрешение которой было главной целью путешествия Поссевина, всем известна. Разделение церквей, подготовлявшееся еще с VII в. константинопольским патриархом Иоанном Постником, называвшим себя всемирным епископом, и на соборе в 690 г., установившим брак для священников, произошло в IX в. В это время греческая церковь достигла вершины своей славы и расцвета. Она дала целую плеяду ученых, святых и поэтов. Судьба призывала ее к насаждению христианства среди славянских народов. Фотий довел до крайности принцип своих предшественников, утверждавших, что падение римской империи повлекло за собой и уничтожение связанной с ее судьбами духовной власти на Западе. При нем произошел раскол. После него единство церкви было восстановлено на короткий срок, но оно было непрочным и окончательно нарушено в 1054 г. Михаилом Керуларием. Восстановить единство церквей стремились с XIII в. Флорентийский собор (1439) только продолжал попытку Лионского (1274). В 1581 г. сама Польша, казалось, не прочь была способствовать новой по-

пытке. Но в Москве уже выросла и укрепилась мысль о *третьем Риме*, и она явилась неожиданным препятствием для осуществления этой попытки. Лекарь великого князя Василия, Николай Булев, или Люэо, прозванный Немчином, напрасно старался при дворе государя вести пропаганду, полемизируя с Максимом Греком и псковским монахом Филофеем. Он нашел себе последователей только в лице одного боярина Федора Карпова и какого-то игумена, имени которого история не сохранила.

Время управления церковью папой Григорием XIII (1572–1585), казалось, менее всего подходило для осуществления притязаний Рима. Ему, правда, удалось вооружить испанского короля против еретички английской королевы. Она поддержала во время борьбы за реставрации баварский Виттельсбахский дом, этих немецких Гизов. Но все же она не могла стереть позора, навлеченного на мировой католицизм правлением герцога Альбы в Нидерландах, Варфоломеевской ночью, ужасами инквизиции папства, прямым следствием чего и была реформация. Иван направил своего первого посла в политический, а не в религиозный Рим. В лице Поссевина он принимал не апостола, а дипломата, представителя светской, а не духовной власти.

Иезуит прибыл в Москву 14 февраля 1582 г. Он на-

шел двор в трауре, а царя в великой скорби. В порыве гнева царь убил своего старшего сына. Я еще вернусь к этому мрачному эпизоду. Анти-оттоманская лига была немедленно забыта. Для борьбы с Баторием Иван должен был заключить договор с крымским ханом. Он соглашался нарушить этот договор и выступить против турок, но только после того, как папа войдет в сношения с Империей, Францией, Испанией, Венецией, Англией, Данией и Швецией и заставит эти государства отправить в Москву послов для окончательных переговоров. Царь, по-видимому, издевался, хотя и обещал отправить в Рим уже не простого гонца, а знатного посла. Он хотел удержать там только что приобретенное расположение. Переговоры со Швецией были отклонены. Мягко, но с твердостью Иван отклонял все, пользуясь услугами Поссевина лишь для решения тех вопросов, которые касались Польши, установления границ, обмена пленными. Но при всей своей любви к спорам, он старался избегать религиозных вопросов. Прения могли принять обидный для папы тон, повторял он. 21 февраля во время аудиенции, посвященной светским делам, Поссевин попросил особого разговора, чтобы приступить к «великому делу». Царь прибег к уловке другого рода – он-де не обладает достаточными сведениями, чтобы начать подобный спор. Но иезуит настаивал

на своем и просил разрешения представить свои соображения в письменной форме. Иван, вероятно, решил с этим покончить. Быть может, его любовь к спорам заставила его изменить свое решение.

Тенденциозная передача спора ввела в заблуждение Пирлинга. Он предположил, что беседа была подготовлена заранее и обставлена так же торжественно, как спор с Рокитой. Ни даты, ни тексты, на которые ссылается этот ученый, не допускают подобного предположения. Ничего подготовленного не было. Заседание сначала было посвящено вопросам другого рода, и на нем не было духовных лиц, присутствие которых должно было бы придать диспуту серьезный характер. Царь решил покончить с вопросом. Он даже не преминул указать, насколько бесполезно словопрение при подобных условиях. Но если иезуит того желает, с ним готовы объясняться хоть сейчас.⁴⁹

Поссевин рассыпался в самых соблазнительных речах и проявил тонкую ораторскую осторожность. Дело идет вовсе не о разрыве с греческой церковью, древней и достойной уважения церковью Афанасия, Златоуста и Василия. Рим чувствует себя связанным с ней неразрывными узами. Надо только восстановить единство, нарушенное благодаря забвению старинных традиций. Это дело восстановления было бы

⁴⁹ Пам. диплом, снош., 1851–1871, X, 247 и след.

верным путем к созданию новой Восточной империи, во главе которой мог бы стать царь – новый Карл Великий, венчаный папой.

Иезуит мало знал опасного противника, к которому он обращался. С апломбом, обычным жаром, во всеоружии своих фантастических знаний Иван быстро разрушил очаровательное сооружение, которым хотел его пленить римский оратор. «Что говорить о Византии и греках? Греческая вера называется потому, что еще пророк Давид задолго до Рождества Христова предсказал, что от Эфиопии предварит рука ее к Богу, а Эфиопия все равно, что и Византия». Но ему, Ивану, нет дела ни до Византии, ни до греков. Он держит веру православную, христианскую, а не греческую. И что говорить ему о союзе с людьми, которые вопреки преданиям бреют себе бороду.

Поссевин был уверен, что в его руках неопровержимый аргумент: у папы Григория XIII была великолепная борода.

– А у тебя самого? – возразил царь, указывая на бритое лицо иезуита.

Поссевин, как говорится в протоколе этого заседания, составленном в Москве, решил приписать естественным причинам отсутствие растительности на своем лице. Он не бреет его. Но Иван уже увлекся спором и удвоил силу нападения. Противнику при-

ходило плохо. Он ловко направил спор на вопрос, где все преимущества были на его стороне, именно, на вопрос о первенстве папы. Русская церковь по-прежнему почитала святыми пап первых веков – Климента, Сильвестра, Агафона. Но их преемники, отвергнув бедность первых христиан, живут в роскоши, поразившей Шевригина. Они заставляют носить себя на престоле и ставят на своем *салоге* знак святого креста. Они забывают всякий стыд и всенародно предаются разврату. Эти новые первосвященники лишились первоначального достоинства. Напрасно Поссевин делал отчаянные знаки, стараясь прервать поток обвинений. Его предупреждали раньше. Сам он виноват, если прения окончились печально для него и его господина. Иван уже не владел собой. Когда Поссевин попытался было вступить за папу, Иван закричал: «Твой римский папа не пастырь, а волк!»

– Если папа волк, то мне нечего больше и говорить.

Этот ответ и вызвавшее его оскорбление находятся в русской версии. В напечатанном же рассказе Поссевина (*Moscovia*) его нет, но кажется в рукописи этот инцидент упоминается.

Согласно русской версии, спор на этом и кончился. Иван расстался на этот раз с иезуитом приветливо и поспешил послать ему кушанья со своего стола. Поссевин же утверждает, что спор продолжался

и стал еще горячей. Раз царь был готов ударить противника своим знаменитым жезлом, а присутствовавшие при этом москвичи даже говорили, не бросить ли его в воду.

Во всяком случае расстались под дурным впечатлением. Приглашенный 28 февраля во дворец Поссевин не обнаружил желанья продолжать спор. Царь сам, как бы желая загладить свою резкость, предложил ему представить записку о различии, существующем между обеими церквями. Но иезуит убедился, что это будет напрасный труд, и он ограничился тем, что преподнес государю латинский экземпляр книги Геннадия о Флорентийском соборе и думал, что этим покончит с опасным вопросом. Он не принял в расчет капризного и своенравного характера Ивана, который готовил ему сюрприз.

Свидетельства, относящиеся к этому эпизоду, противоречат друг другу. По русской версии, Поссевин выразил желание посетить один из столичных храмов. Царь предложил ему присутствовать с ним вместе на церковной службе, которая будет обставлена ради него всей пышностью православных обрядов. Иезуит охотно принял это предложение. Но осмелился войти в храм раньше царя. Из-за этого поднялся спор. Чтобы прекратить его, царь приказал отвезти иезуита во дворец и продолжать с ним рассмотрение

очередных политических дел. По рассказу Поссевина, он отклонил приглашение и старался скрыться, тогда как бояре силой старались увлечь его по направлению к церкви. В обоих рассказах есть своя доля правды и вымысла. Вероятнее всего, что иезуит высказал естественное любопытство, но не пожелал фигурировать в компрометирующей его обстановке. Не подлежит сомнению, что попытка, для которой Рим принес в жертву интересы своей польской паствы, окончательно не удалась в Москве. 11 мая 1582 г. Поссевин простился с царем. Отправившийся в Рим вместе с легатом русский посол Яков Молвянинов повез туда только приветствие на словах, да соболей в подарок. Представитель папы был *на виду* во время переговоров между Польшей и Москвой. Он мог даже приписать себе значительную роль в этих переговорах. Но его дело носило чисто мирской характер и противоречило тем интересам, о которых должна была заботиться церковь. Поэтому и достигнутому им успеху грозила та же неудача, какая постигала раньше попытки пап.

V. После перемирия

Отношения между Польшей и Россией скоро порвались. На этот раз Рим не стал вмешиваться. При этом

затруднения, которые могли встретиться при выполнении условий Ям-Запольского, мира не имели значения. Спорным вопросом являлось обладание маленькой крепостью при устье Межи, на важном водном пути между Смоленском и Луками. Витебский воевода Пац своевольно завладел ею. Иван приказал своему послу лучше уступить всю область, чем заводить новые враждебные действия. Баторий велел разорить крепость. Обе стороны старались избежать немедленного столкновения, но тем не менее Грозный задумывал рано или поздно поднять оружие, призвав на помощь Англию. История последних лет царствования Батория доказывает, что он сам смотрел на перемирие 1582 г. как на временную остановку его победоносного шествия. Он надеялся за это время укротить буйную Польшу и повести ее дальше Пскова. Король задумал и в следующие годы начал приводить в исполнение более широкий план военных действий. Ему нетрудно было добиться помощи Рима. Кроме того, он надеялся на поддержку Венеции и Флоренции. Преемник Григория XIII Сикст V был пленен гением великого полководца и он был готов перейти от фантастических мечтаний к грандиозным реальным предприятиям. Анти-оттоманская лига, ради которой Иван собирался соединить браком Елизавету с императором, была придумана Грозным лишь в насмешку.

Только в одной Польше были еще крестоносцы. Раньше Баторий хотел доказать, что путь из Москвы в Константинополь лежит через Варшаву. Теперь же он желал попасть в Константинополь через Москву и искал средств осуществить это. Уже в Вильне в беседах с Поссевином он опередил Петра Великого, указав на Азов как на необходимую опору для решительных действий против турецкого владычества. Чтобы добраться до Азова, нужно было иметь за собой Москву, согласную стремиться к той же цели. Но Москва доказала, что она этого не хочет. Оставалось покорить ее – и Баторий брался за это.

Что этот проект был осуществлен, доказала легкая удача Дмитрия и победоносные, хотя и бесполезные походы его покровителей при Сигизмунде III. Преждевременная смерть покорителя Полоцка разрушила этот план, а он был по силам только ему. Ивану оставалось жить слишком недолго, чтобы он мог почувствовать угрозу надвигавшихся событий. Но он, без сомнения, предвидел их возможность. Возможно, что это страшное видение омрачило последние дни царя и повлияло на его распоряжения. Еще до 1584 г. польский король в четырехчасовой беседе с папским нунцием Болоньети открыл ему свои заветные мечты. Он решился пожертвовать своими видами на Венгрию и изменить свое отношение к Турции. Иван, как буд-

то предчувствовал надвигавшуюся опасность, примирился со Швецией. После Англии он еще раз напрасно пытался искать союза с Германией. Империя была погружена в религиозные споры, а император был занят науками и искусством. В августе 1583 г. по условиям перемирия шведы получили занятые ими города – Ям, Ивангород и Копорье. Иван снова обратился к Лондону, хватаясь за эту последнюю надежду, как утопающий за соломинку.

Среди последних усилий он умер. Но счастье улыбалось осиротевшей державе. Баторий ненадолго пережил своего соперника. Кроме того, на другом краю громадных владений Ивана судьба готовила возместить ему потерю Полоцка и Ливонии. На востоке открывалась отдаленная таинственная, беспредельная Сибирь. Впрочем, она не была добычей маленькой кучки смельчаков-казавов, как обыкновенно предполагают. Она была приобретена продолжительными и терпеливыми усилиями целой армии мирных, трудолюбивых колонистов.

Глава третья

Покорение Сибири. Ермак

Покорение и колонизация. Строгановы. Казаки. Ермак в Сибири.

I. Покорение и колонизация

В русских документах название Сибири появляется лишь во второй половине XV века, и под этим именем была известна только часть нынешней Тобольской губернии, занятой до XVI века татарскими ханствами. Еще задолго до указанного времени русские открыли дорогу к высоким плоскогориям Уральского хребта. Перейдя потом через хребет, они начали медленно подвигаться из бассейна Печоры в бассейн Оби. Уже в XI в. холоп именитого новгородского гражданина Журяты, Рогович, добрался до Уральского хребта, а в 1364 г. экспедиция, организованная предприимчивой новгородской республикой, добралась до Оби. В следующем веке новгородцы уже поддерживали постоянные политические и торговые сношения с Югрой (так называли в XII–XIV в. земли, лежащие на запад от Урала, а с XV в. так стал называться и восточ-

ный склон хребта). Югричи платили Новгороду ежегодную дань мехами и даже серебром, добывавшимся, вероятно, примитивным способом из копей, известных под названием Чудских. Ими пользовались еще недавно изыскатели при своих разведках.

После присоединения Новгорода великие московские князья продолжали начатое дело. Но придали ему свой традиционно-военный характер. В 1472 г. совершилось покорение Пермской земли: В 1485 г. войско, во главе которого стояли князь Федор Курбский, Черный и Иван Иванович Салтык-Правин, перешло через Урал, поднялось по реке Тавде, впадающей в Тобол, потом по Иртышу проникло в Сибирь, в бассейн Оби. *Югорские* и *Возульские* князья покорились, отправились в Москву и согласились платить дань. Великий князь прибавил к своим титулам титул князя Югорского, но в 1499 г. ему пришлось оружием снова утверждать там свою власть.

Все эти приобретения были пока весьма незначительны. После взятия Казани и Астрахани явилось много добровольных данников. Между ними был и сибирский князь Ядигер, владелец татарской *юрты* среди нынешней Тобольской губернии. Он насчитывал до 30 000 подданных. Но заключенные условия исполнялись очень плохо. В 1556 г. вместо 30 000 куниц, обещанных Ядигером, было прислано им всего толь-

ко 700. Он ссылался на грабежи и насилия со стороны своих соседей, против которых царь обещал ему помощь. Татарские князья были неуловимы и не поддавались завоеванию. Если им приходилось плохо, они углублялись в степи и достигали безнаказанности тем, что признавали над собой власть Москвы, брали на себя обязательства и не выполняли их.

Когда Иван был занят Ливонией, дела на востоке пошли совсем плохо. Последний царский не то посол, не то сборщик дани был убит. Достичь прочных результатов в этом крае можно было только лишь с помощью иного рода побед, и Московское государство не было лишено средств для этого.

До настоящего времени подвижность остается характерной чертой племени, заселившего огромные пространства европейского востока и азиатского северо-запада. Я уже указывал на причину этого явления. «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». В этой пословице выразительно передано то стремление, которым объясняется великое дело колонизации, совершенной подданными Грозного и Петра Великого.

Для колонизации бассейн Печоры не представлялся удобным. Им могли бы воспользоваться люди торговые, а русские колонисты были земледельцами. На долю одной семьи выпала честь сообщить это-

му национальному движению иной характер. Она придала благоприятное направление, воспользовавшись могучим течением эмиграции, несшей в себе действительную силу, обратив ее в бассейн Камы.

II. Строгановы

С давних времен Строгановы пользовались особыми льготами для заселения пустынных земель в Устюжском уезде, к северу от Вятки. Социальное положение и права Строгановых до сих пор являются спорным вопросом до наших дней. Предание связывает членов этой семьи с знатным родом Добрыниных. Но история говорит, что она принадлежала к сословию купцов или хлебопашцев, между которыми московское право XVI в. не делает различия.⁵⁰ «*Illi vivunt sua negotiatione*», говорит о Строгановых неизвестный автор «*Historia Siberiae*» (1681 г.). Строгановы не были ни боярами, ни служилыми людьми. Но на огромных пространствах принадлежавших им земель пользовались исключительными льготами. Им принадлежало право суда над местными жителями. Сами же они были подсудны лишь одному царю. Они строили города и крепости, хотя

⁵⁰ Пам. диплом, снош., 1851–1871, X, 247 и след.

и испрашивали разрешение государя для каждой постройки, держали войско и лили пушки, воевали с сибирскими князьями и торговали беспошлинно с азиатскими племенами. Это были купцы и хлебопашцы особого рода, хотя в Уложении царя Алексея Михайловича они и приравнивались к *гостям* – первостатейным купцам, но они только приравниваются к ним, а не смешиваются с ними. В главе о взысканиях за некоторые оскорбления упоминается одна и та же пошлина в применении к *гостям* и к Строгановым, названным по имени. Можно утверждать, что семья эта составляла отдельную социальную группу.

В 1558 г. Григорий Аникеев Строганов просил у Ивана пожаловать ему 106 кв. верст земли, лежащей за Пермью по берегу Камы. Он хотел там выстроить крепость для защиты от татар, распахать землю, завести пастбища, устроить соляные варницы. Просьба его была удовлетворена. Царь пожаловал ему землю и освободил его от всяких налогов на 20 лет. Он оставлял за собой только право на серебряную, медную и оловянную руду, если она в том месте окажется. Это были обычные условия при такого рода подарках, на которые московские государи не скупались. Чего они не разрешали, так это была военная армия. Их политическая система не допускала в этом направлены никаких уступок.

Однако на границе с Сибирью по необходимости пришлось разрешить и это. Строганов построил крепость на реке Пискарке и назвал ее Конкором. В 1564 г. он просил царя построить другую крепость дальше на 20 верст на Орле. Это был Каргедан. В 1566 г. по просьбе этого сильного рода его городки и промыслы были включены в опричнину. А в 1568 г. значительно расширены. Растянутые владения Строгановых страдали от частых набегов черемисов, башкир и других диких соседних племен. Иван, ознакомившись с делом, разрешил колонизаторам вооружить необходимое количество остяков и казаков, чтобы отражать эти нападения. Преследуя нападающих, казаки скоро перешли за Урал, где начинается уже легендарная эпопея.

В это время появилось в Сибири татарское ханство, основанное, как полагают, родом Тайбугов, враждовавших с одним из правящих родов. Он отделился и стал покорять соседние земли остяков и башкир. Столица этого ханства называлась Сибирь, или Искер. С 1556 г. ханом там был Кучум – киргиз-кайсакского происхождения. Он свергнул с престола Ядигера, прежнего данника Ивана. Успехи Строганова встревожили его. Боясь потерять независимость, он отправил своего сына или племянника, царевича Магметкула, напасть на новые русские промыслы. Враждебные

действия продолжались до 1582 г. и заставили Ивана еще больше расширить права братьев Строгановых, Григория и Якова. Им были пожалованы берега Тобола и его притоков за Уралом. Между 1574 и 1579 г. эти огромные владения перешли по наследству к третьему брату, Семену Аникееву, и к его двум племянникам, Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу. Чтобы выйти из опасного положения, они прибегли к смелому средству. Донские казацкие станицы, как я уже указывал, служили убежищем для сброда со всей русской земли. Это были полувоины, полуразбойники, большею частью убежавшие от виселицы и не боявшиеся ни царя, ни Бога, ни черта. Отправленное на Дон предложение Строгановых поступить к ним на службу было полно заманчивых обещаний. В числе других оно привело на берега Камы и человека, который до сих пор слывет покорителем Сибири. Но он только случайно стал героем счастливейшего из тысячи эпизодов. Он стал одним из тех людей, которые своей грубой силой способствовали успехам цивилизации, утвердив на дальнем азиатском Востоке московское владычество.

III. Казаки

Казаки составляли часть населения на всем про-

странстве московской державы. На севере они являлись бродячими хлебопашцами или ремесленниками. На юге они были большею частью военными. Но обыкновенно под именем казаков подразумевались все бродяги. Самое слово «казак» татарского происхождения и обозначало первоначально крестьянина, не имевшего связи ни с землей, ни с семьей. Затем оно стало относиться к воину, завербованному из подобных бродяг. В поисках счастья эти непокорные люди шли, куда вела их фантазия. Одни направлялись в привольные степи, где основывали военные общины. Другие оставались на родине, образовывали шайки и занимались грабежом. Последних официальные документы называют воровскими казаками.

Благодаря географическому положению и этнографическому характеру древней Руси с ее неопределенными границами и отсутствием исторически обособившихся областей, этот подвижной элемент, формально зависевший от государства, в действительности пользовавшийся почти полной независимостью, явился авангардом колонизаторского движения. При Василии рязанские казаки нашли путь к Дону. При его преемнике они уже основались на обоих берегах этой реки и стали опасными соседями крымских, азовских и ногайских татар. Сначала северная

украина пополняла контингент их смельчаками, храбрость которых вошла в пословицу. Потом потянулись со всех сторон городские и сельские казаки, совершившие что-либо противозаконное. Притон этот причинял и Ивану некоторые затруднения и неприятности. Когда татары жаловались на постоянные набеги казаков, Грозный отговаривался своим бессилием, чтобы справиться с этими «разбойниками». В промежутках между набегами на орду «разбойники» отправлялись на Волгу и на своих легких «чайках» преследовали русских купцов. Иногда против них устраивались настоящие походы царских отрядов.

В 1579 г. государь все-таки разрешил Строгановым взять себе на службу шайку этих разбойников в количестве 640 человек, под предводительством двух атаманов. Один из них, Иван Кольцо, только что был приговорен к смертной казни. У другого тоже, вероятно, были кое-какие грехи. Его звали Ермаком Тимофеевичем.

Происхождение этого популярного имени еще не выяснено. Одни видят в нем испорченное имя Ермалая или Германа, другие – прозвище, полученное героем легенды в то время, когда он нес на себе скромные обязанности кашевара в станице, где *ермаком* назывался котел для каши. На Волге *ермаком* называют ручную мельницу. Никитский нашел это

имя, в сокращении Ермашко, в Новгородских писцовых книгах, где оно встречается часто.

1 сентября 1581 г. отряд казаков, подкрепленный солдатами из строгановских крепостей, где были русские, литовцы, немцы и татары, двинулся в путь под предводительством Ермака. В этом отряде было 840 человек. Ему предстояло перейти через Урал, по следам других 20 экспедиций, направлявшихся в ту же сторону в разное время, и напасть на Кучума в его гнезде. В тот же день шайка диких наездников под предводительством татарского князя Пелыма напала на Пермскую землю. Напуганный воевода просил у Строгановых подкреплений, но они отказали, ссылаясь на недостаток в войске после ухода Ермака. Воевода пожаловался в Москву. Там так мало были расположены видеть что-нибудь серьезное в новом Зауральском походе, Иван обозвал Строгановых изменниками и послал в Пермь приказ вернуть как можно скорее Ермака с товарищами. Но этот приказ нельзя было исполнить. Ермак был уже далеко.

IV. Ермак в Сибири

Посланный навстречу русскому войску Магметкул встретил его на берегах Тобола и испугался, увидев «дымящиеся и издающие гром луки». Ему еще неиз-

вестно было огнестрельное оружие. Он потерпел полное поражение. На Иртыше Ермак победил самого Кучума и в октябре овладел покинутой его столицей. Там он провел зиму. Весной его казаки взяли в плен Магметкула, а летом занимали и приводили к покорности маленькие городки и татарские улусы по Оби и Иртышу. Ермак решил известить о происшедшем Строгановых и самого царя. Он не побоялся отправить к Грозному Ивана Кольцо, которому грозила смерть от руки палача.

Ермак был прав, думая, что государь будет обезоружен. Действительно, никто не спрашивал Кольцо о его прошлом. Ермаку была пожалована значительная сумма денег. По преданию, Иван послал ему дорогие подарки – две богато украшенные брони, серебряный кубок и шубу со своего плеча. В то же время он послал двух воевод – Семена Болховского и Ивана Глухова – вступить от его имени во владение взятыми у Кучума городами. Так было всегда. Посылали казаков; если они терпели поражение, от них отрекались, называя их «разбойниками». Если же они побеждали, их победу приписывали себе.

Грозный уже не узнал ни о судьбе своих посланных, ни о трагическом конце предприятия, в котором Ермак стяжал себе бессмертие.

В 1584 г. смелый атаман погиб на Иртыше во время

ночного нападения, подробности которого неизвестны. Предание говорит, что он хотел переплыть через реку и утонул под тяжестью брони – рокового царского подарка. Татары узнали его труп в броне, на которой сверкал золотой орел. Они его поставили на помост и в продолжение шести недель пользовались им, как мишенью. Хищные птицы стаями носились над трупом, не прикасаясь к нему. Вокруг него появлялись страшные видения. Испуганные татары решили устроить герою пышные похороны. Причем было убито и съедено тридцать быков. Но и на пепле храброго воина продолжались чудеса. Поднялся к небу огненный столб. Тогда мусульманские муллы предали его останки земле и скрыли его могилу, чтобы никто не нашел.

История говорит только, что Болховский умер еще раньше. После же смерти Ермака другой посланник Ивана должен был отступить за Печору. Ближайшие результаты этого похода не отличались от результатов предыдущих. Но между тем произошло нечто иное. Народное воображение было поражено смелым размахом. Из среды сонма героев, направлявших сюда свои усилия, легенда выбрала имя Ермака, шедшего по следам своих многочисленных предшественников. Прежнего героя воспели былины. Ему воздвигли памятник в Тобольске. Посмертная слава вознес-

ла его на одну высоту с Кортесом и Христофором Колумбом.

Предание могущественно. Оно направляет до некоторой степени стихийные силы, которым принадлежит решающая роль в судьбах народа. Возвеличенный таким образом Ермак должен был найти подражателей. Погибая на своем посту, Ермак мог бы сказать: *Non omnis moriar*. Он был только орудием, и за ним стояли другие, готовые продолжать его работу. Снаряжались новые отряды солдат защищать «дымящимися и издающими гром луками» прогресс своих мирных трудов. Это были настоящие покорители Сибири – Строгановы со своей армией промышленников-колонизаторов.

Когда в Москву пришла весть о катастрофе, временно приостановившей победоносное движение казаков, Ивана уже не было в живых. Прежде чем приступить к повествованию о трагической его кончине, я постараюсь дать представление читателям о той среде, в которой жил государь. Мы увидим его двор и домашний очаг во всей их пышности, со всеми странностями и ужасами.

Глава четвертая

Двор и интимная жизнь Грозного

Двор. Александровская слобода. Домашняя жизнь Ивана. Семья Ивана.

I. Двор

Первым впечатлением Ченслера по его приезду в Москву была смесь восхищения и изумления. Город с его предместьями показался больше Лондона. Но он напрасно искал в нем той пышности, о которой ему говорили в Холмогорах. Даже Кремль поражает его только отсутствием того, что он ожидал в нем найти. Его вводят в здание, называвшееся «золотыми палатами», а оно в сущности едва ли не лачуга.

Знаменитое сооружение уже тогда представляло нагромождение мелочей, представляющих в общем громадное здание, сохранившее до сих пор своеобразный свой вид. Главная дворцовая палата со своими сводами, опирающимися на одну колонну, казалась совершенно не подходящей для тех пышных церемоний, какие в ней должны были совершаться. Впрочем, послов и знатных иностранных путеше-

ственников принимали в другом, еще более скромном здании. Меблировка состояла из некрашенных скамей и табуретов простого белого дерева. И следа комфорта не замечалось. Бросалась в глаза роскошь ковров, да, если верить Маскевичу, мемуары которого относятся к 1594 г., большая печь, согревавшая палату и несколько соседних горниц. В XVI в., как и теперь, Кремль представлял маленький городок церквей, в нем были: Благовещенский собор, самый близкий ко дворцу, царь в нем ежедневно бывал на богослужениях, Успенский собор, где служит митрополит, коронуются государи и слушают обедню в большие праздники; собор архангела Михаила с гробницами царствующего дома, церковь с высокой колокольней Ивана Великого. До двух десятков церквей размещены сравнительно на небольшом пространстве, а рядом с ними теснятся монастыри, дома придворных, лавки и мастерские.

Но первое впечатление Ченслера непременно должно было измениться, когда он предстал перед Иваном и увидел его двор. Хотя он и видал царственную пышность Валуа и Тюдоров, но тем не менее теперь он был поражен и очарован прежде всего государем... Да разве этот человек, восседающий на троне, поддерживаемом фантастическими зверями Апокалипсиса, похож на других? Когда, двадцать лет спу-

стя, Поссевин увидит здесь царя в длинном далматике, с тиарой на голове и с посохом в руках, он подумает, что стоит пред лицом другого папы, *rex sacrorum*. Образ Богородицы над троном, по правую сторону его – образ Спасителя, на стенах изображение библейских событий придавали дворцу вид храма. Правда, по бокам стояли молодые телохранители с топорами на плечах, но разве у римских первосвященников не было своих носителей алебард? Но что еще более его поразило, так это вид присутствующих, как бы застывших в своих позах. Позже Маржерет и Флетчер также были этим поражены. При появлении царя в толпе всевозможных должностных лиц, в рядах стражи, одетой в белые бархатные или атласные платья, в высоких белых шапках – не то воинов, не то монахов, с золотой цепью, скрещенной на груди, и со сверкающими топорами, как бы занесенными для удара, – наступало гробовое молчание. Закрыв глаза, можно было подумать, что дворец пуст.

Двор московского государя пышностью и численностью превосходил все, что иностранцы могли видеть в других землях. Множество придворных, в золоте и драгоценных камнях, толпились в тесных палатах, в сенях, наполняли пространство вокруг дворца. Посмотрим, из кого состоял этот двор. В русском языке XVI в. слово *двор* имеет двойное значение. Во-

первых, оно применяется для обозначения самого жилища государя. Во-вторых, оно относится и к службам, сосредоточивавшимся около дворца и ведавшим как нуждами государя, так и потребностями всей страны. Государь занимал *верх* дворца. Остальную же часть его и флигели занимали должностные лица. Они делятся на разные «*приказы*» и ведают содержанием двора и управлением страной. В следующем веке Котошихин насчитывает до 40 этих приказов, разделенных на *палаты*, как бы отдельные министерства: *разрядный приказ, ямской, дворцовый*. Последний соответствовал теперешнему министерству двора. Но содержание двора ведалось еще множеством специальных учреждений: житейный двор, кормовой двор, хлебный двор. Были дворы, ведавшие царские погреба, гардероб, конюшни. Учреждение, ведавшее гардероб, обязано было не только заботиться о государе, но в некоторых случаях одевать весь дворцовый персонал, должностных и сановных лиц. Оно имело свою мастерскую и огромные склады.

Придворные должности были многочисленны. Одни из них были древнего происхождения, другие – новые. Уже Нестор упоминает о *стольниках*, на обязанности которых было подавать кушанья, которые раздавались уже князю и гостям на торжественных пирах *кравчими* и *окольничими*. Но с древних времен столь-

никам поручались и другие должности. Их посылали в чужие земли, им вверяли управление областями. Количество этих должностных лиц доходило до пяти-сот. На втором месте стояли *спальники* и *постельники*, одевавшие и раздевавшие государя и смотревшие за его постелью. Спальник входил в состав ближайших советников, а постельник хранил государственную печать. Тот и другой спали в царской опочивальне.

Окольничие появляются только в 1356 г. На них также лежат разнообразные обязанности, но большею частью судебного характера. Для ведения текущих дел у государя были еще *стряпчие*. Они во время церемоний несли его скипетр, поддерживали верхнее его платье, смотрели за оружием. Это были более мелкие должностные лица, но еще не последние в служебной иерархии. Ниже их стояли *дьяки* и *подьячие*, люди ученые, т. е. умевшие писать и читать. Первоначальной их обязанностью было петь в церкви, отчего и произошло их название. Позже их стали брать писцами в приказы. В XVI в. *дьяки* уже занимали должности нынешних рефферендариев. Некоторые из них заседали в боярской думе и назывались *думными дьяками*. Подьячие были их помощниками. На самом низу иерархической лестницы стояли *дворецкие* или *дворники*. В других местах, напри-

мер, в Польше, они пользовались большим значением. Они были как бы маршалами двора, а с XVI в. они хранили государеву казну и были близки к западноевропейскими *curiales*, прошедшим через такие же превращения.

Двор царицы состоял только из женщин, за исключением нескольких пажей не старше 10 лет. Первое место здесь принадлежало *боярыне*, которая берегла казну и смотрела за постелью. На втором месте стояла *кравчиня*, наблюдавшая за всем персоналом двора. Она управляла обширным штатом *мастериц*, отдавала приказания *постельницам* и по очереди с ними спала в опочивальне царицы и сопровождала ее во время ее редких выездов. В таких случаях *постельницы* превращались в амазонок и верхом на лошадях сопровождали коляску царицы.

Самой большой и светлой комнатой в отведенной для государыни части дворца была рабочая комната. К ней примыкали *светлицы*. В них помещалось до полусотни женщин, шивших белье – белошвей – и вышивавших золотом, серебром и шелком – золотошвей. Это было нечто вроде художественно-мастерской школы, равно как и помещавшаяся в одном из дворцовых флигелей *иконописная палата*. Она была одновременно мастерской и академией художеств. В светлицах цариц также вышивались иконы

с таким искусством, которое и теперь вызывает удивление археологов.

Иван был очень богатым государем очень бедной страны. Флетчер глазам своим не поверил, когда увидел сокровища Грозного. Целые кучи жемчугов, изумрудов, рубинов, горы золотой посуды, сотни золотых с драгоценными камнями чаш. Эти богатства, накопившиеся и возраставшие с каждым царствованием, хранились взаперти. Их извлекали из хранилищ только в редких случаях, главным образом, чтобы поразить иностранцев. Ченслер видел при отъезде посольства к польскому королю 500 всадников, одетых с неслыханной роскошью. Одежда на них была из золотой и серебряной парчи, седла бархатные, расшитые жемчугом. Вся эта роскошь была взята из великокняжеских хранилищ. Пред послами Максимилиана II бояре раздевались, чтобы блеснуть роскошью своего нижнего платья. Но все, что на них было, принадлежало государю и после парада должно было быть возвращенным на прежнее место «без пятен и дыр» под угрозой взыскания.

Но эта роскошь сочеталась с большими недостатками и неудобствами. Сидя за царским столом, Дженкинсон ел с золотых блюд и оценил в 400 фунтов стерлингов два кубка, ходившие по рукам пирующих. Флетчер насчитал 300 служащих за столом, одетых

в золотую и серебряную парчу. Царь ел один за столом литого золота. Сразу было принесено сто золотых блюд, но не было ни тарелок ни приборов, о салфетках уж нечего и говорить. Русские носили у пояса нож и ложку. В 1576 г. императорские послы обратили внимание на то, что перед устроенным для них пиром около 200 приглашенных к обеду отправились в царский гардероб и заменили кафтаны из золотой парчи белыми с горностаевой опушкой одеждами.

Для истории страны, развития идей и нравов эти черты имеют важное значение. Такими способами внушалось народу, что он ничто и что у него ничего нет, а у государя – все, и все ему принадлежит. Развитию этого представления также способствовал обычный церемониал пиров. Перекрестившись, царь брал себе кусок мяса, нарезанного *кравчим*, затем давал некоторым высокопоставленным лицам и наблюдал, как подавали кушанья другим гостям. Разносящие каждому говорили: «Царь тебе посылает это». Получивший подымался и благодарил. Та же процедура повторялась и с напитками, нравившимися иностранцам. Что же касается приправ, состоявших из шафрана, кислого молока и огурцов в уксусе, то они им не нравились. Необходимость сидеть за столом пять-шесть часов и пить со всех посылавшихся им царем чаш удручала даже самых выносли-

вых. Кроме того, был обычай после пира посылать почетным гостям кушанья и напитки, которыми они делились с царскими посланными. Один императорский посол зараз получил семь чаш романеи, столько же рейнского вина, мускатного, белого французского, канарского, аликанте и мальвазии, двенадцать ковшей меду высшего качества, семь низшего, восемь блюд жареных лебедей, столько же журавлей со специями, несколько блюд из петухов, жареных кур без костей, глухарей с шафраном, рябчиков в сметане, уток с огурцами, гусей с рисом, зайцев с лапшей, лосиных мозгов, множество пирогов с мясом и сладких, желе, кремов, засахаренных орехов. Все это получил человек, только что вышедший из-за стола!

При дворе, как и у частных лиц, пиры с их ужасным обжорством и неумеренным питьем были необходимым условием всякого празднества и самым любимым развлечением. Но существовали и другие светские развлечения, несмотря на церковные запрещения их. Было даже специальное ведомство по этой части, так называемая *потешная палата*. При царском дворе играли в шахматы, шашка и карты, занимались охотой с гончими и борзыми собаками. В большом ходу была охота с соколами и кречетами. Охотились на медведя. В первую половину своего царствования Иван с увлечением предавался этим развле-

чениям. Позже его поглотили заботы о государственных делах, и это отразилось на состоянии его охотничьего двора. Когда после Ям-Запольского перемирия Баторий выразил желание иметь красных кречетов и обратился с просьбой к Ивану, тот ответил, что их больше у него нет, так как он давно уже не охотился, будучи удручен горестями. Тогда Баторий спросил, не может ли он послать Ивану что-нибудь приятное. Ему ответили, что желали бы получить добрых коней, шлемов железных, метких и легких мушкетов.

Побежденный под Полоцком и Великими Луками просил у своего побежденного только оружия.

Однако, несмотря на свои горести, Иван и в это время еще держал при себе разных *дураков* и *шутов*, которые до середины XVIII в. входили в состав русского двора. Шутки этих забавников большею частью были непристойны. Убожество умственного развития способствовало развращенности воображения. С другой стороны, давление на умы аскетического учения церкви порождало, как естественную реакцию, грубый цинизм. Кроме того, шут своими острыми речами, дозволявшимися ему в известных границах, удовлетворял необходимости в критике и сатире, свойственной всякому обществу. За отсутствием литературы, сатира выливалась таким способом. Издеваясь над советами «Домостроя» и восточного этикета, шут та-

ким образом разрежал тяжелую, атмосферу монастыря и тюрьмы, в которых коснели русские. Он открывал двери, разбивал стекла окон и впускал струю свежего воздуха в душные помещения. В каждом более или менее значительном доме тогда держали одного или несколько таких приживальщиков. У Ивана их были десятки. Некоторые из них поплатились жизнью за честь быть с царем запанибрата. Одного из них звали Гвоздевым. Он был княжеского рода, как и будущий *дурак* императрицы Анны, и занимал при дворе видную должность. Совмещение должностей тогда было обычным явлением. Однажды для забавы Иван вылил этому шуту миску горячих щей на голову. Несчастный закричал. Иван ударил его кинжалом, так как был в нетрезвом виде. Шут упал на пол, обливаясь кровью. Позвали лекаря. – «Вылечи моего верного слугу, – сказал ему Иван, – я с ним неловко поиграл». – «Так неловко, что теперь уже ни Бог, ни ваше величество не заставит его играть», – отвечал лекарь.

Гвоздев умер.

Как впоследствии Петр Великий, Иван отводил этим шутам место и роль даже в народных церемониях. Благодаря этому религиозное настроение, овладевавшее в этих торжествах присутствующими и общавшееся иностранным свидетелям, часто уступало место другим впечатлениям. Грозный не всегда со-

хранял на троне пастырскую позу, в которой он являлся сначала восхищенным взорам зрителей. Раз он снял шапку с польского посла, надел ее на шута и приказал ему кланяться по-польски. Когда тот заявил, что не умеет, сам начал передразниваться, заливаясь громким смехом и побуждая присутствовавших издаваться над послом. Подобно Наполеону, он иногда поражал какого-нибудь посла сценой гнева, потоком брани и угроз. Тогда ужас проносился под низкими сводами Кремля над толпой придворных.

Но эти разнообразные сцены придворной жизни развертывались главным образом в Александровской слободе. Они являются самыми странными зрелищами, которые история той эпохи оставила на удивление потомству.

II. Александровская слобода

После пожара 1547 г., почти совсем уничтожившего Кремль, Иван жил некоторое время в Воробье-ве, пока ему спешно строили в Москве деревянные хоромы и восстанавливали сгоревший кирпичный дворец. В 1565 г., когда была учреждена опричнина, Иван хотел было построить себе другой дворец в кремлевских стенах. Но он раздумал и решил устроить свое новое жилище подальше от старого, которое он

уступил царю Симеону. Место для дворца было избрано на Воздвиженке близ нынешних Троицких ворот. Он поселился там в 1567 г., но прожил недолго. Он также не любил жить в Москве, как впоследствии и Петр Великий. Он предпочитал Коломенское, любимую резиденцию своего отца, и ездил туда ежегодно 29 августа праздновать свои именины. Нравилась ему и Вологда на реке того же имени, несмотря на ее дикий и суровый пейзаж. Там он приказал выстроить большой деревянный дворец на холме, где до сих пор находятся казенные здания. Там он выстроил и собор по образцу Успенского. Но впоследствии ему больше всего понравилась Александровская слобода, и он остановил свой выбор на ней.

Эта знаменитая слобода была Плесси-ле-Тур Грозного, как Малюта Скуратов был его Тристаном Отшельником. А. Толстой дал нам красивое, но чисто вымышленное описание этого места. Уверяют, что здания теперешнего Успенского монастыря в Александрове заключают в себе часть старинного дворца, бесследно исчезнувшего. Как и Вологодский дворец, монастырь стоит на возвышенности на берегу реки. Находящейся в ограде собор относится, пожалуй, ко времени Ивана. Там можно видеть ворота, привезенные из Новгорода после его разгрома. Все здание носит следы перестройки. В него во-

шли составные части, имевшие раньше другое назначение. Двери и окна расположены в нем несимметрично. В стенах какие-то углубления, сделанные без видимой необходимости. Такие же особенности мы встречаем и в Твери в Отрочьем монастыре, где келья св. Филиппа переделана в часовню. В Александрове вне собора, сохранилась постройка, составлявшая, по-видимому, часть другого здания. Предполагали, что на этом месте находились покои, занимаемые государем и его людьми. Это предположение подтверждается существованием здесь огромных подвалов с таинственными закоулками, с подземными ходами, ведущими куда-то в глубину, откуда, кажется, вот-вот подымутся кровавые призраки...

Но эти стены, быть может, слышавшие и видевшие так много, молчат. Молчит и местное предание. Чтобы воспроизвести происходившее здесь, мы должны полагаться на недостоверные показания летописцев. Если проверить их рассказы более надежными документами и опереться на подлинные факты, то есть возможность представить эту слободу и быт ее обитателей.

Я уже высказал свой взгляд на обвинения, которым подвергалась опричнина. Будучи явлением революционным, она породила террор с его неизбежными крайностями. Помощники Грозного, набравшие-

ся им из подонков общества, были неспособны понять характер и реальную цель его предприятия и чаще, чем он сам, проявляли насилие вместо энергии. С другой стороны, являясь послушным орудием, эти угодливые царедворцы способствовали развитию влечений к грубому разврату и льстили некоторым садистическим наклонностям, лежавшим, без сомнения, в его натуре. Летопись сохранила имена его приспешников. На первом плане стояли – боярин Алексей Басманов с сыном Федором, князь Афанасий Вяземский, Василий Грязной, архимандрит Чудова монастыря Левкий и самый знаменитый и кровожадный Григорий Лукьянович – Малюта Скуратов. Позже – Богдан Бельский, игравший с Басмановым роль любимцев при царе, Борис Годунов, зять Скуратова, будущий царь. Эти лица пользовались расположением и доверием царя.

Из среды их предание выделило брата царицы Анастасии Никиту Романовича Захарьина. Основываясь на каких-то иллюзиях, а, быть может, и данных, оно приписало ему все добродетели, наделило его великой и прямой душой, суровым, непреклонным умом. Однако это несовместимо с подобной средой. Я склонен думать, что Иван, по крайней мере, в эту пору своей жизни, не потерпел бы близ себя такого человека. Вероятно, на этом лице отразилась идеали-

зация, украсившая историческое происхождение всего рода Захарьиных.

Собственно говоря, Александровская слобода не была лишь местом разгула. Иван всегда проявлял большую склонность к монастырской жизни. Но его аскетические стремления легко уживались с вольностью нравов, свойственной, впрочем, и всем монастырям того времени. Мы видели, что Иван старался провести реформу в среде духовенства, чтобы заставить его строже соблюдать правила монастырской жизни. Им, очевидно, руководило желание подать личный пример при установлении порядка при дворе в Александровской слободе. В основных чертах опричнина многим походит на монастырское братство. Опричники при поступлении на службу произносили особую клятву, напоминавшую клятву при пострижении в монахи. Они отрекались от всех своих связей и в некотором роде уходили от мира. Слобода по виду была монастырем. 300 человек, самых близких к государю, подчинялись там строгим правилам. На свои шитые золотом кафтаны они надевали черные рясы и участвовали в сложных религиозных обрядах. Царь был игуменом, Вяземский – келарем, Скуратов – пономарем. Сам царь со своими сыновьями ходил звонить к обедне. В полночь все вставали с постели для первой церковной службы. В четыре часа

снова все собирались в церковь к заутрене, длившейся до семи часов. В восемь начиналась обедня. Иван, стараясь быть примером для других, так усердно молился, что на лбу у него оставались следы поклонов. В двенадцать часов подавался обед в общей трапезной. Царь при этом читал вслух что-нибудь из священного писания. Остатки трапезы отдавались бедным, как это делалось в хороших монастырях. В качестве игумена государь ел отдельно. Потом все собирались к нему и пили. Некоторые из опричников вместе с шутами старались позабавить и развеселить пирующих. Сюда допускались и женщины.

Для Ивана, как и для большинства людей его времени, идеал преобразованной монастырской жизни заключался в том, что крайнее благочестие искупало крайний разврат. Внешние обряды и материальные лишения возмещали отсутствие истинного благочестия, служила оправданием и искуплением нравственных падений. В этом именно смысле Александровская слобода строго соблюдала свой устав. Нет сомнения, что Иван относился серьезно к этой пародии. Я вижу доказательство этого в его послании в 1575 г. к архимандриту и братии Кирилло-Белозерского монастыря. Видно, что человек, писавший этот документ, в самом деле чувствовал себя монахом, беседующим с другими монахами о предметах,

относящихся к их общему служению. Переписка эта была вызвана следующими обстоятельствами: влиятельный род Шереметьевых особенно потерпел от гонений, которым подвергались знатнейшие фамилии страны со времени восшествия на престол Грозного. Никита Васильевич, один из трех братьев, пострадавших первыми, был замучен; другой, Иван, известный полководец, подвергся пытке и тюремному заключению. Чтобы избежать худшей участи, он отправился в Белоозерский монастырь и поступил там в иноки под именем Ионы. Такое вынужденное поступление в монахи допускало в ту эпоху различные послабления. Предоставив в пользование монастыря часть своих имуществ, Иона оставил себе значительные средства и вел роскошную жизнь в своем доме, находившимся рядом с монастырем. Он имел отличную кухню и обширный штат дворни. Он был большим хлебосолом. Монахи пользовались его гостеприимством и, в свою очередь, посылали ему разные подарки и лакомства. В монастырь жили также не бедно. Это было огромное учреждение. Вокруг главного здания теснилось одиннадцать корпусов, где помещались кладовые, кухни, склады. В одной из сохранившихся частей здания насчитывают до 700 комнат, предназначавшихся, по всей вероятности, для прислуги. Из знати не один только Шереметев был здесь.

Монастырь имел в числе своих постоянных обитателей Василия Степановича Собакина, в иноках Варлаама, Ивана Ивановича Хабарова, сына знаменитого Хабарова Симского, героя предыдущих царствований, и других вельмож, присланных сюда Иваном в наказание. Между ними происходили часто ссоры. Менее богатые с завистью смотрели на почести, оказывавшиеся Шереметеву. Ивану был послан донос. Он с неудовольствием узнал, что люди, впавшие в немилость, в изгнании пользуются такими благами, и поспешил призвать братию к порядку: Шереметев должен трапезовать вместе со всеми. Монахи указывали на слабое здоровье Шереметева. Иван написал тогда послание, являющееся с литературной точки зрения шедевром его произведений.

Грозный начинает свое послание исповедью, которая как бы подтверждает обвинения против его частной и общественной жизни. Со своей обычной грубостью он называет себя «смердящим псом», живущим в «пьянстве, блуде, убийстве, разбое» и других смертных грехах. Буквально ли следует его понимать? Можно подумать, что ему незачем на себя клеветать. Но сейчас же он спешит заявить, что те немногие истины, какие он считает нужным высказать братии, исходят «от его скудоумия». После этого вступления смысл его слов становится ясным. Алексан-

дровский игумен просто говорит обычным языком своего времени. Он обвиняет и унижает себя, смиряется и поносит ради антитезы, которая должна придать особую силу тем ударам, которые он будет наносить. Совесть его нечиста. Но высказываемое им смирение так же искренно, как и серьезно уверение, что он сам принадлежит к Кирилло-Белозерской общине и поэтому входит в подробности ее жизни. Он помнит, что несколько лет тому назад, во время своего пребывания здесь, высказал желание когда-нибудь поступить в число членов обители. Теперь он это намерение принимает за совершившийся факт и ловко пользуется им для достижения намеченной цели. Он бичует противников теми доводами, какие ему теперь пришли в голову. Вот как он их обличает, уснащая свою речь, по обыкновению, текстами и примерами, почерпнутыми из Отцов церкви, священной истории, римских и византийских хроник:

«Есть у вас Анна и Каиафа – Шереметев и Хабаров, есть Пилат – Варлаам Собакин, есть и Христос, распинаемый... Не Шереметев постригся у вас, а вы у него. Он вам дает закон. Следуйте ему! Сегодня один боярин введет распутство, завтра другой сделает вам послабление. Так мало-помалу устав монастырский упразднится и пойдут у вас обычаи мирские. Сперва вы дали Иоасафу (бывший боярин Колычев)

оловяннуну посуду и разрешили есть в своей келье, теперь уже Шереметев имеет и свою кухню. В результате все монахи живут как им хочется... Беспорядок, смятение, суета! Зачем? Для кого? Для этого плута, пса Собакина, или для этого сына дьявола Шереметева, или же для безумного Хабарова?..»

Письмо это было напечатано в «Исторических Актах». ⁵¹ Карамзин относит составление его к 1578 году. Но, по-видимому, Барсуков, ⁵² относящий его к периоду между весной 1574 г. и весной 1575 г., стоит ближе к истине. Надо прибавить, что Иван пользовался теми текстами, которые встречаются в старинных церковных сочинениях полемического характера, и изменяет их по-своему. Это были распространенные критические труды, обличающие распущенность монастырских нравов. Они были известны Белозерским монахам, так как копии их были в их библиотеке. Что касается того духа, которым Иван был проникнут, то следующая подробность указывает на него ясно. К посланию была присоединена золотая *братина* с рельефными изображениями голых женщин – подарок той самой общине, которую он старался вернуть на истинный путь.

В этом проявился дух Александровской слободы.

⁵¹ I, 204.

⁵² Род Шереметевых, I, 324.

Иван жил в своей Александровской слободе, как в предыдущем веке Людовик XI жил в Плесси-ле-Тур, среди монахов, с которыми король производил религиозные упражнения. Там были слесари, приготавливавшие знаменитые «fillettes du roi», тяжелые цепи, в которые заковывали ноги узников, сажаемых в железные клетки. Были там и другие слуги, счета которых попадают в книгах Его Величества под рубрикой «volupt(s)»: столько-то, чтобы привезти из Дижона в Тур горожанку, понравившуюся королю, столько-то на покупку двух дюжин чижей.⁵³ Если Людовик XI и не превратил Плесси-ле-Тур в монастырь, то мы знаем, что он выстроил обитель по соседству для калабрийского монаха Франсуа де-Поль. Он также любил окружать себя «дурными людьми низкого происхождения». Чтобы рассеять грызущую тоску или прогнать страшные видения, он созывал со всех сторон людей, «играющих на тихих и нежных инструментах». «Но ничто его не могло развеселить», прибавляет летописец Сен-Дени.

После всенощной в Александровской слободе Иван отправлялся в свою опочивальню, где три слепых старика должны были усыплять его своими сказками. Кроме того, сидя у его изголовья, они, вероятно, оберегали его от ночных видений и избавляли

⁵³ Henri Martin. Histoire de France, VII, 145.

от тяжелого одиночества. Днем государь имел другие развлечения. Не отправлялся ли он, как говорили, в застенки наслаждаться видом пыток, производимых по его приказанию? Не заменял ли он там палача? Не менялось ли тогда его мрачное и угрюмое лицо, не становился ли он веселее среди этих ужасов, не сливался ли его дикий хохот с криками жертвы? Все могло быть. Но государь развлекался и менее кровавыми играми скоморохов, фокусников и медвежатников. Их собирали для него без разбора по всем захолустьям. В новгородской летописи упоминается некий Субота Осетр, который сначала обругал и избил дьяка Даниила Бартенева, а потом спустил на него медведя с цепи. Медведь бежал за ним до самого приказа и привел в ужас целую толпу приказных, из которых многие попали в лапы разъяренного зверя. После этого случая медведя и его хозяина признали годными для царской службы. Они немедленно были отправлены в Александровскую слободу с целой ватагой скоморохов.

В слободе видную роль играли ручные и дикие медведи. Их заставляли представлять смешные сцены. С их помощью мистифицировали посетителей и пугали их. Часто травили ими не только собак, но и людей. Быть может, Горсей и не заслуживает полного доверия. Он рассказывает об одном ужасном случае, когда

семь тучных монахов были обвинены в мятеже и приговорены к борьбе с шестью медведями. Они растерзали пять монахов и только шестой одолел своего противника. Гуаньино рассказывает, что, когда замерзала река и на льду собирался народ для гуляний, царь имел *привычку* выпускать на мирную толпу нескольких своих медведей. Единичный факт такого рода мог иметь место. Но своеобразная *привычка* царя могла помешать народу гулять на реке. В этом случае, как во многих других, летопись, очевидно, несколько преувеличила. Она подчеркнула особенности, которые принадлежали общим нравам той эпохи. Бой с медведями в то время считался обычным и любимым развлечением народа.

Помимо всяких легенд, Александровская слобода оставила воспоминания, довольно оскорбительные для нравственности. Молитвенные обряды там сменялись пирами, превращавшимися в оргии. В жизни Грозного женщина всегда занимала видное место. Вполне возможно, что даже опричники служили для удовлетворения таких наклонностей и вкусов его страстной и неумеренной природы, которых, по-видимому, не могли ослабить в нем ни старость, ни болезни. Возможно, что этот привычный разврат принимал иногда самые отвратительные и жестокие формы. Мы допускаем, что летописцы давали большой про-

стор своей фантазии, изображая, например, как Скуратовы и Басмановы в исступлении садизма заставляли крестьянских девушек голыми гоняться за курами и пронзали их стрелами... Впрочем, в то время даже настоящие монастыри часто ходили на вертепы разврата. Не трудно представить, что происходило у Александровских «иноков». Сам игумен – царь – мог служить живым примером разврата. Он успел удалиться от себя трех или четырех жен. Со времени смерти Анастасии семейная жизнь его не представляла ничего поучительного. Однако, как же согласовать эту распущенность царя с его постоянным стремлением вступать в новые брачные союзы? По-видимому, это совершенно противоречит ходячим легендам о целых толпах женщин, будто бы приводимых в Александровскую слободу, или о гареме, повсюду сопровождавшем царя в его поездках. Иван был большим любителем женщин, но он в то же время был и большим педантом в соблюдении религиозных обрядов. Если он и стремился обладать женщиной, то только как законный муж. Поэтому он часто комично прикрывал свои вожделения обрядом церковного брака.

III. Семейная жизнь Ивана

Второй раз Иван женился в 1561 г. на полудикой

черкешенке Темрюковне, названной при крещении Марией. Умерла она в 1569 г. О ней ходила молва, что она была так же распущена по своим нравам, как и жестока по природе. Через два года после ее смерти Иван избрал себе в жены дочь простого новгородского купца Марфу Васильевну Собакину. Она прожила после свадьбы всего лишь две недели. Царь уверял, что ее отравили раньше, чем она стала его женой, т. е. она умерла девственницей. Этим царь хотел оправдать свое намерение вступить в четвертый брак, о котором он стал думать немедленно после смерти Марфы. Церковные правила препятствовали царю осуществить его намерение. Он стал доказывать необходимость для себя нового союза, утверждая, что у него отравили одну за другой три жены, и говорил, что после смерти второй супруги он уже был готов сам уйти в монастырь. Только заботы о воспитании детей и о своем государстве, где он должен был по его словам «защищать веру христианскую», удержали и теперь удерживают в мире. Он должен избрать себе подругу, чтобы «избежать греха». Церковь уступила настоятельным просьбам царя. Она только наложила эпитимии на этого неукротимого жениха. В 1572 г. он повел к алтарю дочь одного из своих придворных вельмож, Анну Колтовскую. Через три года он заточил ее в монастырь. Предлогом к этому по-

служило предъявленное к царице обвинение в заговоре против царя. Развод сопровождался рядом казней, совершенно истребивших семью царицы. Анна прожила в Тихвине до 1626 г. под именем инокини Дарьи.

После этого царь приблизил одну за другой двух наложниц – Анну Васильчикову и Василису Мелентьеву. Обе они признавались его супругами, хотя для сожителства с ними он испросил только разрешения своего духовника, понимавшего, очевидно, что для такого человека, как Иван, нужно изобретать более эластичные правила. Вокруг обеих наложниц царя создавалась масса легенд. Судьба их вдохновила многих поэтов и романистов. В одной известной драме Островский выводит обеих героинь и противопоставляет их друг другу. Он изображает их соперничество из-за сердца Грозного. Может быть, здесь много фантастического элемента, но автор действительно воскрешает ту среду, в которой жили и страдали эти женщины. Автор делает Василису служанкой Анны, которая с ужасом видит, что ее соперница займет ее место в сердце царя, и говорит ей:

«Мне страшно здесь, мне душно, неприветно
Душе моей; и царь со мной не ласков,
И слуги смотрят исподлобья. Слышны

Издали мне царские потехи,
Веселья шум, – на миг дворец унылый
И песнями, и смехом огласится;
Потом опять глухая тишь, как будто
Все вымерло, лишь только по углам,
По терему о казнях шепчут. Нечем
Души согреть. Жена царю по плоти,
По сердцу я чужая. Он мне страшен!
Он страшен мне и гневный, и веселый,
В кругу своих потешников развратных
За срамными речами и делами.
Любви его не знаю я, ни разу
Не подарил он часом дорогим
Жену свою, про горе и про радость
Ни разу он не спрашивал. Как зверь,
Ласкается ко мне, без слов любовных,
А что в душе моей, того не спросит»...

Быть может, Островский остается историком и тогда, когда изображает Ивана наедине с Василисой уже после того, как она формально была приближена к царю. Грозный уже пресытился и хочет ее бросить. Василиса удерживает его. Ей страшно. Она говорит о мертвецах, стоящих между ними. Ее ужас передается самому царю. Василиса просит развлечь ее. Царь отвечает, что он здесь не для забавы. Она зябнет. Иван уже держит в руке кинжал, готовый поразить ее, но, по ее знаку, снимает с себя кафтан и ку-

тает ей ноги. Василиса хочет, чтобы Иван назвал ее царицей. Тот возмущается: «Какая ты царица? Разве я венчался с тобой, возлагал на твою голову корону?» Но она отвечает: «Зачем ты споришь с глупой женщиной? Плюнь на нее и делай то, что она хочет». Грозный и на этот раз покоряется. Она заснула. Тогда он был уверен, что она больше не слышит его, он начинает говорить ей о своей любви. Он, отваживавшийся на все, не смел ей раньше этого сказать.

Нам ничего неизвестно о причинах немилости, постигшей обеих возлюбленных царя. Быть может, Островский опять угадал это, вложив в его уста следующие слова, обращенные к Васильчиковой: «Ты похудела, я не люблю худых»...

По преданию, в 1573 г. на смену Василисе явилась новая любовница царя, Мария Долгорукая. Однако после первой же ночи Иван бросил ее. Одни говорят, что Грозный заподозрил ее в любви к другому. Другие же утверждают, что она оказалась уже лишенной девственности. Так или иначе, а Долгорукая погибла: ее посадили в коляску, запряженную лихими лошадьми, и утопили в реке Сера. Впрочем, эти подробности связываются с различными именами возлюбленных Ивана. По свидетельству некоторых летописей, подтверждаемых фон Бухау, Васильчикова продолжала еще три года пользоваться ласками царя.

Но умерла она все-таки насильственной смертью. Карьера Василисы была более короткой. По показаниям летописцев, еще совсем молодой и красивой, она была заточена в один из подгородних монастырей. Иван будто бы заметил, что ей приглянулся князь Иван Девтелев, который тотчас же был казнен.

В сентябре 1580 г., в то время, когда Баторий готовился к новой победоносной кампании, царь вступил в седьмой или восьмой более или менее законный брак с Марией Нагой, дочерью боярина Федора Федоровича. Она скоро стала матерью царевича Дмитрия. В то же время царь женил своего сына Федора на сестре Бориса Годунова Ирине и создал, таким образом, новую семью, на которой сосредоточилась его любовь. Впрочем, это не мешало ему лелеять мечту о браке с Марией Гастингс.

Легко себе представить, чем могла быть при таких условиях домашняя жизнь царя. В 1581 г. она была взволнована и отражена новой катастрофой, о которой я уже упоминал выше.

IV. Семья царя

От первой супруги Иван имел двух сыновей. Младший из них, Феодор, был болезненный и слаб умом. С ним не считались. Старший, Иван, по-видимому,

и физически, и нравственно напоминал отца, делившего с ним занятия и забавы. Подобно отцу, он был не чужд образованию. Его рукопись о житии св. Антония сохранилась в бумагах графа Ф. А. Толстого. В тридцать лет он был женат уже в третий раз. По свидетельству Одерборна, отец с сыном менялись своими любовницами. Одна из фавориток царевича пожаловалась однажды царю, что некоторые лица распространяют обидные для нее слухи. Царь велел разложить виновных голыми на снегу на позор проходящих. Я привожу эту подробность, чтобы показать, каковы были отношения между Грозным и его наследником.

Первой женой царевича была Евдокия Сабурова. Второй – Прасковья Соловая. Обеим пришлось разлучиться с мужем и принять монашество. Третья супруга, Елена Шереметева, была беременна в то время, когда царь в припадке гнева убил ее мужа. Существует несколько версий, объясняющих это событие. Некоторые летописцы говорят, что царевич, видя успехи Батория, упрекал отца в малодушии и хотел сам стать во главе армии, чтобы отбросить опасного противника. Другие источники говорят, что царевич заступился за ливонских пленников, с которыми дурно обращались опричники. Но это вызывает сомнение: между отцом и сыном существовало согласие в идеях и чувствах. Поссевин, бывший через

три месяца после происшествия в Москве, указывает на иную причину. Иван будто бы встретил свою невестку во внутренних покоях дворца и заметил, что ее костюм не вполне соответствовал требованиям приличий того времени. Возможно, что при своем положении она не надела пояса на сорочку. Оскорбленный этим царь-игумен ударил ее с такой силой, что в следующую ночь она прежде времени разрешилась от бремени. Естественно, что царевич не воздержался от упреков по адресу царя. Грозный вспылil и замахнулся своим посохом. Смертельный удар был нанесен царевичу прямо в висок.

Преступление было совершено царем без умысла. Но оно все же перешло даже ту меру, к которой привыкли его современники. По словам Поссевина, Иван был в отчаянии. Он проводил целые ночи в слезах и вопил от горя. На утро он собрал бояр и заявил им, что отныне он считает себя недостойным больше занимать престол. Указывая на неспособность Федора, он предлагал им избрать преемника. Придворные сразу увидели в этом маневре ловушку для себя и начали умолять царя сохранить власть за собой.

Из всех событий царствования Грозного смерть его сына наиболее поразила народное воображение. На всем пространстве русской земли звучали песни, навеянные этим событием. Их можно было слышать

от Архангельска до Владимира и от Олонецкой области до Нижнего Новгорода. Рыбников издал пять таких песен, Бессонов – двенадцать и Гильфердинг – одиннадцать. В одной из этих былин жертвой оказывается не Иван, а Федор. Об измене его говорит царю Малюта Скуратов:

«Измена в твоих царских палатах,
Сидит она рядом с тобой,
Пьет и ест из одного блюда,
Носит одежду из одного с тобой сукна».

Народный поэт, очевидно, вспомнил слова евангелия от Матвея: «Омочивший со Мною руку в блюдо предаст Меня». После этого в действие вводятся царица Анастасия и брат ее Никита Романович. Она спасает безвинного царевича в ту минуту, когда ему грозит гибель. По некоторым версиям, царь требует, чтобы его сыну отрубили голову и выставили перед дворцом. Он велит вырвать у него сердце и печень и принести ему. Никита Романович, любимый герой народного эпоса, обманывает царя, убив простого холопа вместо царевича. Мы видим как бы повторение истории Кира, или Сказание о Женеьеве, или, наконец, повесть о Спящей Красавице. Старший царевич, несмотря на свое сходство с царем, а быть, может, благодаря именно этому сходству, пользовался

большой популярностью. Его смерть явилась как бы народным бедствием, что было и вполне естественно, так как будущее московского престола представлялось весьма печальным. Федор был полуидиот, Дмитрий – еще дитя. От своих любовниц царь имел нескольких сыновей, но они не признавались его законными наследниками. В числе этих побочных сыновей считали и Федора Басманова, смелого и очень жестокого молодого человека. Царь более, чем когда-либо, привязался к семье Годуновых: очевидно, этот человек, не знавший жалости, сам испытывал потребность в нежном участии. Говоря о Борисе Годунове и его сестре Ирине, царь сравнивал их с двумя пальцами своей руки. Но в то же время царь больше, чем когда-либо, старался заглушить свою печаль и терзания совести в самом необузданном разврате. Эти излишества окончательно подорвали и без того уже расстроенное его здоровье. Можно ли думать, что в мрачном дворце Грозного Содом уживался с Цитерой, как утверждало большинство летописцев? Как мы знаем, увещания Сильвестра, направленные по адресу его непокорного духовного чада, по-видимому, подтверждают эти обвинения. Но мы видели, что подлинность соответствующего послания Сильвестра сомнительна. Что касается известных слов Посевина, то они совершенно неправильно понимают-

ся в этом смысле. В подлинном латинском тексте сказано: «Qui gratissimus tredecium annos apud Principem fuerat atque in ejus cubiculo dormiebat»... Это значит только, что Богдан Бельский, к которому относится указанное место, исполнял при царе обязанности спальника. Вообще можно сказать, что в том обвинительном акте, который летописцы, а за ними и историки составили против Ивана, многие пункты обоснованы не лучше, чем только что указанный факт. Мы не сомневаемся в беспорядочности образа жизни Ивана, и это ускорило роковую развязку, которую его могучий организм, казалось, отдалял многие годы. После смерти Анастасии Иван отправил в Троицкий монастырь 1000 рублей на помин души. Сумма эта в два раза превышала раньше отправленную на помин его отца. После смерти царицы Марфы он уменьшил свои щедроты до 700 руб. Что касается царевича Ивана, то, по понятным причинам, Грозный внес на упокой его души 5000 руб. Такую же сумму он отдал для своего собственного поминовения. Он очевидно готовился уже к смерти и не ошибся: его дни уже были сочтены.

Глава пятая

Личность Грозного и его дело

Смерть. Характер и темперамент. Познания и ум. Идеи и чувства. Итоги царствования.

I. Смерть

Уже в августе 1582 г., давая отчет о своей миссии венецианской синьории, Поссевин высказал мнение, что московскому царю жить недолго. В начале 1584 г. обнаружались некоторые тревожные симптомы, взволновавшие государя и весь его двор. Тело Ивана распухло и стало издавать нестерпимое зловоние. Врачи признали в этом разложение крови. По свидетельству Горсея, Богдан Бельский обратился к астрологам. Те указали время, когда наступит смерть. Любимец Ивана ничего не сказал ему об этом, он только предупредил астрологов, что, если их предсказание не сбудется, их сожгут живыми. Это было равносильно назначению премии за убийство царя. Поэтому после его смерти многими высказывались подозрения, что он был отравлен Борисом Годуновым с сообщниками.

Горсей говорит о необыкновенной сцене, свидетелем которой будто бы он был в сокровищнице Ивана. Умиравший царь приказывал носить себя в помещение, где хранились его драгоценности, и любовался несметными богатствами, с которыми он должен был расстаться. Раз он пожелал, чтобы Горсей сопровождал его в это помещение. Здесь он велел показать себе различные драгоценные камни и с видом знатока объяснял их достоинства и ценность. Взяв в руку несколько камней бирюзы, он обратился к Горсею: «Видишь, как она изменяет цвет, она бледнеет. Это значить, что меня отравили. Это предвещает мне смерть». Затем он приказал подать себе скипетр из кости единорога. Под этим именем был известен один вид слоновой кости, слывшей за целебное средство. Вооружившись этим чудодейственным орудием, царский лекарь начертил на столе окружность. Внутри ее посадили несколько пауков. Насекомые тотчас же околели. Оставшиеся же за чертой пауки разбежались. «Поздно, сказал Иван, теперь меня не спасет и единорог». После этого он опять занялся камнями. «Взгляни на этот алмаз, – обратился он снова к Горсею, – это лучший и драгоценнейший из всех камней Востока. Но я никогда не ценил его по достоинству. Алмаз утишает гнев и гонит сладострастие. Он дает человеку власть над собою и целомудрие...

Худо мне... Унесите меня отсюда... Мы придем в другой раз»...

Согласно Горсею, 18 марта 1584 г. государю стало легче. Это был именно тот день, который указали астрологи для его смерти. Бельский напомнил, что их ожидает. Те ответили, что день еще не прошел. Приняв ванну, Иван попросил шахматную доску. За несколько дней до того, по его приказанию, были разосланы грамоты по монастырям помолиться за его грехи. Тут же он и сам молил Бога отпустить монашествующей братии ее прегрешения перед ним, государем. Эти документы сохранились в целости до нашего времени. Из них видно, что Грозный даже на своем смертном одре одновременно заботится как о спасении своей души, так и о достижении известных политических целей. Предание говорит, что перед своей кончиной Иван проявил необыкновенную мягкость ко всем окружающим. Своего сына Федора он убеждал царствовать благочестиво, с любовью и милостью, избегать войны с христианскими государствами. Он завещал ему уменьшить налоги, освободить пленных и заключенных. При всем этом, его порочная природа до конца не переставала выставлять свои требования. Одерборн уверяет, что умирающий царь в своей похоти посягнул даже на свою невестку Ирину, к которой он постоянно проявлял истинно отеческую неж-

ность.

С полной достоверностью мы можем установить только дату смерти Ивана и некоторые обстоятельства, сопровождавшие ее. Царь пригласил Бориса Годунова сыграть с ним в шахматы и сам уже начал расставлять фигуры по доске, как вдруг почувствовал себя дурно. Спустя несколько минут он уже хрипел в агонии. Так исполнилось предсказание астрологов. По желанию Ивана, после совершения над ним предсмертных обрядов, он принял монашество. Он назвался Ионой и оставил своему сыну Федору царский венец, а Борису Годунову государственную власть.

Таков был первый царь всея Руси. Заканчивая свой труд, я постараюсь несколько ярче обрисовать его образ, хотя это трудно сделать благодаря окутывающей его мгле и неясности прошлого.

II. Характер и темперамент

Недостаток достоверных свидетельств позволяет нам только приблизительно наметить внешний облик Ивана. По показаниям русских современников, он был сухощав. Иностранцы изображают его полным человеком. Быть может, такое различие взглядов зависело от несходства мерил, принятых теми и другими. Русские люди того времени отличались

таким дородством, которое было несвойственно иностранцам. О росте Ивана все свидетельства сходны. Он был очень высок, хорошего сложения, с широкой грудью. В Троице-Сергеевом монастыре хранится кафтан, по преданию принадлежавший Грозному. Глаголев недавно произвел измерение его. Полученные данные говорят не в пользу приведенной характеристики.⁵⁴ Что касается черт лица Ивана, то в нашем распоряжении имеются лишь портреты весьма сомнительной подлинности. Они не могут служить для нас надежным основанием. По свидетельствам, он имел длинный, выгнутый нос, небольшие, но живые глаза голубого цвета, с пронизательным взглядом. Он носил большие усы и густую рыжеватую бороду, которая заметно поседела к концу его царствования. Голову свою он брил. «Capillos capitis utque plerique Rutheni novacula radit», говорит фон Бухау.

Наибольшее количество сведений мы имеем о второй половине царствования Ивана. В эту пору все свидетельства отмечают у него мрачное, угрюмое выражение лица, что однако не мешало ему часто разражаться громким хохотом. Но здесь мы уже касаемся нравственной стороны этого человека, который так и останется загадкой, несмотря на все попытки раскрыть его душу.

⁵⁴ Русский Архив, июль 1902 г.

Иван был человеком энергичным до тирании и робким до трусости, гордым до безумия и способным поступаться своим достоинством до низости. Он был умен и мог говорить и делать глупости. Непонятно, зачем он оскорбляет короля Эрика в то самое время, когда добивается его дружбы. Он может называть себя «псом смердящим» и вместе с тем коснеть в тех пороках, которые оправдывают этот эпитет. Некоторые пробовали найти разрешение этих противоречий в одной из новых дисциплин, открытия которой пользуются, быть может, чисто эфемерной славой. Отец и дед Ивана, по-видимому, были людьми уравновешенными. Но прадед его Василий Темный был слаб как умом, так и волей. Мать его Елена Глинская отличалась болезненностью. Отцу его было уже 50 лет, когда у него родился наследник. Бабка его Софья Палеолог происходила из фамилии, в которой всегда сказывалась предрасположенность к нервным заболеваниям. Брат Ивана Юрий страдал слабоумием. У самого Грозного детей было в три раза меньше, чем жен. Первенец его умер еще младенцем. Второй сын, жестокий и кровожадный Иван, был убит отцом. Третий, Федор, был полуидиотом, о Димитрии ходили слухи, что он был болен падучей...

Не трудно угадать вывод из всех этих данных. Грозный был дегенератом или одним из тех параноиков,

психологию которых изучал Ломброзо.

Самое слабое место этого заключения состоит в том, что оно ничего не объясняет. Еще задолго до итальянского психиатра Ревелье Париз (1834) и Шиллинг (1863) пытались доказать, что гениальный человек всегда является невропатом, а часто и совсем душевно больным субъектом. Эту теорию, впрочем, можно найти еще у более старинных авторитетов – от Паскаля до Аристотеля. Сравнительно недавно один аргентинский ученый⁵⁵ поведал нам, что все великие люди его родины были алкоголиками, нервнобольными или помешанными... Для Ломброзо и его последователей совершенно ясно, что гений Наполеона является ни чем иным, как формой эпилептического невроза. Но этот вывод нам ничего не дает. Эпилептический невроз – это просто этикетка, ничего не объясняющая. Мы видим, что между таким дегенератом, как Наполеон, и таким, как Иван, существует громадная разница. Во всех поступках первого мы замечаем логическую последовательность, что отсутствует у второго. Наполеон, если он даже безумец, может действовать вполне разумно; Грозный слишком часто проявляет внешние признаки душевной болезни. Сама по себе гипотеза об однородном психическом недуге у обоих героев вовсе не разрешает на-

⁵⁵ Mejja. Nevrosis de los hombres Bercnos, Ayres, 1885.

шей проблемы, а только обходит ее.

В попытках истолкования характера и темперамента Грозного есть существенное заблуждение. К нему подходят совершенно так же, как к любому из наших современников. Применяемые к его изучению приемы вырывают его личность из родной ему исторической среды. Известно, какими чертами отличался Людовик XI. Попробуйте перенести его в условия XIX или XX в. Мог ли бы теперь такой осторожный король попасть в ловушку в Перроне? Мог ли бы теперь такой дальновидный политик дать увлечь себя к стенам Льежа, чтобы принять участие в разрушении города, которому он же сам оказывал покровительство? Очевидно, этого теперь бы не было. Но почему тогда он совершил это двойное безрассудство? Во втором случае поведение его было позорно. Людовик XI был сыном своего времени, представителем полуварварского общества, где даже у наиболее развитых людей проявлялся недостаток духовной координации и нравственной дисциплины. Эти свойства являются плодом векового культурного развития. Людовик, как и большинство его современников, был импульсивной натурой. Это качество теперь наблюдается лишь у более эксцентричных субъектов. Попробуйте с этой точки зрения взглянуть на личность и деятельность Грозного. Это сразу подвинет нас к должно-

му разрешению вопроса.

Иван действовал еще чаще, чем Людовик XI, как импульсивная натура. В некоторых его поступках сказывались влияния его среды или событий; в других он следовал внутренним побуждениям, заложенным в нем природой и внушенных ему воспитанием. Как и дед, Иван был умен, но более экспансивен. Он был так же энергичен, но менее тверд. Ко всем этим свойствам он унаследовал пылкую душу от своей матери Елены Глинской. Часто Иван действовал порывисто. Но создателя опричнины нельзя упрекнуть в недостатке воли или логической последовательности. Я уже показал неосновательность мнения, что Грозный всегда передавал власть в руки других лиц, не умея пользоваться ею сам. Сильвестр и Адашев так же мало были правителями в 1548–1560 г., как и царь Симеон в 1575–1576 г. Это, конечно, несколько не мешало царю изображать из себя жертву своих любимцев, а во втором случае разыгрывать комедию с жалким подобием государя.

Иван был до такой степени вспыльчив, что при малейшем раздражении «покрывался пеной, как конь», по выражению фон-Бухау, самого достоверного из всех свидетелей. Часто он не умел сдерживаться и владеть собой. Но часто он проявлял удивительную изворотливость, что видно в борьбе с Ба-

торию. На поле битвы он оставляет свое государство на произвол. Зато на дипломатическом поприще упорно оспаривает победы своего противника. Здесь он не брезгает никакими средствами.

Я уже говорил, каково было воспитание Грозного. В детстве он не знал любви и даже не пользовался должным вниманием. Он жил всегда под страхом насилий. Неудивительно, что в нем развилась некоторая робость, выражавшаяся то в недоверии собственным силам, то в нервной слабости перед лицом опасности. Однако тот, кто 20 лет боролся с разными Курбскими в своем государстве, не был трусом душой. Из того же источника Грозный вынес презрение к человеку, часто принимавшее форму ненависти. Воспитатели Ивана потворствовали его изменчивым инстинктам и оскорбляли его лучшие чувства. Таубе и Крузе с убеждением говорят о его «коварном сердце крокодила». Грозный был лукав и зол. В детстве его обижали и глумились над ним. Всю свою жизнь он старался отплатить людям за эти унижения. Отсюда его безумная страсть издеваться над людьми, когда он не мог или не хотел мучить их другими способами. Он испытывал острое наслаждение, сбивая их с толку и упиваясь сознанием своего превосходства при виде их растерянности. Жалость или сочувствие в нем совершенно отсутствовали. Этим он напомина-

ет Петра Великого. Подобная черта развилась у обоих под влиянием сходных причин. Прочтите те строки, которые Иван пишет Курбскому после победоносного похода: «Ты писал, что я тебя послал в немилости в дальние города... С Божьей помощью мы еще дальше пришли!.. Где ты думал найти покой после трудов? в Вольмаре? Мы уже дошли и туда. Пришлось тебе дальше убегать»...

Вспомните далее случай с Василием Грязным, любимым царским опричником, попавшим в плен к татарам. Разве пожалел его Иван? Ничуть; хотя, впрочем, поиздевавшись над ним в своем письме, он заплатил за него выкуп. У Грозного нет последовательности. Он постоянно возвращается к ясным суждениям. Будучи вспыльчивым деспотом, он замахивается на протестантского пастора, осмелившегося сравнить в его присутствии Лютера с апостолом Павлом, но порыв прошел – и тот же Грозный ведет мирную беседу с Рокитой.

Наблюдая эти постоянные вспышки, некоторые видели в них то самое неистовство, которое саги приписывали древним норманнам. Эти неукротимые завоеватели, когда не оказывалось под руками врага, наносили в бешеной ярости удары деревьям и скалам. Однако Грозный, при всей своей необузданной вспыльчивости, никогда не сражался ни со скалами, ни с вет-

ряными мельницами. Он не норманн, скорее раздражительный, жестокий и коварный монгол. Он скрытен, но отлично знает, чего хочет, и хочет разумного или того, что, по крайней мере, кажется таким при данных обстоятельствах. Он изворотлив, тонок и любознателен во всех отношениях. Порой он бьет дальше намеченной цели, что происходит из-за его необузданного темперамента. У него больше жертв, чем действительных врагов. Нельзя не согласиться на этот раз с Ломброзо, сказавшим, что раз человек отведал крови, убийство для него становится потребностью. Кровь повелительна настолько, что ей нельзя противиться. По его словам, чувственная любовь нередко сплетается с жаждой крови – вид ее сильнее всего возбуждает половую страсть... За кровавыми сценами всегда следует проявление самого неистового разврата.⁵⁶

В этом объяснение жизни Александровской слободы.

Но и здесь нужно принимать во внимание историческую среду. Оправдывая нравы той эпохи, Соловьев ссылаясь на Филиппа. Это существенная ошибка. Праведники всегда представляют исключение. Не был ли Иван исключением в противоположном смысле? Вероятно, нет, потому что народ легко ми-

⁵⁶ Преступный человек, I, 389.

рился с его казнями. Грозный только увеличил жестокость инстинктов и нравов, господствовавших в его стране. Он бросал на русскую землю кровавое семя. Убийство сына его Димитрия в Угличе, воцарение самозванца и ужас смутного времени явились жатвой этого посева. Но что же делали Шуйские и Курбские? Они пожалели то, что сами сеяли. Они учили своего будущего палача презрению к человеческой жизни, внушали ему презрение ко всякой справедливости и законам.

Впрочем, воспитание Ивана напоминает в большей степени, чем принято думать, юность всех государей его времени. Мы знаем, что представлял из себя Дон-Карлос прежде, чем им занялись поэты и романисты: он жестоко мучил животных и даже людей, окружавших его, живьем жарил птиц, калечил лошадей из своей конюшни.

В склонности Ивана каяться в своих преступлениях хотели видеть признаки нервной болезни и даже психического недуга. Иван часто впадал в преувеличения, бичуя свои пороки. Но мне кажется, что здесь мы имеем дело с любовью к театральным эффектам – черта, наблюдаемая у субъектов, постоянно ищущих красивых поз, разыгрывающих какую-нибудь роль, при этом они действуют часто вопреки собственным интересам. Вспомним хотя бы Лютера, что-

бы не обращаться к другим знаменитым современникам Грозного. У героя германской реформации эта мания доходила до полнейшего забвения совести. Никто из государей древней Руси не любил и не умел говорить так, как Иван. Ни один из них не отличался таким искусством в спорах устных и письменных с беглым боярином или с каким-нибудь иностранным послом. Иван постоянно ведет эти споры без отдыха и даже стыда. Обнажает свою душу, сбрасывая все покровы, выставляет свои язвы и уродства: смотрите, каков я отвратителен!.. Он готов даже преувеличить свое безобразие. Он в послании к Курбскому сравнивает себя со смердящим трупом. Говорит, что он своими злодеяниями превзошел братоубийцу Каина, как Рувим осквернил ложе отца своего. Но все это не мешает ему думать и утверждать, что во всем этом виноват тот человек, перед которым он кается. Если он не может внушить к себе уважение и заставить восхищаться, то пусть хоть боятся, пусть видят и занимаются его особой. Не из этой ли школы впоследствии выйдет Жан-Жак Руссо.

Иван разыгрывает большей частью трагические роли. Но он не гнушается быть и первым шутком своего двора. Для него годится всякое амплуа, только бы ему не остаться незаметным. Часто он смешивает комический элемент с трагическим. Он подозревает ста-

рого Челяднина в заговоре. Отдает его в руки палача? Нет, и этого ему недостаточно. Он сходит с трона, сажает на него опального боярина, земно кланяется ему, величая его царем. Потом вынимает кинжал и наносить несчастному старику удар... «Ты думал сесть на мое место. Так вот же тебе!..» Фон-Бухау видит в Грозном черты сходства с одним кардиналом, который был известен своими веселыми речами и выходками, и он был поражен подвижностью лица Ивана. Его взгляд и тон менялись каждую минуту. Вот он беседует со своими приближенными. Речь его ласкова, вид приветлив. Но кто-нибудь из окружающих не сразу его понял. Он тотчас же становится резким, лицо делается свирепым. Кажется, что вот-вот произойдет ужасный взрыв.

Как у многих людей, страсть к ролям, к театральности у Ивана была выражением гордости. Это была непомерная гордость, но в ней не было ничего страшного. При своих познаниях истории и географии Иван мог считать себя выше всех государей Европы. Он не хотел себя равнять даже с императором, который был выборным монархом, или с султаном, род которого не восходил к древнему Риму. Но и фараон XX династии именовал себя владыкой всего мира. И теперь мы видим подобные притязания у некоторых государей Востока.

Гордостью Грозного, быть может, объясняется и его нежелание участвовать в битвах, где для него был большой риск. В этом отношении он следовал традициям своего рода. Как и его дед, он не был героем в обычном смысле этого слова. Александры Великие, Ганнибалы, Густавы-Адольфы, Карлы XII и Наполеоны проносятся, как метеоры. Для создания чего-нибудь прочного люди такого склада, как Рюриковичи, более подходящи. Людовик XI, правда, не имел ничего общего с Александром Македонским или Наполеоном, но и он жертвовал собой при Монлери. Но этот французский король и не был полуазиатским деспотом.

Свойства восточного человека Иван обнаруживает и в необыкновенной легкости, с которой он переходит от надменности к крайнему унижению при неудачах. Но удары судьбы его не сокрушают. Он сгибается под ними, ползет по земле, но всегда готов снова подняться на ноги. Несмотря на эти черты, Грозный оказывается до некоторой степени европейцем, человеком известной духовной культуры, и он не выносить грубой лести. Гуаньино сообщает характерный эпизод, вполне правдоподобный, если сопоставить его с другими аналогичными случаями. Иван выкупил из плена у Батория двух своих воевод – Осипа Щербатова и Юрия Бярятинского. Когда они явились

к нему, он с любопытством стал их расспрашивать. Щербатов говорил искренно, признавая могущество польского короля. Барятинский, желая угодить царю, говорил обратное. По его словам, у Батория нет войска и крепостей, и он дрожит перед именем московского царя. «Бедный король!» сказал Иван, «как мне его жаль!» потом схватил свой посох и начал им колотить своего бесстыдного придворного, приговаривая: «Вот тебе награда, обманщик»!

Иван по-своему был образован и выгодно отличался не только от русских, но и от современных европейских государей. Если он и не обладал большими научными сведениями, то во всяком случае питал любовь к знанию. В этом его существенное отличие от Людовика XI, который смертельно ненавидел науку и говорил, что она наводит на него меланхолию. Больше всего напоминает собой Грозный Франциска I. Каковы же собственно были его познания?

III. Познания и ум Ивана

Иван почерпнул много сведений из разностороннего чтения. Но он не мог привести в порядок этот материал в своей голове. В первые годы царствования Ивана правление бояр оставляло ему много досуга и вынуждало замыкаться в свой собственный внут-

ренный мир. В эту пору он читал все, что попадалось под руку и возбуждало его любопытство. Он читал Священное Писание и римскую историю, русские летописи и византийские хронографы, творения отцов Церкви и жития святых. Отсюда он почерпнул много мыслей и выбирал те, которые, по его мнению, относились к нему, касались его положения и предсказывали ту роль, которую он мечтал сыграть. В переписке с Курбским мы видим разнообразие этих познаний и то, как он пользовался ими. Его послания к беглому князю представляют памфлет в двух частях, удары которого направлены против бояр. К нему присоединяется рассуждение о верховной власти. Иван аргументирует цитатами, приводимыми, очевидно, наизусть. Текст этих цитат большею частью не точен. Едва ли Иван допускал подобные искажения сознательно. В его изложении Григорий Назианзин чередуется с Иоанном Златоустом, пророк Исаия с Моисеем, библия с греческой мифологией, Иллиада и заимствованные древней русской словесностью сказания о взятии Трои с Евангелием. Все это смешивается самым причудливым образом с удивительным сочетанием имен. Зевс и Дионис оказываются в ближайшем соседстве с Авимелехом и Гедеоном, Эней с Гензифихом, царем саврамагов (sic)... Он пишет даже Зинзирих. Поражают самые невероятные анахронизмы.

Вместе с политическими афоризмами мы встречаем философские рассуждения. Курбскому эта литература казалась болтовней старой бабы. Но весь этот хаос идей и образов, несомненно, слагается в одно целое. При внимательном рассмотрении мы замечаем тонкую, но никогда не рвущуюся нить, связывающую весь этот материал. Она превращает этот беспорядочный материал в страстную защиту власти, в том виде как понимает ее автор, т. е. единой, безусловной, божественной по своей природе и недостижимой для обыкновенных смертных. Здесь совсем не важно, что этот писатель-самоучка смешивает события и эпохи, говорит о разделении Восточной империи при Льве Армянине, ошибается на два столетия, определяя время завоевания Персии арабами. Вся эта варварская эрудиция не стоит ничего, важны те идеи, которые пронизывают эту беспорядочную грудку фактов. Перед нами пылкий деспот, оперирующий такими данными, которых не знали ни отец его, ни дед. В своих познаниях он черпает доводы в пользу теории, о которой те не имели представления. Иван уже открывает новый мир. Этого одного достаточно, чтобы прославить необыкновенного государя, проявившего первым в своей стране если не научные познания, то вкусы, инстинкты и страсти нового человека.

На впечатлительную натуру Ивана воспоминания

действовали так же, как и сами события. Они господствовали над его мыслью. Вся его эрудиция властвовала над ним больше, чем он распоряжался ею. Она заставляла его переходить от одного предмета к другому и диктовала ему самые неожиданные отступления. Его постоянная страстность и раздражительность, всегда пробуждавшаяся во время письма, мешала ему с должным разбором пользоваться своими знаниями. Он не взвешивал того, что попадало ему под руку, пускал в ход все средства, не задумываясь над тем, годны ли они.

Иван любил выставить напоказ все, что знал или что казалось ему знанием. С литературной точки зрения он представляет чистого полемиста. Хотя он словоохотлив и даже болтлив, но при всех своих отступлениях и разглагольствованиях он умеет подметить как слабую, так сильную сторону своего противника и наносить ему удар в самое слабое место. Курбский был человеком начитанным, по тому времени ученым. Иван старается превзойти его своей книжной мудростью, будучи уверенным, что тот не сможет проверить его цитат. Но Курбский не только учен, но и религиозен. Иван это знает и старается нанести ему удар и с этой стороны. Он изображает, как беглый боярин вместе с поляками разрушает православные церкви, упрекает его в том, что ногами своими

попирает святые иконы и, как Ирод, избивает невинных младенцев. Царь льет слезы над этими жертвами и над самим палачом. Он любил лиризм и никогда не отказывал себе в удовольствии удариться в пафос. Курский упомянул о крови, пролитой им на службе царя. Иван возражает ему: «А я разве не проливал пота и слезы благодаря вашему неповиновению?»

Нельзя не согласиться с Ключевским, что в этой риторике меньше убеждения, чем желания убедить, больше фосфорического блеска, чем настоящего жару. Некоторые склонны были видеть в письмах Грозного коллективное произведение любимцев царя. Такую гипотезу между прочим поддерживал Михайловский, проницательный, но тенденциозный критик. Он заимствовал ее у автора одного дрянного романа.⁵⁷ Но эта гипотеза рухнет при первом же знакомстве с источником. Сам Михайловский признает за ним единство настроения и стиля. Личность автора, его «когти» чувствуются в каждой строке.

В идейном движении своей эпохи Иван не занимает первого места. В борьбе, которая шла между нравственными идеалами суровых старцев и испорченностью большинства, он примыкал не к достойнейшей стороне; однако нельзя сказать, что он действует единодушно с самыми худшими элементами.

⁵⁷ Князь Курбский. «Федорова», 1843 г.

В этом конфликте стояли друг перед другом два противоположных полюса. С одной стороны отшельники-аскеты, с другой – отчаянные головорезы, утратившие связь с обществом. Иван занял среднее положение. Он был богато одарен природой, но чтобы быть представителем благороднейшей группы высших стремлений, ему недоставало ни ума, укрепленного науками, ни чистоты сердца. На Стоглавом Соборе он был готов поддержать партию реформ. Однако шаткость его убеждений не позволила ему этого сделать. В религиозных вопросах он оставался человеком старого закала. Для него ношение бороды и однорядки имело такое же значение, как и догматы веры. Учение Нила Сорского только скользнуло по уму Грозного, но не проникло в его сознание. Приобщиться к более широким культурным течениям Запада в области науки и искусства у Ивана не было возможности. Европа была далеко, а Москва слишком отстала от западноевропейского мира. Грозный решил прибегнуть к самому простому средству. Он захотел получить от своих соседей внешние блага их цивилизации. Он потребовал от них печатников, мастеров и инженеров. Этим путем обыкновенно идут отсталые народы, желая наверстать упущенное. Вспомните Японию. Но усвоенная таким образом культура оказывается искусственной и поверхностной. Новая Россия

представляет пример этого.

Обвинители Грозного склонны отрицать у него всякую оригинальность. По их мнению, он только шел по следам своего деда Ивана III, и в этом он не обнаружил ловкости. Защищаясь против литературной оппозиции, он будто бы прибегал к готовым теориям и идеям, заимствованным из прочитанных книг. Боярство еще раньше лишилось своих исторических привилегий. Государственная власть еще до Грозного пыталась опереться на новые социальные группы. Если Иван и попробовал организовать самоуправление общин, то и в этом он только воскрешал лишь порядки далекого прошлого. В понимании своей личной роли он только следовал заветам Священного Писания. Этим суровым судьям можно напомнить, что ничто не создается из ничего. Наполеон ведь не из собственной головы почерпнул содержание своего кодекса! Они, впрочем, готовы признать положительное значение за теми преобразованиями, которые были совершены в первую половину царствования Ивана. Но и в этом они заслугу относят на счет приближенных царя. Потрудились ли они прочесть в книге Стоглавого Собора 37 вопросов, касающихся церковного строя, и десять законопроектов, относящихся к государственному управлению? Нельзя ведь не согласиться, что автор этих страниц одно лицо с оппонен-

том Курбского. Между тем, когда Иван писал своему беглому боярину, Адашев и Сильвестр были далеко от него. Тождественен не только дух, но и стиль этих произведений. На стиле же Ивана лежит яркий личный отпечаток. Ясно, что в создании опричнины ни Адашев, ни Сильвестр, ни Курбский не принимали никакого участия. Между тем опричнина составляла одно целое с реформами 1551 г. Биографы Грозного совершенно не понимают опричнины, если они отказывают ему в том, что признают за его сотрудниками. Петр Великий не ошибся, назвав себя продолжателем его дела.

Грозный был первым русским царем не потому, что он первый принял царский титул, а потому, что первый понял реальную силу своего сана. Теория единодержавной власти явилась еще до него. Уже с XV века в московской литературе она развивалась достаточно ясно и полно. Но ни Василий, ни Иван III не задумывались над ее конкретным смыслом. Они были далеки от понятия о государе, которому Бог вручил его власть, и он несет лишь перед ним ответственность за пользование своими сверхчеловеческими правами, без каких бы то ни было обязательств по отношению к своим сотрудникам. Его действия не подлежат никакому контролю. Он воплощает в себе божественный разум и волю.

В эту теорию Иван внес субъективный элемент. Его мы не находим ни у одного из его предшественников, не встречаем его даже и у его преемников. Петр Великий считал себя первым слугой своего народа. В глазах же Ивана монарх стоит выше своей державы и представляет собой нечто вроде какой-то божественной ипостаси. В оскорбительных посланиях к Баторию он заявляет, что государь выше державы, которой он повелевает. Польша победила. Московское государство вынуждено было принять ее требования. Но царь не хочет подчиниться этой необходимости: он парит в какой-то высшей сфере, где никто не может посягнуть на его права и достоинство. Это тонкое рассуждение было продиктовано не столько логикой, сколько непосредственным чувством. Впрочем, идеи и чувства Ивана часто так смешиваются, что необходимо их подвергнуть хотя бы беглому анализу.

IV. Идеи и чувства Ивана

Грозный много страдал, и эти преувеличивавшиеся обыкновенно им страдания многие выводили из глубокого нравственного источника. Иван живо сознавал пороки и недостатки политического и социального строя своего государства и чувствовал свое бес-

силе бороться с этим злом более или менее действительными средствами. Мучительное раздвоение ощущалось им в собственном духовном мире. Он ясно видел свои недостатки, постоянно бичевал себя за них, но не мог или не хотел от них избавиться. Но было бы ошибкой считать это раздвоение результатом недовольства самим собой. Представители школы Юрия Самарина, склонные видеть в Иване одинокого и непонятого современниками героя, конечно, заблуждались. По их мнению, он только один видел зловещие признаки наступающего разложения. Не находя никого, кто бы мог разделить с ним его презрение и ненависть к существующему порядку, он терял власть над собой в своем мучительном одиночестве и разил в отчаянии все, что окружало его. Он не умел разобраться между добром и злом, существовавшим в нем самом и вне его. Ему не доставало воли, соответствовавшей силе его ума. Подобная оценка несправедлива как по отношению к государю, так и по отношению к его эпохе. Иван был знаком и встречался с такими людьми, которые лучше его понимали необходимость оздоровления общества и знали, какими средствами оно может быть достигнуто. Идеалы сторонников Нила Сорского отличались большей возвышенностью, чем стремления самого царя. В своей борьбе с боярством Иван отлич-

но понимал, что делал и кому наносил удары. Было бы исторической ошибкой представлять его, подобно Бесстужеву-Рюмину, каким-то Гамлетом, который по своему темпераменту склонен к отвлеченным построениям, но совершенно бессилён сделать решительный шаг в действительной жизни. Ибо причина – не абстракция, и Гамлет не мог бы вести такую тонкую игру с выдающимися дипломатами.

Иван отлично знал, чего хотел. Некоторые видели доказательство безволия в том, как Иван обращался с людьми, служившими ему орудием для проведения в жизнь его планов. Он постоянно ломал эти орудия, не удовлетворяясь ими. Но бросая одни, он искал другие. Это свидетельствует о том, что он сам не способен был воплотить свои идеи. Он был будто бы скорее человеком мысли, чем дела, теоретиком и даже художником. Он понимал все прекрасное и доброе, но был бессилён воплотить отвлеченные представления в действительность. Он любил сильные ощущения и искал художественных эффектов даже в ужасах своих казней... Это – положения Константина Аксакова. Исходя из этого взгляда, нужно признать, что глава государства должен все делать сам. Но этого не достигал и Петр Великий. Не без основания его упрекали в том, что он много внимания уделял мелочам. Преобразователь нуждается в сотрудниках.

У Грозного в распоряжении были или такие ничтожества, как Бельский, или же такие чудовища, как Скуратов. Поэтому он совершал свое дело собственными силами даже тогда, когда в этом не было необходимости.

Как и Петр Великий, он был только продолжателем. Он шел по пути своего деда. В борьбе прошлого с будущим он выступил защитником тех самых нравственных, интеллектуальных, социальных и особенно политических интересов, за какие боролся и тот. Но в эту борьбу он внес кое-какие новые идеи и средства. Иван III действовал молча, одним топором. Иван IV не откладывал в сторону этого топора, но дополнял работу палача экономическими преобразованиями и речами. Можно ли было молчать, когда говорили вокруг? Время молчания наступило после, когда теория деспотической власти одержала победу и покорила всю державу. Чтобы Курбскому ответило хотя бы слабое эхо, нужно было, чтобы в Европе началось новое революционное брожение: тогда в России раздался голос Радищева. В XVI же веке на Руси все рассуждали громко: Иван не мог остаться в стороне и говорил.

Вопреки господствующему мнению, Грозный проявил бóльшую силу как практик, чем как теоретик. Он вышел победителем из борьбы со всеми Курб-

скими и последовательно провел намеченную им политическую программу. Во внешних отношениях он должен был отступить только перед фортуной и талантами Батория. Между тем его идеи, как политические, так и религиозные, оказываются часто смутными и неустойчивыми. Его мыслительные способности большею частью уступают верному инстинкту. Он почти бессознательно стремился опереться на народные массы и сам же отдал крестьян во власть служилых людей. Он был весьма набожен. В 1547 г. через две недели после брака он предпринял паломничество в Троицкий монастырь и шел пешком, несмотря на стужу. Диспуты с Поссевином и Рокитою свидетельствуют о том, что он был глубоко убежден в превосходстве своей веры над другими. Однако он часто позволял шутки, граничащие с кощунством. Порой он проявляет некоторую терпимость, но она лишена, по-видимому, принципиальной основы, она обусловливается случайными настроениями или оппортунизмом. Это испытали на себе протестанты, которым он разрешил построить в Москве две церкви, а потом подверг их возмутительным оскорблениям. При взятии Полоцка в 1563 году пред глазами царя были потоплены в Двине все евреи, жившие в этом городе. В то время было запрещено евреям торговать в Московском государстве. Польские послы жалова-

лись на это. Иван привел в свое оправдание курьезные мотивы. По его словам, евреи склоняют его поданных к отпадению от православной церкви и занимаются темными делами, отравляя ядовитыми травами людей.

Царь, по-видимому, намекал на один странный случай. С 1551 по 1565 г. в Москве жил флорентинский агент Джиованни Тетальди.⁵⁸ Он рассказывает, что в Московское государство была привезена мумия. Из-за нее начался процесс о контрабанде, осложнившейся более тяжелыми обвинениями. Бальзамированные трупы привозились сюда из Африки через Константинополь. Они ценились русскими весьма высоко и представляли предмет обширного обмена наряду с пряностями, которыми торговали евреи. Один польский купец прислал в Россию труп недавно казненного человека. Он набил его ароматическими травами. Мумии ввозились беспошлинно. К евреям предъявили обвинение, что они пытались провезти через границу в этом трупе товары, обложенные высокими пошлинами. Присоединились толки о людях, убиваемых евреями. Толки эти распространились в народной массе. Иван не позаботился выяснить дело. Он остался верен отвращению, какое внушали ему евреи. Эта импульсивная натура по-своему

⁵⁸ Его воспоминания были изданы господином Шмурло в 1891 г. в СПб.

была чувствительна.

Нельзя отрицать, что в *idée fixe* о путешествии в Англию, о которой он мечтал до последних дней своей жизни, проявлялась именно его чувствительность. Эта поездка для Грозного была своего рода романом. Помимо практических соображений, он проявил большую долю мечтательности. В его грезах с одинаковой привлекательностью рисовались и союз против Батория, и брак с Марией Гастингс.

Иван был своеобразен в понимании и истолковывании своей роли. Своей страстностью и стремительной энергией, живой мимикой, широкими жестами и свободной речью некоторым он напоминал удалого казака, богатыря цикла Ильи Муромца. Можно согласиться, что этот цикл завершился на Руси не раньше реформ XVIII века. Еще народ Петра Великого жил в мире эпоса, под гармонические напевы своих сказателей. С Ильей Муромцем Ивана сближает его юмор и бешенная вспыльчивость. Однако психология Ивана уже значительно сложнее. Во внешнем облике обоих этих героев довольно много общего. Их роднит мечтательность, но Иван более реалистичен. Когда умер этот царь, передав свой железный скипетр в слабые руки и унеся с собой в могилу тайну своего могущества, народ в продолжение целого столетия пел и мечтал о нем. Он встряхнул его могучей рукой.

Тем удалым молодцам, которые не хотели все еще пробудиться от своих снов и вернуться к действительности, приходилось особенно тесно, и им не оставалось ничего, как бежать куда-нибудь в Украину.

Воображение было развито у Ивана особенно сильно, чем он резко отличается от Петра Великого, который был одним из самых практических умов. Еще одним отличием Ивана от другого преобразователя было его преувеличенное мнение о своих способностях, хотя оно самым курьезным образом сочеталось с недоверием к самому себе и ко всем окружающим. Если бы спросили Петра, каким талантам он обязан своими успехами, он бы, наверное, ответил подобно современному нам американцу-капиталисту: «Какими талантами? У меня нет никаких талантов. Я работаю до упаду – вот и все». Иван же считал себя обладателем если и не всех, то многих талантов. Он изображал из себя представителя чуждой на Руси расы завоевателя, и в этом своем происхождении он видел свое превосходство над простыми смертными. В душе Петра Великого было уже сильно развито сознание своей русской национальности. У него национальная гордость была даже несколько преувеличена. Петру, конечно, никогда бы не пришло в голову сказать иноземному мастеру: «Смотри, взвешивай хорошенько. Все русские – воры!» У Ивана же подоб-

ные фразы вырывались не раз. При всяком удобном случае он любил говорить о своих «предках немцах». Интересно было бы знать, сохранилось ли в венских архивах что-нибудь похожее на завещание, в котором Иван будто бы передавал все свое наследство Габсбургам, как передает об этом Костомаров.⁵⁹ Я не мог поверить этот факт, но считаю его маловероятным. Однако в самых нелепых баснях часто содержится зерно истины. Когда Вейт Ценге говорил о баварском происхождении Ивана, он лишь повторял слова, слышанные им из уст московского царя, который производил слово *боярин* от *баварец*.⁶⁰ Во всяком случае, подлинное завещание Ивана, как и наилучшее отражение его облика, нужно искать в его делах. К ним я и обращусь, чтобы в заключение выяснить общий характер их и результаты.

V. Итоги царствования

Противники Ивана, а за ними и позднейшие его обвинители, несомненно преувеличивали размеры его казней. По словам Курбского, царь уничтожил целые боярские роды – Колычевых, Заболоцких, Одо-

⁵⁹ Монографии, XIII, 304, прим.

⁶⁰ Карамзин, IX, примечание 166.

евских и Воротынских, но эти имена мы встречаем в документах позднейшего времени. Гораздо бóльшие опустошения в рядах аристократии произвела эмиграция, не уничтожившая однако этого сословия. Иван в этом отношении не придерживался какой-либо определенной, решительной системы. Он даже сам старался обеспечить положение таких знатных родов, как Мстиславские, Глинские и Романовы. Очевидно, он не боялся измены со стороны этих родов, не имевших больших связей и находившихся в родстве с царем. Два первых рода лишь недавно переселились в Москву из Литвы, а третий выдал за Ивана Анастасию Романовну.

Ослабление родовой знати зависело главным образом от экономических причин, тесно связанных с некоторыми государственными мероприятиями. В течение XVI века земельная собственность боярства раздробляется, что было вызвано задолженностью московской знати. В приходо-расходных книгах одного ростовщика того времени, Протопопова, встречается целый ряд громких фамилий, числящихся его должниками. Архивы Кирилло-Белозерского монастыря дают нам возможность уяснить, как совершался этот процесс раздробления собственности. В 1557 г., очевидно, исчерпав свой кредит у разных Протопоповых, князь Ухтомский продает братии это-

го монастыря за 350 р. большое село с принадлежащими к нему 17 поселками. Через три года он уступает им еще четыре поселка за 150 р. Одновременно с этим обитель приобретает у тех же Ухтомских обширное поместье. Наконец в 1575 г. ей достается значительный луговой участок «за обедни». Таким путем все имущество Ухтомских переходит в другие руки.⁶¹

Это обеднение знатных московских фамилий является прямым следствием нового политического режима и тех обязательств, которые он налагал на родовую знать. Всеобщая служебная повинность заставляла боярство жить или при самом дворе или вблизи его. Если служилый человек не находился в войске, то он исполнял какие-нибудь государственные должности. Проживая в своих вотчинах, бояре извлекали из них скудный доход. Теперь же, оставленные ими, те пришли в полное разорение. Затем явилась причина, повлекшая за собой массовую экспроприацию, совершавшуюся правительством на известных общих основаниях. Этим был нанесен сильный удар экономическому благосостоянию и политическому могуществу боярства. В довершение всего Иван начал применять систему круговой поруки среди боярства, благодаря чему последствия эмиграции отразились очень сильно на московской знати. За одного бегле-

⁶¹ Рожков. Сельское хозяйство московской Руси, 1899 г., 396.

ца платили десять, а то и сто других. За исключением Строгановых, мы не можем указать ни одной богатой и знатной фамилии, которая уцелела бы от этого разгрома. Правда, еще и доныне среди богатых русских родов встречаются прямые потомки Рюрика или Гедимины, как, например, Трубецкие, Голицыны, Куракины, Салтыковы, Бутурлины. Но богатство их создано не раньше XVIII века милостями цариц.

От западноевропейской аристократии русская знать отличалась отсутствием феодального духа. В XVI веке она подверглась окончательной демократической нивелировке. Служебная иерархия создавала новые звания и привелегии, облакавшиеся в систему местнических счетов. Но в этом не было ничего общего с корпоративным духом в европейском смысле этого слова. Напротив, этот порядок дробил даже самую семью на отдельные атомы, над которыми укреплял свою власть государственный порядок.

Казалось бы, что народ должен остаться в выигрыше от этого изменения, однако на его долю достались лишь горькие плоды. Новый режим представлял двухэтажное сооружение – вверху служилые люди, внизу крестьяне. Рабство было и тут и там. В этом случае Грозный, впрочем, был только продолжателем и завершал программу, проводившуюся московскими государями уже два века. Самая опричнина была лишь

более широким применением той системы, которой держались предшественники по отношению к вновь приобретенным областям и городам. Опричина была в сущности колонизацией навыворот. Что касается колонизации в обычном смысле, то в XVI веке, как прежде, она была делом частной инициативы, но и для нее Иван открыл новые пути.

На западе его политика потерпела поражение. Но было бы несправедливо возлагать в этом случае всю ответственность на него самого. Через полтора века Петр Великий повторил попытку Ивана. Если бы он вместо безумца, каким был Карл XII, встретил нового Батория, быть может, Полтавская битва имела бы иной исход. Но на востоке Грозный приобрел Казань, Астрахань и Сибирь.

С экономической точки зрения завоевание Казани не дало тех результатов, каких можно было ожидать. Очевидно, татары преувеличивали значение своей торговли, желая, чтобы султан отнял этот город у русских. Английские купцы были разочарованы, познакомившись с Казанью. Но Иван вознаградил себя в другом месте. Предоставляя шведским купцам свободный путь через свои владения, хотя бы для проезда в Индию, он добивался перед их правительством таких же льгот для своих подданных. Его целью было поддержать или завязать новые торговые сноше-

ния с иностранцами от Любека до Испании. Летописи упоминают о путешествии русских купцов в 1561 г. в Антверпен и Лондон. В английских источниках упоминается о присутствии в 1568 г. на берегах Темзы двух приезжих москвичей – Твердикова и Погорелова. К ним относились как к послам. Вероятно, они совмещали в своем лице дипломатов и торговых людей.

Развитие промышленности при Иване было поверхностным. Расширению ее способствовали завоевания на востоке. Приобретение низовий Волги вызвало рост рыбных промыслов. В 1562 г. в Переяславле было 99 предприятий такого рода. Широкие размеры приняло добывание соли после занятия Строгановыми Камского бассейна и открытия соляных копей близ Астрахани.

Финансовая политика Ивана не заслуживает одобрения. Она сводилась к ряду мероприятий чисто хищнического характера. Некоторые указания на этот счет можно найти у Флетчера. По его словам, московское правительство потворствовало агентам местной администрации. Оно давало возможность обогащаться им разного рода поборами, а потом силой заставляло выдать себе награбленную таким образом добычу. Той же системы оно держалось и по отношению к монастырям. Оно широко практиковало систему откупов и монополий некоторых производств и из-

вестных видов торговли, добывая этим путем значительные доходы. Часто оно прибегало ко взысканиям с должностных лиц денежных сумм, предъявляя к нам вымышленные обвинения. Английский дипломат сообщает почти невероятный случай: правительство однажды потребовало от города Москвы целую шапку живых мух.

Налоги также являлись источником эксплуатации. Правительство пользовалось ими самым нерациональным образом. Всякую потребность оно удовлетворяло введением нового налога. Оно не задумывалось над вопросом о соответствии между налоговым бременем и платежными средствами населения. Ему не приходило в голову, что оно рискует зарезать курицу, несущую золотые яйца. К концу царствования Ивана эта курица почти уже совсем перестала нестись.

Завоевание Казани и Астрахани имело значение главным образом для церкви, расширив ее деятельность. Первому казанскому архиепископу Гурию удалось обратить в православие значительное число татар. Однако до самого конца царствования православию приходилось вести борьбу с язычеством, уцелевшим даже во внутренних областях государства, между прочим даже в некоторых частях Новгородской земли. Что касается попыток религиозной реформы,

то Иван скоро отстранился от них и в лучшем случае оказывал только слабую поддержку. Поэтому в этой области не произошло существенных изменений, умственный и моральный уровень духовенства оставался таким же, каким был и прежде.

Впрочем, нельзя не отметить в эпоху царствования Грозного общего умственного подъема. Хотя школы, которые предполагалось устроить после собора 1551 г., так и остались только в проекте и книгопечатание ограничилось примитивными опытами. Автор посланий к Курбскому должен быть признан представителем нового умственного движения, которое покидало монастырские кельи и из душной атмосферы религиозных прений выходило на широкий путь светских интересов. Начало духовной секуляризации явилось одной из самых крупных побед царствования Грозного.

Однако, даже в международных сношениях, Иван не мог или не хотел отрешиться от некоторых традиций варварства, плохо сочетавшихся с требованиями прогресса. Часто московский двор обращался с иноземными послами так, как с военнопленными. Судьба их была обыкновенно довольно печальна. Счастливы они были, если их только продавали или раздавали монастырям в качестве холопов. Случалось, что их просто топили в воде. В 1581 г. Иван приказал

убить по миновании надобности шведских «языков»: так назывались люди, которых захватывали во время войны, чтобы добыть от них необходимые сведения. Пленные поляки или шведы служили обычной единицей обмена при торговых сделках татарских купцов на константинопольском рынке.

Как бы то ни было, при всех своих недостатках и пороках, ошибках и преступлениях Иван пользовался большой популярностью, перед которой оказались бессильны как его неудачи, так и влияния времени. Это обстоятельство нужно отметить как один из крупных результатов его царствования. В московских исторических песнях Грозный занимает почетное место и не характеризуется отрицательными чертами. Напротив, он хотя и строг, но справедлив и даже великодушен. Несомненно, такая высокая оценка зависела отчасти от религиозного отношения подданных Ивана к его власти. Он был для них окружен мистическим ореолом, охранявшим его особу от посягательств критики. Но и независимо от этого народные симпатии на стороне царя. Предается ли он кровавым оргиям над трупами убитых татар или по простому подозрению отдает в руки палача своих бояр – народ на его стороне. Он воспеваает его забавы и казни. Если же он не может выразить ему свои восторги, он почти-тельно потупляет глаза или вымыслом прикрывает то,

что возмущает его нравственное чувство. Он не хочет, чтобы Грозный убил своего сына. Государь был ин, отдав приказание казнить сына, скоро раскаивается и щедро награждает Никиту Романовича, с опасностью для собственной жизни спасшего царевича. Этот царь, по народному изображению, имеет некоторые слабости. Он вспыльчив, и первое его движение не всегда бывает благородным. Под стенами Казани, куда фантазия народного поэта приводит вместе с Иваном Ермака и даже Стеньку Разина, царь заподозрил в измене своих инженеров, медлящих делать подкопы, он угрожает им казнями. Трусливые, как всегда в народной историографии, воеводы прячутся за спинами своих подчиненных. Но один молодой ратник берет на себя отвагу защищать своих товарищей, подкоп взрывается, царь признает свою ошибку и награждает героя. Проникнув во взятый город, Иван милует царицу Елену, которая вышла ему навстречу с хлебом и с солью, он только велит крестить ее насильно и заключить в монастырь. Но он приказал выколоть глаза царю Симеону, проявившему меньше покорности и больше достоинства – народ на стороне победителя и в этом случае.

Здесь вся мораль той эпохи, с которой связано имя Грозного: культ материального величия и грубой силы – идеал народа. За него он мог пожертвовать

всем остальным, создавая иллюзию ценности конечных стремлений и не обращая внимания на размеры жертв для их осуществления. В этих мечтах сливались воедино царь и его народ. Они воплотились в жизнь, когда выступил Петр, чтобы завершить дело, которым открывается история новой России. Смерть Грозного оставила это дело незаконченным. Он разрушал старый порядок, на создание нового у него не хватило времени. Продолжение его дела не было обеспечено. Несчастный соперник Батория и убийца царевича-наследника оставил государству войну с Польшей и великую смуту. Скоро новый напор его западных соперников отдал им в руки даже Москву, открывшую свои ворота перед призраком убитого Дмитрия. Боярская олигархия подняла снова голову, пользуясь шаткостью недостроенного государственного порядка. Это стало предметом истории XVII века. Но и Петру Великому не удалось гарантировать свое наследие от случайностей. После него снова наступил мрак, но на помощь делу явилась Екатерина II. Силы были уже большие. Они материально увеличивались и нравственно укреплялись и обеспечивали будущее России.